МИХАИЛЪ, МИТРОПОЛИТЪ КІЕВСКІЙ XII ВѢКА.

(1131 — 1147 года).

Оставленіе кіевской каеедры митрополитомъ XII вѣка Михаиломъ и дальнѣйшая судьба его остаются доселѣ неразгаданными въ исторіи русской церкви. Никоновская лѣтопись говоритъ, а за ней каталоги русскихъ митрополитовъ повторяютъ, что митрополитъ кіевскій Михаилъ, называемый 2-мъ, удалился изъ Кіева въ Царь-градъ и не хотѣлъ возвращаться въ Россію вслѣдствіе междоусобія нашихъ князей [1]). Митрополитъ кіевскій Евгеній говоритъ опредѣленнѣе, что митрополитъ Михаилъ, старавшійся примирить князей русскихъ, отъ несогласія ихъ оставилъ свой престолъ въ 1145 г. и скончался въ Константинополѣ въ 1147 г. [2]), но не указываетъ источника, откуда взяты эти свѣдѣнія. Преосвященный Филаретъ черниговскій, полагая также, что митрополитъ Михаилъ удалился въ Грецію въ 1145 г. вслѣдствіе междоусобія князей, добавляетъ, что въ Руси ждали его возвращенія или смерти [3]). Митрополитъ московскій Макарій Булгаковъ, раздѣляя общее мнѣніе нашихъ историковъ объ удаленіи митрополита Михаила въ Константинополь въ 1145 г. и о смерти его тамъ, считаетъ однако не излишнимъ замѣтить, что о кончинѣ митрополита Михаила въ Греціи гово-

[1]) Никон. Лѣт. кн. 2., стр. 152.

[2]) Опис. Кіево-Соф. собора. Стр. 71.

[3]) Исторія рус. церкви, Филарета, періодъ 1, стр. 169.

ритъ только каталогъ Новгородс. Соф. библіотеки, но ни одна изъ древнихъ лѣтописей не говоритъ о семъ, и посему въ примѣчаніи высказываетъ сомнѣніе объ удаленіи его въ Грецію [1]). Древнія наши лѣтописи дѣйствительно не говорятъ ни объ оставленіи митрополитомъ Михаиломъ своей каѳедры, ни объ удаленіи его въ Царь-градъ [2]). Изъ кіевской лѣтописи извѣстно только, что онъ оставилъ „рукописаніе“, которымъ воспрещалось епископамъ служить безъ митрополита въ каѳедральной церкви св. Софіи [3]) и что на это рукописаніе ссылались въ 1147 г. на кіевскомъ соборѣ епископы, какъ на препятствіе поставить въ преемники его на кіевскую каѳедру избраннаго Изяславомъ Мстиславичемъ Климента Смолятича, игумена Зарубскаго монастыря. Чтобы сколько нибудь уяснить конецъ жизни и святительскаго служенія сего іерарха русской церкви, приведемъ кратко лѣтописныя свѣдѣнія о немъ и о событіяхъ, современныхъ его служенію у насъ.

Митрополитъ Михаилъ, по всей вѣроятности грекъ, прибылъ въ Кіевъ лѣтомъ 1131 года [4]) и состоялъ на митрополичьей каѳедрѣ кіевской около 15 лѣтъ, при великихъ князьяхъ кіевскихъ—Мстиславѣ Владиміровичѣ, братѣ его Ярополкѣ и зятѣ Мстислава Всеволодѣ Ольговичѣ.

Первымъ дѣломъ м. Михаила у насъ было освященіе въ Кіевѣ церкви св. Андрея въ Янчинѣ монастырѣ, устроенномъ дочерью великаго князя Всеволода Ярославича Анною или Янкою. Въ слѣдующемъ 1132 году заложена при немъ каменная церковь Богородицы въ Кіевѣ, называемая „Пирогощею“. Въ

---

[1]) Исторія рус. церкви, м. Макарія. Т. III, стр. 9; Т. II, стр. 20, прим. 16.

[2]) Въ Лаврентьевской (Суздальской) лѣтописи подъ 1145 годомъ сказано: „И митрополитъ Михаилъ Цесарю городу“, къ чему издатели лѣтописи добавили слово „иде“; но съ равнымъ правомъ можно вставить здѣсь и слово „ходи“, такъ какъ митрополитъ могъ возвратиться въ Кіевъ въ томъ же 1145 или въ 1146 году, во всякомъ случаѣ до смерти Всеволода Ольговича, послѣдовавшей 1-го августа послѣдняго года. Притомъ нужно замѣтить, что авторъ Лаврентьевской лѣтописи вообще мало знакомъ съ событіями княженія Всеволода Ольговича, вѣроятно по отдаленности отъ мѣста событій.

[3]) Лѣтоп. по Ипат. списку, стр. 241.

[4]) Лѣтоп. по Ипат. списку, стр. 212.

1133 году митрополиту Михаилу пришлось похоронить вел. князя Мстислава I-го и благословить на кіевское княженіе брата его Ярополка Владиміровича, по словамъ лѣтописи, „кроткаго, смиреннаго, милостиваго и имѣющаго въ душѣ своей страхъ Божій". Семь лѣтъ спустя сколчался Ярополкъ, и митрополитъ Михаилъ въ 1140 г. встрѣчалъ въ св. Софіи, съ честію и славою многою, новаго вел. князя Всеволода Ольговича. Онъ же, вѣроятно, освящалъ и построенныя Всеволодомъ Ольговичемъ, донынѣ существующія церкви, Кирилловскую въ Кіевѣ и Георгіевскую въ Каневѣ. Изъ церковныхъ событій въ управленіе митрополита Михаила русскою церковью нужно отмѣтить учрежденіе имъ новой епархіи въ Смоленскѣ, гдѣ до этого времени не было епископской каѳедры, и поставленіе епископовъ: въ 1137 г. Мануила въ Смоленскъ[1]), въ 1141 г. Ефимія въ Переяславль, въ 1143 г. Онуфрія въ Черниговъ и Космы въ Полоцкъ и въ 1144 Іоакима въ Туровъ.

Благоустрояя русскую церковь, митрополитъ Михаилъ принималъ живое участіе и въ государственныхъ дѣлахъ своего времени. Такъ, находясь въ 1134 году по дѣламъ церкви въ Новгородѣ, онъ старался отклонить Мстиславичей—новгородскаго князя Всеволода-Гавріила и брата его Изяслава отъ похода на ихъ дядю, суздальскаго князя Юрія Долгорукаго, отнявшаго у нихъ Переяславль при кроткомъ в. князѣ Ярополкѣ. Но воинственная партія превозмогла, и митрополитъ Михаилъ, за противодѣйствіе ей своими увѣщаніями, посаженъ подъ стражу. Вскорѣ открылся походъ; но когда новгородцы потерпѣли отъ суздальцевъ сильное пораженіе на Ждановой горѣ, митрополитъ былъ освобожденъ изъ своего заключенія и отпущенъ въ Кіевъ съ честію[2]). Вѣроятно, въ это же время послѣдовало сближеніе его съ новгородскимъ епископомъ Нифон-

---

[1]) Мануилъ „пѣвецъ гораздый", одинъ изъ 3-хъ греческихъ пѣвцовъ, прибывшихъ къ намъ съ митрополитомъ Михаиломъ, при вел. князѣ Мстиславѣ, отъ которыхъ началось у насъ ангело-подобное пѣніе. Ипат. лѣтоп. стр. 215.

[2]) Исторія Россіи—Иловайскаго. Періодъ I, стр. 203.—Лѣтописецъ новгородскій, стр. 17.

томъ, смѣло отстаивавшимъ впослѣдствіи его рукописаніе на кіевскомъ соборѣ.

Болѣе трудная задача предстояла митрополиту Михаилу спустя два года, по возвращеніи въ Кіевъ. Въ 1136 г. готова была вознкнуть война между сыновьями Владиміра Мономаха—Ярополкомъ, Вячеславомъ, Юріемъ и Андреемъ съ одной стороны и между Ольговичами—Всеволодомъ, Игоремъ и Святославомъ съ другой стороны. Яблокомъ раздора были города: Переяславль и Владиміръ волынскій, на владѣніе которыми одновременно предъявили притязаніе Мономаховичи и ихъ племянники Мстиславичи, поддержанные зятемъ своимъ, черниговскимъ княземъ Всеволодомъ Ольговичемъ и его братьями. Но „честный митрополитъ Михаилъ", какъ говорится въ лѣтописи, прошелъ съ крестомъ между рядами готовыхъ вступить въ битву и не допустилъ до кровопролитія, а вел. князь Ярополкъ въ тоже время отдалъ Ольговичамъ владѣніе ихъ отца [1]).

Такимъ же ангеломъ-примирителемъ явился митрополитъ Михаилъ и въ 1140 году, по смерти в. князя Ярополка, когда подступили къ Кіеву съ военною ратью Всеволодъ и Святославъ Ольговичи, чтобы изгнать изъ Кіева Вячеслава Владиміровича, по праву своего старѣйшинства занявшаго кіевскій престолъ своего брата, на кототорый желалъ взойти теперь Всеволодъ, женатый на дочери Мстислава I-го. Уже войска Всеволода ворвались въ Подолье и стали зажигать дворы въ Копыревомъ концѣ, на которомъ стояла церковь св. Симеона; но предъ ратью явился митрополитъ Михаилъ, и отъ имени Вячеслава объявилъ Всеволоду, что Вячеславъ, не желая кровопролитія, уступаетъ ему Кіевъ. Самое отреченіе Вячеслава Владиміровича отъ законныхъ своихъ правъ на кіевскій престолъ, безъ сомнѣнія, было слѣдствіемъ архипастырскихъ увѣщаній митрополита, проявившаго уже не разъ заботу о примиреніи враждующихъ [2]).

За исключеніемъ этихъ двухъ случаевъ, окончившихся совершеннымъ примиреніемъ сторонъ, въ правленіе митрополита

[1]) Ипат. Лѣтоп. стр. 215.

[2]) Ibid., 217.

Михаила русскою церковью, до самой смерти Всеволода Ольговича въ августѣ 1146 г., не было между русскими князьями особенныхъ междоусобій, а слѣдовательно не было и такихъ причинъ, которыя заставляли бы митрополита Михаила оставить свою первосвятительскую каѳедру, на которой онъ пользовался такимъ уваженіемъ, что его слова останавливали готовыхъ вступить въ кровопролитный бой. Правда, внутренняя политика Всеволода Ольговича вызывала неоднократно недовольство противъ него то его родныхъ и двоюродныхъ братьевъ, то Мономаховичей, но до кровопролитія между ними не доходило. Попытка Всеволода Ольговича отнять въ 1140 г. Владиміръ волынскій у Изяслава Мстиславича, а у Андрея Владиміровича Переяславль окончилась миромъ. Также примиреніемъ князей, при посредствѣ препод. Николы Святоши, закончился походъ Ольговичей противъ Вячеслава Владиміровича, за котораго вступились Мстиславичи. Походъ этотъ, хотя сопровождался отбитіемъ Ольговичей отъ Переяслава и разграбленіемъ ихъ волостей по Сожу и Деснѣ Мстиславичами, не имѣлъ однако никакого вліянія на Кіевъ. Двукратнаго похода Всеволода Ольговича въ 1144 и 1146 г. въ далекій отъ Кіева Галичъ противъ непокорнаго ему Владимірка мы также не относимъ къ междоусобіямъ, которыя могли бы сильно обезпокоить кіевскмго митрополита. Еще менѣе было у него другихъ побужденій удаляться изъ Кіева именно въ Грецію, въ которой тогда происходили дѣйствительныя нестроенія на патріаршемъ престолѣ, такъ какъ бывшій въ 1145 году патріархомъ Михаилъ Окситъ, въ слѣдующемъ 1146 г. замѣненъ Космою Аттикомъ, а сей въ февралѣ 1147 г. низложенъ за покровительство богомильской ереси и затѣмъ патріаршая каѳедра въ теченіе 10 мѣсяцевъ оставалась праздною[1]). Нужно признать при этомъ вѣрнымъ и замѣчаніе ученаго изслѣдователя рус. исторіи, профессора Е. Голубинскаго, который говоритъ: „междоусобія князей въ до-монгольскій періодъ были у насъ такъ обычны, что если бы митрополиты хотѣли оставлять изъ за нихъ престолъ,

[1]) Татищ. II, 301; Евг. опис. Соф. собора — 76.

то ни одинъ изъ нихъ не оставался бы до смерти“ [1]). А что удаляться въ Грецію не особенно желательно было для нашихъ митрополитовъ, показываетъ примѣръ одного изъ ближайшихъ преемниковъ митрополита Михаила, митрополита Константина, который, будучи по обстоятельствамъ отставленъ отъ кіевской митрополичьей каѳедры, не пошелъ обратно въ Грецію, а предпочелъ поселиться въ Черниговѣ, у тамошняго епископа—грека Антонія. Лѣтописи, какъ замѣчено выше, и не говорятъ объ удаленіи митрополита Михаила въ Грецію, а мнѣніе о семъ есть не болѣе какъ догадка историковъ нашихъ, желавшихъ чѣмъ нибудь объяснить двухгодичное молчаніе лѣтописей о митрополитѣ Михаилѣ съ 1145 г. до собора о избраніи ему преемника въ 1147 году [2]). Основаніемъ для таковой догадки послужило оставленное имъ „рукописаніе“, которымъ воспрещалось епископамъ служить въ св. Софіи кіевской безъ митрополита, такъ какъ издавать подобное рукописаніе могъ только митрополитъ, оставляющій свою каѳедру. „О митрополитѣ въ лѣтописяхъ не упоминается въ теченіе 2—лѣтъ; значитъ онъ уѣхалъ далеко и всего естественнѣе туда, откуда прибылъ, въ Грецію“. „Рукописаніе его содержитъ въ себѣ нѣкотораго рода индердиктъ на митрополичій храмъ, въ которомъ совершаются нарочитыя церковныя торжества и хиротоніи епископовъ; слѣдовательно поводомъ къ изданію его было недовольство митрополита кіевскимъ княземъ или современнымъ состояніемъ кіевскаго княженія вообще“. Такъ или почти такъ разсуждали наши историки. Но съ заключеніями этими нельзя согласиться. Изъ содержанія митрополичьяго рукописанія слѣдуетъ только то, что митрополитъ Михаилъ дѣйствительно оставилъ свою каѳедру и оставилъ невольно, уступая труднымъ объстоятельствамъ, дѣлавшимъ дальнѣйшее управленіе паствою невозможнымъ, или покоряясь насилію; но нисколько не слѣдуетъ, чтобы онъ въ тоже время удалился изъ Россіи въ Грецію. Въ

---

[1]) Исторія рус. церкви, т. I., періодъ I, стр. 261.

[2]) Умолчаніе въ Лѣтописяхъ о томъ или другомъ метрополитѣ въ теченіе 2-хъ, 3-хъ лѣтъ ничего особеннаго не представляетъ.

томъ-же 12 вѣкѣ владимірскій епископъ-грекъ Ѳеодоръ, по неудовольствію къ суздальскому князю Андрею Боголюбскому, въ 1172 году наложилъ запрещеніе не только на каѳедральную владимірскую церковь, но и на всѣ церкви въ г. Владимірѣ, а также по многимъ городамъ и селамъ, но нисколько не думалъ бѣжать въ Грецію, даже оставался въ своемъ епископскомъ городѣ, и только по требованію митрополита, вслѣдствіе жалобы князя и народа, долженъ былъ слѣдовать на судъ въ Кіевъ [1]).

Что же могло побудить митрополита Михаила издать свое запретительное рукописаніе и оставить митрополичью каѳедру? Для разрѣшенія сего вопроса обратимся къ обстоятельствамъ, предшествовавшимъ смерти великаго князя кіевскаго Всеволода Ольговича. Вступивъ на кіевское княженіе вопреки постановленію любечскаго съѣзда князей, Всеволодъ Ольговичъ, не смотря на это и на шаткость своихъ отношеній къ роднымъ и двоюроднымъ братьямъ своимъ, имѣлъ въ виду устранить Мономаховичей отъ кіевскаго престола и передать его послѣ своей смерти роднымъ своимъ братьямъ Ольговичамъ. Преемникомъ себѣ онъ избралъ своего брата Игоря Ольговича и счелъ нужнымъ объявить объ этомъ, еще за годъ до своей смерти, призвавъ къ себѣ въ 1145 году родныхъ братьевъ Игоря и Святослава, двоюродныхъ Владиміра и Изяслава Давидовичей и шурина своего Изяслава Мстиславича, а для большей вѣрности въ исполненіи этого своего завѣщанія, предложилъ имъ цѣловать крестъ. О митрополитѣ при этомъ не упоминается; но нельзя думать, чтобы такое важное дѣло, какъ назначеніе преемника великому князю и присяга этому преемнику произошли безъ вѣдома и благословенія митрополита, помогшаго самому Всеволоду занять кіевскій престолъ. Братья—Ольговичи и Давидовичи охотно цѣловали крестъ, но Изяславъ Мстиславичъ исполнилъ это только послѣ внутренней борьбы съ собою въ виду нарушенія правъ

---

[1]) Лѣтописецъ говоритъ: „церкви вси Володимири затвори и ключи церковныя взя, и небѣ звоненія, ни пѣнія по всему граду". Лѣтопись по Ипат. списку, стр. 377.

его рода. Въ слѣдующемъ 1146 году Всеволодъ, по возвращеніи изъ похода въ Галицію, чувствуя приближеніе смерти, призвалъ къ себѣ кіевлянъ (старѣйшинъ) и взялъ съ нихъ слово въ признаніи ими своего ставленника, а самому Игорю поручилъ цѣлованіемъ креста привести всѣхъ кіевлянъ на вѣрность ему, какъ великому князю. Присяга, данная Игорю кіевлянами подъ Угорскимъ, повторена ими въ самомъ Кіевѣ на Ярославовомъ дворѣ—2 августа, на другой день по смерти Всеволода Ольговича. Нельзя также думать, чтобы и присяга народа новому князю состоялась безъ участія митрополита (непосредственнаго) или безъ его благословенія на приводъ къ присягѣ чрезъ духовенство. Участіе это тѣмъ возможнѣе, что Всеволодъ Ольговичъ въ свое княженіе показалъ большое усердіе къ устроенію храмовъ Божіихъ. Для успокоенія народнаго надлежало еще Святославу Ольговичу цѣловать крестъ въ томъ, что его братъ, новый князь, не дастъ народа въ прежнюю обиду. Непосредственно за симъ самъ Игорь Ольговичъ долженъ былъ цѣловать крестъ предъ лучшими людьми въ исполненіе обѣщанія, даннаго за него его братомъ. Повидимому, все было сдѣлано для взаимнаго успокоенія и для упроченія рода Ольговичей на престолѣ Мономаховичей. Но уже разграбленіе кіевскою чернью домовъ кіевскихъ мечниковъ вслѣдъ за присягой Игоря достаточно показывало непрочность установляемаго Всеволодомъ престолонаслѣдія. Событія не замедлили подтвердить это. На посланный Изяславу Мстиславичу Ольговичами запросъ о вѣрности его присягѣ, данной Игорю Ольговичу въ 1145 г., онъ не далъ отвѣта и даже не отпустилъ посла; заручась же заявленіями кіевлянъ о желаніи имѣть его самого своимъ княземъ и встрѣтивъ тѣже желанія со стороны черныхъ клобуковъ и жителей Поросья, Василева и Бѣлгорода, Изяславъ Мстиславичъ, съ благословенія переяславскаго епископа Ефимія, двинулся съ ратью изъ Переяслава къ Кіеву, перейдя Днѣпръ у Переяслава. Для отраженія его Игорь и Святославъ Ольговичи съ сыномъ Всеволода Святославомъ выставили свои полки впереди валовъ Кіева. Но вслѣдствіе перехода кіевлянъ на сторону Изяслава Мстиславича потерпѣли, 13 августа, полное пораженіе

на Дорожичахъ (что нынѣ Лукьяновка): полки ихъ обратились въ бѣгство, Святославъ Ольговичъ бѣжалъ за Днѣпръ, на устье Десны, Святослава Всеволодовича схватили въ Ирининскомъ монастырѣ, въ которомъ онъ хотѣлъ укрыться; Игорь Ольговичъ, спасаясь бѣгствомъ, увязъ съ конемъ въ Дорожичскомъ болотѣ (на Сырцѣ), гдѣ его нашли уже на 4-й день послѣ битвы; прочихъ бѣжавшихъ преслѣдовали по всѣмъ путямъ къ Вышгороду, до Днѣпра и до кіевскаго перевозу; дома Игоревой и Святославовой дружины въ Кіевѣ разграблены. Возблагодаривъ Бога за пораженіе противниковъ своего рода, Изяславъ Мстиславичъ вступилъ въ Кіевъ съ великою честію и славою. На встрѣчу ему вышли со множествомъ народа игумены съ монахами и священники всего города въ ризахъ. Новый великій князь пріѣхалъ къ св. Софіи, поклонился Спасу и св. Богородицѣ и сѣлъ на столѣ отца своего и дѣда своего. Приведеннаго къ нему Святослава Всеволодовича Изяславъ Мстиславичъ простилъ, сказавъ: „ты сынъ моей сестры“, и оставилъ ѣздить при себѣ, но Игоря Ольговича отослалъ въ Выдубицкій монастырь, тамъ заковалъ въ оковы и отправилъ въ Переяславль, гдѣ его посадили въ порубъ въ монастырѣ св. Іоанна.

О митрополитѣ Михаилѣ при этомъ государственномъ переворотѣ вовсе не упоминается: „не сталъ онъ съ крестомъ между воюющими, чтобы отклонить кровопролитіе, не вышелъ во главѣ духовенства на встрѣчу великому князю, не удержалъ народъ отъ послѣдовавшаго затѣмъ грабежа“. Что съ нимъ сталось въ это время,—лѣтописи умалчиваютъ. Но не говорятъ онѣ и о смерти его предъ тѣмъ, хотя въ нихъ тщательно отмѣчены годы кончины епископовъ ближайшихъ къ сему времени: Андрея Переяславскаго (1117 г.), Даніила Юрьевскаго и Амфилохія Владимірскаго (1122 г.), Сильвестра Переяславскаго и Ѳеоктиста Черниговскаго (1123 г.), Марка Поросскаго (1134 г.) и Пантелеимона Черниговскаго (1142 г.). Не имѣя причинъ считать митрополита Михаила умершимъ раньше смерти Всеволода Ольговича, нужно признать, что положеніе его въ 1146 году было весьма затруднительно. Нельзя было ему протестовать противъ распоряженія великаго князя о престоло-

наслѣдіи, которое было утверждено присягой князей, дружины и народа и которое уже было санкцировано вступленіемъ Всеволода Ольговича на кіевскій престолъ мимо Мономаховичей, но не могъ онъ и спѣшить на встрѣчу побѣдителю Ольговичей, когда ему было извѣстно, что самъ Изяславъ Мстиславичъ, за годъ предъ тѣмъ, цѣлованіемъ креста призналъ Игоря Ольговича преемникомъ Всеволода на кіевскомъ княженіи. Тяжело было ему видѣть битву родственныхъ князей, но еще тяжелѣй было слышать, какъ жестоко поступлено съ братомъ великаго князя, на вѣрность которому такъ недавно присягали князья и кіевскіе граждане. Соображая эти обстоятельства, нельзя не прійти къ убѣжденію, что митрополиту Михаилу, при вступленіи Изяслава въ Кіевъ, оставалось только скрыться въ какое нибудь уединеніе, пока утихнутъ страсти враждующихъ и установится твердая верховная власть. Но могло случиться и то, что по всей вѣроятности и случилось, что новый, воинственный князь, не видя митрополита во главѣ духовенства при своемъ торжественномъ вступленіи въ Кіевъ и считая его сторонникомъ Ольговичей, поступилъ съ нимъ такъ, какъ впослѣдствіи поступилъ съ защитникомъ его рукописанія Новгородскимъ епископомъ Нифонтомъ [1]), другомъ Святослава Ольговича, т. е., что Изяславъ Мстиславичъ, удаливъ м. Михаила съ митрополичьей каѳедры, заточилъ его также въ Печерскій монастырь, въ которомъ сей святитель, при старости лѣтъ, отъ скорби и болѣзни, вскорѣ окончилъ свою жизнь, въ особенности, если его заточеніе было сколько нибудь подобно заключенію Игоря Ольговича въ Переяславскомъ монастырѣ, гдѣ вынули его потомъ едва живымъ изъ поруба для постриженія въ монашество. Въ 14 вѣкѣ Владиміръ Ольгердовичъ подобнымъ образомъ по-

[1]) Нифонтъ Новгородскій не только возражалъ на кіевскомъ соборѣ 1147 г. противъ поставленія Климента Смолятича въ преемники митрополиту Михаилу, ссылаясь на его „рукописаніе“, но и послѣ поставленія Климента не хотѣлъ признавать его митрополитомъ и поминать его имя при богослуженіи въ Новгородской епархіи. Узнавъ объ этомъ, Изяславъ Мстиславичъ вытребовалъ Нифонта въ 1149 г. въ Кіевъ и заключилъ въ Печерскій монастырь, въ которомъ онъ оставался и въ 1150 году до вступленія въ Кіевъ Суздальскаго князя Юрія Долгорукаго. Лѣтоп. Новгор. I. стр. 10.

ступилъ съ митрополитомъ Діонисіемъ, совмѣстникомъ кіевскаго митрополита Кипріана, заточивъ его въ Печерскій монастырь, гдѣ онъ и умеръ. Что удаленіе митрополита Михаила съ каѳедры было насильственное, это подтверждается и его рукописаніемъ, которымъ воспрещалось служить въ св. Софіи безъ митрополита. Рукописаніе это не могло бы имѣть мѣста, еслибы удаленіе было добровольнымъ. Постигшее митрополита Михаила заточеніе было для него лишь повтореніемъ того, какъ поступлено съ нимъ, за его миротворную попытку въ Новгородѣ, при томъ же князѣ Изяславѣ Мстиславичѣ [1]). Смерть м. Михаила нужно полагать не позже 1147 года, такъ какъ въ этомъ году послѣдовало избраніе ему преемника. Она и дѣйствительно послѣдовала въ это время, какъ значится въ выпискѣ изъ одной лѣтописи въ сводѣ лѣтописей, извѣстномъ подъ именемъ исторіи Россійскаго государства—Татищева; здѣсь говорится: „Тогоже (1147) году умре въ Кіевѣ митрополитъ Михаилъ [2])". Татищевъ приводитъ и рѣчь великаго князя Изяслава Мстиславича къ избирателямъ новаго митрополита на мѣсто умершаго, въ которой, вмѣстѣ съ извѣстіемъ о его кончинѣ, упоминается и о тогдашнемъ состояніи дѣлъ Константинопольской патріархіи. Князь говорилъ на соборѣ: „Нынѣ митрополитъ русскій умре, и церковь русская осталась безъ пастыря. Въ Царьградъ же послать къ патріарху *для учинившагося тамъ смятенія и многихъ междоусобій* не можно... Того ради изберите себѣ достойнаго и посвятите на митрополію русскую" [3]). При молчаніи

---

[1]) Святославъ Ольговичъ былъ также новгородскимъ княземъ при епископѣ Нифонтѣ въ 1138—1139 г., и въ Лѣтописи замѣчено: „Любовь имяше (Нифонтъ) съ Святославомъ Ольговичемъ" (Ипат. лѣтоп. стр. 332-я).

[2]) Исторія Росс. Татищева. Книга II, стр. 301—302.

[3]) На свидѣтельство лѣтописи, приводимое у Татищева о смерти митрополита Михаила, тѣмъ болѣе можно положиться, что историкъ нашъ С. Соловьевъ даетъ такой отзывъ объ исторіи Россійской Татищева: „Татищевъ, говоритъ онъ, собралъ матеріалы и оставилъ ихъ неприкосновенными: не исказилъ ихъ крайнимъ своимъ разумѣніемъ, но предложилъ это крайнее свое разумѣніе въ примѣчаніяхъ, не тронувъ текста". (Архивъ Историко-Юридич. свѣдѣній, кн. 2-й половина 1-я, отдѣленіе III-е, стр. 20 и 21).—Знаніе состоянія церковныхъ дѣлъ въ Царьградѣ показываетъ, что запись о смерти митрополита Михаила принадлежитъ современнику.

нашихъ древнихъ лѣтописей объ удаленіи митрополита Михаила въ Грецію, мы признаемъ несомнѣннымъ лѣтописное свидѣтельство о смерти его въ Кіевѣ, приведенное въ Исторіи Татищева [1]).

Гдѣ погребенъ митрополитъ Михаилъ? Всѣ митрополиты 1-го періода погребались въ Кіевской Софіи. Но для погребенія опальнаго и удаленнаго въ заточеніе митрополита, конечно, не могло быть мѣста въ Кіевской Софіи, на которую, притомъ, наложенъ имъ интердиктъ. Еще менѣе возможно было погребеніе его въ Десятинной церкви, которую, по ея положенію среди княжескихъ дворцовъ, нужно считать придворною великихъ князей, почему она и вручена св. Владиміромъ не митрополиту, а протопопу Анастасу Корсунянину. Но не могло быть особеннаго препятствія къ тому, чтобы мощи святителя-страдальца, возсѣдавшаго 15 лѣтъ на митрополичьей каѳедрѣ кіевской, были положены въ почетной усыпальницѣ монашествующихъ древняго времени—въ одной изъ пещеръ монастыря преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія, въ которомъ онъ, по всей вѣроятности, и скончался, гдѣ покоились уже мощами своими епископы: Ефремъ Переяславскій, Симонъ Суздальскій, названный въ Тератургимѣ митрополитомъ, и Меркурій Смоленскій и гдѣ, недолго спустя

---

[1]) Въ Oriens Christianus Ле-Кіена (стр. 1264) говорится, что митрополитъ Михаилъ 2-й присутствовалъ на соборѣ Константинопольскомъ, бывшемъ въ 1156 г. Но изъ нашихъ лѣтописей извѣстно, что въ 1156 г. поставленъ въ Константинополѣ въ митрополиты кіевскіе Константинъ 1-й на мѣсто удаленнаго съ каѳедры митрополита Климента и что его прибытія въ этомъ году въ Кіевъ ждалъ епископъ Новгородскій Нифонтъ и не дождался, скончавшись 17 апрѣля въ Печерскомъ монастырѣ. Сей то митрополитъ Константинъ, а не Михаилъ, участвовалъ въ 1156 г. на Константинопольскомъ соборѣ противъ еретика Сотериха и по сему, вѣроятно, случаю запоздалъ своимъ прибытіемъ въ Кіевъ. Присутствіе его на семъ Константинопольскомъ соборѣ подтверждается и актами сего собора (Дѣянія собора у Тафеля: Supplem. Historiae. Graecae, secul. XI—XII, Tubing. 1832; Исторія русской Церкви—митрополита Макарія, Т. III. примѣч. 20, на стр. 18). При томъ нужно замѣтить, что въ каталогѣ Ле-Кіена хронологія русскихъ митрополитовъ идетъ въ разрѣзъ съ хронологіей ихъ въ нашихъ лѣтописяхъ. Такъ напримѣръ, у него говорится, что митрополитъ Михаилъ 2-й былъ на Кіевской каѳедрѣ съ 1142 по 1161 г., митрополитъ Климентъ съ 1156 по 1174 г., а митрополитъ Ѳеодоръ съ 1182 по 1186 г., что совершенно невѣрно.

послѣ сего, дано мѣсто и мощамъ Нифонта Новгородскаго. Митрополитъ Михаилъ могъ быть положенъ здѣсь и непосредственно, послѣ своей смерти; могли быть и перенесены сюда его мощи спустя три года по кончинѣ его, именно въ 1150 году, такъ какъ въ это время Юрій Долгорукій, изгнавши Изяслава Мстиславича изъ Кіева, освободилъ новгородскаго епископа Нифонта изъ заключенія въ Печерскомъ монастырѣ [1]) и дозволилъ союзнику своему, Святославу Ольговичу, взять изъ кіевской церкви св. Симеона мощи князя—инока Игоря Ольговича, неповинно убитаго кіевлянами, сторонниками Изяслава Мстиславича, и съ причисленіемъ къ святымъ положить въ черниговскомъ Спасскомъ соборѣ „въ теремѣ“ [2]), т. е. подъ балдахиномъ, для открытаго ихъ чествованія. Вѣроятно, тогда же, вступивши на великокняжескій престолъ, Юрій Владиміровичъ, сынъ Мономаха, почтилъ и страстотерпца—митрополита Михаила дозволеніемъ положить мощи его въ Антоніевой пещерѣ Печерскаго монастыря, если онѣ не были положены здѣсь непосредственно по его кончинѣ въ затворѣ сего монастыря [3]). Въ томъ же 1150 году смоленскій епископъ Мануилъ въ окружной грамотѣ своей называетъ уже митрополита Михаила, учредителя

---

[1]) Новгород. Лѣтоп., стр. 11.

[2]) Ипат. Лѣтопись, стр. 202.

[3]) Въ русскихъ лѣтописяхъ, по замѣчанію митрополита Евгенія, упоминается о погребеніи въ Антоніевой пещерѣ и заточеннаго въ Печерскій монастырь и скончавшагося въ немъ 15 октября 1385 года, митрополита (московскаго) Діонисія, коего мощи нетлѣнны (Описаніе кіевопеч. Лавры м. Евгенія, стр. 90; Исторія русс. церкви—м. Макарія, т. IV, стр. 74).—Въ томъ же описаніи кіевопеч. Лавры, на стр. 80, митрополитъ Евгеній говоритъ: „по перенесеніи Печерскаго монастыря на нынѣшнее его мѣсто, въ прежнемъ оставлено лишь нѣсколько братіи для поминовенія и погребенія усопшихъ, коихъ изъ монастырскихъ полагали въ пещерахъ, вырывая могилы по бокамъ улицъ, а для мірянъ было открытое кладбище на горѣ. Другая пещера—Антоніева также обращена въ кладбище и въ жилище нѣкоторыхъ затворниковъ“. Кальнофойскій въ своей „Терратургикѣ“ пишетъ, что „много еще мощей осталось сокрытыхъ (въ пещерахъ) и что трудно нынѣ опредѣлить, сколь далеко простираются пещеры, такъ какъ онѣ обвалились за 60 лѣтъ до его времени (т. е. до 1638 г.), а, по словамъ митрополита Евгенія, и теперь есть склепы и келіи закрытые.— Впослѣдствіи ниши пещеръ, въ которыхъ оказались нетлѣнныя тѣла, оставлены открытыми.

смоленской епархіи, *святымъ*[1]). А по свидѣтельству Палинодіи онъ былъ не только святой, но и чудотворецъ, и за исцѣленіе дочери ногайскаго царика получалъ отъ него ежегодную дань. О дани этой говорится также въ книгѣ Льва Кревзы: „Оборона уніи“ и въ Печерс. Патерикѣ митр. Сильвестра Коссова[2]). Остается за симъ разрѣшить вопросъ: существуютъ ли въ настоящее время и гдѣ находятся мощи Михаила, кіевскаго митрополита 12 вѣка?

П. Л.

[1]) Дополненіе къ истор. Актамъ. Т. I, № 4: грамота смоленск. епископа Мануила.

[2]) Русс. Истор. библіотека. Т. IV. Палинодія, стр. 1013. Тамъ же, „Оборона уніи“, стр. 228—229.—Патерикомъ Коссова, въ каталогѣ митрополитовъ.

ТРЕВОЖНЫЕ ГОДЫ.

Очерки изъ общественной и политической жизни г. Кіева и юго-западнаго края въ 1811—1812 гг.[1])

(ОКОНЧАНІЕ).

Пока хлѣбные ревизоры успѣли разъѣхаться по своимъ мѣстамъ и приступили къ замаскированнымъ наблюденіямъ, для кіевскаго губернатора представился весьма удобный случай самому наблюсти „образъ мыслей“ подвѣдомаго ему дворянства и лично убѣдиться въ томъ, каково именно его „расположеніе къ Россіи“. Въ началѣ іюля послѣдовалъ извѣстный манифестъ съ призывомъ всѣхъ и каждаго „съ крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ“ ополчиться на защиту отечества. Извѣстно, съ какимъ энтуазіазмомъ откликнулась на этотъ призывъ Россія, выставившая добровольно 320,000 ратниковъ и пожертвовавшая болѣе ста милліоновъ на дѣло ополченія. Какъ отнеслось къ этому дѣлу населеніе кіевской губерніи—лучше всего видно изъ слѣдующаго донесенія графа Санти министру полиціи:

„Получивъ высочайшій манифестъ, приглашающій всѣ состоянія къ ополченію для защиты отечества нашего, я созвалъ дворянство въ губернскій городъ на 26-е число іюля, а прочимъ состояніямъ предложилъ сдѣлать ихъ положеніе по городамъ и обществамъ.

„Извѣстно, что помѣщики въ здѣшней губерніи состоятъ изъ двухъ націй: россійской и польской; по сихъ послѣднихъ

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1892 г., № 11.

въ пять разъ болѣе, нежели первыхъ. По прочтеніи манифеста и предложенія моего о предметѣ, для коего дворянство созвано, два маршала россійскаго дворянства, въ повѣтахъ черкасскомъ и чигиринскомъ состоящаго [1]), съ перваго слова объявили, что они полагаютъ вооружить по *одному со ста*, а десять маршаловъ польской націи считали достаточнымъ дать только по *одному изъ 250-ти душъ*.

„Нѣсколько дней прошло въ склоненіяхъ и совѣтахъ между обѣими сторонами, и хотя маршалы польскаго дворянства прибавили еще по одному изъ 500 на тотъ конецъ, чтобы и русскіе маршалы, отставъ отъ своего намѣренія, согласились на сіе уменьшенное количество, но какъ тѣ два маршала и русское дворянство рѣшительно отозвались, что они не могутъ дать менѣе, какъ со ста одного, да и въ прочихъ десяти повѣтахъ находящееся россійское дворянство на то же единогласно вызвались, то и составлено отъ нихъ особенное о томъ положеніе, а маршалы польской націи сдѣлали свое особое, то есть: россійской націи помѣщики даютъ съ 500 по пяти, а польской—съ 500 *по три*.

„На содержаніе сихъ воиновъ первые назначили по 50 р. на человѣка, а послѣдніе гораздо меньше, да и то назначили не отъ себя, а отъ такъ называемыхъ *поссесоровъ* и мелкой шляхты.

„Кромѣ сего положено въ семъ общемъ собраніи—изъ 40000 душъ чиншевой, безпомѣстной и безчиновной шляхты, подобно какъ и въ прежнюю милицію было, составить особой баталіонъ шляхетскій изъ 600 человѣкъ.

„Между тѣмъ, изъ помѣщиковъ польской націи согласились съ помѣщиками россійскими: генералъ-аншефъ графъ Браницкій, имѣющій 78,000 душъ, губернскій маршалъ графъ Потоцкій и графиня Потоцкая, у коей состоитъ 40,000 душъ, предсѣдатель Проскура и васильковскій маршалъ Руликовскій, у коихъ 5000, почему и составилось въ губерніи количество

[1]) Таковыми были въ то время: Ив. Красовскій (черкасскій) и Ив. Беклемишевъ (чигиринскій). Насколько умѣренны были ихъ предложенія, видно изъ того, что дворянство другихъ, пограничныхъ съ кіевской, губерній постановило воору-

дающихъ изъ ста одного (ратника) превосходнѣе, то есть 245 тысячъ, а тѣхъ, что изъ 500 по три, 240 тысячъ душъ; посему и выходитъ, что дворянство кіевской губерніи вооружаетъ собственно изъ своихъ крестьянъ: россійское 2450, польское 1440, да изъ чиншевой шляхты 600; итого 4490 человѣкъ.

„Мѣщане городовъ Кіева и Богуслава съ особливымъ усердіемъ даютъ: первые—для употребленія въ полѣ, гдѣ будетъ назначено, *одного со ста*, то есть изъ 5 тысячъ 50 человѣкъ, да на случай нужды для защиты города вооружаютъ, по своимъ правамъ и привилегіямъ, пѣшихъ и конныхъ до тысячи человѣкъ, кои внутри города должны быть употребляемы; а богуславскіе даютъ для службы въ полѣ *четырехъ со ста*, то есть изъ 1300 мѣщанъ—52 человѣка. Изъ прочихъ городовъ я надѣюсь получить подобные же отзывы и полагаю, что все ополченіе кіевской губерніи будетъ составлять войска съ оберъ-офицерами около *пяти тысячъ*.

„Для начальствованія симъ ополченіемъ избранъ единогласно помѣщикъ сей же губерніи, генералъ-маіоръ и кавалеръ Алексѣй Петровичъ Орловъ, извѣстный по отличной своей службѣ и достоинствамъ, какъ равно и по достаточному имѣнію. Сборныя мѣста, по уваженію здѣшнихъ обстоятельствъ и по согласію моему съ симъ губернскимъ начальникомъ, назначены въ двухъ городахъ, надъ самымъ Днѣпромъ лежащихъ: Черкасахъ и Каневѣ, и срокъ доставки и отдачи (ополченцевъ) положенъ съ 10 по 20-е августа.

„Достойно замѣчанія, что и въ семъ пунктѣ дворянство польской націи съ россійскимъ не согласилось, а назначило въ своемъ опредѣленіи, чтобы людей собирать и пріемъ дѣлать самимъ ихъ маршаламъ, что срокъ пріема, вмѣсто 10-го, назначаютъ кончить 30-го числа августа, да и то по повѣтамъ, порознь, что самое и произвело бы неминуемое промедленіе до

ружить гораздо большее число ратниковъ. Такъ, въ черниговской губ. было собрано по 6 со ста и сверхъ того нѣсколько козачьихъ полковъ; въ полтавской—по 4 со ста и кромѣ того 9 конныхъ козачьихъ полковъ (по 1200 ч. въ каждомъ), да собрано денежныхъ пожертвованій до 3-хъ милліоновъ рублей; въ екатеринославской—по 4 со ста, въ херсонской—по 2.

октября мѣсяца. Даже самое снабженіе ратниковъ своихъ не приняли они на себя, а возложили на поссесоровъ, не имѣющихъ своей осѣдлости, и на мелкую шляхту, въ бѣдномъ положеніи состоящую.

„Считаю нужнымъ довести до свѣдѣнія вашего превосходительства, что многіе дворяне и изъ польскихъ склонялись къ единогласію съ россійскими, но три маршала были найболѣе противны симъ полезнымъ намѣреніямъ, а именно: богуславскій (Головинскій), таращанскій (Порай-Медынскій) и липовецкой (графъ Нарцизъ Красицкій), кои и цѣлое собраніе увлекли на свою сторону; ибо, послѣ разъѣзда ихъ, губернскій маршалъ и еще два повѣтовыхъ, васильковскій (Руликовскій) и уманской (Стахурскій), пристали къ положенію дворянъ россійскихъ“.—Въ виду этого губернаторъ испрашивалъ разрѣшенія министра полиціи: „не удалить ли сихъ трехъ маршаловъ и еще нѣкоторыхъ особъ, подозрительныхъ по своему вліянію надъ прочими и не благорасположенныхъ къ правительству?“

Но правительство, всецѣло тогда поглощенное заботами о борьбѣ съ непріятелемъ, безпрепятственно подвигавшимся къ древней столицѣ, не дало разрѣшенія на эту экстренную мѣру, не желая безъ нужды раздражать польское дворянство. При томъ же, убѣдившись, что число ратниковъ, добровольно предложенныхъ населеніемъ, далеко превышаетъ мѣру дѣйствительной въ нихъ потребности, правительство нашло необходимымъ умѣрить патріотическій порывъ, и манифестомъ отъ 18 іюля было объявлено, что государь счелъ излишнимъ общее вооруженіе распространять на всю Россію и положилъ оставить его только въ 17 губерніяхъ (округовъ: московскаго, петербургскаго и казанскаго), во всѣхъ же остальныхъ велѣно ратниковъ не собирать, а собранныхъ распустить. Взамѣнъ того объявленъ былъ въ этихъ губерніяхъ рекрутскій наборъ, со ста душъ по 2 рекрута, въ подольской же и волынской губерніяхъ велѣно было собрать, вмѣсто одного рекрута, по 4 строевыхъ лошади. Независимо отъ сего, въ іюнѣ мѣсяцѣ, за недѣлю до войны, полковнику графу Витту высочайше повелѣно было сформировать *Украинское конное войско*, въ числѣ четырехъ козачьихъ

полковъ, куда поступали мѣщане, цеховые, помѣщичьи, казенные, ранговые и старостинскіе крестьяне, изъ 150 ревизскихъ душъ по одному человѣку, съ обязанностью имѣть лошадь, конскую сбрую и мундирную одежду по образцу. Въ полки приглашались отставные офицеры и служившіе въ милиціи, чиншевая шляхта и отставные унтеръ-офицеры. Полки именовались *Украинскими козачьими* и поступили въ армію Тормасова; въ нихъ числилось 3600 человѣкъ.

Отмѣна ополченія въ кіевской губерніи глубоко огорчила мѣстнаго губернатора графа Санти, и онъ употреблялъ всѣ мѣры, чтобы убѣдить правительство въ необходимости продолжать наборъ ополченцевъ, какъ дѣло крайне полезное по мѣстнымъ условіямъ. Вотъ что онъ писалъ по этому поводу въ представленіи министру полиціи отъ 10 августа: „Теперь изъ Московскихъ Вѣдомостей хотя узналъ я о высочайшемъ манифестѣ, что вооруженіе въ здѣшней губерніи не считается нужнымъ, однако, видя на опытѣ расположеніе умовъ большей части дворянства польской націи и обстоятельства, открывшія уже предъ правительствомъ, что даже припасы, для арміи отправленные, одинъ польскій помѣщикъ около Пинска предалъ въ руки непріятельскихъ аванпостовъ, притомъ же примѣчая въ нихъ какое-то ожиданіе,—я нахожу съ моей стороны по совѣсти и преданности моей отечеству необходимымъ доложить вашему превосходительству слѣдующее:

1) Что предложенное теперь и почти уже приготовленное вооруженіе пяти тысячъ войска весьма бы полезно было если не для того предмета, для коего въ прочихъ губерніяхъ оно собирается, то для употребленія къ препровожденію плѣнныхъ, гошпиталей, магазейновъ и тому подобнаго, и тѣмъ бы облегчило регулярныя войска, отъ 3-ей арміи и отъ внутреннихъ здѣшнихъ гарнизоновъ отлучаемыя, такъ что теперь, по забратіи всѣхъ внутреннихъ гарнизоновъ для препровожденія плѣнныхъ до Тамбова, гражданскіе караулы по необходимости занимаются регулярными войсками.

2) Что въ здѣшнихъ губерніяхъ владѣльческіе крестьяне состоятъ изъ древняго россійскаго народа, и много есть между

ними семей, происходящихъ отъ малороссійскихъ козаковъ, имѣвшихъ толь сильныя войны и ненависть противу польской республики; они же, бывъ единовѣрны и преданы Россіи, могутъ весьма съ пользою быть употреблены при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, а особливо естьли дать имъ древнее названіе *козаковъ* пѣхотинцовъ, могущее не только удержать ихъ отъ побѣговъ, но и родить въ нихъ отмѣнное усердіе и ревность къ службѣ россійской. Сіе тѣмъ болѣе считаю я возможнымъ, что и московское ополченіе также получило названіе козаковъ.

3) Изъ предписанія г. министра военныхъ силъ видно, что и изъ кіевской губерніи выводятся нѣкоторыя тяжести и депо и что сія губернія можетъ войтить въ операціонный планъ войны; почему, кажется, лучше бы воспользоваться теперь собрать сихъ людей въ пользу россійской арміи и имѣть бригаду изъ людей усердныхъ и преданныхъ при такомъ начальникѣ, какъ г. Орловъ, нежели оставить ихъ здѣсь, предвидя, что, въ случаѣ нашествія непріятеля, они могутъ быть отданы польскими помѣщиками непріятельскимъ войскамъ, по ожиданію ихъ будто идущимъ въ сей край подъ начальствомъ генерала Заіончека.

„По всѣмъ симъ обстоятельствамъ считая полезнымъ собрать назначенное дворянствомъ ополченіе, я испрашиваю, во-первыхъ, на сіе начальничьяго вашего разрѣшенія; во-вторыхъ, какъ теперь большая половина губерніи соглашается дать по пяти человѣкъ со ста, то по большинству сему не взять ли и у польскихъ дворянъ равное съ россійскими число людьми и деньгами, отъ чего все ополченіе можетъ составить до шести тысячъ одѣтаго и по 50-ти рублей на человѣка снабженнаго деньгами войска; въ-третьихъ, казенные и старостинскіе крестьяне, равно какъ и мѣщане, даютъ съ охотою равное же число ратниковъ, то можно ли принять и ихъ въ число сего ополченія, котораго прибавится чрезъ то еще до 500 человѣкъ? въ-четвертыхъ, нѣкоторыя духовныя и свѣтскія особы дѣлаютъ денежныя и другаго рода приношенія на сіе же кіевской губерніи ополченіе: принимать ли оныя, естьли не будетъ здѣсь ополченія, или на какой другой предметъ обращать?

„На все сіе ожидаю начальничьяго разрѣшенія, дабы можно было еще успѣть собрать сіе ополченіе, а до тѣхъ поръ я отнесусь къ г. Орлову и къ маршаламъ, чтобы они не останавливались съ своими раскладками и расчисленіями, поколь получено будетъ отъ вашего превосходительства разрѣшеніе, до полученія коего самый сборъ людей мною пріостановленъ".

Правительство, однако, не убѣдилось этими соображеніями губернатора, и въ концѣ августа послѣдовало рѣшительное распоряженіе объ отмѣнѣ сбора ратниковъ въ кіевской губерніи. Какими соображеніями руководились въ этомъ случаѣ—намъ не извѣстно, такъ какъ въ дѣлѣ не сохранилось текста правительственнаго распоряженія. Во всякомъ случаѣ общее политическое настроеніе въ губерніи не давало повода къ какимъ-либо преувеличеннымъ опасеніямъ: не говоря о непоколебимой вѣрности и патріотическомъ усердіи всѣхъ классовъ русскаго населенія губерніи, съ такою готовностью отозвавшихся на призывъ къ защитѣ общаго отечества, даже настроеніе польскаго дворянства въ общемъ далеко не было революціоннымъ. Какъ мѣтко выразился графъ Санти, поляки юго-западнаго края находились тогда въ возбужденномъ состояніи „ожиданія"—какой исходъ пріметъ происходившая на глазахъ у нихъ гигантская борьба „двухъ великановъ", но сами не обнаруживали никакого серьезнаго намѣренія (за исключеніемъ немногихъ единицъ) принять въ ней участіе. Даже въ то время, когда Москва была занята французами и шансы успѣха, по общему убѣжденію, клонились въ ихъ сторону, польскіе шляхтичи хотя и злорадствовали иногда по этому поводу, но никто изъ нихъ не подалъ достаточнаго повода къ подозрѣнію относительно существованія въ ихъ средѣ какихъ-либо революціонныхъ намѣреній. Исправники, городничіе и тѣ спеціальные ревизоры хлѣбныхъ магазиновъ, которыхъ губернаторъ командировалъ въ нѣкоторые уѣзды съ нарочитою цѣлью „проникнуть въ мысли и расположеніе къ Россіи" польскихъ дворянъ, какъ ни старались открыть что-либо преступное въ ихъ дѣйствіяхъ, въ сущности сообщали начальству одни лишь пустые слухи и предположенія, не подтвержденные ни какими фактами.

Переходя къ разсмотрѣнію этихъ полицейскихъ донесеній, нужно замѣтить, что ихъ достоинство, какъ историческихъ матеріаловъ для характеристики эпохи, крайне незначительно. Все вниманіе наблюдателей было исключительно направлено на польскихъ помѣщиковъ, и потому они совсѣмъ почти не говорятъ о настроеніи другихъ классовъ тогдашняго населенія губерніи. Между тѣмъ польское дворянство крайне подозрительно относилось къ русскимъ чиновникамъ и вовсе не было расположено къ тому, чтобы допустить ихъ въ свою среду и тѣмъ болѣе— открывать предъ ними свои задушевныя мысли и чувства. Мало того, отъ своихъ единоплеменниковъ, занимавшихъ видныя положенія во всѣхъ губернскихъ учрежденіяхъ г. Кіева, уѣздные помѣщики своевременно и аккуратно были предупреждаемы о томъ, кто и что именно доноситъ на нихъ губернатору; поэтому положеніе полицейскихъ агентовъ, въ особенности же спеціальныхъ ревизоровъ, иногда бывало просто невыносимымъ, и они обращались нерѣдко съ такими просьбами къ губернатору: „покорнѣйше прошу, ваше сіятельство, сіе донесеніе мое держать въ тайнѣ, чтобы никто, кромѣ вашей особы, не зналъ объ немъ, и дальше отъ надзора сего меня увольнить, чтобъ не было мнѣ бѣды; ибо я вижу уже, что всѣ въ повѣтѣ имѣютъ зазрѣніе на меня: узнали отъ кого-то съ Кіева... Сохраните меня, ваше сіятельство! я уже напужанъ отъ нихъ (поляковъ) довольно за прежнія донесенія, о коихъ не знаю, какимъ образомъ они въ Кіевѣ дознались". Лишенные непосредственнаго доступа въ помѣщичью среду, полицейскіе чиновники по неволѣ ограничивались собираніемъ ходячихъ слуховъ и должны были обращаться къ содѣйствію *евреевъ*, „расположенныхъ къ Россіи", которые просто-напросто торговали нужными свѣдѣніями и при случаѣ служили, конечно, „нашимъ и вашимъ"... Сверхъ того, многіе изъ этихъ чиновниковъ были люди мало образованные, мало опытные въ своей профессіи и часто до смѣшного наивные. За недостаткомъ фактовъ, они наполняли свои донесенія совершенными пустяками: увѣреніями въ своихъ патріотическихъ чувствахъ, совѣтами начальству о мѣрахъ предосторожности „въ разсужденіи идущаго смутнаго сего времяни", голословными

увѣреніями въ существованіи якобы среди поляковъ „заговоровъ", сообщеніемъ о самыхъ малозначительныхъ случаяхъ, слухахъ, предположеніяхъ и т. под. Стоитъ упомянуть, въ видѣ иллюстраціи къ сказанному, что одинъ изъ такихъ доносителей (сквирскій городничій А. Сафоновъ), въ оправданіе малосодержательности своего обширнаго рапорта губернатору, приводитъ даже разсказъ о томъ, какую инструкцію онъ „имѣлъ счастіе", получить когда-то отъ князя А. В. Суворова въ проѣздъ его черезъ г. Могилевъ-Подольскій, гдѣ Сафоновъ служилъ тогда городничимъ. Преслѣдуя польскія бригады, бѣжавшія за Днѣстръ, Суворовъ спрашивалъ его: „съ молдавской стороны нѣтъ ли какихъ извѣстіевъ, и что поляки думаютъ?"—на что городничій отвѣтилъ: „хотя и есть народные слухи, но по маловажности вѣры дать имъ не можно". По этому поводу Суворовъ прочелъ ему слѣдующее наставленіе: „Слушай! не только о всякомъ важномъ дѣлѣ, но и о слухахъ народныхъ, которые ты почитаешь малозначущими,—обо всемъ доноси своему начальнику непремѣнно, потому что твой начальникъ не отъ одного тебя получаетъ свѣдѣнія, а отъ многихъ, то уже онъ, соображая съ донесеніями вообще къ нему дошедшими, судить и трактовать долженъ. Но выйдетъ иногда такъ, что ты судишь маловажнымъ, а по изслѣдованіи начальникомъ твоимъ откроется весьма важное; а которое ты почитаешь важнымъ, то иногда выйдетъ малозначущее. Но даже и мнѣніе свое объясняй—и то начальникъ твой разсмотритъ: если согласно и справедливо, пріймetъ во уваженіе, а если не такъ—оставитъ".—Помня таковое наставленіе „великаго полководца", Сафоновъ и теперь старается слѣдовать ему—и дѣйствительно, безъ разбора доноситъ начальству обо всемъ, что только взбредетъ ему на мысль.

Не имѣя въ виду исчерпать все содержаніе этихъ безпорядочныхъ и часто крайне мелочныхъ доношеній, мы попробуемъ извлечь изъ нихъ лишь болѣе важныя извѣстія о настроеніи польскаго дворянства кіевской губерніи въ тѣ знаменательные дни, когда вся западная половина Россіи объята была пламенемъ войны и на развалинахъ сожженной Москвы рѣшался близкій его сердцу вопросъ—о политическомъ существованіи Польши.

Одинъ изъ самыхъ усердныхъ полицейскихъ чиновниковъ, засѣдатель сквирскаго земскаго суда Наумъ Кузьменко-Гвоздевичъ, доносилъ губернатору слѣдующее: „Честь имѣю донести вашему сіятельству, что я, объѣхавши весь махновскій повѣтъ, подъ видомъ ревизіи сельскихъ запасныхъ магазиновъ, имѣлъ случай ознакомиться съ господами помѣщиками-поляками, входилъ съ ними съ крайнею осторожностью въ дискурсъ о политическихъ нонишнихъ обстоятельствахъ и съ того замѣтилъ, что расположеніе ихъ къ Россіи не поселилось еще до сихъ поръ въ сердцахъ такъ, какъ быть должно и существуетъ въ вѣрныхъ сынахъ россійскаго отечества, по причинѣ той, что непріятель нашъ, французскій императоръ Наполеонъ, который напалъ съ войною на отечество наше, возмущаетъ ихъ и увѣрилъ, что онъ воскреситъ и возстановитъ имъ покоренную россійскимъ оружіемъ польскую корону, и обѣщаетъ имъ прежнюю волю и независимость республики. Надеждою сею будучи обольщенные, какъ того и желаютъ, они жертвовали и тайно, и явно, вспоможеніемъ Варшавскаго княжества, своему національному войску разнообразно, а наконецъ и сами, своими особами, въ 1809 г. нѣкоторые посылали своихъ сыновъ, а другіе и сами бѣжали туда, безъ позволенія правительства, для составленія войска. Они имѣютъ и теперь съ непріятелемъ переписку, но открыть ее весьма трудно, потому что она идетъ между ними чрезъ ихъ самихъ. И хотя нынѣ явно не вооружаются, потому что не знаютъ, на чьей сторонѣ будетъ побѣда, однако духъ, поселенный въ нихъ, патріотизма польскаго на лицахъ написанъ и явно доказываетъ противоположность ихъ къ Россіи, что тотчасъ бы въ нихъ возгорѣлось, когда только были бы хотя мало увѣрены (чего Боже не допусти!), что непріятель надъ нами верхъ взялъ“.—Онъ же доноситъ въ другой разъ: „Поляки (въ махновскомъ и сквирскомъ повѣтахъ) вообще всѣ коль скоро извѣстіе получили, что Россія имѣетъ войну съ французами и что французы ворвались уже въ нашу имперію, чрезвычайно начали быть веселаго духа, а особливо молодежь

и палестранты[1]); напротивъ мы, всякъ россіянинъ, какъ вѣрные и преданные сыны отечества и монарха своего, оскорбляемся этимъ и объяты жалостію. Многіе, особливо съ низкаго состоянія, шляхта, отзываются съ непріятными рѣчьми для Россіи и благоустроеннаго правленія ея". Въ подтвержденіе этихъ голословныхъ увѣреній Гвоздевичъ приводитъ лишь одинъ фактъ, и то слышанный отъ еврея, будто въ м. Володаркѣ, во время ярмарки, нѣкій лѣсничій изъ таращанскаго повѣта (мелкій шляхтичъ), поссорившись въ корчмѣ съ евреемъ, въ отвѣтъ на угрозу послѣдняго, что онъ будетъ жаловаться начальству, сказалъ: „Не боюсь! Не долго вы будете съ москалями: мы, ляхи, будемъ землю свою отбирать!" Въ слѣдующемъ донесеніи Гвоздевичъ снова упоминаетъ „о выговорѣ и разглашеніи непріятныхъ на счетъ Россіи словъ дворовыми помѣщиковъ людьми, экономами и чиншевою шляхтою въ немаломъ количествѣ и во многихъ мѣстахъ", о чемъ ему „многіе евреи, приверженные къ Россіи, доносили". По его предположенію, дворовые въ своихъ преступныхъ рѣчахъ повторяютъ лишь то, что слышатъ въ домахъ отъ своихъ господъ. Изъ этого онъ выводитъ заключеніе: нѣтъ ли у поляковъ общаго заговора? Не даромъ, по его наблюденію, „поляки-помѣщики всѣ вообще, замѣтно, чрезвычайно какъ въ рѣчахъ начали беречись... Когда бы были привержены къ Россіи и не скрывалось у нихъ какого зла, нечего было бы имъ самимъ на себя давать сею бережливостью подозрѣнія. Не разсудите ли, ваше сіятельство, за благо послать знающихъ французскій и польскій языки военныхъ надежныхъ офицеровъ обревизовать секретно кабинеты подозрительныхъ помѣщиковъ и тѣхъ, конхъ сыновья ушли за границу? Но (прибавляетъ онъ вслѣдъ за тѣмъ) съ этимъ надо осторожно, чтобъ не раздражить пылающаго въ нихъ скрытаго ненависти огня".

О возмутительныхъ рѣчахъ доносили и изъ другихъ мѣстъ. Такъ звенигородскій исправникъ писалъ, что помѣщикъ Росци-

[1]) *Палестрантами* (отъ лат. palaestra) именовались въ Польшѣ адвокаты, ходатаи по судебнымъ дѣламъ, и молодые люди, пріучавшіеся юридической практикѣ при судебныхъ учрежденіяхъ.

шевскій говорилъ какимъ-то евреямъ: „Дай Боже, чтобы пропалъ гетманъ Браницкій, какъ и Потоцкій, за то, что они навели въ нашу землю Москаля, который отбираетъ нынѣ у насъ деньги и души [1]). Далѣе до того дойдетъ, что мы, согласившись всѣ помѣщики, будемъ сами оборонять свои имѣнія и ничего не дадимъ". А на балу у одного посессора подвыпившіе шляхтичи хвалились, что „въ скоромъ часѣ будетъ Польша".

Когда приступлено было къ формированію козачьихъ полковъ графомъ Виттомъ, полиція и здѣсь въ дѣйствіяхъ польскихъ дворянъ усматривала много подозрительнаго. „Ни за какое дѣло такъ охотно (поляки) не брались—доносилъ одинъ изъ полицейскихъ агентовъ—какъ за собраніе козаковъ. Этимъ что-то подаютъ на себя великое подозрѣніе, а особливо тѣмъ, что палестранты и молодежь, какъ я въ Махновкѣ и въ Сквирѣ слышалъ, пьютъ и пѣсни составленныя стихами поютъ на счетъ сбора сихъ козаковъ, что-то непріятное и въ критику для Россіи". О нѣкоторыхъ помѣщикахъ были донесенія, будто они, собравъ и вооруживъ своихъ дворовыхъ людей въ количествѣ большемъ противъ того, какое по раскладкѣ отъ нихъ требовалось, отправляли ихъ не на сборные пункты, а куда-то за границу губерніи. Кромѣ того, нѣкоторыя лица, избранныя въ качествѣ оберъ-офицеровъ для командованія ополченцами, по своей личной неблагонадежности вызывали тревожныя опасенія администраціи. Въ особенности возбуждалъ опасенія помѣщикъ сквирскаго повѣта, нѣкто Калиновскій, о которомъ доносили, будто онъ прежде служилъ генераломъ въ арміи французской и не присягалъ на вѣрность государю, между тѣмъ состоялъ довѣреннымъ лицемъ у главнаго командира украинскихъ козачьихъ полковъ графа Витта. По справкѣ оказалось, что Калиновскій, именовавшій себя графомъ, дѣйствительно числился вестфальскимъ подданнымъ и носилъ званіе генералъ-маіора, пріобрѣтенное тамъ на службѣ. Его заставили принять русское подданство и, на основаніи существовавшаго тогда закона объ

[1]) Разговоръ шелъ по поводу рекрутскаго набора и формированія козачьихъ полковъ.

иностранцахъ, отправили на жительство во внутреннія губерніи. Были также опасенія и относительно самого графа Витта, которому Высочайше поручено было формированіе украинскихъ козачьихъ полковъ. Объ немъ звенигородскій исправникъ доносилъ слѣдующее: „На сихъ дняхъ (въ началѣ августа) слышалъ я, что формирующій въ г. Умани украинское козачье войско полковникъ графъ де-Виттъ якобы нѣкоторымъ полякамъ говорилъ сіи слова: „Что я съ этими козаками буду дѣлать? Ежели я поведу ихъ къ арміи и попадутся мнѣ на встрѣчу французы, то я скажу имъ, что я сихъ козаковъ къ вамъ веду".—„Сей графъ (пояснялъ исправникъ) женатъ на одной изъ Потоцкихъ, знатной фамиліи, коихъ два брата и теперь за границею, и одного имѣніе было взято въ секвестръ за самовольный уходъ, и Калиновскій ему родня по женѣ изъ Потоцкихъ же. А въ насъ теперь внутри войска нѣтъ: чтобы не вышло на то (чего Боже сохрани), что мы сами на себе дадимъ имъ способъ и въ руки мечъ".—Наконецъ какой-то шляхтичъ Жаборовскій 14 іюля, во время ярмарки въ м. Лысянкѣ, говорилъ будтобы въ еврейской корчмѣ: „козаковъ не нужно уже давать, ибо Польша отъ Россіи уже отобрана и здѣсь скоро отобрано будетъ, и козаки останутся польскими". Слова эти передалъ исправнику еврей-корчмарь.

Слѣдуетъ отмѣтить, какъ любопытный фактъ, что въ то тревожное время евреи, въ глазахъ полиціи, представлялись едвали не самымъ благонадежнымъ элементомъ въ краѣ. Почти во всѣхъ доношеніяхъ полицейскихъ чиновниковъ упоминаются „приверженные къ Россіи евреи", какъ отличные „лазутчики" и дѣятельные ихъ пособники въ собираніи свѣдѣній о настроеніи поляковъ; лица другой національности никогда въ этой роли не появляются. Конечно, эта „приверженность" оказывалась далеко не безкорыстной: чиновники безпрестанно требуютъ у губернатора новыхъ ассигновокъ „на наемъ лазутчиковъ". Но кромѣ денегъ, евреямъ, за ихъ вѣрную службу, сулились какія-то другія еще приманки. Въ донесеніи одного исправника губернатору встрѣчается таинственная фраза: „евреи обнадежены, какъ приказано". Въ чемъ ихъ „обнадеживали"—трудно дога-

даться. Вѣроятно. подъ вліяніемъ этого обнадеживанія иные изъ евреевъ открыто спекулировали своими талантами, доходя до крайнихъ степеней безстыдства и наглости: получивъ отъ агента плату за услуги, они давали ему понять, что обладаютъ и болѣе важными свѣдѣніями, но согласны открыть ихъ лишь высшему начальству непосредственно и то въ такомъ только случаѣ, если оно окажетъ имъ покровительство въ томъ или другомъ ихъ частномъ дѣлѣ. Такъ, извѣстный уже читателямъ Гвоздевичъ, донося губернатору, со словъ одного еврея, о преступныхъ якобы дѣйствіяхъ помѣщиковъ Сабанскихъ, прибавляетъ: „Еврей сей и болѣе извѣстенъ, что сіи помѣщики съ пріѣзжающими шпіонами имѣютъ сношенія, но разсказать мнѣ всего не захотѣлъ, а сказалъ, что лично вашему сіятельству объяснитъ, ибо хотитъ вашего начальничьяго покровительства въ какомъ-то своемъ дѣлѣ, безъ чего, еслибы я не увѣрилъ его именемъ вашего сіятельства, и вовсе открыть сего дѣла мнѣ не захотѣлъ“. Читая это донесеніе, не знаешь, чему больше дивиться: наглости ли „лазутчика“, или чиновничьей наивности. Вообще надо замѣтить, что евреи въ то время часто пользовались у русскихъ властей совершенно незаслуженнымъ фаворомъ; извѣстенъ, напримѣръ, случай, что послѣ отступленія французовъ и занятія русскими войсками г. Гродна, гражданское начальство въ этомъ городѣ, въ пику мѣстнымъ полякамъ, поручено было „преданнымъ Россіи“ евреямъ, хотя за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, во время движенія Наполеоновской арміи черезъ Бѣлоруссію, не кто иной, какъ именно евреи служили для французовъ проводниками, факторами и лазутчиками.

Не всѣ исправники исключительно пылали рвеніемъ открыть преступные польскіе замыслы во ввѣренныхъ имъ повѣтахъ; иные сверхъ того считали своею обязанностью доносить начальству и о томъ, какіе слухи ходили въ народѣ о военныхъ событіяхъ и какое впечатлѣніе производили они на населеніе. Конечно, такія донесенія имѣли бы первостепенную важность для исторіи тревожнаго времени 1812 г., но, къ сожалѣнію, ихъ слишкомъ мало въ тогдашней перепискѣ и они

слишкомъ отрывочны и скудны. Радомысльскій исправникъ доносилъ отъ 14 іюля: „слухи носятся, что якобы непріятельскія французскія войска за Мозыремъ не болѣе какъ въ 40 верстахъ находятся, отъ чего, а тѣмъ болѣе что съ волынской губерніи выѣзжаютъ въ здѣшнюю разные помѣщичьи домы, да и волынскій г. губернаторъ Комбурлей отправилъ въ свои отчины изъ Житомира весь свой экипажъ и обозъ, дѣлается въ народѣ смятеніе и страхъ, но я стараюсь всячески народъ ободрять". Но 2 недѣли спустя (отъ 26-го іюля) тотъ же благодушный исправникъ писалъ уже другое: „въ ввѣренномъ мнѣ повѣтѣ повсемѣстно состоитъ тишина и спокойствіе; прилипчивыхъ и опасныхъ болѣзней на людяхъ и скотахъ не имѣется и непріязненныхъ между народомъ слуховъ не происходитъ. А только носится тихая молва—но вѣрная иль нѣтъ, утвердить не могу—что непріятельскія войска съ Пинска, за благословеніемъ Божіимъ, нашими храбрыми воинами вытѣснены и—что всего лучше—наши завладѣли почти всѣмъ Варшавскимъ княжествомъ и самою Варшавою, а также сдѣланный нами съ англинскимъ съ моря десантъ войскъ сближается къ Парижу, для спасенія коего французскій императоръ Наполеонъ, оставя арміи, отправился въ свое отечество, и что войска его находятся въ великомъ замѣшательствѣ". Отъ 20 августа махновскій городничій доносилъ: „слухи отъ двухъ дней сильно умножаются и даже отъ особъ намъ равно сострадающихъ и вѣры достойныхъ, что 3-я армія якобы отретировывается къ Дубну и къ симъ околицамъ и что адмирала Чичагова войска не подоспѣваютъ на помощь противу силамъ немалымъ непріятельскимъ. Дубно же отъ сихъ мѣстъ не болѣе 250 верстъ, а къ подольской губерніи и гораздо ближе. Здѣсь по сіе время, слава Богу, все спокойно, но многіе изъ здѣшнихъ дворянъ благомыслящихъ Бога молятъ о спокойности и тревожатся удалиться отъ послѣдствій несчастія войны—одни къ Елисавету (Елисаветграду) другіе къ Екатеринославлю".

Судя по тому, что подобныя донесенія поступили лишь изъ двухъ уѣздовъ, да и то мимоходомъ, можно полагать, что населеніе кіевской губерніи вообще довольно спокойно относи-

лось къ ходу военныхъ дѣйствій—прежде всего, конечно, потому, что мало и вѣдало о немъ. Не смотря на сравнительную близость театра военныхъ дѣйствій, извѣстія оттуда доходили крайне медленно и часто въ извращенномъ видѣ. Даже въ самомъ Кіевѣ такія, наприм., высокопоставленныя лица, какъ митрополитъ и др., далеко не стояли au courant событій: о сдачѣ французамъ Москвы кіевскій владыка достовѣрно узналъ лишь три недѣли спустя послѣ событія, о выступленіи изъ нея непріятелей—лишь черезъ 15 дней, и т. д.[1]). Если такъ было въ Кіевѣ, то что и говорить объ уѣздномъ захолустьѣ. Тѣмъ не менѣе событія отечественной войны были настолько важны и знаменательны, такъ близко затрогивали самые завѣтные чувства и интересы народной массы, что извѣстія о нихъ, хотя бы и очень запоздалыя, проникали въ самыя глухія захолустья и, безъ сомнѣнія, всюду производили глубокое и сильное впечатлѣніе; и если чины кіевской уѣздной полиціи умалчиваютъ о немъ въ своихъ многорѣчивыхъ рапортахъ и доношеніяхъ, то это можно объяснить лишь тѣмъ, что ихъ вниманіе всецѣло было поглощено въ то время спеціальною задачею: „проникнуть въ мысли“ польскихъ дворянъ и помѣщиковъ и точно опредѣлить ихъ „расположеніе къ Россіи“.

Къ какимъ же практическимъ результатамъ привела эта нарочитая ревизія „мыслей“, стоившая казнѣ немалыхъ расходовъ, помѣщикамъ—немалыхъ страховъ и опасеній, а самимъ ревизорамъ—немалыхъ хлопотъ и непріятностей? Можно сказать—ни къ какимъ. Не смотря на всѣ старанія нѣкоторыхъ агентовъ открыть что-нибудь новое и важное, не смотря на массу голословныхъ оговоровъ цѣлаго ряда лицъ, губернское начальство путемъ ревизіи не узнало ничего, что не было ему извѣстно и раньше о политическомъ настроеніи польскаго дворянства. Такъ можно заключить хотя бы по тому, что ни одинъ изъ польскихъ помѣщиковъ, голословно опороченныхъ ревизо-

---

[1]) См. Отрывки изъ дневника кіевск. митрополита Серапіона—„Кіевск. Старина“ 1884 г., іюль, стр. 451—454.

рами, не подвергся никакимъ мѣрамъ судебнаго или административнаго взысканія, не смотря на широкія полномочія, предоставленныя въ то тревожное время губернаторамъ югозападнаго края. Потерпѣли лишь тѣ немногія лица, въ неблагонамѣренности которыхъ кіевскій губернаторъ убѣдился не по доношеніямъ чиновъ полиціи, а непосредственно, во время засѣданій дворянскаго съѣзда, обсуждавшаго проектъ губернскаго ополченія. То были извѣстные уже намъ три повѣтовыхъ маршалка (богуславскій, липовецкій и таращанскій), болѣе другихъ упорствовавшіе въ вопросѣ о числѣ ратниковъ,—лица, объ удаленіи которыхъ губернаторъ ходатайствовалъ еще въ началѣ августа. Въ то время правительство отказало въ этомъ ходатайствѣ, не желая безъ нужды раздражать поляковъ въ такое время, когда всѣ силы государства были напряжены въ борьбѣ съ опаснымъ врагомъ, овладѣвшимъ первопрестольной столицей. Но въ концѣ 1812 года, когда Наполеонъ постыдно бѣжалъ изъ предѣловъ Россіи, а отъ его „великой арміи“ остался лишь жалкій сбродъ, безъ сопротивленія сдававшійся въ плѣнъ,—правительство стало дѣйствовать болѣе энергично по отношенію къ полякамъ и рѣшило посчитаться съ тѣми изъ нихъ, которые навлекли на себя особенное неудовольствіе въ опасную годину. Между прочимъ, кіевскому губернатору предоставлено было распорядиться по своему усмотрѣнію съ тѣми польскими маршалками, о высылкѣ коихъ онъ раньше ходатайствовалъ. Маршалки эти теперь были высланы во внутреннія губерніи. Это событіе взволновало все польское дворянство и вызвало рѣзкій протестъ со стороны губернскаго маршала графа Потоцкаго. Вотъ что писалъ по этому поводу графъ Санти министру полиціи отъ 18 декабря 1813 года:

„По прибытіи моемъ въ Кіевъ къ должности, засталъ я, что здѣшній губернскій маршалъ графъ Потоцкій былъ въ сильномъ несогласіи съ г. военнымъ губернаторомъ, который отзывался мнѣ о немъ со всѣхъ сторонъ невыгодно. Сколько по сему, столько и по настоящимъ обстоятельствамъ я съ самаго пріѣзда моего сюда обращалъ особенное вниманіе мое на поведеніе губернскаго маршала графа Потоцкаго и старался про-

никнуть въ моральныя свойства и способности его; однако онъ казался мнѣ сначала простымъ человѣкомъ, какъ о томъ и его свѣтлость бывшій кіевскій военный губернаторъ, нынѣ главнокомандующій арміями, князь Михайло Ларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій заключалъ въ своемъ отношеніи къ г. министру внутреннихъ дѣлъ графу Виктору Павловичу Кочубею отъ 29 генваря, 1807 года, по случаю связи его съ тайнымъ совѣтникомъ Чацкимъ, на коего тогда открывалось гласное подозрѣніе. Но когда Москва была въ рукахъ общаго врага Европы и когда всѣ поляки съ внутреннимъ удовольствіемъ ожидали постыднаго для Россіи мира и возстановленія Польши, въ сіе время поведеніе губернскаго маршала графа Потоцкаго яснѣе обнаружилось и показалось мнѣ весьма подозрительнымъ: онъ предписалъ было въ послѣднихъ числахъ сентября нѣкоторымъ повѣтовымъ маршаламъ, подъ предлогомъ убійства, случившагося въ махновскомъ повѣтѣ, учредить внутреннюю дворянскую полицейскую стражу, которая легко могла быть обращена къ неблагонамѣреннымъ противъ нашего отечества предпріятіямъ [1]); однако я успѣлъ остановить сіе распоряженіе его, и оно дѣйствія своего не имѣло, а между тѣмъ усугублялъ я еще болѣе замѣчанія мои за поступками его. Наконецъ 9-го декабря, по случаю удаленія извѣстныхъ вашему превосходительству трехъ маршаловъ, замѣченныхъ при назначеніи общаго ополченія, получилъ я отъ г. Потоцкаго столь нескромное отношеніе, что оно подтверждаетъ уже совершенно неблагонамѣренное его расположеніе къ Россіи,—не потому только, что онъ позволяетъ себѣ требовать отъ меня отчета въ дѣлѣ, по объявленному мнѣ секретно Высочайшему повелѣнію исполненномъ, а потому, что онъ вступается за сихъ маршаловъ, какъ единодушныхъ наперс-

---

[1]) Противъ этого мѣста рукою графа Санти сдѣлана приписка: „Примѣчанія достойно, что Москва взята французами 2-го сентября, гдѣ они оставались до 11-го октября, подавая надежду полякамъ на возстановленіе Польши, и что въ сіе самое время губернскій маршалъ графъ Потоцкій придумалъ учредить внутреннюю полицейскую стражу изъ польскаго шляхетства, которая тѣмъ удобнѣе могла быть обращена къ неблагонамѣреннымъ предпріятіямъ, что учреждалась въ повѣтахъ, ближайшихъ къ Волынской губерніи и такихъ, гдѣ нѣтъ русскихъ помѣщиковъ".

никовъ своихъ, и что сужденія его по сему случаю и вліяніе, какъ губернскаго маршала, на дворянство могутъ дѣйствительно возмущать духъ онаго. Изъ всего сего почитая теперь графа Потоцкаго единственнымъ даже виновникомъ и въ томъ, что неблагонамѣренное расположеніе здѣшняго польскаго дворянства при назначеніи ополченія обнаружилось, я полагаю необходимо нужнымъ отдалить его отсюда хотя въ Харьковъ, въ разсужденіи старости лѣтъ его, но таковое предположеніе мое осмѣливаюсь прежде представить на утвержденіе вашего превосходительства, поднося при семъ къ лучшему удостовѣренію и самыя отношенія г. Потоцкаго какъ о предназначенной было имъ дворянской полицейской стражѣ, съ учиненнымъ по оному отъ губернскаго правленія распоряженіемъ, такъ и по случаю удаленія маршаловъ, на которое (отношеніе) я не отвѣчалъ ему.

„Я не рѣшился самъ собою, безъ утвержденія вашего превосходительства, воспользоваться на сей разъ даннымъ мнѣ отъ васъ дозволеніемъ на счетъ удаленія изъ ввѣренной мнѣ губерніи подозрительныхъ людей потому только, что графъ Потоцкій занимаетъ здѣсь почетное мѣсто и что, благодаря Всевышнему, непріятель прогнанъ уже побѣдоносными нашими войсками изъ предѣловъ Россіи, слѣдственно и злонамѣреніе скрытнаго и лукаваго нрава графа Потоцкаго не такъ нынѣ опасно, тѣмъ болѣе, что онъ, по обязанности губернскаго маршала, останется до будущихъ контрактовъ въ губернскомъ городѣ, гдѣ я, до полученія отъ вашего превосходительства разрѣшенія, буду имѣть болѣе удобности продолжать за нимъ секретныя свои наблюденія, и отправленіе его отсюда нынѣ или черезъ мѣсяцъ будетъ все равно“.

Долго не было отвѣта на это представленіе; наконецъ въ февралѣ 1813 г. изъ прусскаго г. Вилленберга, главной квартиры русскаго Императора въ его заграничномъ походѣ, получено было увѣдомленіе отъ А. И. Балашова, что Государь, разсмотрѣвъ представленіе кіевскаго гражданскаго губернатора, „на оное отозваться изволилъ: что, по силѣ изданнаго въ 12-й день истекшаго декабря манифеста, не прилично было бы теперь удалять графа Потоцкаго, но тѣмъ не менѣе не только не

должно ослаблять, но паче усилить вниманіе на лица, подвергающія себя подозрѣнію".

Манифестъ 12 декабря 1812 г. представляетъ чрезвычайно поразительный и едвали не единственный въ исторіи примѣръ безграничнаго милосердія Монарха къ своимъ подданнымъ, легкомысленно забывшимъ долгъ вѣрности и самымъ фактомъ своей измѣны поставившимъ себя въ самое безвыходное положеніе. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи процитировать этотъ замѣчательный документъ, столь краснорѣчиво свидѣтельствующій о великодушіи, благости и человѣколюбіи Монарха, которому не даромъ усвоено имя Благословеннаго: „Въ настоящую нынѣ войну съ французами главная часть жителей въ прежде бывшихъ польскихъ, нынѣ же россійскихъ областяхъ и округахъ пребыли Намъ вѣрны, почему и раздѣляютъ со всѣми Нашими вѣрноподданными Нашу признательность и благоволеніе. Но другіе различными образами навлекли на себя праведный Нашъ гнѣвъ: одни, по вступленіи непріятеля въ предѣлы Нашей имперіи, устрашась насилія и принужденія, или мечтая спасти имущества свои отъ разоренія и грабительства, вступали въ налагаемыя отъ него званія и должности; другіе, которыхъ число меньше, но преступленія несравненно больше, пристали еще прежде нашествія на ихъ земли къ странѣ чуждаго для нихъ пришельца и, подъемля вмѣстѣ съ нимъ оружіе противъ Насъ, восхотѣли лучше быть постыдными его рабами, нежели Нашими вѣрноподданными. Сихъ послѣднихъ долженствовалъ бы наказать мечъ правосудія; но, видя излившійся на нихъ гнѣвъ Божій, поразившій ихъ вмѣстѣ съ тѣми, которыхъ владычеству они вѣроломно покорились, и уступая вопіющему въ Насъ гласу милосердія и жалости, объявляемъ Наше всемилостивѣйшее общее и частное прощеніе, предая все прошедшее вѣчному забвенію и глубокому молчанію и запрещая впредь чинить какое-либо по дѣламъ симъ притязаніе или изысканіе, въ полной увѣренности, что сіи отпавшіе отъ Насъ почувствуютъ кротость сихъ съ ними поступокъ (sic) и черезъ два мѣсяца отъ сего числа возвратятся въ свои области. Когда же и послѣ сего останется кто изъ нихъ въ службѣ Нашихъ непріятелей, не желая во с-

пользоваться сею Нашею милостію и продолжая и послѣ прощенія пребывать въ томъ же преступленіи, таковыхъ, яко совершенныхъ отступниковъ, Россія не приметъ уже въ свои нѣдра, и всѣ имущества ихъ будутъ конфискованы. Плѣнные, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, хотя не изъемлются изъ сего всеобщаго прощенія, но безъ нарушенія справедливости не можемъ Мы послѣдовать движеніямъ Нашего сердца, доколѣ плѣнъ ихъ разрѣшится окончаніемъ настоящей войны. Впрочемъ, и они въ свое время вступятъ въ право сего Нашего всѣмъ и каждому прощенія. Тако да участвуетъ всякъ во всеобщей радости о совершенномъ истребленіи и разрушеніи сихъ всенародныхъ враговъ и да приноситъ съ неугнѣтеннымъ сердцемъ чистѣйшее Всевышнему благодареніе. Между тѣмъ надѣемся, что сіе Наше чадолюбивое и по единому подвигу милосердія содѣланное прощеніе приведетъ въ чистосердечное раскаяніе виновныхъ и всѣмъ вообще областей сихъ жителямъ докажетъ, что они, яко народъ издревле единоязычный и единоплеменный съ Россіянами, нигдѣ и никогда не могутъ быть толико счастливы и безопасны, какъ въ совершенномъ во едино тѣло сліяніи съ могущественною и великодушною Россіею“ [1]).

Чтобы оцѣнить по достоинству этотъ великій актъ милосердія, нужно, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, вспомнить о томъ, какъ вели себя польскіе обыватели Литвы и Бѣлоруссіи во время французскаго нашествія. Едва русскія войска, уступая напору непріятеля, вышли изъ г. Вильны, какъ члены магистрата и большая часть жителей пошли на встрѣчу Наполеону и поднесли ему ключи отъ города. Французамъ устроена была самая торжественная встрѣча: дома увѣшаны были коврами, дамы махали платками изъ оконъ, жители рукоплескали и привѣтствовали Наполеона радостными кликами. Вечеромъ городъ запылалъ въ разноцвѣтныхъ огняхъ; въ прозрачныхъ картинахъ сіяло торжество враговъ, изображалось паденіе Россіи. Ослѣпленные называли этотъ день „днемъ освобожденія гнѣзда Гедиминова“. Четыре дня, проведенные Наполеономъ въ Гроднѣ,

[1]) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, т. XXXII.

прошли въ нескончаемыхъ пиршествахъ, устраиваемыхъ мѣстными дворянами, которые, по его приходѣ, тотчасъ начали сзывать конфедерацію и ополчаться противъ русскихъ. Въ Минскѣ, при вступленіи французовъ, звонили въ колокола, гремѣла музыка на галлереѣ ратуши, дорогу усыпали цвѣтами [1]). Не довольствуясь восторженными привѣтствіями своихъ „освободителей", поляки съ готовностью оказывали имъ и матеріальную помощь и содѣйствіе: формировали регулярные и волонтерскіе полки, собирали денежныя и вещевыя пожертвованія, доставляли припасы, измѣнически предавали въ руки французовъ русскіе транспорты, и наоборотъ—всѣми мѣрами старались вредить своимъ соотчичамъ. Въ числѣ другихъ причинъ, по коимъ армія Тормасова не могла долѣе оставаться въ предѣлахъ гродненской губерніи, была и та, что она встрѣчала со стороны населенія неодолимыя препятствія въ продовольствіи. „Всѣ жители,—доносилъ Тормасовъ,—взбунтовались противъ насъ, вооружались вилами и косами, укрывались въ лѣсахъ, убѣгали отъ войскъ нашихъ и нападали на малые отряды и на курьеровъ" [2]).

Поляки юго-западнаго края во всѣхъ отношеніяхъ оказались благоразумнѣе своихъ собратій, обывателей Литвы и Бѣлоруссіи. Не говоря уже о кіевской губерніи, какъ болѣе удаленной отъ театра военныхъ дѣйствій, обыватели Подолья и даже Волыни, западные уѣзды которой были временно заняты непріятельскими силами, нигдѣ открыто не нарушили своего вѣрноподданническаго долга по отношенію къ русскому правительству, не смотря на самые страстные призывы и воззванія со стороны варшавскихъ патріотовъ поднять знамя бунта и присоединиться къ генеральной конфедераціи. Правда, лишь только армія князя Багратіона двинулась изъ Волыни въ Литву, нѣсколько молодыхъ помѣщиковъ и шляхтичей бѣжали подъ знамена Понятовскаго, а въ Житомирѣ на тріумфальной аркѣ, противъ губернаторскаго дома, и на стѣнахъ присутственныхъ мѣстъ поли-

---

[1]) „Описаніе отечественной войны", Михайловскаго-Данилевскаго, т. I, стр. 165, 196, 199 и др.

[2]) Ibidem, стр. 342.

ція всякое утро должна была смывать обидныя для чести и славы русскихъ польскія надписи и сдирать поносительныя цыдулки; четырехъ изъ волынскихъ помѣщиковъ и нѣсколько шляхтичей пришлось даже подвергнуть высылкѣ во внутреннія губерніи [1]). Тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству самого Тормасова, которому, по выступленіи князя Багратіона, ввѣренъ былъ высшій надзоръ за политическимъ состояніемъ юго-западнаго края,— во все продолженіе войны спокойствіе и порядокъ не нарушались здѣсь, и ему не пришлось употреблять въ дѣло тѣ чрезвычайныя полномочія, коими онъ облеченъ былъ по званію главнокомандующаго. Правда, мѣстными обывателями не было принесено никакой особенной жертвы отечеству, но повиновеніе властямъ пребыло во всей силѣ: жители безостановочно составляли подвижные магазины, подвозили продовольствія для войскъ, ставили рекрутовъ и лошадей. Находившійся въ то время въ Варшавѣ французскій резидентъ Прадтъ откровенно сознается, что всѣ его старанія завязать сношенія съ Волынью остались тщетными, хотя онъ не щадилъ для этого никакихъ средствъ Въ одной изъ прокламацій, обильно распространяемыхъ тогда изъ Варшавы, волынскимъ обывателямъ дѣлаемы были даже упреки за ихъ равнодушіе къ возстановленію отечества [2]).

Тѣмъ не менѣе и въ юго-западныхъ губерніяхъ (не говоря уже о сѣверо-западныхъ), если бы только правительство пожелало произвести слѣдствіе о поведеніи мѣстной шляхты въ опасную годину, число лицъ такъ или иначе скомпрометированныхъ составило бы между ними весьма значительный процентъ. Этого именно и опасались многіе, особенно въ виду попытокъ мѣстной администраціи свести счеты съ лицами, болѣе другихъ навлекшими на себя ея неудовольствіе, какъ то было на Волыни и даже въ кіевской губерніи. Со времени выступленія французовъ изъ Москвы, когда фортуна видимо стала измѣнять имъ, будущее должно было рисоваться русскимъ полякамъ въ самомъ безотрадномъ видѣ. По свидѣтельству современника, можетъ быть

---

[1]) „Волынская революція", Кіевск. Старина, 1883 г., январь, 133, 134,

[2]) „Описаніе отечественной войны", т. III, стр. 191—192.

нѣсколько и преувеличенному, волынскіе поляки долго не хотѣли вѣрить реляціямъ побѣдоносныхъ армій нашихъ со времени оставленія Наполеономъ русской столицы; но когда бѣглецы изъ ихъ собратій, то съ отрубленными носами, то съ отмороженными ушами, безъ ногъ или безъ рукъ, начали появляться въ губернію и возвѣстили о плачевной участи арміи своей подъ командою Понятовскаго, то сердца всѣхъ были объяты ужасомъ. Не зная намѣреній правительства и боясь возмездія за прошлое, волынскіе поляки, „снявъ съ себя кожу тигрову, надѣли агнчью и съ трепетомъ взирали на мечъ правосудія, висѣвшій надъ главами измѣнниковъ“ [1]). Подобное же настроеніе духа господствовало, конечно, среди дворянства и другихъ юго-западныхъ и въ особенности сѣверо-западныхъ губерній. Томительная неизвѣстность продолжалась не долго: манифестъ 12-го декабря, подобно лучу солнца, внезапно заблиставшему среди безпросвѣтнаго мрака и холода, оживотворилъ тысячи сердецъ, пораженныхъ смертельнымъ ужасомъ. Поляки ожили и, какъ дѣти, избѣгшіе наказанія, стали ожидать новыхъ милостей. Когда въ 1814 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ о доставленіи свѣдѣній, во что обошлась дворянству каждая земская повинность во время войны,—на Волыни и въ Украинѣ былъ распущенъ слухъ, что указъ этотъ явился результатомъ жалобы кіевскаго губернскаго маршала Потоцкаго, принесенной имъ лично великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ на мѣстное губернское начальство... Въ томъ же году взятъ былъ Парижъ, и остатки польскихъ войскъ получили повелѣніе возвратиться въ Варшаву. А вскорѣ пронесся слухъ, что воскреснетъ царство польское и русскій императоръ возложитъ на себя корону Пястовъ. Такъ и было на самомъ дѣлѣ; не оправдались лишь пылкія желанія и неразумныя надежды поляковъ—обывателей Литвы, Волыни, Подолья и Украины, что и эти области будутъ включены въ составъ возстановленнаго царства.

Ор. Левицкій.

---

[1]) „Волынская революція“, стр. 136—137.

Божій часъ.[1]

(ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО).

I.

Дядько Степанъ вернулся на полѣсье изъ Волыни, куда ходилъ на „заробки“. Съ его прибытіемъ, глухое село Холупы на нѣкоторое время оживилось. Степана на улицѣ закидали вопросами.

— Разскажите-но, дядьку, де бувалы, що бачилы на далекому свити? що чувалы добренького?

Дядько Степанъ вообще не любилъ много говорить, а теперь онъ былъ какъ-то особенно задумчивъ и угрюмъ. Далекое и непривычное путешествіе сильно утомило его. Онъ вздохнулъ, медленно сѣлъ на заваленку, закурилъ люльку и молчалъ. Казалось, онъ хранилъ какую-то тайну. Это еще болѣе подзадоривало любопытствующихъ. Толпа не отступала. Просьбы настойчиво повторялись.

— А що чуты?! Отозвался, наконецъ, дядько. Кепське одне чуты, бильшъ нычого. Бають люде, що до насъ *иде*. Въ мисти вже есть...

Онъ не договорилъ, но всѣ знали о чемъ рѣчь.

— Въ Тучини, въ Александріи вже бере людей, продолжалъ дядько. Въ Александріи я ишовъ досвиткомъ, передъ схо-

---

[1]) Сюжетъ и матеріалы разсказа заимствованы изъ народныхъ разсказовъ о холерѣ прежнихъ временъ на волынскомъ полѣсьи (ровенск. уѣзда).

домъ сонця. Иду коло могилокъ, глянувъ и дуже здывовався: всюды довги ряды свижихъ могилъ и зъ ныхъ выходыть, Господь его знае... нибы билый паръ, нибы туманъ, биле таке... и стелется соби по надъ могилкамы. Сумно такъ стало на души...

— Щожъ воно таке?

— Люде гныють,—отвѣтилъ дядько. Въ *пару* переходять.

Крестьяне опустили головы и задумались.

— Щожъ теперъ буде зъ намы, якъ Боже бороны...

— Що Богъ дасть, те и буде. Може Господь помылуе... Божій часъ настае...

— Ото не дарма сегодня дятелъ гасло [1]) дававъ,—сказалъ дѣдъ Нечепайло—высокій крѣпкій старикъ, стоявшій позади всѣхъ.

— Де? одновременно спросило нѣсколько голосовъ, и всѣ обратились къ дѣду.

— А на церкви. Стукавъ тай стукавъ, на лыху годыну.

Кто-то прибавилъ, что вчера пущикъ пищалъ въ тополяхъ, на могилкахъ. Не могло также скрыться отъ холуповцевъ, что не такъ давно собаки безъ всякой причины выли „коло става".

Всё это не предвѣщало, конечно, ничего хорошаго. Полѣшуки смутились. Стукъ дятла въ стѣну, писк пущика, вой собакъ—„це не добре, якъ той казавъ"...

— А чи есть ратунокъ противъ холеры?—робко спросила громаду одна „молодиця", державшая на рукахъ ребенка.

— Горилку треба пыты, то не прыстане... — отвѣтилъ одинъ голосъ.

— Кровъ пускаты,—прибавилъ другой.

— Ходыты треба въ баню и якъ зробыться дуже горяче, то грудью впасты на землю...

— Саме найкраще цеглою живота потерты... Было высказано много и другихъ различныхъ мнѣній.

— Ни, кажуть люде, нищо не помогае. Люде вмирають якъ мухи въ окропи, тылько ноги протягають—заключилъ дядько всѣ мнѣнія и замолкъ.

---

[1]) Сигналъ.

Степанъ былъ авторитетный человѣкъ. Его словамъ можно было вѣрить. Послышался глубокій вздохъ. Кто-то хотѣлъ что-то возразить, но раздумалъ.

Крестьяне молча стали расходиться. Грустно было всѣмъ. Съ пріѣздомъ Степана, не слышно стало на улицѣ ни пѣсенъ, что раздавались иногда, ни оживленныхъ разговоровъ, ни даже голосовъ пьяныхъ. Всѣ были задумчивы и сосредоточены. Только дѣти рѣзвились на улицѣ по прежнему, да воробьи неугомонно чирикали по огородамъ. Дни стояли августовскіе, удушливые.

II.

Не долго пришлось ожидать *её*. Спустя недѣлю, мельникъ Миронъ заболѣлъ „ризачкою“—корчами въ животѣ. Хотя крестьяне знали, что холера не далеко и говорили о ней, но когда эпидемія явилась, всѣ удивлялись ея появленію, словно случилось нѣчто нежданное, негаданное. До сихъ поръ каждый питалъ внутреннее убѣжденіе: „Богъ помылуе... не допустыть... пройде обикъ села“...

Говорятъ, что знахари, которыхъ было нѣсколько въ Холупѣ, взялись отвернуть „хоробу“. Они выходили ночью на плотину, говорили по нѣсколько разъ „Отче нашъ“ и шептали:

На мори барабанъ стоить,
На тому барабани дивка седыть,
Не вміе ни шиты, ни прасты,
Оно разну хоробу замовляты:
Боровый дидоньку поможи,
А ты злый духъ не можи,
Не розлывайся якъ вода,
Не росходься якъ дымъ,
Годи панувати,
Свою силу маты,
Иды соби—де боры вымокають,
Де болота высыхають,
Боровый дидойко...[1]).

---

[1]) Этотъ же заговоръ произносится на кровь рогатаго скота или лошадей, но съ нѣкоторымъ измѣненіемъ. Онъ читается такъ:

На мори барабанъ стоить,
На тому барабани дивка седыть,

Но ничто не помогло. Эпидемія застала крестьянъ врасплохъ. Никто не зналъ, что дѣлать съ больнымъ. Къ нему сначала боялись приступить. Онъ лежалъ на полу, „въ хати“, мучился и просилъ умоляющимъ голосомъ, „даты ему яку небудь раду“. Родные больнаго побѣжали къ батюшкѣ. Старичекъ о. Григорій, видѣвшій на своемъ вѣку не одну эпидемію и пережившій нѣсколько холеръ, не нашелъ лучшаго совѣта, какъ дать больному кусокъ просфоры съ богоявленской водой.

— Якъ Богъ дасть, то выдужае,—сказалъ онъ и на всякій случай, захвативъ съ собою св. Дары, отправился къ больному.

— Отъ не була, не була, тай настала,—говорили крестьяне.

— Господне наказаніе...

— Божа воля...

Старые люди помнили, что заболѣвшему холерой слѣдуетъ животъ растирать щеткой или суконцемъ. Тотчасъ-же нѣсколько человѣкъ схватили больнаго за руки и ноги и начали растирать его тѣло, кто руками, а кто тряпками.

— Цеглою, цеглою лучше, здоровійшъ,—посовѣтовалъ кто-то.

Принесли кирпичъ, нагрѣли его въ печи и терли животъ несчастнаго Мирона почти до крови, но безуспѣшно. „Ризачка“ не унималась.

Пришелъ еврей Ицко и далъ новый совѣтъ—кровь пустить. Сначала поставили пьявки. Но пьявки не приставали къ тѣлу. Тогда поставили „баньки“. Для этого въ Холупѣ производилась слѣдующая примитивная операція. На груди больнаго дѣлалась легкая ранка и къ ней приставлялось горлышко бутылки. Бутылку снизу нагрѣвали горящей „скалкой“. Если кровь не шла, то больнаго „сѣкли бритвой“, т. е. наносили ему удары бритвою до тѣхъ поръ, пока кровь не шла и не наполняла бутылку.

Не вміе ни шити, ни прасты,
Оно товарачу кровь замовляты
Изъ рабои масти (или красной—смотря по масти)...
И сынихъ жилъ.
А тупыця мерця сиче
И кровь не тече.

При этомъ нужно прочитать нѣсколько разъ „Богородице Дѣво“. (Заговоръ читается въ м. Степани, Тучинѣ и др.).

Здоровый мужикъ былъ мельникъ Миронъ и къ тому-же семейный. Страхъ не хотѣлось ему умирать. Онъ все вытерпѣлъ, позволялъ дѣлать надъ собой какія угодно операціи, только бы выздоровѣть.

Къ вечеру у него открылась страшная жажда. Ему дали воды, но жажда не унималась. Онъ продолжалъ кричать— „воды! воды!“ Что было дѣлать? Всѣ почти средства были испытаны; стали Холуповцы „на скору руку мирковать“ и такъ и сякъ, какъ быть и что дѣлать... Кто-то побѣжалъ съ ведромъ „до ставу“. Но не пришлось Мирону видѣть больше ни воды, ни свѣта божьяго. Выбѣжавшая изъ хаты „жинка“ со слезами на глазахъ объявила, „що чоловикъ уже захрапивъ и сконався“... и „кривый“ пономарь Антошко поплелся на колокольню отзвонить по Мироновой душѣ.

Больно отозвался въ сердцахъ крестьянъ первый ударъ колокола, возвѣщавшаго начало эпидеміи въ Холупѣ. Потѣшуки благоговѣйно крестились и вздыхали.

Наскоро сколотили гробъ, и черезъ два часа молодой мельникъ, еще наканунѣ совершенно здоровый, лежалъ въ песку, подъ крестомъ. На могилу ему положили вѣтку, денегъ и высыпали кварту маку, „щобъ не ходывъ лякаты людей“ [1]).

— Накричався неборакъ передъ смертью.

— Царство небесное! легка ему земля!

— А все оттого, сказалъ дѣдъ Нечипайло, що воды не далы. Колыбъ воды бильшъ далы, можебъ и выдужавъ. Божій часъ...

— Эге, воля Божа.

Съ слѣдующимъ больнымъ крестьяне расправились смѣлѣе. Когда Пилипъ Багній, промучившись сутки, закричалъ „воды“, его стали обливать холодной водой, а затѣмъ, два крестьянина взяли его за спину, а другіе два за ноги и оттащили къ ставу. Тамъ раздѣли до нага и спустили въ воду. Больной покачался въ водѣ, „вырачковався добре“ и, къ общей радости товарищей, почувствовалъ себя лучше, всталъ на ноги и выздоровѣлъ.

[1]) По повѣрью, мертвецъ, прежде чѣмъ идти въ село, долженъ сосчитать всѣ маковыя зернышки, чего онъ не успѣетъ сдѣлать до пѣнія пѣтуховъ.

Полѣшуки ободрились.

Эпидемія разошлась по селу. Видъ Холупы измѣнился. У каждой хаты, по обѣимъ сторонамъ улицы, были „курища“— костры, на которыхъ сжигались сметье и разныя нечистоты. Въ воздухѣ несло угаромъ и вонью. Въ хатахъ, для очистки воздуха, крестьяне жгли разное зелье, особенно, такъ называемый „нехворощъ“. Батюшка то и дѣло ходилъ исповѣдовать больныхъ подъ навѣсы, въ клуни, хлѣвы, на поле, на огороды, подъ „барканы“.

Входя въ хату къ больному, каждый вкладывалъ свою руку подъ „паху“ и нюхалъ свой потъ. Это, по убѣжденію полѣшуковъ, дѣлало посѣтителя безопаснымъ отъ болѣзни.

Воровство въ селѣ страшно развилось. По повѣрью, краденные хозяйственные продукты во время эпидеміи здоровѣе, чѣмъ свои... Если въ Холупѣ заболѣетъ, напр., дитя, то нерѣдко родители купаютъ его въ ухѣ, сваренной непремѣнно изъ краденаго поросенка. Это, говорятъ, помогаетъ... Такъ было и теперь. Больному кликали здоровье, т. е. кормили его провизіей, тайно взятой изъ здороваго, незараженнаго дома. Часто хозяева знали, куда дѣвались ихъ курка, гуска, капуста, картофель и пр., но молчали въ виду такого часа. Но строго, впрочемъ, воспрещалось обычаемъ брать что либо изъ зараженнаго дома. Народъ вѣрилъ, что вещь, взятая въ больномъ домѣ, „показуе дорогу холери“.

III.

Было воскресенье. День выдался особенно жаркій. Такой „пекоты“ еще не было въ это лѣто. Холупская церковь, издали напоминавшая небольшихъ размѣровъ бесѣдку межъ липами, была полна крестьянами. Не смотря на жару, холуповцы, вѣрные роднымъ обычаямъ старины, были одѣты по праздничному: кто въ толстыя свитки, кто въ жупаны.

Въ церкви они набожно молились объ избавленіи отъ эпидеміи, но слова, которыя они произносили, не походили на общеизвѣстныя молитвы. Тутъ слышались: и „оссіянска гора“,

и „церковка на гори“, и „святый Дывень зъ гордою“, и „Яне, Яне, Божій каплане“. Холуповцы не столько просили Бога о прекращеніи холеры, сколько просили самоё холеру поскорѣе оставить село. Многіе усердно клали поклоны и говорили: „*отступы, одыйды и бильше не прійды во вики виковъ—аминь*“.

Послѣ литургіи, о. Григорій говорилъ проповѣдь. Батюшка напрягалъ всѣ свои усилія, чтобы доказать давно извѣстную холуповцамъ истину, что „холера есть Божье попущеніе, что въ смерти и животѣ Богъ воленъ, что на все воля Божія“...

Послѣ литургіи о. Григорія просили въ этотъ день отслужить водосвятіе и молебенъ на рѣкѣ. Начался крестный ходъ.

На отлогомъ берегу, недалеко отъ мельницы крестьяне накрыли столъ хлѣбомъ и солью. Мѣсто кругомъ стола было очищено, подметено. Къ водѣ положили доску, а передъ столомъ разостлали полотенце.

Въ ожиданіи церковнаго шествія, тутъ собралась кучка крестьянъ и повела такой разговоръ.

— Ото пекота, хоть бы трохи подуло.

— Эге, листъ на дереви сохне, оце дыво! Николы ще такъ не було.

— Треба-бъ рака въ землю закопаты, може погода переминытся.

— А таки такъ. Може похолоднійшае, а тоди и холера, дасть Богъ, пройде.

Молчаніе.

— А чулы? спросилъ одинъ парень: ажежъ баби Устыми прыснылася.

— Хто?

— Атже сама вона—холера. Устыма каже; нибы явылася ій и сказала: „готуйте мени оно трохъ, бильше я не визьму“. Такъ и сказала...

— Та що то баби Устыми, перебилъ другой крестьянинъ: Ось Харита своимы очима ій саму бачила, якъ ходыла по за селомъ.

Изумленіе пробѣжало по лицамъ всѣхъ присутствовавшихъ.

— Ой? невжежъ? колы?

— Вчора ввечери.

— Господне наказаніе. Що се таке? За що Господь Богъ наказуе насъ? послышалось со всѣхъ сторонъ.

Къ толпѣ подошла старуха съ бойкими, плутоватыми глазами. Это и была Харита. Къ ней тотчасъ-же всѣ обратились:

— Бачила?

— Бачила,—рѣшительно отвѣчала Харита, и ея глазки забѣгали по сторонамъ.

— Яка-жъ вона?

— Якъ-то яка? Звистно—така сама... баба тай годи, якъ нибы ляхивка въ зеленій хустци. Иде, головою хитае, да все шепче щось таке...

— Щожъ вона тоби казала?

— Стала зъ далеку, за городомъ дай пытае:—„Харито, а якъ у васъ ложки мыють: въ одній води, чи въ двохъ?“—„Ажежъ въ двохъ“, кажу.—„Ну, то добре, каже. Буду у васъ четыре недили“. Такъ и сказала. Я кинула за нею дубовымъ лыстомъ, а вона и счезла.

Послышался трезвонъ.

„Къ Богородицѣ прилежно нынѣ притецѣмъ грѣшніи“, раздался голосъ дьячка за сосѣднею хатою. Приближалось шествіе.

Крестьяне поскидали шапки, плотно окружили батюшку и стали молиться.

Пламя свѣчей горѣло въ воздухѣ ровно и неподвижно. Хоть-бы маленькій вѣтерокъ...

Лица у всѣхъ были загорѣлыя и потныя. За толпой лежали на песку холерные больные и стонали. Когда причтъ запѣлъ „Спаси Господи“ и батюшка освятилъ воду, больныхъ тотчасъ-же взяли подъ мышки и посадили въ ставъ. Затѣмъ, послѣ водоосвященія, надъ ними начался молебенъ объ избавленіи отъ эпидеміи и о ниспосланіи дождя на сухую землю.

Долго стояли послѣ молебна холуповцы на берегу у стола и то посматривали на больныхъ, то показывали рукою на горизонтъ. Отъ первыхъ они ожидали выздоровленія, а отъ втораго—тучи и дождя. Но такъ какъ небо было по прежнему ясное и безоблачное, а больные стонали все громче и громче,

то крестьяне, сказавши нѣсколько разъ—„Божа воля, якъ той казавъ“, разошлись по домамъ. Больныхъ оставили въ водѣ, подъ присмотромъ дѣда Нечипайла; а чтобы кто нибудь изъ нихъ не отплылъ на глубокое мѣсто, возлѣ каждаго вбили по столбу, къ которому и привязали больнаго веревочкой, протянутой подъ мышки.

На берегу сидѣла родня и, не зная чѣмъ помочь бѣдѣ, плакала. „Молодыци“ съ плачемъ мыли тутъ-же бѣлье, а ихъ маленькіе ребятишки удили рыбу.

IV.

Солнце склонялось къ западу. Вечерѣло, но жара не унималась. Дѣдъ Нечипайло сидѣлъ надъ водой и плелъ „постолы“. На больныхъ онъ не обращалъ большого вниманія. Онъ уже привыкъ къ ихъ стонамъ. Порою онъ откладывалъ „постолы“ въ сторону, вздыхалъ и говорилъ: „Божа воля, Божій часъ“...

Вдругъ, по ту сторону става послышался колокольчикъ. Дѣдъ сталъ прислушиваться. Колокольчикъ звенѣлъ яснѣе. Дѣдъ поднялся на ноги и приставилъ руку къ глазамъ. Давно уже въ Холупѣ не было слышно звонка.

„Щобъ се таке... Кого Богъ несе...“ Колокольчикъ раздавался все ближе и ближе. Дѣдъ замеръ въ положеніи наблюдающаго. Вотъ, наконецъ, на горкѣ, за сосновой рощей, показалась въ облакѣ густой пыли тройка лошадей, и скоро бричка въѣхала на тряскую плотину, поросшую по обѣимъ сторонамъ старыми вербами.

„Ой, начальство!...“ пронеслось въ головѣ дѣда. „Що тутъ теперъ робыты?“ Первой его думой было поскорѣе бѣжать. Онъ уже взялъ лыко подъ мышку и заложилъ ногу черезъ огорожу, но мысль, что онъ поставленъ тутъ громадой и служитъ громадѣ, удержала его отъ бѣгства. Онъ вернулся, поспѣшно сложилъ „постолы“ и рѣшилъ: „нехай буде—що буде“...

Тройка проѣхала плотину и направилась къ дѣду. Въ бричкѣ сидѣлъ исправникъ съ докторомъ. Исправникъ еще на

плотинѣ замѣтилъ холуповскій карантинъ. Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ начать распеканцію.

— Это... это... это, закричалъ исправникъ, когда тройка остановилась. Онъ отъ волненія говорить не могъ. Кулаки его сжимались.

Дѣдъ окончательно оробѣлъ, стоялъ ни живъ, ни мертвъ и водилъ изъ стороны въ сторону глазами.

— Что это такое? закричалъ исправникъ.

— Простите, помилуйте, просилъ Нечипайло, падая въ ноги. Это не я... ей-богу, не я... Це тылько молебствіе було. Мыръ, значить, положивъ ихъ сюда въ Божій часъ.

— Что? что такое? положилъ міръ... кто позволилъ? по чьему распоряженью? какъ смѣли? продолжалъ кричать исправникъ. Глаза его налились кровью отъ злости.—Докторъ, посмотрите, что такое, до чего додумались?

Докторъ—нѣмецъ, солидный, ветхій мужъ съ жирнымъ лицомъ и густыми бакенбардами, болѣе наклонный къ послѣобѣденному сну въ эту знойную пору, чѣмъ къ энергическимъ изслѣдованіямъ, смотрѣлъ безучастно въ воду и говорилъ: o mein Gott, o mein Gott!“

— Ва-вашей милости, ой, не погубите! молилъ дѣдъ. Я имъ ничого... то було молебствіе... воны самы, вашей милости, воны рачкують тылько... то ничого...

— Что? рачкуютъ?

— Эге, рачкують. Якъ пидыйде до ныхъ, значить, ця сама хороба, то воны, проше вашей милости, рачкують по води и перекидаются, перекидаются и рачкують... Якъ хто не вмре, то певне одужае. Пилипъ Багній вже одужавъ. А я ничого, вашей милости...

Исправникъ окликнулъ одного изъ сидѣвшихъ въ водѣ. Тотъ не отзывался. Исправникъ повторилъ вопросъ—отвѣта не было.

— Воны не чують, проше милости, бо трохи вчадилы, объяснилъ дѣдъ Нечипайло.

— Какъ вчадилы?

— Нибы того... пьяненькіи, бо я имъ давъ таки трохи, ось тутъ... Дѣдъ указалъ на пустую бутылку, лежавшую въ пескѣ.

— O, mein Gott! O, mein Gott! не переставалъ повторять удивленный докторъ.

— Позвать сюда старосту и крестьянъ! приказалъ исправникъ.

Дѣдъ почесалъ голову и потянулся къ его рукѣ.

— Вашей милости, будьте ласкавы, простить, бо люде на сели повтикалы, порозбигалысь, оно зачулы вашъ дзвонокъ.

Дѣйствительно, въ селѣ изъ взрослыхъ никого почти не было, исключая развѣ больныхъ да стариковъ, которымъ не служили ноги. Всѣ остальные прятались. Кто не успѣлъ скрыться при первомъ звукѣ колокольчика, тотъ, заслышавъ голосъ исправника, спѣшилъ поскорѣе убраться куда глаза глядятъ:бабы—въ огороды, въ коноплю, въ фасолю, „чоловики“—въсѣно, въ поля.

Исправникъ разсвирѣпѣлъ, но сдержался... Дѣдъ стоялъ на вытяжку.

— Слушать! крикнулъ исправникъ. Чтобы все это сейчасъ-же было убрано. Больныхъ немедленно перенести въ домъ, тамъ и лѣчить! Въ воду не смѣть сажать... Такъ и сказать старостѣ! Если не будетъ исполнено, я вамъ покажу. Исправникъ поднесъ свой кулакъ къ самому носу дѣда. Я черезъ дня два буду назадъ, чтобы было исполнено.

— Слушаю, покорно отвѣтилъ дѣдъ: не погубите, вашей милости!...

Исправникъ съ докторомъ посѣтили на короткое время панскій дворъ и отправились дальше. Скоро отъ пана вышло распоряженіе перенести больныхъ въ старую баню, что стояла за помѣщичьимъ садомъ, и лѣчить какими-то каплями, которыя докторъ оставилъ у пана. Это распоряженіе не встрѣтило, впрочемъ, у крестьянъ довѣрія. Крестьяне не довѣряли ни начальству, ни панамъ.

Когда колокольчикъ затихъ далеко за селомъ, у става собрались крестьяне.

— Ну, що казавъ капитанъ-справникъ?

Дѣдъ передалъ распоряженіе.

— Це дуже кепсько, рѣшили крестьяне. Певне послидній часъ намъ настае. Божее наказаніе.

Очень боялись крестьяне своего строгаго исправника. „Богъ помилуе за грѣхъ, говорили они, а начальство не помилуе; значить, треба покориться“. Такъ и сдѣлали. Почернѣвшихъ больныхъ вынули изъ „освяченои“ воды, одѣли, напоили крѣпкой водкой и разобрали по домамъ. Всѣ они въ тотъ же день и померли.

... „Отъ того, що зъ воды повыймалы... Нехай бы оставалысь, може-бъ и одужалы“, говорили холуповцы.

V.

Миссія дѣда Нечипайла кончилась. Онъ былъ бобыль и своего хозяйства не имѣлъ. Во время жнивъ, его обыкновенно нанимали сидѣть на „вышныци—коловоротку“, т. е. у выѣздныхъ воротъ села, и слѣдить, чтобы свиньи, гуси и скотъ не ходили въ поле; но теперь почти все уже было собрано съ полей, и въ дѣдушкѣ не было нужды.

„Куды-жъ це мени иты теперъ? думалъ дѣдъ: ни хаты, ни родни... Люде не примуть, бо холера. Да и страшно межь людьми... Хиба до кума Даныла? нехай и такъ... пиду“.

Забралъ дѣдъ свои небольшіе пожитки и отправился за село, въ пасѣку, къ Данилу, котораго дѣдъ по дружбѣ называлъ всегда кумомъ.

Дорогою дѣда больше всего занимали распоряженія капитана-исправника.

„Якъ це воно такъ—дывно? Вода здается освяченая—и не можно... Пипъ—одне, начальство—другое. И що-жъ воно шкодыть? Вода чистая, здоровая, теплесенькая и освяченая... и „не смѣть“... Ни, тутъ щось... нема тутъ ладу, якъ той казавъ“.

Даныло пасѣчникъ жилъ за селомъ, въ своей глухой пасѣкѣ. и уже послѣ обѣда дремалъ, когда къ нему пришелъ Нечипайло.

— Добры вечеръ!

— Добре здоровье! Що на сели чуваты? спросилъ Даныло.

— Одне кепське. Пріизжавъ капитанъ-справныкъ и повыймавъ зъ воды... казавъ „не смѣть“. Теперъ ходыть чутка, що слабыхъ будуть браты до пана.

— Ой, не брешешь?!

— Щобъ мени бильшъ тебе не бачиты, якъ брешу.

Кумъ покачалъ головой.

— Недобре-жъ, колы такъ. До сеи поры хоть хто небудь выздоровивъ, а теперъ—протягай ноги да скидай постолы [1]).

— А таки такъ, запевне; и я те скажу...

Они замолчали.

— Отъ що куме, сказалъ дѣдъ, я за тымъ до тебе и прышовъ, щобъ не жить у сели. Въ тебе тутъ за селомъ и помирать легче буде—вольнійшъ.

— Э, диду, Богъ знать що выдумалы. Нехай Богъ крые...

— Ну, а всежъ?!. Хто-жъ его може знаты?!

— Не бійтесь, диду. Ходить-но, я де-що хочу вамъ показаты.

Кумъ отвелъ дѣда по глухой тропинкѣ въ конецъ пасѣки, гдѣ межъ бурьяномъ стоялъ пустой улей. Кумъ отворилъ дверцу улья.

— Дывитесь-но, диду, сюды...

Дѣдъ присѣлъ и нагнулъ голову. Въ ульѣ стояло нѣсколько бутылокъ.

— Горилка, чи що?

— Эге, горилка, але яка? Вгадайте-но.

— Гмъ... а доправди яка?

— Паньская, чистый спрытусъ. Тылько тс...

Кумъ приложилъ палецъ ко рту.

— Не вжежъ? усумнился дѣдъ, усмѣхаясь.

— Правда.

Дѣдъ ударилъ себя по бедрамъ и проглотилъ слюну.

—А де доставъ?

— У пана въ комори черезъ тыхи двери, отвѣтилъ въ полголоса Даныло. Теперъ, диду, мое слово таке: намъ нема чого боятысь, бо я добре знаю,—цю штуку панъ для себе прыпасъ на случай холеры, але не вгадавъ, кому вона достанется. Хе, хе, хе...

---

[1]) По повѣрью полѣшуковъ, въ „постолахъ“ или „чоботахъ“ грѣшно умирать.

— Хе, хе, вторилъ дѣдъ, и глаза его замаслились отъ удовольствія.

— А сядайте-но, дидуню, выпьемъ по едненькій, щобъ вона не боялася насъ, прывыкала до мужицькои глотки.

— Ай да кумъ, сказалъ дѣдъ, усаживаясь и сбрасывая шапку.

Они усѣлись на прогалинѣ. Ихъ окружалъ высокій бурьянъ, какой бываетъ въ глухихъ садахъ. Кумъ нарочно выбралъ это мѣсто для безопасности. Вынули бутылку.

— Але яка зелена, певне заморська...

— Звистно—не отъ холупского Ицка.

Выпили по одной.

— Добро, лыхо-ма.

— Добро... хе, хе... Ай да кумъ! Зразу въ животи поздоровійшало.

— От-же, диду, такъ и памятайте, якъ бороны Боже чого, то заразъ бижить до улья... и пройде.

— А якъ не пройде?

— А якъ не пройде, то роздягайтесь да лизьте въ сю крапиву зъ будякамы и качайтесь доты, поки не перестане. Мусыть одыйты.

— Чи жъ то може буты? усумнился дѣдъ.

— Ни, безъ жартъ, таки правда: одъ людей чувъ.

— Ай да кумъ—бувалый чоловикъ! За твое здоровье!

Выпили по другой.

— А чи то правда, куме, началъ дѣдъ, що, кажуть, въ Казимирци люде не слабіютъ николы, и холеры тамъ не може буты.

— Кажуть, що правда. Звистно, бо тамъ въ костели шкаплежи и цудовна Матка Боска.

— Эге, ото и я тее не разъ соби думавъ. Такъ, такъ шкаплежи... А налый но ще!...

Выпили третью.

— То, кажешъ, шкаплежи, сказалъ дѣдъ, утирая рукавомъ ротъ.

— Эге...

— Гмъ... многозначительно подтянулъ, поглядывая на бутылку, дѣдъ, скептицизмъ котораго увеличивался по мѣрѣ выпиваемой водки.

— Такъ, такъ! на все Божа воля, сказалъ онъ и потянулся къ четвертой...

VI.

Какъ ни берегся однако дѣдъ Нечипайло отъ „хоробы“, не устерегся таки. Заболѣлъ одинъ его знакомый холерой и померъ. Отъ покойнаго достался дѣду кунтушъ, „гарный такій кунтушъ зъ червоными путежками“.

Не успѣлъ дѣдъ его примѣрить, узнать, „чи добре винъ на стегни выдае“, какъ вдругъ почувствовалъ себя дурно. Въ животѣ началась „ризачка“.

Дѣдъ бросился опрометью бѣжать за село. Помня по недавнему опыту благотворное вліяніе на здоровье „зеленого спрытусу“, онъ бѣжалъ напрямикъ въ пасѣку, къ куму.

— Ратуй, куме, кричалъ онъ ему издали, бо прышла вже моя годына.

Кумъ, не медля ни секунды, дотянулъ его до улья и крѣпко напоилъ. Дѣдъ еле стоялъ на ногахъ. У него заморочилась голова. Данило, не долго думая, сбросилъ съ него кунтушъ, раздѣлъ до нага, бросилъ въ густую крапиву и, не обращая вниманія на крикъ дѣда, качалъ его до тѣхъ поръ, пока самъ не почувствовалъ головокруженія и тошноты. У Данила тоже приближалась рвота.

— Ну, це дило зовсимъ вже погане, подумалъ онъ, досталъ другую бутылку и, затѣмъ, добровольно повторилъ надъ собой туже операцію, которую незадолго передъ тѣмъ продѣлалъ съ дѣдомъ. Наконецъ, они оба впали въ забытье и заснули крѣпкимъ сномъ.

Когда на слѣдующій день кумъ очнулся, лежа въ крапивѣ, предъ его глазами словно выросъ капитанъ-исправникъ съ докторомъ. Они въ этотъ день возвращались съ объѣзда.

— Вставать! крикнулъ исправникъ.

У кума хмѣль вышелъ изъ головы. Онъ сталъ на ноги. Все его лицо и тѣло было покрыто опухолью и синяками.

— Ты что тутъ?...

Данило водилъ глазами и не сразу понялъ въ чемъ дѣло. Увидя опухшаго дѣда, онъ сказалъ:

— Це дидъ Нечипайло; у него, проше вашой милости, холера... а я ничого...

Докторъ сталъ осматривать дѣда. Чрезъ нѣкоторое время проснулся и дѣдъ.

— Въ больницу, распорядился исправникъ.

— Ваша милость, будьте ласкавы, молилъ кумъ: не хочемо до лазарету. Змылуйтесь... у мене жинка и диты.

Докторъ, впрочемъ, нашелъ состояніе больныхъ удовлетворительнымъ. Онъ только велѣлъ сжечь ихъ прежнюю одежу, что и было тутъ-же исполнено. Больнымъ принесли другую одежу. Исправникъ махнулъ на нихъ рукою.

— Мерзавцы... Ничего съ вами не подѣлаешь. Гони изъ воды—лѣзутъ въ крапиву, выгонишь изъ крапивы—еще куда нибудь полѣзутъ...

— Простите, вашей милости... значить—Божій часъ такій прыйшовъ, сказалъ дѣдъ Нечипайло, къ которому вернулась его прежняя смѣлость...

— И що то за напасть!? Тьфу! сказалъ въ сердцахъ, по уходѣ начальства, дѣдъ, подходя къ костру, на которомъ догорали остатки его кунтуша. Що воно ему шкодыло? Тожъ здается не крадяный—люде подаровалы... Бачъ-ни, треба таки спалыты... Въ воду свячену не можна лизты, въ кунтуши не можна ходыты... Не зрозумію я цёго. А подывысь-но куме...

Дѣдъ мотнулъ куму головой въ сторону улья.

Кума также тянуло къ улью. Обоимъ хотѣлось опохмѣлиться. Данило пошелъ къ улью и досталъ послѣднюю бутылку.

VII.

Много жертвъ унесла эпидемія въ Холупѣ.

Никогда авторитетъ знахарей не палъ такъ низко, какъ въ это время. Разсказываютъ, что одного холупскаго знахаря, который взялся вылѣчить больнаго и не вылѣчилъ, крестьяне сильно побили, впрочемъ не за то, что онъ не вылѣчилъ, а за то, что онъ будто-бы нарочно далъ такое зелье, отъ котораго больной умеръ. По этому, болѣе разсудительные знахари не рѣшались пускаться въ лѣкарскую практику въ это критическое время и подъ различными предлогами отказывались лѣчить.

Подъ осень эпидемія въ Холупѣ прекратилась по слѣдующему поводу, какъ разсказываетъ народъ.

Одной богомольной старушкѣ приснилась *она* самая. Явилась она страшная-престрашная и приказала: „наварите мнѣ міромъ всякой стравы, наготовьте всякаго питья, угостите меня музыкою, да колядою, да щедривкою по шляху, то я пиду отъ васъ до Кракова, бо тамъ люде крипкіи да здоровыи“. Старушка даже спросила ее:—„якъ же ты пидешь?“—„Сошнякомъ пиду, поверхъ людей, якъ стрила“. Такъ и сказала.

Вѣсть объ откровеніи облетѣла село. Некогда было разсуждать. „Жинки“ тотчасъ-же наварили всего, что могли, „чоловики“ повыносили столы на улицу, собрались всѣ вмѣстѣ и позвали батюшку благословить трапезу. Затѣмъ позвали музыку и началась попойка. По селу пошли колядники Христа славить. Разсказываютъ, что когда первый разъ запѣли:

„Два скота служило: и волъ, и оселъ
Впалы на колина коло тыхъ яселъ...“

то, Богъ вѣсть откуда, взялась какая то черная корова и металась по улицѣ, не находя покою. Когда запѣли коляду подъ послѣднею хатою, она быстро побѣжала къ ставу, перешла воду, рыкнула на вѣтеръ и скрылась въ лѣсу.

Ѣли холуповцы, пили, пѣсни пѣли, танцовали цѣлую ночь кругомъ стола и костровъ и только передъ утромъ уснули. Гдѣ кто стоялъ,—тутъ и спалъ.

Восходившее солнце освѣтило картину. Среди опрокинутыхъ столовъ лежали и спали крѣпкимъ сномъ крестьяне обоего пола. Межъ ними ходили свиньи, гуси, куры и доѣдали недоѣдки.

А тамъ, за селомъ на песчаномъ холмѣ, межъ тополями бѣлѣли ряды свѣжихъ могилъ. Съ восходомъ солнца онѣ дѣйствительно дымились отъ испареній свѣжихъ тѣлъ, какъ разсказывалъ дядько Степанъ, и бѣлый паръ ихъ стлался легкой полосой по выжженному отъ солнца кладбищу.

Оргія кончилась, а съ ней кончилась, говорятъ, и эпидемія. Народъ до сихъ поръ живо помнитъ страшную гостью и лѣтнюю коляду.

Ѳ. Кудринскій.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.[1]

М. А. Андріевскій

Въ фольклористикѣ, болѣе чѣмъ въ какой-либо другой наукѣ, возможны научно-популярныя изслѣдованія, и здѣсь они болѣе чѣмъ гдѣ-либо умѣстны и желательны. Современное народоизученіе нуждается еще въ сыромъ матеріалѣ, и такой матеріалъ все болѣе и болѣе нагромождается. Чувствуется, съ одной стороны, настоятельная потребность въ общественномъ сочувствіи и поддержкѣ, съ другой—необходимость по возможности регулировать такую поддержку указаніемъ правильныхъ методическихъ пріемовъ и опредѣленіемъ главныхъ потребностей науки. Къ сожалѣнію, такихъ указаній сдѣлано мало. Научная критика, дѣльная и спокойная, въ нашей печати составляетъ рѣдкое явленіе. Отъ развитія въ обществѣ интереса къ исторіи и этнографіи зависитъ успѣшное развитіе историческихъ и этнографическихъ изданій, появленіе этнографическихъ музеевъ, выставокъ, съѣздовъ и тому подобныхъ несомнѣнно просвѣтительныхъ учрежденій. Въ то же время, несомнѣнно, что интересъ къ исторіи, этнографіи, антропологіи и др. соціальнымъ наукамъ можетъ развиться лишь при живомъ общеніи спеціалистовъ съ интеллигентнымъ обществомъ, при доброжелательномъ отношеніи присяжныхъ дѣятелей науки къ научно-популярной литературѣ и при благоразумной сдержанности постоянныхъ журнальныхъ обозрѣвателей.

---

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1892 г., № 11.

Понятіе о научно-популярной литературѣ въ приложеніи къ точнымъ и выработаннымъ наукамъ, напр.—астрономіи, можетъ опредѣляться иначе, чѣмъ по отношенію къ новымъ не вполнѣ еще установившимся отраслямъ знанія, напр.—фольклору. Въ послѣднемъ случаѣ мы считаемъ недостаточнымъ популярную передачу добытыхъ свѣдѣній. Въ научно-популярныхъ этнографическихъ изслѣдованіяхъ, при первомъ и необходимомъ условіи—ясности изложенія, на ряду съ извѣстными фактами должны быть неизвѣстные, или извѣстнымъ фактамъ должно быть дано такое освѣщеніе, какое даетъ имъ вся совокупность мѣстныхъ жизненныхъ условій.

Въ научно-популярной литературѣ по фольклору имѣютъ, кромѣ того, большое значеніе два обстоятельства, несуществующія для другихъ отраслей научно-популярной литературы: что и гдѣ популяризуется, другими словами—выборъ темы и мѣсто изданія статьи. Этими обстоятельствами опредѣляется многое: пониманіе статьи, степень возбуждаемаго ею въ обществѣ интереса, возможность воздѣйствія ея на развитіе мѣстныхъ научныхъ разысканій. Напримѣръ, небезразлично—гдѣ выйдутъ статьи объ олонецкихъ сказителяхъ, о малорусскихъ кобзаряхъ, о коломыйкахъ, о заплаткахъ, о думахъ—однѣ статьи будутъ понятнѣе и плодотворнѣе на сѣверѣ, другія на югѣ. Можно, напримѣръ, на югѣ еще говорить въ научно-популярной книгѣ „о пивничномъ океанѣ“, какъ неизмѣнномъ и вѣчномъ явленіи природы, хотя, быть можетъ, статья о морѣ Черномъ или Азовскомъ была бы и здѣсь болѣе умѣстна; но напрасная трата времени и средствъ распространяться здѣсь о временномъ и измѣнчивомъ культурномъ явленіи, напр., дѣвичникѣ, свадебныхъ плачеяхъ, люкшинъ прячѣ или турпанѣ (свадебные хлѣбы). Съ другой стороны, для сѣверянъ мало интереса и мало пользы представляли бы, напримѣръ, статьи о забытыхъ здѣсь давно яичныхъ писанкахъ, особенно на дальнемъ сѣверо-востокѣ, гдѣ самое куриное яйцо, по мягкости скорлупы, не годится для окраски. Научно-популярная литература по фольклору, абсолютно не признающая мѣстно-этнографической точки зрѣнія, легко можетъ превратиться въ собраніе курьезовъ и раритетовъ.

Установленіе этихъ общихъ требованій считаемъ не лишнимъ предпослать разсмотрѣнію брошюры М. А. Андріевскаго о думѣ про азовскихъ братьевъ. На мой взглядъ, сочиненіе это представляется весьма полезнымъ въ научно-популярномъ отношеніи, не смотря на неполноту и погрѣшности въ объясненіи нѣкоторыхъ частностей думы.

Въ III т. „Истор. русск. этногр." А. Н. Пыпина М. А. Андріевскій не упоминается. Довольно подробная біографія М. А. Андріевскаго, по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ брата его А. А. Андріевскаго, напечатана въ I т. „Крит.-біографич. словаря" *Венгерова*, стр. 963—964. Въ настоящемъ случаѣ мы заимствуемъ изъ этой біографіи нѣсколько главныхъ фактовъ. Митрофанъ Александровичъ Андріевскій, сынъ священника, родился въ г. Каневѣ кіевской губ., получилъ образованіе въ кіевской 2 гимназіи и потомъ въ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ кандидатомъ по историко-филол. факультету въ 1862 г. Въ 60-хъ годахъ онъ былъ учителемъ русск. словесности въ ровенской гимназіи, потомъ въ коростышевской учительской семинаріи, въ 70-хъ—въ екатеринославскомъ реальномъ училищѣ, съ 1885 г. инспекторомъ народныхъ училищъ въ г. Мелитополѣ. Скончался въ 1887 г. У М. А. Андріевскаго была склонность къ научнымъ занятіямъ, но разныя житейскія невзгоды и кочевая учительская жизнь помѣшали ему заявить себя крупными научными трудами. Съ университетской скамьи у М. А. были двѣ излюбленныя темы: изслѣдованіе малорусскаго глагола и изслѣдованіе текста Слова о Полку Игоревѣ. Послѣднее изслѣдованіе выразилось въ 2 печатныхъ выпускахъ. Здѣсь много произвольныхъ и ошибочныхъ толкованій текста. Въ „Кіев. Старинѣ" М. А. напечаталъ нѣсколько статей по южно-русской исторической топографіи (1882, № 9, 1883, № 9—10 и 1885 № 6).

Въ основу статьи объ азовскихъ братьяхъ легла публичная лекція, прочитанная 20 марта 1883 г. въ г. Екатеринославѣ съ благотворительной цѣлью. Выборъ темы весьма удачный. Сцена дѣйствія въ думѣ—восточная часть екатеринославщины; вся историческая и бытовая обстановка думы отчасти можетъ быть разъяснена тѣми историческими преданіями, которыя до сихъ

поръ сохранились въ наднѣпрянскихъ селахъ екатеринославской губ., въ окрестностяхъ самаго Екатеринослава. Исполненіе также удачное. Наряду съ извѣстными данными, которыя авторъ располагаетъ въ ясномъ, систематическомъ порядкѣ и излагаетъ яснымъ языкомъ, идутъ интересные научные комментаріи, освѣщающіе думу въ цѣломъ и въ частяхъ, съ сохраненіемъ жизненнаго ея колорита.

Малорусскія думы и колядки, болѣе чѣмъ какіе-либо другіе отдѣлы народной словесности, заслуживаютъ популяризаціи въ виду ихъ высокихъ художественныхъ достоинствъ и глубоко проникающаго ихъ чувства человѣколюбія. „Истинная жизнь, говоритъ гр. *Л. Н. Толстой* (въ „Ma religion"), есть та жизнь, которая прибавляетъ нѣчто ко благу, собранному поколѣніями прошедшими, которая умножаетъ это наслѣдство въ настоящемъ и завѣщаетъ его поколѣніямъ будущимъ". Относительно эпическаго творчества прямая преемственная нить потеряна безвозвратно; но возможно еще удержать и распространить его нравственные элементы въ хорошо поставленной народно-популярной и педагогической литературѣ. Здѣсь умѣстно привести слѣдующее замѣчаніе знаменитаго покойнаго слависта Миклошича: „Съ теченіемъ времени, когда подъ вліяніемъ наступательнаго движенія цивилизаціи заглохнутъ послѣдніе звуки эпическихъ пѣсенъ, дѣти новаго времени станутъ обращаться къ этимъ прекраснымъ созданіямъ народной мысли и фантазіи и въ эпическихъ пѣсняхъ переживать свою молодость и юность своего народа (*Miklosich*, Die Serbische Epik, 3).

Для Россіи сѣверной и южной наступило уже такое время. Сказители и кобзари отошли въ область историческаго прошлаго; но значительная часть ихъ прекраснаго достоянія закрѣплена въ печати, и теперь представляется вполнѣ умѣстнымъ и своевременнымъ дать этому достоянію широкое распространеніе доступными книжными средствами. Относительно великорусскаго эпоса такое дѣло уже начато и ведется довольно успѣшно, чего нельзя сказать про памятники болѣе художественнаго и болѣе сильнаго нравственными элементами эпоса малорусскаго. Составители и издатели дѣтскихъ книгъ давно уже обратили вни-

маніе на русскія былины, и главнѣйшія былины нѣсколько разъ изданы въ передѣлкѣ и въ пересказахъ. Сначала появились пересказы отдѣльныхъ былинъ: „Добрыня Малковичъ“ *Разина*, „Послѣдняя богатырская дружина“ *Разина*, „Илья Муромецъ“ *Острогорскаго*. Книжки эти вышли въ концѣ шестидесятыхъ и въ семидесятыхъ годахъ. Въ нихъ отмѣчены выдающіеся моменты дѣятельности Добрыни и Ильи. Авторы кое гдѣ вставили собственные стихи въ духѣ былинъ. Въ 1880 г. вышелъ уже сводъ изданныхъ образцовъ народной эпической поэзіи,—„Книга былинъ“—*Авенаріуса*. Появленіе этого свода былинъ, предназначеннаго для дѣтскаго чтенія, было привѣтствовано въ педагогической литературѣ, какъ явленіе радостное, удовлетворяющее потребности сближенія общества съ народомъ, и вскорѣ вызвало подражанія. Такъ за „Книгой былинъ“ Авенаріуса послѣдавало изданіе редакціей журнала „Русскій начальный учитель“ составленнаго Бунаковымъ сборника былинъ для народнаго чтенія, съ примѣчаніями, и изданіе Девріеномъ сборника народныхъ былинъ въ пересказѣ *О. И. Шмидтъ-Москвитиной*. Послѣдній сборникъ представляетъ большой томъ, съ восемью хромолитографіями, исполненными по акварелямъ Н. Н. Каразина. Въ „Русскіе Богатыри“ Москвитиной вошло 15 былинъ кіевскаго цикла и 2 былины цикла новгородскаго. Изданіе „Русскихъ Богатырей“ Москвитиной сопровождалось слѣдующей дѣльной по мысли рекламой: „Ребенокъ живетъ преимущественно чувствомъ, воображеніемъ, легко увлекается силою физическою, безъ труда чудесное, сверхъестественное признаетъ за дѣйствительное...; ему родственны произведенія народнаго чувства; онъ способенъ ихъ понять непосредственнымъ чувствомъ. Русскому ребенку особенно близки русскія былины. Въ нихъ выражается міросозерцаніе нашихъ предковъ, ихъ отношеніе къ природѣ, тѣ вѣрованія, стремленія, которыя легли въ основу народнаго міросозерцанія. Вотъ почему былины составляютъ необходимый воспитательный элементъ; чѣмъ полнѣе ребенокъ проникнется ихъ духомъ, чѣмъ точнѣе онъ ихъ усвоитъ, тѣмъ болѣе данныхъ постичь впослѣдствіи индивидуальное воззрѣніе русскаго народа. Національность одно изъ необходимыхъ условій здороваго вос-

питанія". Это замѣчаніе, справедливое относительно былинъ, съ полной основательностью можетъ быть приложено къ колядкамъ и думамъ, какъ къ художественнымъ и правдивымъ произведеніямъ народнаго словеснаго творчества. Извѣстный переводчикъ Пушкина и Лермонтова нѣмецкій поэтъ *Фр. Боденштедтъ* при изданіи перевода избранныхъ народныхъ малорусскихъ пѣсенъ на нѣмецкій языкъ, „Die poetische Ukraine, eine Sammlung kleinrussischer Volkslieder" (Stuttgart, 1845), замѣтилъ, что „ни въ какой другой землѣ дерево народной поэзіи не принесло такихъ величественныхъ плодовъ, нигдѣ духъ народа не запечатлѣлся такъ живо и свѣтло въ пѣсняхъ. какъ у малороссовъ. Какое трогательное вѣяніе грусти, какія прямо человѣческія чувства высказываются въ пѣсняхъ, которыя козакъ поетъ на чужбинѣ! Какая нѣжность вмѣстѣ съ мужественною силою проникаетъ его любовныя пѣсни! Надо еще особенно выставить на видъ тактъ и цѣломудріе, которые господствуютъ въ этихъ пѣсняхъ". *Лукичъ* въ Slavische Blätter говоритъ, что „народная поэзія малороссовъ самая богатая въ Европѣ. Она отличается эстетическими достоинствами и поэтическимъ вдохновеніемъ, мѣткостью выраженія и имѣетъ въ себѣ нѣчто поднимающее, величественное, нѣчто чувствительно трогательное, меланхолическое и живописное". *И. В. Ягичъ* въ статьѣ „Дунай въ славянской народной поэзіи" называетъ малорусскую народную поэзію самой богатой, задушевной и прекрасной славянской народной поэзіей [1]). Подобнаго рода отзывы о малорусской народной поэзіи находятся въ сочиненіяхъ другихъ иностранцевъ, писавшихъ о Россіи, у Тальви, Рамбо, Ральстона [2]).

Въ колядкахъ и думахъ заключаются прекрасные элементы для развитія въ молодежи гуманизма, ласки и привѣтливости, напр., въ колядочныхъ пожеланіяхъ добра, въ колядочныхъ описаніяхъ семейныхъ добродѣтелей (напр. у Головацкаго IV, 128—129), въ описаніи военныхъ доблестей, въ высокой постановкѣ въ думахъ матери.

---

[1]) *Archiv*, fur. Slav. Phi ol. 1876. I.

[2]) Записки Юго-Запад. Отд. Геогр. Общ. т. II, стр. 48.

Научно-популярной статьѣ М. А. Андріевскаго о думѣ про бѣгство трехъ братьевъ изъ Азова предшествовала одна попытка популизировать эту замѣчательную думу среди юношества—разумѣемъ пересказъ трехъ казацкихъ думъ о турецкой неволѣ, сдѣланный *А. Степовичемъ* въ изданномъ въ 1879 г. редакціей журнала „Женское Образованіе" Сборникѣ статей и разсказовъ для юношества. Г. Степовичъ перевелъ прозой на русскій языкъ думы о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова, о Самуилѣ Кошкѣ и о Марусѣ Богуславкѣ, съ небольшимъ предисловіемъ. Въ „Сборникѣ" статья г. Степовича стушована другими болѣе обширными статьями инсереснаго историческаго содержанія („Магометанство и арабы Ѳ. Булгакова, Микель-Анджело А. Прахова и др.). Статья г. Степовича исключительно популярная и ничего не вноситъ собственно для объясненія текста думъ. Авторъ и не задавался какими-либо научными цѣлями.

Иначе поставлено дѣло популяризаціи думы въ статьѣ М. А. Андріевскаго. Авторъ, подчеркивая въ предисловіи популярное назначеніе своей статьи, въ смыслѣ преднамѣреннаго выбора общезанимательной темы и общедоступнаго изложенія, въ то же время добавляетъ, что желаетъ „сохранить сколько-нибудь и характеръ научный". И дѣйствительно, статья М. А. А. представляется полезнымъ научнымъ изслѣдованіемъ о думѣ про бѣгство трехъ братьевъ изъ Азова, а если принять во вниманіе, что объ этой думѣ въ научной печати есть только нѣсколько краткихъ замѣчаній Потебни, то статью А. можно признать почти единственнымъ научнымъ изслѣдованіемъ думы. Научное значеніе статьи обусловливается не столько малочисленными примѣчаніями, на которыя ссылается авторъ, сколько самой статьей, гдѣ подробно (на 68 стран.), ясно и послѣдовательно обозрѣно содержаніе думы и характерныя ея подробности.

Въ началѣ статьи находятся вступительныя замѣчанія о думѣ, ея варіантахъ и изводахъ, затѣмъ слѣдуютъ предварительныя географическія поясненія пути, которымъ бѣжали братья, и историческія поясненія времени возникновенія думы (въ XVI стол.), времени бѣгства (весной) и изложеніе самаго содержанія думы, въ которомъ авторъ различаетъ основную часть и заклю-

чительную. Въ основную часть входитъ описаніе бѣгства братьевъ по степи азовской (по мнѣнію А. на лѣвомъ берегу Дона, нынѣ задонской степи), въ зеленыхъ байракахъ (по Міусу, Калміусу и Волчьей рѣкамъ) и на Муравской дорогѣ (между Волчьей и Самарой). Авторъ при этомъ дѣлаетъ характеристику старшаго, средняго и младшаго брата. „Дума наша, говоритъ А., не описываетъ наружности братьевъ, тѣмъ не менѣе личности каждаго изъ трехъ братьевъ по своимъ внутреннимъ душевнымъ качествамъ, обособляются или, какъ говорится, индивидуализируются съ поразительнымъ мастерствомъ. Дума слѣдитъ за малѣйшими душевными движеніями братьевъ, читаетъ сокровенное въ ихъ сердцахъ". Въ заключительную часть А. относитъ пребываніе старшихъ братьевъ у Самары, на родинѣ и воспоминанія о младшемъ братѣ. Въ концѣ статьи авторъ слишкомъ много распространяется о призракѣ младшаго брата, упоминаемомъ мимоходомъ въ одномъ лишь варіантѣ думы.

Въ V кн. „Кіевской Старины" 1884 года *г. Нейманъ* помѣстилъ обширную рецензію на статью Андріевскаго. Отзываясь съ похвалой о намѣреніи А. популяризировать думу о бѣгствѣ 3 братьевъ, г. Н. къ 9 варіантамъ думы, указаннымъ А., добавляетъ 10-ый Браецы во II т. Зап. юго-запад. отд. Геогр. Общ. и основательно отвергаетъ дѣленіе варіантовъ думы на три редакціи и дѣленіе содержанія думы на основную и заключительную части. Г. Нейманъ находитъ далѣе, что авторъ придаетъ слишкомъ много цѣны географическимъ названіямъ думы и по нѣкоторымъ сомнительнымъ пунктамъ (напр. Савуръ могилѣ) насильно сводитъ географическую терминологію думы къ современной картѣ. Далѣе г. Нейманъ также вполнѣ основательно указываетъ на произвольную замѣну кукушки ласточкой, на ошибочное предположеніе о существованіи у турокъ срочной и безсрочной неволи и на нѣсколько мелкихъ погрѣшностей при переводѣ словъ „леліе" (не чернѣетъ, а блеститъ) „вакуваты" (корень слова латинскій, а не татарскій), „отцева-матчына молитва" (молитву не объ отцѣ и матери, а о себѣ). Г. Нейманъ находитъ въ характеристикѣ братьевъ произвольныя подчеркиванія и ставитъ автору въ вину, что въ статьѣ

нѣтъ ничего ни о формѣ думъ, ни о пріемахъ эпическаго сравненія, ни о языкѣ.

Къ этимъ замѣчаніямъ мы добавимъ немногое. При спеціальномъ изученіи думы о трехъ братьяхъ нужно имѣть въ виду историческія комментаріи Антоновича и Драгоманова, филологическія—Потебни и географическія—Андріевскаго. При всѣхъ этихъ замѣчаніяхъ остается еще довольно обширное поле для спеціальнаго изученія этой въ высокой степени замѣчательной думы. Что въ особенности выдается въ этой думѣ—это общая историческая правда, рядомъ съ которой частныя характеристики имѣютъ мало значенія. Важно не то, что какихъ-то три брата бѣжало по описанному пути въ данной обстановкѣ, а то, что тутъ собраны всѣ характерныя черты всѣхъ побѣговъ малорусскихъ невольниковъ изъ азовскаго плѣна, что дана широкая и правдивая историческая картина страны и народа въ XVI ст. Самый основной мотивъ думы—три брата, по моему мнѣнію, не бытовой, а эпическій. Трудно допустить, чтобы три брата были въ одно время взяты въ плѣнъ, въ теченіе многихъ лѣтъ жили у одного хозяина, на одномъ мѣстѣ и бѣжали въ одно время, чтобы старшій былъ такъ безсердеченъ и жестокъ, а младшій такъ довѣрчивъ и добродушенъ. Я думаю, что и здѣсь обнаружилось обычное въ пѣсняхъ и сказкахъ троеніе, что три брата думы такіе же, какъ въ сказкахъ, два жестокихъ, третій добрый. Троеніе захватываетъ многіе предметы (три дороги, три сада, три недоли и пр.), захватываетъ, между прочимъ, и семейно-родственныхъ лицъ. Извѣстны, напримѣръ, пѣсни о вдовѣ и трехъ ея дочеряхъ (въ Zbiór wiadomosci VIII 42), о вдовѣ и трехъ ея сыновьяхъ (малорусская дума), болгарская колядка о трехъ братьяхъ (*въ Сборн.* за нар. умотв. VII, 15).

Въ предѣлахъ содержанія думы заслуживаютъ вниманія двѣ интересныхъ подробности—способы указанія пути сломанными вѣтвями и кусками платья. Любопытно было бы сопоставить ихъ съ другими архаическими способами извѣщенія, криками (слава! караулъ!), свистками, сожиганіемъ костровъ (позднѣе смоляныхъ бочекъ), зарубками на деревѣ. Любопытно, что

обычай обозначить путь по зарубкамъ на деревѣ упоминается въ малорусскихъ актахъ XVI вѣка.

Францъ Ржегоржъ.

Имя г. Ржегоржа совсѣмъ неизвѣстно въ научной русской литературѣ. По крайней мѣрѣ, я не встрѣчалъ его ни разу ни въ Исторіи рус. этнографіи г. Пыпина, ни въ обстоятельныхъ библіографическихъ отчетахъ Этнографическаго Обозрѣнія. Эта неизвѣстность г. Ржегоржа обусловливается тѣмъ, что онъ пишетъ исключительно о галичанахъ, пишетъ на чешскомъ языкѣ, въ чешскихъ большею частью малоизвѣстныхъ изданіяхъ. Но въ Галичинѣ хорошо знаютъ и высоко цѣнятъ г. Р., какъ трудолюбиваго, свѣдущаго и гуманнаго изслѣдователя мѣстной народной жизни. Въ 15 № „Зори“ за 1891 г. напечатана г. Белеемъ небольшая біографія г. Ржегоржа и приложенъ портретъ. Къ сожалѣнію, это біографія жидкая; въ ней нѣтъ указаній, гдѣ напечатаны статьи г. Ржегоржа, нѣтъ обзора ихъ содержанія. Указанія этого рода тѣмъ болѣе умѣстны, что *г. Белей*, повидимому, находится въ близкихъ отношеніяхъ къ г. Ржегоржу и, главное, что труды г. Ржегоржа, между прочимъ, печатались въ такихъ чешскихъ изданіяхъ, какъ Světozor, Zlata Praha, Lada, Vesna, Květy, Lumir, Ruch, изданіяхъ совсѣмъ неизвѣстныхъ въ Россіи. Г. Белей подчеркиваетъ доброжелательное отношеніе г. Ржегоржа къ галицко-русскому народу, что тѣмъ болѣе обязываетъ галицкаго писателя къ подробному обзору литературно-научной дѣятельности г. Ржегоржа. Затѣмъ, помимо доброжелательства, статьи г. Ржегоржа представляются интересными съ научной точки зрѣнія. На мой взглядъ, такая статья, какъ печатаемая въ настоящее время въ Osvěta, объ отношеніи галицкихъ жидовъ къ русинамъ, представляетъ высокій интересъ, этнографическій и соціальный, и по изложенію, и по содержанію, можетъ быть признана образцовой научно-популярной статьей.

Ф. Ржегоржъ—чехъ по происхожденію, медикъ по спеціальности. Онъ родился въ 1857 г. въ Чехіи въ крестьянской семьѣ,

получилъ образованіе на родинѣ (въ краледворской гимназіи), въ 1877 г. переселился въ Галицію и здѣсь занялся сельскимъ хозяйствомъ, сблизился съ малорусскимъ народомъ, полюбилъ его и посвятилъ рядъ статей описанію его быта. Г. Белей упоминаетъ только о статьяхъ: „Pan i chlop v rusinske vsi v Haliči," „Prochazka rusinskou vsi", „Rusinsky zahorodnyk", „Rusiny v domacim hospodarstvi" и „Ze života židův mezi Rusiny". Годи намъ, говоритъ г. Белей, наводыты ось-тутъ вси писаня Ф. Ржегоржа; есть ихъ дуже багато".

Въ началѣ 1892 г. Ржегоржъ напечаталъ въ галицкихъ газетахъ воззваніе о доставленіи ему свѣдѣній по этнографіи Галицкой Руси, причемъ г. Р. сообщаетъ, что онъ подготовляетъ полное изданіе своихъ этнографическихъ статей о галицкой Руси на чешскомъ языкѣ. Первый томъ онъ предполагаетъ посвятить описанію галицко-русской свадьбы и обычаевъ, связанныхъ съ различными днями церковнаго года по уніатскому календарю. Особенное значеніе г. Р. приписываетъ народнымъ обычаямъ русскихъ горцевъ подъ Бескидами (*Славян. Обозр.* 1892 г. II 289).

Мнѣ извѣстны двѣ статьи г. Р.: „*Lidova lečba* и *haličskych Malorusů* въ „Časopis Musea českeho" 1891 г. LXV и „*Zidé v Haliči*" въ „Osveta" 1892.

Въ статьѣ о народной медицинѣ галицкихъ малоруссовъ перечислены, а мѣстами и описаны народныя лѣчебныя средства отъ головной боли, кори, оспы, рожи, коросты, опухолей, лишаевъ и др. Приведено нѣсколько заговоровъ, не представляющихъ чего либо оригинальнаго. Указано много лѣчебныхъ травъ. Вообще, эта статья составляетъ полезный вкладъ въ малорусскій фольклоръ. Въ послѣднее время въ западной Европѣ и въ Россіи обращено серіозное вниманіе на народную медицину. Въ научной литературѣ извѣстны довольно крупные сборники и изслѣдованія—*Блэка* (Black) объ англійской народной медицинѣ, *Рубіо*—испанской, *Яна* (и др.)—нѣмецкой, *Удзѣлы*—польской, *Флоринскаго*—о старинныхъ травникахъ и лѣчебникахъ, *Демича* о народномъ акушерствѣ и гинекологіи, *Даля* и *Аршинова*—о великорусской народной медицинѣ, *Чу-*

бинскаго (въ „Трудахъ“) и *Коваленка* (въ Этногр. Обозр. 1891 г.) о малорусской.

Гораздо болѣе крупной статьей представляется статья объ экономическомъ и соціальномъ положеніи евреевъ въ Галиціи въ 5, 6, 7 и 8 №№ „Osvĕta“ 1892 года. Авторъ по личнымъ наблюденіямъ обрисовываетъ печальную картину порабощенія и развращенія галичанъ, преимущественно лемковъ, въ рукахъ хищнаго еврейства. Главное соціальное зло Галиціи, по словамъ г. Р., есть кабакъ, немыслимый здѣсь отдѣльно отъ еврея. Это очагъ лихоимства, пьянства, разврата и преступленія. Евреи спаиваютъ народъ всѣми средствами, поддерживаютъ и развиваютъ въ селахъ воровство, награждая дѣтей за покражу яицъ, укрывая конокрадовъ, передерживая и сбывая уворованныя вещи. Здѣсь все построено на обманѣ, начиная отъ фальшивыхъ мѣръ и вѣса. Еврейская корчма поглощаетъ въ 19 разъ болѣе средствъ, чѣмъ сколько идетъ на школу. Всякая заботливость объ экономическомъ, соціальномъ, духовно-нравственномъ подъемѣ народа со стороны отдѣльныхъ лицъ изъ среды галицко-русской интеллигенціи идетъ въ разрѣзъ съ еврейскими интересами и встрѣчаетъ прямое противодѣйствіе со стороны евреевъ. Число евреевъ, ихъ благосостояніе увеличивается въ прямой ущербъ христіанскому земледѣльческому населенію страны.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Старинная запись народныхъ малорусскихъ думъ съ обзоромъ варіантовъ къ нимъ.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ мы познакомились въ первый разъ съ старинною записью народныхъ малорусскихъ думъ, принадлежавшей нѣкогда покойному А. А. Котляревскому. Тогда же явилось у насъ желаніе заняться изученіемъ думъ, но, подготовляя матеріалъ для этого изученія, мы упустили изъ виду самую рукопись, и только благодаря любезности Н. А. Котляревскаго, предоставившаго ее въ распоряженіе редакціи „Кіевской Старины“, рѣшились мы привести наши мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ въ систематическій порядокъ.

Отрывки изъ девяти думъ, помѣщенныхъ въ рукописи, напечатаны были Н. И. Костомаровымъ въ извѣстномъ трудѣ его, помѣщенномъ въ „Русской Мысли“ за 1880 и 1883 гг. подъ заглавіемъ „Исторія козачества въ памятникахъ южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества“. Въ видѣ дополненія къ нашему труду издаемъ полный текстъ всѣхъ тринадцати думъ, находящихся въ рукописи, освободивъ его отъ своеобразной транскрипціи, которую сообщилъ ему Н. И. Костомаровъ, и сохранивъ всѣ орфографическія особенности подлинника.

Рукопись, въ самомъ дѣлѣ, заслуживаетъ такого изданія, потому что она представляетъ едва-ли не самую давнюю запись малорусскихъ думъ прямо изъ устъ народныхъ. На заглавномъ листѣ ея стоятъ слѣдующія любопытныя строки, написанныя, судя по почерку, рукою самого составителя рукописи: „Повѣсти

малороссійскія числомъ 16[1]). Списаны изъ устъ слѣпца Ивана, лучшаго рапсодія, котораго засталъ я въ Малороссіи въ началѣ XIX вѣка". Кто былъ этотъ списатель, не видно изъ рукописи, но слова его находятся въ полномъ согласіи съ водяными знаками бумаги, на которой написана вся рукопись: на синихъ листахъ ея, на которыхъ помѣщены самыя „Повѣсти малороссійскія", водяные знаки относятся къ 1808 году, а на бѣломъ заглавномъ листѣ, который пришитъ къ рукописи, повидимому, послѣ того, какъ она была написана, водяные знаки указываютъ на 1827 годъ. Принимая во вниманіе эти данныя, можно полагать, что рукопись современна первому (цертелевскому) изданію малорусскихъ думъ (1819 г.), а можетъ быть, и древнѣе его.

Всѣхъ листовъ въ рукописи включительно съ заглавнымъ, составляющимъ обвертку ея, восемь съ половиною, полулистовъ семнадцать. Пагинаціи листовъ нѣтъ, но каждая пьеса отмѣчена числомъ. Думы и пѣсни расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Три брата въ плѣну въ Азовѣ, 2) Козакъ Иванъ Коновченко изъ города Черкассъ, 3) Пирятинскій поповичъ Алексѣй, 4) Федоръ безродной, 5) Три брата Самарскіе, 6) Атаманъ Матяшъ старый, 7) Козакъ прощается съ сестрами, 8) Братъ да сестра, 9) Кишка Самыйло, 10) Иванецъ богославецъ гет: Запорож:, 11) Вдова въ городѣ Чечельницѣ (въ Польшѣ), 12) Дворянская жена, 13) Чечотка, 14) Попадья, 15) Разговоръ Днѣпра съ Дунаемъ, 16) Вдова Сирка Ивана. Послѣ этой послѣдней думы стоитъ непонятное для насъ слово: *Сабардакъ*. Отъ предшествующаго текста оно отдѣлено чертой и само подчеркнуто. Едва-ли, впрочемъ, это есть заглавіе новой, не записанной пьесы, потому что передъ нимъ нѣтъ обычной нумераціи.

За исключеніемъ перваго полулиста, всѣ остальныя пьесы писаны въ сплошную строку, безъ раздѣленія на стихи. Нерѣдко встрѣчаются сокращенія обычныхъ, часто повторяющихся фразъ и собственныхъ именъ. Вообще же письмо четкое и до-

[1]) Есть въ рукописи, кромѣ думъ, три извѣстныя пѣсни—тоже изъ кобзарскаго репертуара: „Дворянская жена", „Чечотка" и „Попадья".

вольно разборчивое. Только буквы *е* и *я* въ окончаніяхъ словъ пишутся однообразно и сбивчиво. Что касается до правописанія рукописи, то въ этомъ отношеніи она представляетъ немало любопытныхъ данныхъ, для объясненія которыхъ мы должны сдѣлать нѣкоторыя историческія справки.

Извѣстно, что во второй половинѣ прошлаго вѣка литературная русская рѣчь, регулированная Ломоносовымъ, начала проникать въ кіевскую академію, которая въ то время была еще всесословнымъ учебнымъ заведеніемъ и, вмѣстѣ съ коллегіумомъ харьковскимъ и семинаріями переяславской и черниговской, служила разсадникомъ просвѣщенія для всего юга Россіи. Этому много содѣйствовали митрополиты кіевскіе, заканчивавшіе свое образованіе на сѣверѣ или же являвшіеся оттуда на митрополію. Таковъ былъ Гавріилъ Кременецкій (1770—1783), при которомъ началась реформа въ положеніи малорусскаго духовенства, и особенно Самуилъ Миславскій (1783—1796), при которомъ послѣдовало приведеніе кіевской епархіи въ штатное положеніе. Оба они всѣми мѣрами старались поставить кіевскую академію въ такое положеніе, чтобы она могла удовлетворять общимъ требованіямъ просвѣщенія, обязательнымъ во всемъ государствѣ, поэтому они стремились уравнять ее съ великорусскими учебными заведеніями и со стороны языка. Какъ смотрѣлъ Кременецкій на старинную малорусскую рѣчь, видно изъ доклада его св. Синоду, что „въ каѳедральной библіотекѣ кіевской оказался между прочими лѣтописцами одинъ лѣтописный въ семидесяти четырехъ листахъ хроникон, существомъ матеріи до россійской исторіи касающійся, но къ изданію въ печать, развѣ за переводомъ на чистой россійской слогъ изъ нарѣчія, которое больше походитъ на простонародное старинное здѣшнее съ польскимъ и славенскимъ смѣшанное, годнымъ быть могъ“ [1]). Синодъ приказалъ кіевскому митрополиту послать эту хронику къ архіепископу Платону. Самуилъ Миславскій былъ членомъ россійской академіи, которая, какъ извѣстно, учреждена была для разработки русскаго языка. Новиковъ

[1]) О лѣтописяхъ, изданныхъ отъ св. Синода, Д. Полѣнова. 7.

считалъ его писателемъ „изобильнымъ въ знаніи россійскаго слова“ [1]). Неудивительно поэтому, что Самуилъ обращалъ особенное вниманіе на преподаваніе въ кіевской академіи русскаго языка. Онъ требовалъ отъ воспитанниковъ ея, чтобы они учили оды Ломоносова наизусть, при чемъ сами они должны были упражняться въ сочиненіи стиховъ, наблюдая „остроту въ эпиграммахъ, нѣжность въ мадригалахъ, простоту въ басняхъ, удовольствіе въ пѣсняхъ, страданіе въ элегіи, искренность въ сатирѣ, восторгъ въ одѣ, ужасъ и жалость въ трагедіи, смѣхъ и обманы въ комедіи“ [2]). Въ 1784 году онъ приказалъ студенту богословія Дмитрію Сигаревичу, уроженцу московской губерніи, „быть учителемъ россійской поэзіи и элоквенціи по правиламъ поэзіи, напечатаннымъ въ Москвѣ, ораторіи-же—по правиламъ господина Ломоносова“ [3]). „Вмѣстѣ съ тѣмъ, говоритъ историкъ кіевской академіи Аскоченскій, на счетъ академіи отправлены были три студента (Никита Соколовскій, Павелъ Логиновскій и Даніилъ Домонтовичъ) въ московскій университетъ съ крѣпкимъ наказомъ, чтобы они какъ можно старались изучить великорусскій говоръ и произношеніе. По окончаніи курса наукъ они обязаны были возвратиться въ Кіевъ для занятія учительскихъ должностей. Наличные учителя также въ свою очередь получили отъ митрополита предписаніе наблюдать, сколько возможно, чтобъ въ ихъ урокахъ не страдалъ русскій языкъ. Іеродіакону Анатолію, назначенному преподавателемъ исторіи и географіи, строго указано было изъяснять оныя на россійскомъ языкѣ съ наблюденіемъ выговора, какой наблюдается въ Великороссіи. Такой же приказъ получилъ учитель французскаго языка Лапкевичъ. Самыя дѣти не оставлены были безъ вниманія ревнительнымъ архипастыремъ. Онъ учредилъ особаго репетитора въ сиротскомъ домѣ (бурсѣ) для обученія живущихъ тамъ мальчиковъ россійской грамотѣ, подтвердивъ и ему, какъ можно болѣе, стараться о правильномъ выговорѣ. Настойчивость Са-

[1]) Исторія россійской академіи, Сухомлинова, 186.

[2]) Ibidem, 189.

[3]) Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ академіею, Аскоченскаго, т. II, 342.

муила была такъ велика, что нѣкоторые наставники откровенно отнеслись къ нему съ представленіемъ о своей неспособности исполнять его волю, извиняясь тѣмъ, что они никакъ не въ состояніи перемѣнить своего малороссійскаго выговора“ [1]).

Въ такомъ же духѣ и направленіи составлялись грамматическіе учебники и руководства для малороссіянъ.

Мы имѣемъ подъ руками любопытную въ этомъ отношеніи книгу подъ заглавіемъ: „Правила о произношеніи россійскихъ буквъ и о исправномъ тѣхъ же въ новѣйшемъ гражданскомъ письмѣ употребленіи или о правописаніи, собранныя изъ россійскихъ грамматикъ въ 1772 г.“. Составитель этихъ правилъ заботливо отмѣчаетъ погрѣшности правописанія, происходящія отъ малороссійскаго выговора, напримѣръ, отъ произношенія во всѣхъ словахъ, безъ разбору, *и* какъ *ы* (стр 11), отъ смѣшенія твердаго и мягкаго *л* (*похвалный*, *мольва*) (стр. 13), отъ произношенія *ѣ* какъ *и*—„что весьма слуху противно“ (стр. 12). Отмѣчены также особенности великорусскаго выговора, напримѣръ, превращеніе въ концѣ словъ звучныхъ согласныхъ въ отзвучные (*берекъ*, *дорокъ*, вмѣсто *берегъ*, *дорогъ*) (стр. 11),—въ родит. падежѣ именъ прилагат. мужес. и сред. р. *во* вмѣсто *го* (ibid.), произношеніе *о* безъ ударенія, какъ *а* (стр. 9). Къ послѣдней особенности авторъ относится снисходительно. „Иногда, говоритъ онъ, пишутъ въ именит. падежѣ именъ прилагат. вмѣсто *ы* или *і* буквы *о* или *е*. Это происходитъ отъ единаго подражанія простому выговору, почему московской нѣжной выговоръ необходимо произноситъ *о* какъ *а*“ (стр. 42).

Другой подобнаго рода учебникъ правописанія изданъ былъ въ Харьковѣ въ 1782 году подъ заглавіемъ: „Краткія правила россійскаго правописанія, изъ разныхъ грамматикъ выбранныя и по свойству украинского діалекта для употребленія малороссіянамъ дополненныя“ [2]). Составитель его, Переверзевъ, въ отдѣлахъ о склоненіи и спряженіи ограничивается

---

[1]) Ibidem, 343.

[2]) Второе изданіе было въ 1787 г. Есть въ библіотекѣ Академіи наукъ. Мы пользовались этимъ послѣднимъ изданіемъ.

ссылками на соотвѣтствующіе параграфы въ грамматикѣ Ломоносова (стр. 36, 38). Онъ указываетъ нѣкоторыя малорусскія формы, отступающія отъ великорусскихъ (напр: *бере, ѣдемо, писавъ* вмѣсто *беретъ, ѣдемъ, писалъ*, будущее сложное отъ *имамъ*, „въ книгахъ не употребительное"), но главное вниманіе свое онъ сосредоточиваетъ на звукахъ. Онъ предостерегаетъ отъ смѣшенія *и* съ *ы*: „Крайнѣ (sic) осторожно малороссіянамъ надлежитъ примѣчать, какъ изъ правилъ, такъ и изъ употребленія въ произношеніи, дабы по неосторожности не написать: *купылъ мило*; *онъ въ небитность вашу меня былъ предъ всѣмы*; *противъ нашей мислы и волы*; *чѣмъ бить, тѣмъ и слить*" (стр. 15). „Различіе, говоритъ онъ, должно примѣчать между слѣдующими реченіями: *никто, нѣкто; никакой, нѣкакой; нигдѣ, нѣгдѣ; никогда, нѣкогда*, понеже малороссіяне, слѣдуя выговору, сіи реченія одно вмѣсто другаго безъ разбору иногда употребляютъ" (стр. 18). „Предлогъ *съ* малороссіяне часто употребляютъ неправильно вмѣсто *изъ*, притомъ перемѣнивъ *с* въ *з*, наприм. говорятъ, а нѣкоторые и пишутъ: *здѣлаю зъ* дерева, пришли *зъ города*, *выѣхали зъ лѣсу*, выволокли *зъ ямы*, вмѣсто *здѣлаю* (sic) *изъ дерева*" и т. д. (стр. 28).

Есть одна замѣтка, касающаяся синтаксиса: „Малороссіяне неправильно употребляютъ: *купилъ рабочіе волы, гонитъ дойныя овцы* и проч. вмѣсто *воловъ, овецъ*" (стр. 37). Въ заключеніе сочинитель говоритъ: „ревностяый чистоты слова любитель не постыдится исправлять таковыя и симъ подобныя поползновенія въ себѣ самомъ и въ другихъ, прилагая къ правиламъ дѣйствительнаго наставника употребленіе".

Конечно, составитель нашей рукописи, записывая малорусскія думы изъ устъ лучшаго народнаго *рапсодія* своего времени, не могъ вполнѣ исправить въ себѣ самомъ *поползновенія* къ малорусской рѣчи, которую зналъ онъ, повидимому, съ дѣтства, поэтому во всей рукописи преобладаютъ звуки и формы малорусскія. Тѣмъ не менѣе есть въ ней нѣчто чуждое малорусскому нарѣчію.

Больше всего бросается въ глаза употребленіе буквы *ѣ*, посредствомъ которой изображается звукъ *е*, поэтому *ѣ* стоитъ

на мѣстѣ *е*, и обратно—*е* на мѣстѣ *ѣ*: *хмѣль* и *хмель*, *сѣдла* и *сéдла*, *слѣзами* и *слезами*, *наимѣньшій* и *наименьшому*, *тоненькѣ* (покрывало) и даже *поглядать* рифмуется съ глаголомъ *не мае*,—*кроме*, *выбегали* и проч.

Основные *о* и *е* большею частію замѣняются позднѣйшимъ *и* и даже *ы*, но встрѣчаются и такія начертанія, какъ *соль*, *пойди*, *на чужой* (сторонѣ), *только*, *дробными* (слезами).

Основное *и* выдерживается правильно, но попадается и *ы* вмѣсто *и*, напр. *милы* (имен. множ. отъ *милый*).

Въ словахъ отъ корня *бы* безразлично употребляются то *ы*, то *у*, впрочемъ, съ преобладаніемъ этого послѣдняго звука: *была*, *не бывала*, *прибывати* и *була*, *бувала*, *прибувати*.

Въ правописаніи согласныхъ звуковъ отмѣтимъ *л* вмѣсто *в*: *желтый*, *жилъ*, *выгонялъ*, *скаралъ*,—твердое *ц*: *отецъ*, *отца*, *сердцу*,—отзвучные согласные вмѣсто звучныхъ: *свалился*, *отцурались*, *не сбудили*, *отгадати*.

Но если всѣ эти фонетическія особенности правописанія (за исключеніемъ употребленія буквы *ѣ*) могли появляться и въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, и въ письменности малорусской первой половины XVIII вѣка, то нельзя того же сказать о словахъ и многихъ формахъ словъ, усвоенныхъ составителемъ рукописи не отъ народнаго *рапсодія*, который заинтересовалъ его своими *повѣстями*. Совсѣмъ не по-малорусски звучатъ, напримѣръ, слова: *гдѣ*, *что*, *чтобы*, *какъ*, *недалече*, *понедельникъ*, *человѣка*, *пчолы*, *отвѣчаетъ*. Сюда же относятся формы именъ существительныхъ: *маткѣ*, *въ пыли*, *въ степи*, *братцы* (есть и *братця*), *братьевъ*, *небывальцовъ* (есть и *братывъ*, *небывальцывъ*), формы именъ прилагательныхъ: *великое*, *божьей* (церкви), *божьяго* (есть и *божого*), *славнаго*, даже *другова*,—мѣстоименныя формы: *мнѣ*, *тебѣ*, *себѣ* (есть и *мени*, *мини*, *тоби*, *соби*), *меня*, *тебя*, *себя* (есть и *мене*, *тебе*), *онъ* (есть и *винъ*).

Все это формы великорусскія. Часто стоятъ онѣ, какъ видно изъ предыдущихъ примѣровъ, рядомъ съ малорусскими, особенно въ рифмахъ съ глагольными окончаніями: *догоняе*=*сьдаетъ*, *збудовавъ*=*скаралъ* и проч. Иногда онѣ оказываютъ

вліяніе одна на другую, и тогда получаются смѣшанныя комбинаціи—не то великорусскія, не то малорусскія, напр.: *не ймѣтъ* (мечъ), *втикалъ, не малъ, скорейше, мене, тебе* (дат. пад.), *тебѣ* (винит. пад.).

Можно полагать, что составитель рукописи не былъ твердъ и въ русскомъ правописаніи, основанномъ на грамматикѣ Ломоносова: объ этомъ свидѣтельствуютъ такія формы, какъ *въ поле, на горе, на море* вмѣсто *въ полѣ, на горѣ, на морѣ*, а также начертаніе предлоговъ въ предложныхъ словахъ и слѣяніе ихъ съ управляемыми словами, напримѣръ: *втикало, безъневинно, ввойнѣ, сплечь, вруки, справой* (руки) и т. п. Тѣмъ не менѣе онъ усвоилъ нѣкоторые пріемы грамматическаго письма, поддержанные привычкой къ литературной русской рѣчи въ живомъ употребленіи. Это видно, между прочимъ, изъ того, что ему чужды были нѣкоторыя грамматическія формы малорусскихъ словъ. Онъ пишетъ, напр: „Старшая сестра *выходила* (вмѣсто *выхождала*),

«Коня за поводы *хватала*»,—

или же:

«Бодай ты щастя—доли *не имѣлъ*» (вмѣсто *не мавъ*),
Что ты намъ объ меньшемъ сыну правды *не сказалъ*»,—

или же: „*по имѣнію*“ (вмѣсто *по имѣнню*), что совсѣмъ искажаетъ смыслъ рѣчи.

Такимъ образомъ нѣтъ въ нашей рукописи послѣдовательной и опредѣленной системы правописанія. Вотъ это отрицательное качество и сообщаетъ тексту ея внутренній признакъ достовѣрности. Составлена она, очевидно, безъ всякой предвзятой цѣли, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ поэтическаго матеріала, который передается въ сыромъ видѣ, безъ стилистической подкраски,—составлена при этомъ въ такое время, когда старинное малорусское правописаніе было уже забыто, а новые методы правописанія не были еще предложены, т. е. въ промежутокъ времени между 1808 и 1827 годами, отмѣченный водяными знаками бумаги, о которыхъ мы говорили выше.

Безъ всякаго сомнѣнія, свойствами рукописи въ значительной степени опредѣляется и цѣнность думъ, записанныхъ въ ней. Рукопись надежная и въ то же время давняя, слѣдовательно, мы имѣемъ въ ней твердую точку опоры для сравненія думъ въ разныхъ позднѣйшихъ записяхъ. Несовершенство правописанія не могло, конечно, не отразиться на художественномъ обликѣ нѣкоторыхъ думъ, заключающихся въ рукописи, но, вообще говоря, стоятъ онѣ на значительной высотѣ художественной техники и силы. Ко всему этому нужно прибавить, что, сверхъ десяти варіантовъ извѣстныхъ уже думъ, въ рукописи нашей сохранились три думы, которыя не были извѣстны собирателямъ народныхъ пѣсенъ: 1) Атаманъ Матіашъ, 2) Вдова Сирка Ивана, 3) Разговоръ Днѣпра съ Дунаемъ. Помѣщаемъ сперва думы семейнаго содержанія, всѣ же остальныя мы расположимъ по сходству или однородности мотивовъ, которые въ нихъ развиваются.

1.

Вдова въ городѣ Чечельницѣ (въ Польшѣ) [1]).

Содержаніе этой думы въ болѣе архаическомъ видѣ мы встрѣчаемъ въ галицкихъ народныхъ пѣсняхъ, гдѣ говорится о томъ, что безбожный сынъ прогналъ свою мать изъ дому: „будутъ, говоритъ онъ, у мене кумы—побратымы, а ты, маты, въ латаний свытыни“. Вышла бѣдная мать за ворота, некуда дѣваться ей. Встрѣтилась она съ замужней своей дочерью и проситъ ее, чтобы она приняла её къ себѣ въ домъ, но и здѣсь получаетъ отказъ: „лыхого я мужа маю, говоритъ дочь, викномъ зъ хаты утикаю“. Не успѣла матъ разговориться съ своей дочерью, какъ бѣжитъ за нею сынъ и проситъ ее вернуться

[1]) Четыре варіанта этой думы помѣщены въ сборникѣ Метлинскаго (Народ. южно-рус. пѣсни, 345—355), пятый записанъ Костомаровымъ (Труды экспедиціи, Чубинс., V, 847—849), шестой Кулишемъ (Запис. о Юж. Руси т. I, 19—24), седьмой—Русовымъ (Записки юго-зап. отдѣла кіевс. географ. общества, I, 11—14), восьмой—Горленкомъ (Кіевс. Старина, 1882 г., Декабрь, 497—499), девятый—печатаемый по рукописи А. А. Котляревскаго.

домой,—случилось съ нимъ несчастіе, убило „жинку мыленькую и дытынку маленькую“. Это тебя наказываетъ самъ Богъ, отвѣчаетъ ему мать, за мои кровавыя слезы [1]). Въ думѣ объ изгнаніи матери уже не одинъ сынъ, а три. Послѣ изгнанія живетъ она у „блызького сусиды“. Преступныхъ дѣтей ея караетъ не только Богъ, но и общественное мнѣніе. Во всѣхъ варіантахъ этой думы причина изгнанія матери есть семейный разладъ, или ожидаемый, какъ у Кулиша, или же состоявшійся вслѣдствіе женитьбы ея сыновей, какъ въ остальныхъ варіантахъ. Основная мысль думы заключается въ нравоученіи, которымъ она во всѣхъ варіантахъ заканчивается: „щаслывый то чоловикъ въ свити бувае, который отця и матирь почытае“.

Для выраженія этой мысли, которая въ варіантѣ Котляревскаго высказана сжато, въ другихъ варіантахъ болѣе подробно, совершенно достаточно основныхъ фактовъ, т. е. разсказа объ изгнаніи матери и о несчастіяхъ сыновей ея, которые раскаялись, да поздно. Но въ нѣкоторыхъ варіантахъ рѣчь идетъ еще о томъ, что она сдается на просьбу дѣтей своихъ возвратиться домой, и тогда „ставъ имъ Господь помагаты“. По нашему мнѣнію, это позднѣйшая прибавка, отъ которой основная мысль ничего не выигрываетъ, поэтому думы съ этой прибавкой мы считаемъ болѣе поздними. Есть она въ четвертомъ варіантѣ, помѣщенномъ у Метлинскаго (352—354), а также въ варіантахъ Кулиша и Котляревскаго. Что касается до указанія въ этомъ послѣднемъ варіантѣ на происхожденіе вдовы изъ города Чечельницы, то оно имѣетъ такое же фиктивное значеніе, какъ и въ варіантѣ Кулиша упоминаніе о томъ, что вдова жила „въ славнимъ городи у Крылови“.

---

1) Въ недѣлю рано пораненько
Не у бору сосна зашумѣла,
Не съ буйнымъ вѣтромъ говорила,
То вдова, старенькая жена, на подворье выходила,
5) Трехъ сыновъ маленькихъ на рукахъ выносила,

---

[1]) Головацкаго, Народ. пѣсни, т II, 577, т. III, 158,—196—198.

Господа милосерднаго на помощъ просила:
«Господи милостивый, пречистая мати!
Поможи мини сихъ дѣтей погодовати!»
То вдова, старенькая жена, 20 лѣтъ пробувала,
Сыновъ своихъ годовала,
Сыновъ поженила.
Якъ стали сыны господарство соби собирати,
Стали они матку стареньку изъ хаты выгоняти:
«Пиди ты, мати,
Съ нашей хаты:
Нехай мы не будемъ черезъ тебе женъ своихъ молодыхъ страхати,
А дѣтокъ маленькихъ лякати».
То въ недѣлю раню-пораненько
Идетъ вдова изъ сынового двора, спотыкае,
За слѣзами свѣта Божьяго не видае,
На улицу выходила,
Близкую сусѣду, молодую челядину, тамъ забачала,
Словами промовляла,
Дробными слезами обливала:
«Молодая челядино, близкая сусѣдо!
Прійми ты мене до свого дому пробувати,
Буду я тебѣ при старости лѣтахъ дѣтокъ маленькихъ доглядати,
Аби мене (sic) дала въ своемъ куту до смерти доживати».
Вдова, старенькая жена, 19 лѣтъ въ чужомъ домѣ пробувала,
Ни которой соби кривды не мала,
Своихъ сыновъ проклинала.
Якъ стала вдова своихъ сыновъ лаяти и проклинати,
Не стали они щастья и доли соби мати.
Старшій сынъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Якій я бувъ соби домъ коштовный збудовавъ,
Та мене Господь громомъ и тучею скаралъ,
Що я свою матку стареньку изъ хаты выгонялъ».
Середуншій братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Радъ бы я свою матку стареньку до себе взяти,
Бѣда мнѣ, що жена у меня безбожная,

Що день у насъ сварка бувае».
Меньшей (sic) братъ словами промовляе,
До сусиды прихожае,
Матку свою стареньку до себе ублагае:
«Иды ты, мати,
До нашей хати,
Далась намъ, мати,
Безъ тебя бѣда знати».
Вдова до своихъ сыновъ приходила,
Ни которой соби отъ нихъ кривды не мала,
Рано-пораненько на подворье выходила,
Господа милосерднаго просила:
«Господи милостивый!
Прости ты мнѣ сіи слова, що я своихъ сыновъ проклинала,
Бо я отъ нихъ великую кривду мала,
А теперь я у нихъ пробуваю,
Нѣ которой соби кривды не маю».
Якъ стала вдова, старая жена, у своихъ сыновъ пробувати,
Сталъ имъ Господь помогати,
Стали они господарство собирати,
Стали одинъ другому словами промовляти:
«Щастливый то человѣкъ въ свѣтѣ бувае,
Который отца и матерь почитае,
Тому Господь Богъ помагае».

2.

Братъ да сестра [1]).

Для уясненія этой думы приводимъ нѣсколько стиховъ изъ народной пѣсни, въ которой нарушеніе добрыхъ отношеній между братомъ и сестрой считается преступленіемъ, неизбѣжно вызывающимъ кару небесную:

[1]) Намъ извѣстны шесть варіантовъ этой думы: Цертелева (Опытъ собранія народ. малорос. пѣсенъ 1819 г., 57—58); Максимовича (Украинс. народ. пѣсни 1834 г., 63—64; Сборникъ украинс. пѣсенъ 1849 г., 9—10); Метлинскаго (Народ. южнорус. пѣсни, 355—357); Кулиша (Зап. о Южн. Руси. I, 24—28); Чубинскаго (Труды экспедиціи, V, 468—470); варіантъ, помѣщенный въ „Кіевской Старинѣ“ 1882 г., Августъ; варіантъ Котляревскаго.

«Тымъ на свити хлибъ не родыть,
Що братъ до сестрыци не говорыть,
Тымъ на свити теряється,
Що братъ сестры цураеться,
Тымъ на свити добра нема,
Що братъ сестры за ридъ не ма» [1]).

Мы считаемъ болѣе поздними тѣ варіанты думы о братѣ и сестрѣ, въ которыхъ братъ говоритъ сестрѣ, что онъ не можетъ навѣстить ее такъ-же, какъ не можетъ „писокъ на билимъ камени схожаты, рикы о Петру замерзаты, калына о Риздви процвитаты". Это очевидная вставка изъ думы объ отъѣздѣ козака изъ родины. Есть она въ варіантахъ Кулиша и Чубинскаго. Болѣе древними мы считаемъ тѣ варіанты, которые заканчиваются жалобой сестры на измѣнчивость людскихъ привязанностей. Таковы варіанты Максимовича и Котляревскаго.

Встрѣчается эта дума въ пѣсенной переработкѣ [2]). Слѣды размѣра думы еще видны, но въ угоду пѣсеннаго размѣра вольное теченіе рѣчи ограничено. Особенно это ясно видно изъ послѣдняго четверостишія..

---

1) Въ недѣлю рано-пораненько
Не сива зозуля заковала,
Якъ сестра до брата съ чужой стороны поклонъ посылала,
Жалибненько до себе прохала:
5) «Братику мій ридненькій,
Якъ голубоньку сивенькій!
Прибудь ты до мене,
Отвѣдай мене
На чужой сторонѣ,
10) При несчасливой фортувинѣ!»
Братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Сестро моя ридненька!

[1]) Чубинскій (Труды экспедиціи, V, 929); см. также Головацкій (Народныя пѣсни, I, 232).

[2]) Чубинскій... V, 928—929.

Радъ бы я до тебе прибувати,
Да не знаю, гдѣ тебе шукати:
Не можно мени, сестро, за темными лугами,
За быстрыми рѣками,
За широкими степами».
Сестра тое зачувае,
До брата словами промовляе,
Дробными слезами облывае:
«Братику мій ридненькій!
Черезъ луги темные, высокіе, яснымъ соколенькомъ перелини,
Черезъ рѣки быстрые, глубокіе, бѣлымъ лебеденькомъ переплыви,
Черезъ степи широкіе малымъ—не великимъ перепелонькомъ перебѣжи,
На мій двиръ, брате, сивымъ голубонькомъ прилети,
Жалибненько загуди.
Тугу сердцу моему раздѣли,
Що въ нашей, брате, земли христіанской людямъ Богъ праздникъ дае,
Люди до церкви идутъ,
Якъ бчелки гудутъ,
Изъ церкви выступаютъ,
Якъ рожа процвѣтаютъ,
Одно до одного приступаютъ,
По приятельству на хлѣбъ, на соль до себе зазывае,
Мене, брате, нещаснои мовъ нихто родомъ не знае,—
Що якъ бувъ у насъ отецъ и мати,
Тогди могли насъ всѣ люди родомъ знати,
Якъ померъ отецъ и мати,
Не сталъ насъ нихто вже знати,
Не стало ни кума, ни побратима,
Пришибла мене, брате, на чужой сторонѣ злая, нещасливая година,
Отцуралась сердечна названа родина;
Тылко у мене, брате, сердечнаго роду,
Що выйду я въ божій храмъ, на святые отци подивлюся,
Господу Богу помолюся:
Ото у мене, брате, отецъ и матуся»!

3.

Козакъ прощается съ сестрами [1]).

Есть цѣлый рядъ народныхъ пѣсенъ, изображающихъ отъѣздъ козака изъ родины. Въ разныхъ пѣсняхъ причины отъѣзда разныя: или мать-вдова сама снаряжаетъ своего сына на войну [2]),—или, скрѣпя сердце, покоряется своей участи и только умоляетъ сына на войнѣ „не забавляться“ [3]), или же, наконецъ, прогоняетъ его изъ дому [4]). Вотъ этотъ послѣдній мотивъ семейныхъ недоразумѣній подробно развитъ въ думахъ съ замѣной матери, какъ главнаго дѣйствующаго лица, отчимомъ. Повидимому, пѣвцы думъ не могли помириться съ представленіемъ безсердечности не только въ матери, но даже и въ отцѣ: такъ, по крайней мѣрѣ, высказался одинъ изъ нихъ [5]). Во всѣхъ варіантахъ этой думы выступаютъ сестры отъѣзжающаго козака—одна или двѣ, но большею частію три; младшая отличается особенною сердобольностью. Такъ-же точно и въ пѣсняхъ соотвѣтствующаго содержанія провожаютъ козака сестры. Онѣ спрашиваютъ его, когда онъ воротится назадъ, а онъ отвѣчаетъ имъ загадками, въ которыхъ звучитъ печальная нота вѣчной разлуки. Намъ кажется, что это и есть первооснова думы, осложненная позднѣйшими прибавками; поэтому мы считаемъ наиболѣе древнимъ варіантомъ думу, помѣщенную въ сборникѣ Метлинскаго, такъ-какъ нѣтъ въ ней ни матери, ни отчима, ни заключительныхъ размышленій пѣвца о тяжелой жизни вдали отъ

[1]) Варіантъ этой думы помѣщенъ у Цертелева (Опытъ собранія народ. малорус. песенъ, 1819 г., 57—58); отсюда перепечатанъ Максимовичемъ (Украинс. народ. пѣсни, 1834 г., 61—62; Сборн. украинс. пѣсенъ, 1849 г., 7—8). См. также варіанты: у Метлинскаго (Народ. южнор. пѣсни, 434—436), у Лукашевича (Малор. и червонор. думы и пѣсни, 59—61), въ Записк. юго-западн. отдѣла геогр. общ., I, 14—16; въ „Кіевской Старинѣ“ за 1882 г., Декабрь, 490—491. Къ этимъ пяти варіантамъ нужно присоединить печатаемый нами шестой варіантъ по рукописи Котляревскаго.

[2]) Чубинскій, Труды... V, 882; 907—908. Максимовичъ, Украинс. народ. пѣсни, 1834 г., 157. Головацкій, Народн. пѣсни..., ч. I, 24—25; ч. III, 12.

[3]) Чубинскій, Труды... V, 864. Головацкій, Народ. пѣсни... III, 97.

[4]) Чубинскій, Труды... V, 864; 890; 948.

[5]) Записки юго-западн. отдѣла геогр. общ. I, 14.

родины. Въ замѣнъ этихъ размышленій сестра, прощаясь съ братомъ, переживаетъ мыслію своею положеніе его въ чужой сторонѣ. Остальные варіанты, не исключая варіанта Котляревскаго, представляютъ уже болѣе или менѣе подробную картину всѣхъ семейныхъ отношеній—матери къ сыну и его отчиму, отчима къ молодому козаку, и самаго козака къ роднымъ сестрамъ его.

Есть двѣ пѣсни, передѣланныя изъ этой думы [1]). Одна изъ нихъ, помѣщенная у Закревскаго, явственно образовалась изъ варіанта Максимовича. Чтобы выдержать однообразный пѣсенный размѣръ, употреблены слѣдующія средства:

1) Повторены кое-гдѣ тѣ или другія слова думы, напр.: „иды, сыну, *иды, сыну*, мижъ чужии люде“.

2) Въ нѣкоторые стихи вставлены цѣлыя слова, напр.: „чи *вже, брате, тебе ждаты* видъ чыстого поля?“

3) Одинъ разъ вставленъ даже цѣлый стихъ: „*хочь же довго его ненька вичмы провожала*“.

4) Четыре стиха думы соединены въ два:

1) Що найменьшая рыдае, да такъ промовляе:
2) Изъ якои тебе, брате, сторононькы ждаты?

Въ недѣлю рано-пораненько
Не во вся звоны зазвонено,
Якъ у крайнему дому говорено:
Отецъ и мати сына своего у чужу сторону выпроважае.
Словами промовляе:
«Пойди ты, сыну, въ чужую сторононьку межъ чужіе люди,
Чи не лучше тамъ тебе буди» (sic)?
Промолвивъ сынъ словами:
«Не хотѣлось мини, мати,
Въ чужой сторонѣ пробувати,
Что будутъ мене пришельцемъ называти».
Якъ сталъ козаче изъ двора исхожати,
Стало три сестрицы рыдненькія его выпровожати.
Старшая сестра выходила,

---

[1]) „Кіев. Стар.“ 1882 г., декабрь, 492. Закревскій, Старосвѣт. Бандуриста, 62—63.

Коня за поводы хватала,
Середуншая сестра выходила,
Опрощенія прохала,
Меньша сестра выходила,
Брата жалибненько пытала:
«Брате мій милый,
Якъ голубоньку сивый!
Коли жъ ты будешъ до насъ въ гости прибувати?
Видкиля тебе, брате, выглядати:
Чи изъ чистого поля,
Чи отъ чорного моря,
Чи изъ славнаго люду—Запорожья»?
Братъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Сестрица моя ридненькая,
Якъ зозуленько співенькая!
Тогди я буду, сестро, до васъ въ гости прибувати,
Якъ буде на бѣломъ камени желтый песокъ исхожати,
Будетъ синимъ цвѣтомъ процвѣтати,
Крещатымъ барвинкомъ въ 4 ряды бѣлый камінь устилати,
Будетъ, сестро, объ Рожествѣ червона калина процвѣтати,
Будетъ объ Новымъ годѣ, объ святомъ Василіе, ягоды изрожати,
Будутъ, сестро, о Петрѣ рѣки замерзати:
Тогди я буду, сестро, до васъ въ гости прибувати»!
Сестра тое зачувае,
До брата словами промовляе:
«Брате мій милый,
Якъ голубоньку сивый!
Яка я на свѣтѣ стала,
Що я отъ старыхъ людей сего не чувала,
Що уже жолтому песку на бѣломъ камени не всхожати,
Синимъ цвѣтомъ не процвѣтати,
Крещатымъ барвинкомъ въ 4 ряды не встилати,
Объ Рожествѣ червоной калинѣ не процвѣтати,
Объ Новымъ годѣ ягодъ не зрожати:
Такъ тоби, брате, до насъ въ гости не бувати,
Знать, тебе, брате, намъ въ очи не видати...

Ты, брате, сего не гнѣвися,
Назадъ завернися,
Отцеви своему и пани-матцѣ въ ноги уклонися,
55) Будешъ ты, брате, на чужой сторонѣ пробувати,—
Будетъ тоби, брате, Господь помагати»...
Бо якъ трудно-нудно, тяжко та важко недолугому чоловѣку
противъ силы важкий камень сняти,
Такъ же трудно на чужой сторонѣ безъ родины сердечнои
помирати.

П. Житецкій.

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.[1)]

Теперь скажу нѣсколько словъ о перемѣнахъ болѣе крупныхъ должностныхъ лицъ въ Ровно, происшедшихъ незадолго до „повстанья“ 1863 г. Когда бывшій директоръ ровенской гимназіи Т—овъ получилъ назначеніе члена совѣта въ бѣлостокскомъ институтѣ, его мѣста сталъ добиваться инспекторъ К—ко; но учителя, опасаясь, какъ-бы онъ не былъ утвержденъ на директорствѣ, послали, вопреки закону, попечителю Пирогову коллективную просьбу о назначеніи на это мѣсто прослужившаго уже 20 лѣтъ Н—ова. Н—овъ былъ добрякъ, но недалекій человѣкъ, и конечно не соотвѣтствовалъ директорскому мѣсту. Онъ могъ совсѣмъ распустить гимназію. Пироговъ уничтожилъ незаконную просьбу скопомъ но К—ка не допустилъ однакожъ занять директорское мѣсто, все таки догадываясь о его непопулярности и непригодности. Директоромъ назначенъ былъ инспекторъ, кажется житомірской гимназіи, Автономъ Григоріевичъ Теодоровичъ, человѣкъ честный, тактичный и трудолюбивый; онъ былъ рекомендованъ Пирогову его помощникомъ Осипомъ Григорьевичемъ Михневичемъ, которому Теодоровичъ какъ-то приходился сродни. Теодоровичъ

[1)] Кіевск. Стар. 1892 г. № 10.

скоро понялъ К—ка и ограничилъ его во всѣхъ отношеніяхъ. И взятки, и сѣченья прекратились.

На мѣсто П—аго исправникомъ назначенъ былъ подполковникъ Г—ъ. Онъ въ азовскомъ полку, стоявшемъ въ Ровно, командовалъ баталіономъ. Это былъ шагистъ изъ сдаточныхъ; читалъ плохо, а писалъ еще хуже. Когда запрещено было сѣченіе солдатъ безъ суда, Г—ъ думалъ, что армія безъ розогъ взбунтуется и забудетъ и шагистику, и выправку. А тутъ вдругъ новый учебностроевой уставъ! Г—ъ видѣлъ, что не совладать ему со всѣми этими революціонными новшествами, и подалъ въ отставку. Его уволили подполковникомъ. Когда открылась вакансія исправника, Г—ъ поѣхалъ въ Житоміръ и выхлопоталъ себѣ это мѣсто. Онъ былъ семейный человѣкъ, но семью свою давно бросилъ.

Ко времени предстоящихъ политическихъ манифестацій опредѣленъ завѣдующимъ провіантскимъ ровенскимъ магазиномъ интендантскій чиновникъ, полякъ К—скій. У него была немолодая жена и двѣ взрослыя падчерицы, блѣдныя брюнетки. Онѣ по пріѣздѣ своемъ, сейчасъ стали являться въ костелѣ и на улицахъ въ черныхъ шерстяныхъ платьяхъ съ плерезами. Сначала на это никто не обращалъ вниманія; думали, что это трауръ по комъ нибудь изъ родныхъ. Но вотъ и мѣсяца не прошло со дня ихъ прибытія, какъ всѣ польки всѣхъ званій и положеній облеклись въ болѣе или менѣе глубокій трауръ. Разумѣется, жены чиновниковъ подали примѣръ. Разнеслись глухія вѣсти о варшавскихъ манифестаціяхъ, о манифестаціяхъ во всемъ царствѣ польскомъ и сѣверо-западномъ краѣ. Молодежь стала появляться въ штыфляхъ (походные ботфорты), чемеркахъ и даже въ конфедераткахъ. Появились подметныя, угрожающія письма, обѣщавшія пожары. По ночамъ стали исчезать съ фронтоновъ и казенныхъ зданій государственные гербы. Явилась

партія странствующихъ музыкантовъ, и кто то распорядился, что-бы они попеременно на окраинахъ города, то въ одной сторонѣ, то въ другой, играли всю ночь; а играли они запрещенный маршъ Кошута и jeszcze Polsza nie zginela. На слѣдующій день музыкантовъ въ городѣ не оказалось. Ученики высшихъ классовъ совсѣмъ перестали учиться и по вечерамъ собирались въ квартирахъ гимназическаго капелана и учителя польскаго языка и литературы. Исправникъ Г—ъ ругался, плевался, но не принималъ никакихъ мѣръ. Не знаю, доносилъ ли онъ начальству о всѣхъ этихъ выходкахъ. Слухи носились, что поляки запасаются порохомъ, свинцомъ и оружіемъ, что жиды все это доставляютъ имъ черезъ австрійскую границу и изъ Одессы. Жиды вдругъ стали на польскую сторону, стали звать себя поляками мойсеева закона. „Россіи теперь не сдобровать“—говорили они: „въ крымскую войну ее побили, а теперь будетъ и совсѣмъ конецъ москалю. Самъ Наполеонъ со всею Европою, и Англичаниномъ, и Австріакомъ, идетъ на помощь полякамъ; онъ хочетъ возстановить крулевства. Явились среди евреевъ массы фальшивыхъ, и русскихъ и польскихъ, денегъ. Правительство, казалось, на все это смотрѣло сквозь пальцы. Поляки становились все смѣлѣе и смѣлѣе. У чиновниковъ поляковъ, особенно акцизныхъ, явился на рукавахъ трауръ. Нашъ гимназическій капеланъ былъ замѣчательная личность. Онъ былъ очень высокаго роста, сухой, костлявый. Лицо въ морщинахъ, цвѣта желтой юфти. Пальцы на рукахъ необыкновенно длинные, костлявые. Глаза вѣчно были опущены; но когда онъ ихъ поднималъ, въ нихъ свѣтился какой то особенный огонекъ. Ходилъ онъ какъ то нервно, какъ человѣкъ пьяный, и вообще вся фигура его заставляла предполагать, что это подвыпившій человѣкъ. Но это предположеніе было ошибочно. Первый разъ я встрѣтилъ его у инвалиднаго начальника на первый день Свѣтлаго Воскресенія. Онъ сидѣлъ за столомъ противъ хозяйки и молчалъ, опустивъ глаза и покачиваясь. Я заподозрилъ, что онъ крѣпко уже подвыпилъ. Хозяйка стала

меня разспрашивать о здоровьи моего двухлѣтняго сына Владиміра, больного лихорадкой. Его замучила лихорадка до такой степени, что онъ оставался постоянно въ полусонномъ состояніи, не принималъ пищи, не могъ удерживать на шеѣ головы, когда его поднимали, и совсѣмъ высохъ, какъ скелетъ. Доктора назначили ему жить не болѣе трехъ-четырехъ сутокъ. Все это я разсказалъ въ отвѣтъ на вопросъ хозяйки. Капеланъ вдругъ обратился къ ней, прося дать ему веревочку вродѣ такой, какою обвязываютъ сахарныя головы. Хозяйка недоумѣвала, на что вдругъ потребовалась веревка, но, конечно, сейчасъ-же приказала подать. Тутъ я по голосу рѣшилъ, что этотъ господинъ не пьянъ, но что онъ ужасно странный. Онъ сталъ мять веревку въ рукахъ подъ столомъ и по-прежнему молчалъ. Когда стали прощаться, простился и онъ, и мы вмѣстѣ вышли на улицу. „Гдѣ ваша квартира?“—спросилъ онъ: „я желаю видѣть вашего ребенка; я помогу ему!“ Дорогою онъ все мялъ въ рукахъ веревку. Мы шли молча. Когда вынесли показать ему ребенка, онъ долго въ него всматривался, послѣ повѣсилъ ему на шею принесенную веревку и сказалъ, чтобы ее до тѣхъ поръ не снимали, пока мальчика не броситъ совсѣмъ лихорадка. „Ручаюсь,—сказалъ онъ,—что у него не будетъ больше ни одного пароксизма. Въ теченіе трехъ дней у него будетъ небольшой ознобъ и посинѣютъ ногти на рукахъ, и только; но онъ вдругъ оправится. Сегодня у него появится аппетитъ, но на первыхъ порахъ не давайте сразу много пищи: лучше давайте чаще, но понемногу. Пищу давать сначала удобоваримую, послѣ давать все безъ разбора, къ чему привыкъ уже его желудокъ. Онъ уже никогда въ жизни не будетъ имѣть лихорадки. Могутъ случаться другія болѣзни; но лихорадки онъ никогда не будетъ имѣть!“ Мы поблагодарили его за его доброжелательную услугу; но не повѣрили въ цѣлебность мятой имъ веревки. Однакожъ все сказанное имъ сбылось въ точности. Послѣ трехъ сутокъ мальчикъ, приговоренный докторами къ смерти, совсѣмъ оправился, повеселѣлъ, сталъ кушать съ большимъ аппетитомъ и бѣгать по комнатѣ. Онъ подвергался въ своей жизни

разнымъ дѣтскимъ болѣзнямъ, перенесъ сильнѣйшій брюшной тифъ, дизентерію, но никогда уже не страдалъ лихорадкой, даже тогда, когда служба занесла его въ мѣстность, гдѣ лихорадки весною и осенью составляютъ обыкновенное явленіе, отличаются иногда упорствомъ, а иногда и печальнымъ исходомъ. Капеланъ, безъ сомнѣнія, вылечилъ магнетизмомъ. Стоило бы, чтобы врачи наши не пренебрегали такими способами и средствами, которыя, хотя не входятъ въ кругъ алопатіи, но несомнѣнно исцѣляютъ, и которыя иногда практикуются лицами, не учившимися никогда медицинѣ.

Не только въ другихъ вѣдомствахъ сплошь и рядомъ служили передъ возстаніемъ поляки, но даже полиція была ими переполнена. Секретари, столоначальники и писцы въ полицейскомъ управленіи были все поляки. Старшіе засѣдатели, помощники приставовъ и даже становые пристава тоже были поляки. И весь этотъ людъ дѣятельно способствовалъ къ подготовленію революціи.

Въ городѣ жила жена управляющаго имѣніями графа Кр—каго В-ская, которой родная сестра была прежде замужемъ за ея теперешнимъ мужемъ, но развелась съ нимъ и вышла за графа. Такимъ образомъ В—скій не только занялъ мѣсто управляющаго у Кр—каго, но вступилъ съ нимъ въ родство. Когда Кр—кій принялъ дѣятельное участіе въ мятежѣ, В—скій и его семейство посвятили себя всецѣло польской справѣ. В—скій умеръ въ тюрьмѣ въ Каменцѣ. Два сына его, кончившіе ровенскую гимназію и бывшіе въ университетѣ, поступили въ банду и были взяты съ оружіямъ въ рукахъ и сосланы въ Сибирь. У В—скаго были еще двѣ дочери. Для воспитанія ихъ и сыновей сама В—ская жила въ Ровно. Хотя дѣти уже были на возрастѣ, но она была красивая блондинка; манеры ея были мягки, симпатичны и вкрадчивы. Въ домѣ ея собиралось все учительство. Время тамъ проходило весьма ве-

село. При гостепріимствѣ и любезности хозяйки и ея дочерей всѣ были какъ дома: играли въ карты по маленькой, играли въ игры и танцовали. Наряду съ пріемами и угощеніями русскихъ учителей, В—скіе принимали у себя и учениковъ, и юнкеровъ, и солдатъ, и офицеровъ поляковъ. Это былъ родъ конспиративной квартиры въ Ровно. Дочери шили конфедератки, значки и готовили корпію. Но самымъ важнымъ центромъ польской организаціи въ ровенскомъ уѣздѣ былъ домъ аптекаря. Тамъ ежедневно собирались и совѣщались и паны, и ихъ офиціалисты, и чиновники поляки. Для гимназистовъ мѣстомъ совѣщаній, какъ было сказано, были квартиры: гимназическаго капелана и учителя польскаго языка; для магнатовъ такимъ мѣстомъ былъ домъ князей Любомирскихъ; для зажиточныхъ помѣщиковъ—квартира предводителя дворянства, помѣщавшаяся прямо противъ квартиры исправника; для мелкопомѣстныхъ панковъ—дома гимназическаго врача и уѣзднаго доктора. Разъ я встрѣтилъ, возвращаясь изъ лавокъ, исправника Г—а и пошелъ съ нимъ рядомъ по тротуару. Разговоръ вертѣлся на злобѣ дня—польскихъ манифестаціяхъ. Г—ъ грозилъ, что онъ заставитъ нашихъ дамъ снять трауръ вдругъ изъ-за директорской квартиры по направленію къ гимназической каплицѣ показалась княгиня Любомирская съ дочерью въ глубочайшемъ траурѣ съ плерезомъ. На обѣихъ были простыя шерстяныя черныя платья и такія же шляпки; даже чулки были черные шерстяные. Въ рукахъ онѣ держали переплетенныя въ траурную обложку молитвенники, на которыхъ красовались сломанный крестъ и якорь. Вотъ думалъ я, произойдетъ сцена; вотъ Г—ъ себя покажетъ. Дѣйствительно, Г—ъ рысцой бросился на встрѣчу княгинѣ. Подбѣжалъ, снялъ кепи, приложился къ ручкамъ съ траурными молитвенниками и пошелъ провожать ихъ въ гимназическую каплицу. Траура на нихъ онъ какъ будто не замѣтилъ. Разумѣется, при такихъ дипломатическихъ пріемахъ не легко было остановить ношеніе траура и манифестаціи. Знатнымъ все дозъ-

волялось, бѣдняковъ преслѣдовали; они переносили наказанія и считали себя искупительнымы жертвами польской справы. Г—ъ, а за нимъ и другіе чиновники русскаго происхожденія служили и вашимъ и нашимъ. Я полагаю, что не только масса польскаго народа, но даже люди средняго класса, такъ называемая интеллигенція края, сжились бы съ Россіей. При всемъ желаніи, всосанномъ съ молокомъ матери, видѣть Польшу свободной и самостоятельной, они никогда не прибѣгли бы къ манифестаціямъ и оружію, если бы правящіе ими люди, при постоянной энергіи и твердости управленія, щадили самолюбіе поляковъ и поступали съ ними гуманно и справедливо. Тогда магнатамъ и ксендзамъ никогда не удалось бы устроить революцію. Магнаты никогда не забудутъ того произвола, которымъ они жили въ Рѣчи Посполитой. Стоитъ иностранной державѣ или папѣ кивнуть пальцемъ, и они готовы, держась впрочемъ въ сторонѣ, на почвѣ законности, употребить и деньги, и интригу, чтобы взбудоражить и поднять противъ Россіи среднее сословіе и ремесленниковъ, а также, насколько возможно, и народъ. Ксендзы настолько фанатики, настолько сжились съ магнатами, настолько ненавидятъ схизматиковъ русскихъ и Россію, что всегда, безъ устали интригуютъ противъ Россіи. У нихъ въ рукахъ страшное орудіе—исповѣдь; ихъ покорные и умѣлые агенты—женщины. Власть ксендза надъ женщиной такъ велика, что нѣтъ жертвы, которую бы женщина не принесла ксендзу. Замужняя и дѣвушка, магнатка и шляхтянка—во всякое время готова для ксендза жертвовать даже своею честью. Ксендзы пользуются всякой слабостью, всякимъ промахомъ русскихъ, которымъ приходится управлять поляками и служить въ Польшѣ. Если русскій—любитель женскаго пола, ксендзъ окружаетъ его женщинами и пользуется имъ, какъ своимъ орудіемъ. Если русскій любитъ роскошно жить, покутить—ксендзъ окружаетъ его людьми по его вкусу и тоже приберетъ его въ свои руки. Если онъ взяточникъ—ксендзъ облегчитъ ему полученіе взятокъ. Если онъ деспотъ, жестокъ, грубъ,—ксендзъ старается эти качества развить въ немъ до безобразія, и ука-

жетъ на нихъ всякому въ интимномъ разговорѣ, укажетъ на нихъ даже на исповѣди. Если русскій слѣдитъ за собою, если ксендзъ не можетъ открыть слабости, посредствомъ которой можетъ эксплоатировать русскаго,—тогда горе послѣднему: объ немъ пойдутъ разсказы одинъ злѣе другаго; на него взведутъ такія преступленія, о которыхъ ему никогда не приходило на умъ. Ему ни на минуту не дадутъ покоя. Его выживутъ или посредствомъ его начальства, или самого заставятъ убраться, пока цѣлъ. Словомъ, ксендзъ самый неутомимый борецъ за освобожденіе Польши. И борется онъ не безъ успѣха.

Въ одинъ прекрасный день, помнится въ великій постъ, по улицамъ города Ровно потянулись кареты, почтъ-кареты, фаэтоны, брички, нейтычанки, шарабаны, фургоны и фуры съ рухлядью и кухнею. Всѣ заѣзжіе дома, всѣ свободные уголки въ городѣ были заняты панами ровенскаго уѣзда и ихъ семействами. Паны бѣжали отъ мужиковъ, которые будто собирались на Пасху вырѣзать всѣхъ ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что мужики косо смотрѣли на всѣ панскія затѣи; что они зорко наблюдали за панами и ихъ челядью; но чтобы они рѣшились вырѣзать пановъ, безъ позволенія правительства — это было невозможнымъ дѣломъ. Скорѣе нужно полагать, что слухи о рѣзнѣ распущены были агентами польскаго ржонда, чтобы вдругъ собрать подъ благовиднымъ предлогомъ въ одно мѣсто всю массу пановъ для совѣщаній. Сверхъ того, могли разсчитывать на отвлеченіе отъ пановъ вниманія мѣстныхъ властей. Наконецъ ксендзы могли разблаговѣстить по всей Европѣ, что хлопы, подстрекаемые правительствомъ, собираются рѣзать пановъ. Въ трактирѣ, винномъскладѣ, у предводителя дворянства, у князя Любомирскаго, въ аптекѣ, у ксендза капелана и въ другихъ мѣстахъ пошелъ дымъ коромысломъ: игра въ карты, совѣщанія, пѣсни... Г—ъ потерялъ голову. Онъ съ утра до ночи метался по панамъ, уговаривая ихъ возвратиться во свояси и ручаясь своею полков-

ничьею честью, что ни одинъ мужикъ не осмѣлится тронуть даже панскій волосокъ. Что онъ вслѣдъ за панами поѣдетъ въ уѣздъ и строго прикажетъ мужикамъ сидѣть смирно и слушаться пановъ.

Всѣ до сихъ поръ напечатанные нами отрывки изъ записокъ А. А. Солтановскаго принадлежатъ къ той части его рукописи, которая носитъ характеръ воспоминаній, изложенныхъ въ болѣе или менѣе строгой послѣдовательности. Вся-же дальнѣйшая часть представляетъ собой дневникъ, веденный по числамъ, съ обозначеніемъ состоянія погоды въ Ровно, съ краткими записями разныхъ городскихъ происшествій, и тутъ-же находятся въ громадномъ количествѣ различные эпизодическіе разсказы, на первый взглядъ кажущіеся несвязанными другъ съ другомъ. Однако связь эта устанавливается легко тѣмъ обстоятельствомъ, что весь интересъ разсказовъ сосредочивается около польскаго возстанія 1863 года, а потому всѣ передаваемыя событія въ суммѣ своей даютъ довольно полную картину этого печальнаго момента въ жизни юго-западной Руси. Конечно, мы лишены возможности подѣлиться съ читателями всѣми фактами, сообщаемыми авторомъ записокъ, т. к. часть изъ нихъ затрогиваетъ слишкомъ еще животрепещущіе вопросы недавняго прошлаго, а часть — едва-ли когда нибудь попадетъ въ печать, касаясь слишкомъ мелочныхъ, и даже личныхъ, отношеній людей другъ къ другу, въ чемъ нельзя отыскать почти никакого общественнаго интереса. Мы ограничимся въ дальнѣйшемъ текстѣ нашихъ „отрывковъ“ помѣщеніемъ тѣхъ эпизодовъ, которые являются характеризующими пережитой историческій моментъ и умонастроеніе извѣстныхъ общественныхъ группъ.

Начинается эта часть записокъ-дневника февралемъ 1862 года. Начало дневника носитъ характеръ очень сухого изло-

женія въ такой формѣ: „15-го, 16-го, 17-го, при сѣверномъ вѣтрѣ, буря и мятель; пропасть снѣгу“, или въ другомъ мѣстѣ: „25 — 28-го при сильнѣйшемъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ — снѣгъ. Въ городѣ улицы мѣстами засыпаны снѣгомъ на сажень, въ полѣ занесены дороги, нѣтъ проѣзду“. Тутъ-же, напримѣръ, встрѣчаемъ такія любопытныя справки: „11 — 15-го іюня на сѣверо-западѣ комета.. 6-го іюля солнечное затменіе неполное. 31-го іюля сильное сѣверное сіяніе“.

Наряду съ этими справками, имѣющими преимущественно значеніе для метеорологіи, авторъ сообщаетъ черезъ нѣсколько строкъ уже факты общественнаго характера, къ которымъ мы и обратимся теперь, повторяя, что они будутъ имѣть видъ отдѣльныхъ эпизодовъ.

19-го октября. Дождь. Разнеслась молва, что будетъ сожжена вся тополевая улица. Жители всю ночь бодрствовали. 20. Солнце; тепла 10°. Явились подметныя письма. Одни найдены около квартиръ акцизнаго надзирателя. Онъ все водился съ окрестными панами, и всѣ его надсмотрщики поляки, готовящіеся въ банды. Говорятъ, что при въѣздѣ назначеннаго вмѣсто графа Лямберта 1-го намѣстникомъ генерала Лидерса, поляки манифестировали и обливали русскихъ, проходившихъ по троттуарамъ, изъ оконъ 2-хъ этажей нечистотами. Инспекторъ К — ко страшно труситъ. Онъ присмирѣлъ, ученики дѣлаютъ ему всевозможныя дерзости, особенно ученики, удаленные изъ житомірской гимназіи и по ходатайству пановъ у попечителя принятые въ ровенскую гимназію.

Помощникъ исправника привезъ въ засѣданіе педагогическаго совѣта подметныя письма. Въ одномъ извинялись, что еще не успѣли исполнить обѣщаннаго въ прежнихъ письмахъ—сжечь тополевую улицу, и угрожали исправнику Г—у домъ его сжечь, а его самого повѣсить. Тутъ же нарисована была висѣлица съ висящимъ на ней полковникомъ Г—мъ, въ мундирѣ и орденахъ, а внизу подпись „o tak lajdakovi". Въ другомъ письмѣ отъ какого то полковника Б. извѣщалось, что Г—у грозитъ дѣйствительная опасность. Подозрѣвались въ сочиненіи писемъ ученики гимназіи, и частный врачъ, которому прежній агентъ польскаго движенія въ городѣ Ровно, ксендзъ Т., передалъ свою власть, данную ему волынскимъ комитетомъ польскаго возстанія, и оставилъ подробныя инструкціи.

Октябрь. 23, 24, 25 и 26. Приморозки по ночамъ; днемъ солнце и грязь. Ученики становятся съ русскими учителями дерзки до крайности: не раскланиваются на улицѣ, на корридорѣ толкаютъ, грубятъ, не готовятъ уроковъ, неисправно ихъ посѣщаютъ, и въ классѣ молитвы читаютъ на польскомъ языкѣ съ колѣнопреклоненіемъ. Я стоялъ въ корридорѣ противъ 2-го класса. Въ ожиданіи учителя въ дверяхъ 2-го класса стоялъ ученикъ Б. Вдругъ изъ четвертаго класса выскочилъ одинъ рослый ученикъ, католикъ, и, смотря мнѣ прямо въ глаза, отпустилъ Б. двѣ пощечины. Я пригласилъ виновнаго идти къ инспектору, а мнѣ вслѣдъ принятые изъ житомірской гимназіи ученики гаркнули „полицмейстеръ!".

Черезъ Ровно провезли въ Житоміръ, бывшаго ученика 2 класса, помѣщичьяго сына П—ча, который на чью то свадьбу явился въ кунтушѣ, штыфляхъ, конфедераткѣ, при парабелѣ (саблѣ) и пилъ тостъ за тостомъ за успѣхъ возстанія и истребленіе москалей. Г—у опять подбросили письмо отъ какого то проблематическаго полковника Б., въ которомъ извѣщается, что ученики такіе-то съ экономомъ князя составили заговоръ убить Г—а. Въ заговорѣ участвуютъ также врачъ и княжескій ловчій.

Ученикъ Н—ій сбилъ съ тротуара начальника телеграфной станціи со словами: „precz moskalu“.

30 дождь. За манифестаціи отправили высиживать въ тюрьму въ Житоміръ падчерицу интендантскаго чиновника, Т—скую, жену гимназическаго врача—Б. и дворянку дѣвушку—Ц. Послѣдняя плакала и говорила, что у нея вѣрно конфискуютъ наслѣдственный капиталъ въ 10000 руб.; что лично она ничего не боится, готова страдать и жертвовать собою и своимъ тѣломъ.

Старый палацъ Любомирскихъ [1]).

Любомирскіе князья, владѣльцы г. Ровно, для поднятія его и оживленія въ немъ торговли, хлопотали о перенесеніи гимназіи изъ Олыки, мѣстечка, въ Ровно, куда перешли уже изъ Олыки и присутственныя мѣста. Для помѣщенія гимназіи Любомирскіе построили двухъ-этажное каменное зданіе и сверхъ того пожертвовали подъ учительскія квартиры старый свой палацъ на островкѣ, лежащемъ среди прудовъ: двухъ-этажное каменное зданіе, съ каменнымъ сараемъ подлѣ упразднявшейся оранжереи, и два каменныхъ, а также два деревянныхъ дома.

Когда польское панство стало готовиться къ возстанію, происходили частые съѣзды помѣщиковъ подъ разными предлогами: охотъ, похоронъ, имянинъ, концертовъ, лотерей въ пользу костеловъ. Ообенно былъ большой съѣздъ титулованныхъ пановъ въ Ровно по случаю концерта Контскаго. Съѣздъ этотъ продолжался недѣли три. На немъ паны рѣшили между прочимъ исходатайствовать: 1) преподаваніе польскаго языка и словесности въ гимназіяхъ юго-западнаго края и допущеніе въ эти гимназіи на службу поляковъ, во—2-хъ) для приданія гимназіи чисто польскаго и католическаго характера—постройку на гимназическомъ дворѣ деревянной каплицы, въ которой предполагалось производить политическо-религіозныя манифестаціи и въ—3-хъ) отобрать у учебнаго вѣдомства старый палацъ, каменные

---

[1]) Часть фактовъ объ этомъ дворцѣ была уже сообщена авторомъ (см. № 7, стр. 200—201.

подвалы котораго могли служить удобнымъ мѣстомъ для склада пороху, свинца, оружія и амуниціи и устройства даже мастерскихъ, чему особенно способствовало его уединенное на острову положеніе. Директоръ Т. взялся исходатайствовать постройку каплицы и возвращеніе палаца. Онъ немедленно вошелъ съ представленіемъ, что за отдаленностью католической каплицы ученики, особенно въ зимнее и осеннее время, простуживаются, и болѣютъ. Разумѣется, онъ ни словомъ не напомнилъ о положеніи православныхъ учениковъ, которымъ слѣдовало ходить въ церковь, не только далеко отстоявшую отъ гимназіи, но помѣщавшуюся въ самомъ грязномъ мѣстѣ города среди еврейскихъ лачугъ. О палацѣ-же онъ написалъ, что это зданіе совсѣмъ валится, что поддерживать его нѣтъ никакихъ средствъ и что въ немъ никто не живетъ, тогда какъ въ немъ жили учителя. По случаю частыхъ обысковъ не удалось въ этомъ палацѣ устроить депо повстанскихъ принадлежностей. Палацъ этотъ по преданію построенъ на острову, который насыпанъ среди прудовъ плѣнными татарами и хлопами. Онъ соединенъ двумя разваливающимися мостами съ городомъ и нѣкогда представлялъ не только роскошное помѣщеніе для князей и ихъ челяди и войска, но служилъ мало доступнымъ укрѣпленнымъ мѣстомъ. Пруды теперь заросли очеретомъ, особенно вокругъ острова.

Аптекарь С., былъ весьма зажиточный человѣкъ и патріотъ перваго сорта, но считался между поляками ловкимъ дипломатомъ: онъ велъ дружбу съ русскими чиновниками и особенно съ городничими и исправниками. Говорилъ только на польскомъ языкѣ и незамѣтно пріучалъ къ польской бесѣдѣ за картами такихъ русскихъ, которые вовсе не знали польскаго языка. С. особенно сдружился съ исправникомъ Г—омъ, который днемъ ежедневно бывалъ у него, а вечера почти ежедневно за картами проводилъ или у него или у себя.

Революціонный комитетъ назначилъ С. начальникомъ города Ровно и его уѣзда. И такъ, революціонный начальникъ и правительственный начальникъ были самыми близкими дру-

зьями. Г—ъ просто скучалъ, если какой день не случалось выпить и закусить съ С. и поиграть съ ними въ карты. А С. былъ себѣ на умѣ и подъ покровительствомъ Г—а обдѣлывалъ дѣла и свои личныя, и польской справы. У С. все чаще и чаще стали собираться изъ уѣзда гости: у него обѣдали, у него игрывали по вечерамъ въ карты, и тутъ-же присутствовалъ и Г—ъ. Засадятъ Г—а играть въ карты, подпоятъ, а въ другихъ комнатахъ совѣщаются, дѣлаются революціонныя распоряженія. Между тѣмъ С. становился все смѣлѣе и смѣлѣе въ своей дѣятельности и между своими обзывалъ Г—а пьянымъ, крикливымъ дуракомъ. „Онъ глупый, но впрочемъ добрый человѣкъ, прибавлялъ С. Я его не позволю повѣсить! Прикажу только закатить ему двѣсти нагаекъ, сдеру съ з.... полковничью шкуру и отпущу на всѣ четыре стороны".

С. у себя на хуторѣ заготовлялъ сухари, окороки, вялилъ сало и колбасы, пріобрѣталъ свинецъ, порохъ, оружіе, даже запасся двумя небольшими пушками. Всѣ въ городѣ знали, что онъ начальникъ, что онъ дѣлаетъ запасы продовольствія и оружія; передавали объ этомъ Г—у; но тотъ даже сердился, говоря, что все это сплетни; что это нарочно выдумываютъ на С. мятежники за то, что онъ возстаетъ противъ ихъ глупыхъ затѣй. Г—ъ ручался за С., какъ за себя самого. Между тѣмъ одинъ ровенскій еврейчикъ въ огромной еврейской извощичьей *халабудѣ* четверкою здоровыхъ лошадей везъ изъ Одессы по накладной въ Ровенскую аптеку соду. Онъ благополучно добрался, до Острога. Въ Острогѣ предъявилъ паспорты, свой и извощика, и накладную. На заставѣ сняли съ повозки прикрытіе — нашли соду, и пропустили черезъ заставу. Извощикъ по требованію доставщика не остановился въ Острогѣ кормить усталыхъ лощадей, а потянулся далѣе. На дорогѣ подъ Острогомъ есть деревня. Въ деревнѣ возлѣ самой дороги стоитъ капличка со статуей какого то снятого и тутъ колодезь. Извощикъ остановился подлѣ колодца кормить лошадей. Сельская стража осмотрѣла паспорты и накладную, получила на водку и отправилась въ корчму. Крестьянскія дѣти стали собираться вокругъ повозки и шалить. Нѣкоторые посмѣлѣе стали взбираться на

повозку и подползать подъ нее. Извощикъ еврей спалъ. Доставщикъ прогонялъ дѣтей нѣсколько разъ и наконецъ употребилъ въ дѣло кнутъ. Онъ хватилъ одного упрямаго мальчика кнутомъ по лицу. Тотъ драла съ крикомъ: „жиды бьютъ, жиды везутъ панскій порохъ!“ Его крикъ подхватили всѣ дѣти, и крича: „бьютъ! порохъ!“ разбѣжались по деревнѣ. Мгновенно повозка окружена была мужиками и бабами. Побитый мальчикъ клятвенно увѣрялъ, что въ повозкѣ порохъ. Приступили къ обыску. Доставщикъ вдругъ отвязалъ пристяжную и сталъ на ней удирать. Мужики выпрягли остальную тройку, погнались за нимъ и поймали его. Тутъ уже соду прямо стали ссыпать на землю и въ содѣ нашли нѣсколько боченковъ пороху и свинецъ. Евреевъ съ поимкой доставили въ Острогъ. Г—ъ только что вовратился отъ С., гдѣ обильно позавтракалъ и выпилъ и гдѣ С. распинался, что никакой революціи не будетъ; что нѣсколько дурней пошалятъ, поманифестируютъ, и все дѣло этимъ кончится; что напрасно правительство суетится и принимаетъ ненужныя стѣснительныя мѣры, которыя не могутъ не вызывать общаго неудовольствія. Только что Г—ъ, размышляя обо всемъ этомъ и частью соглашаясь съ С., принялся за свое разоблаченіе, желая передъ обѣдомъ часикъ всхрапнуть, какъ вдругъ отъ воинскаго острожскаго начальника секретная телеграмма: немедля произвести въ квартирѣ и аптекѣ С. самый тщательный обыскъ и о послѣдствіяхъ сообщить ему телеграммой. Г—ъ разсердился. „Вотъ какъ повстанцы гадятъ С.! въ другіе уѣзды доносятъ на него!“—сказалъ онъ. Но нечего дѣлать: собралъ козаковъ и понятыхъ и отправился для обыска. Обошли домъ, аптеку, конюшню, сарай, погребъ и даже садъ и ничего не нашли. Козацкій офицеръ и Г—ъ выпили у С. по чаркѣ старой водки, распустили козаковъ и понятыхъ и отправились во свояси. Г—ъ,ославъ телеграму въ Острогъ, что ничего подозрительнаго не найдено, пообѣдалъ и залегъ спать, приказавъ ранѣе извѣстнаго часа не будить себя. Между тѣмъ вѣсть объ обыскѣ у С. быстро разошлась по городу. Въ аптеку прилетѣли отъ князя живописецъ, врачъ и доѣзжачій. Въ аптекѣ пошла суетня. Выкатили изъ сарая повозку; стали

вырывать изъ земли въ саду боченки и огромныя аптечныя бутыли съ порохомъ, ружья, свинецъ и тащить въ повозку. Все это видѣлъ сквозъ заборъ какой то мальчикъ, который съ матерью тутъ по сосѣдству жили въ жидовской лачугѣ. Собрались и другіе любопытные. Повозку наполнили, покрыли сѣномъ, запрягли лошадку; врачъ и живописецъ сѣли на козлы и выѣхали за ворота. Мальчикъ послѣдовалъ за ними. Чтобы не возбудить подозрѣнія, а частью для безопасности, т. к. повозка была тяжела, двигались шагомъ. Особенно медленно ѣхали возлѣ квартиры Г—а. Мальчикъ, сообразивъ, что все это везутъ на хуторъ, прямо свернулъ во дворъ Г—а и потребовалъ, чтобы его представили полковнику. Разсыльные хотѣли его прогнать; но онъ сталъ кричать, что онъ хочетъ сообщить о повстанцахъ очень важное и экстренное. Разбудили Г—а. Тотъ напустился на мальчика и потаскалъ его за уши. Но мальчикъ ревѣлъ, чтобы сейчасъ послали погоню за живописцемъ и докторомъ, которые повезли изъ аптеки на хуторъ цѣлую повозку пороху. Г—ъ прогналъ мальчика, но мальчикъ не унимался—ревѣлъ на всю улицу; сталъ собираться народъ. Г—ъ приказалъ арестовать мальчика и послалъ въ догонку за повозкой конныхъ разсыльныхъ. Черезъ полчаса они были доставлены. Въ повозкѣ оказались порохъ, свинецъ, оружіе. Волей неволей Г—ъ опять собралъ козаковъ и понятыхъ и произвелъ второй обыскъ. Найденъ еще порохъ, свинецъ и двѣ небольшія пушки. Получена вторая телеграмма изъ Острога съ указаніемъ поимки и требованіемъ вторичнаго обыска. Г—ъ арестовалъ С. и донесъ губернатору. Приказано виновныхъ прислать въ Житоміръ; имущество С. опечатать, а аптеку взять въ администрацію. Жена С. съ дѣтьми оставила свой домъ; но Г—ъ позволилъ имъ забрать всѣ драгоцѣнности и наличныя деньги, въ томъ числѣ и народовыя. До высылки С. составленъ былъ планъ защиты: дали денегъ женѣ поставщика пороху и свинца, чтобы онъ принялъ всю вину на себя, и обѣщали, въ случаѣ его ссылки, обезпечить его семейство. Еврей показалъ, что С. подрядилъ его перевезти изъ Одессы одну соду; но онъ самъ, въ виду хорошихъ барышей,

…съ 1892 года

не смотря на почтенные лета, Бибиковъ, я сказалъ бы — своею молодцеватостью, ростомъ, стройнымъ станомъ, горделивыми страстными огнемъ черными глазами и своимъ пренебреженіемъ пленялъ не только замужнихъ дамъ, но и вдовицъ. Къ другимъ дамамъ онъ самъ ездилъ на свиданія, но жена его правителя канцеляріи Писарева сама являлась къ нему по ночамъ по его вызову. Это была молоденькая красавица-брюнетка, весьма грацiозная, съ оживленнымъ и симпатичнымъ лицомъ. Мужъ ея за то пользовался безграничнымъ довѣріемъ Бибикова и безграничною властью. Онъ продавалъ всѣ важнѣйшія места в генералъ-губернаторствѣ по таксамъ; выбиралъ изъ помѣщиковъ, состоявшихъ подъ надзоромъ полиціи — а лучше не всѣ были подъ надзоромъ — все, что можно было выжать; налагалъ руку и на разныя суммы, состоявшія въ распоряженіи генералъ-губернатора, и всѣ дѣла велъ по своему усмотрѣнію. Бибикову на него нерѣдко жаловались. Жаловались въ Петербургъ. Бибиковъ его отстаивалъ. На требованіе государя удалить Писарева, Бибиковъ принуждалъ давать ему объясненія; Писаревъ отвѣчалъ обыкновенно, что это сплетни и клевета его враговъ, направленныя не столько противъ него, Писарева, сколько противъ генералъ-губернатора; впрочемъ имъ не сиживать. Будто не клевещутъ, будто его Высокопревосходительство состоитъ въ интимныхъ отношеніяхъ съ его женою; будто его жена, по приглашенію, по ночамъ посѣщаетъ Дмитрія Гавриловича. Но Писаревъ, какъ здравомыслящій чиновникъ, не даетъ вѣры этимъ злонамѣреннымъ сплетнямъ, вредящимъ вдобавокъ доброму имени его жены. Бибиковъ прекращалъ послѣ такого объясненія запросы и продолжалъ по прежнему отстаивать ловкаго чиновника, мужа своей любовницы. Разсказываютъ, будто во время обѣда Милорадовича и частнаго пристава въ квартирѣ Бибикова, Писаревъ рано разразился за столомъ въ камергерскомъ мундирѣ съ огромнѣйшимъ золотымъ ключомъ сзади.

наслѣдникъ престола смотрѣлъ грозно, что офиціально, кажется, приходилось къ вѣчнымъ искательствамъ мѣстныхъ пановъ, и къ отъѣзду получилъ тутъ же выговоръ отъ Государя.

(2) Въ Кіевѣ считалось въ 1846 г. около 60 т. жителей, такъ что при расширенности города, онъ казался малолюднымъ, и только во время контрактовъ и весною, когда стекались богомольцы со всей Россіи, замѣтна была многолюдность и движеніе. Весною почти всегда являлась въ Кіевъ А. А. графиня Орлова-Чесменская съ компаньонкой, извѣстная вкладчица въ монастыри, чрезвычайно богатая помѣщица-дѣвица. Она съ компаньонкой, съ четками въ рукахъ, въ простомъ костюмѣ монахинь переходила изъ монастыря въ монастырь, изъ церкви въ церковь. Иногда она являлась въ монастырь въ богатѣйшей каретѣ, запряженной арабскими рысаками съ форейторомъ и лакеями. Она пожертвовала — кажется — въ 1847 г. серебряную раку и балдахинъ съ каменьями для мощей св. Варвары, почивающихъ въ Михайловскомъ монастырѣ. Графинѣ казалось на видъ лѣтъ за 50. Она была преданною духовною дочерью и покорнѣйшею слугою изувѣрнаго архимандрита Фотія. Объ нихъ сложены стихи, приписываемые Пушкину:

Благочестивая жена
Душою Богу предана,
А грѣшною плотію
Архимандриту Фотію.

и другое стихотвореніе — разговоръ Фотія съ Орловой:

„Внимай, что я тебѣ вѣщаю:
Я тѣломъ евнухъ, мужъ душой"
— Но что жъ ты дѣлаешь со мной?
„Я тѣло въ душу превращаю!"

Лавра и другіе монастыри, а также церкви, гдѣ находились чудотворныя иконы, получали въ то время значительный доходъ. Въ Софійскомъ соборѣ на хорахъ передъ иконой чудотворной Божіей Матери съ утра до вечера служили акаѳисты и молебны.

насильственного было видѣть такое усердіе и вѣру народа. Но противно было смотрѣть на алчность духовенства: къ парадному крыльцу сѣну подскакивали священники и даже протоіереи, предлагая свои услуги по молитвѣ, и на ухо шептали, что они берутъ дешевле другихъ. Точь в точь мамзурики в еврейскихъ мѣстечкахъ, зазывающіе пріѣзжаго на постоялый дворъ. Времена разгула, раздолья и баснословныхъ богатствъ для монастырскаго духовенства минули съ отобраніемъ у монастырей огромнѣйшихъ земельныхъ пространствъ, заселенныхъ монастырскими крѣпостными душами. На 40 вер. кругомъ Кіева раскинуты были села, поселки и деревни монастырскія. Въ 20 в. по дорогѣ в Васильковъ была главная лаврская экономія. Сюда къ эконому-монаху по очереди съѣзжалась братія погулять и в сосновомъ бору нагуляться вдоволь. Какихъ медов, наливокъ тутъ только не было? Какихъ только красавицъ не доставляли экономы къ услугамъ св. отцовъ? Напившись до чертиковъ в лунные вечера, они впрягали по 12-16 нагихъ красавицъ в возки и катались в саняхъ и в лѣсу по витымъ бѣлымъ пескамъ катаніемъ по утреннимъ часамъ, погоняя красавицъ длинными бичами и расписывая кровавыми ударами их нагія, статныя и упругія тѣла. Вездѣ повторялось одно и тоже: в западной Европѣ, и у насъ. Никто не обнаруживалъ такого непониманія, равнодушія и пренебреженія къ св. евангельскому слову Богочеловѣка, Живаго Бога, какъ служители церкви Живаго Бога. Извращенная ими обрядность и догматизмъ послужили имъ средствомъ властвовать надъ вѣрующими чувствами массъ и умами интеллигенціи. Евангеліе Христа Спасителя міра у католическаго духовенства сдѣлалось такою же запретною книгою для народа, как книги безнравственнаго мышленія, и украшенныя безнравственными

картинками. Гдѣ духовенство достигло высшей власти, тамъ оно становилось грабителемъ, истязателемъ человѣка. Оно, какъ злобный, дикій алчный, необузданный звѣрь находило наслажденіе въ крайнемъ надругательствѣ надъ душой и тѣломъ человѣка. Видъ мученій, истязаній, кровь, ломка суставовъ и костей опьяняли духовенство. Посредствомъ пытки и бича оно мечтало вѣчно властвовать надъ міромъ, растоптать и унизить его до безсловеснаго стада животныхъ. Костры, на которыхъ заживо жгли людей, даже младенцевъ, предварительно истерзанныхъ бичомъ и измученныхъ пыткой, — это было высшее торжество духовенства надъ человѣчествомъ; высочайшая злая иронія надъ ученіемъ Христа Спасителя; это былъ апогей надругательства надъ міромъ; и все это совершалось во имя Его, пролившаго свою невинную кровь за грѣхи міра, для спасенія рода человѣческаго. Личность и ученіе Христа были противны этимъ вампирамъ-фарисеямъ, что если они сами не были во власти и силѣ мучить немощныхъ и слабыхъ, то прислуживались высшей власти и были рабскимъ орудіемъ злобы и казней, не имѣющихъ ничего общаго съ божественнымъ ученіемъ Богочеловѣка, отдаленныхъ отъ него духовною пропастью. У насъ духовенство никогда не достигло той власти, которой оно достигло въ католической церкви; но тѣмъ смирно было и на сколько мирно было, оно прикрывало себя такими же грязными инквизиціями, которыя составляли принадлежность католическихъ духовныхъ. Въ духовныхъ училищахъ сѣкли безщадно по голому тѣлу дѣтей, начиная съ 8 лѣтъ и далѣе, не потому что въ этомъ настояла нужда,

что того требовала современная педагогія;
стояли безпрестанно потому, что іереи, прото-
іереи и монахи находили наслажденіе в созер-
цаніи мукъ и вздрагиваній наказуемаго про-
вавшихъ обнаженнаго молодаго упругаго чело-
вѣческаго тѣла; ихъ слухъ наслаждался воплями и стонами истязуемыхъ; ихъ властолюбіе
и гордость упивались сознаніемъ власти надъ
подвластнымъ имъ человѣкомъ. Болѣе добрыхъ
людей среди духовенства руководились принципомъ и
привычки. — И крѣпостныя души монастырей
истязуемы были страшно жестоко, также
жестоко, а можетъ быть и болѣе, чѣмъ крѣ-
постные дворянства во времена его необуз-
данной власти. Христіанинъ надъ христіа-
ниномъ не долженъ имѣть власти въ высшей
мѣрѣ, потому что опредѣлено словами божіими въ
Евангеліи: „кто хочетъ между вами быть боль-
шимъ, да будетъ вамъ слугою (Ев. Мат. 20, ст. 26)
Старожилы въ Витѣ разсказывали, что посре-
ди экономическаго двора былъ столбъ; на
немъ вертѣлось колесо. Къ колесу привязы-
вали лѣвыми руками нагихъ мужчинъ, жен-
щинъ и дѣтей, а въ правыя давали каждому
по палкѣ, сплетенной изъ колючаго терновника и
насыпанной пескомъ. По приказу эконома
монаха привязанные пускались бѣгать
вокругъ столба, нанося другъ другу удары
по спинамъ, задней части и ногамъ. Отъ боли
каждый раздражался и все сильнѣе колотилъ
бѣгущаго впереди. Кара эта иногда
принимала участіе бѣглый самъ. Стояв-
шіе вокругъ монахи хохотали и отпу-
скали остроты. Эти наказанія происхо-
дили каждую субботу; а по воскресеніямъ
и праздникамъ, когда монахи изъ Лавры
начинали чести кутить, послѣ обѣдни и за-
кусокъ съ выпивкой, наполнивъ вина задняго

и мальчики, пускали их для потехи нагихъ бегать вокругъ стола на коленяхъ съ руками связанными, намоченными в разсолъ бураковыхъ розогъ. Девки извивались окровавленными ягодами, кровь брызгала на деревья и лица монаховъ, а они острили, рукоплескали и подзадоривали девокъ сечь другъ на друга другъ друга плетками. После такой потехи окровавленныхъ девокъ, не позволяя имъ ни одеться, ни умыться, сажали съ собою за трапезу, оплевывали и клали съ собою спать. Отцы и матери не смели противоречить, не смели жаловаться; да и некому было жаловаться на всесильныхъ монаховъ.

Я упоминаю о помощникѣ попечителя Юзефовичѣ. Онъ прежде служилъ в кавалерии, затемъ назначенъ былъ в чинѣ ротмистра инспекторомъ казенныхъ училищъ Киевскаго учебнаго округа и наконецъ помощникомъ попечителя. На последней должности онъ оставался до выхода в отставку. После него инспекторомъ училищъ былъ Могилянскій, впоследствии попечитель Одесскаго учебнаго округа. Могилянскому в этой должности наследовалъ Туловъ, профессоръ Нежинскаго лицея. Я помню первый дебютъ Юзефовича в качестве инспектора училищъ в приездъ его на ревизию ~~Не~~ Немировской гимназии. Его не ожидали. Онъ прямо подъехалъ къ зданию и вошелъ в третий классъ, находившийся прямо противъ входа. В дверяхъ показалась высокая повелительная фигура. Ученики невольно привстали, привсталъ и старикъ учитель, коллежский советникъ Чарнецкий. Юзефовичъ направился прямо къ каѳедрѣ и, положивъ руку на плечо Чарнецкому, сталъ спрашивать громкимъ повелительнымъ голосомъ: „ты давно служишь? сколько тебѣ летъ? в какомъ состоишь чинѣ? Чему обучаешь? ~~[illegible]~~

пріѣзжай, послѣ обѣда непремѣнно такое ученіе?
Мы ученики поражены были страхомъ, видя такое обращеніе съ старикомъ-учителемъ, наставникомъ, какъ мы его всегда величали. Мы недоумѣвали - кто этотъ властный и гордый ревизоръ? не самъ-ли министръ? Мы видѣли, попечитель фонъ-Брадке не такъ обращался съ учителями. Кромѣ того, мы упали духомъ: это былъ четвергъ масляницы, и послѣ уроковъ мы ожидали отпуска на нѣсколько дней, до среды будущей недѣли включительно. А тутъ министръ, экзамены... пропала наша масляница. За нѣкоторыми воспитанниками родители прислали уже лошадей. Гдѣ тутъ думать объ экзаменахъ? Экзамены происходили при свѣчахъ и тянулись всю ночь. Дѣти были запуганы и утомлены. Учителя, которыхъ бранилъ при ученикахъ Головнинъ и постоянно на нихъ прикрикивалъ, обращаясь къ нимъ на ты, совсѣмъ потерялись. Головнинъ ничего въ предметахъ не смыслилъ. Онъ взялъ программу и читалъ по ней вопросы вызываемымъ по разнымъ предметамъ ученикамъ. Кто былъ смѣлъ и несъ смѣло всякую чепуху, того Головнинъ хвалилъ; кто же робѣлъ, отвѣчалъ слабо или останавливался въ отвѣтахъ, тѣхъ прогонялъ, какъ незнающихъ. Мы думали, что бѣднаго учителя геометріи Самойленко, человѣка пожилого и тучнаго, убьетъ апоплексія. Это былъ хорошій учитель и человѣкъ. У другого учителя математики Андреевскаго отъ волненія спустились на землю очки и разбились вдребезги. Онъ весь красный [illegible] обращался на плачахъ. Это былъ плохой учитель и страшный взяточникъ. Ученики его не терпѣли и были очень довольны его позоромъ. Андреевскій вскорѣ послѣ этой ревизіи купилъ себѣ на вымоганно-раченныя у учениковъ деньги у правителя канцеляріи округа Лаврова мѣсто инспектора Бѣлоцерковской гимназіи. Пришла очередь географіи. Хромой учитель Макѣевскій на

прочитанный вызванному ученику вопросъ: пере-
числить во всѣхъ частяхъ свѣта колоніи Англи-
чанъ, затѣмъ Французовъ и т.д. — поспѣшу оговориться
добавить, что хотя приблизительно каждой части
свѣта указывались колоніи европейскихъ го-
сударствъ, но что подробно этотъ вопросъ
проходился, и это вытекаетъ изъ самой про-
граммы, въ концѣ года, — получилъ отъ Іосифови-
ча грозное: молчать! и совершенно стушевал-
ся. Вызванный ученикъ не потерялся: быстро
указывалъ колоніи, конечно, съ пропусками и
ошибками. Моисеевъ краснѣлъ и трепеталъ.
Но вотъ раздалось: превосходно! прекрасно! За-
писалъ Іосифовичъ въ книжечку отмѣтку и
объявилъ, что если ученикъ съ отмѣткою 3 въ
состояніи проявить такое знаніе географіи,
то преподаваніе географіи въ удовлетворительномъ со-
стояніи, и изъ этого предмета нечего дальше
испытывать. Затѣмъ позвалъ Моисеева,
одобрительно похлопалъ его по плечу и пере-
шелъ къ экзаменамъ изъ другихъ предметовъ.
Моисеевъ послѣ обнималъ и цѣловалъ отвѣ-
чавшаго ученика и объявилъ, что этого ни-
когда не забудетъ. Моисеевъ сдержалъ слово: къ
надзиратель въ общей квартирѣ, онъ покро-
вительствовалъ постоянно этому учени-
ку, а при экзаменѣ въ VII кл. настоялъ на пол-
ной отмѣткѣ ему 5 по испытанію. Похвала
Іосифовича и обѣщающее одобреніе Моисе-
ева повліяли на ученика благотворно: онъ
сдѣлался не только первымъ ученикомъ по
географіи, но, переходя изъ класса въ классъ,
онъ оказывался все лучшимъ и лучшимъ учени-
комъ, а въ VII кл. занялъ первое мѣсто. Несмотря
на весьма строгіе экзамены и особенно
строгой обстановкой, онъ удостоенъ золотой
медали. Учениковъ вызывали поодиночкѣ въ
торжественный залъ и не давали времени
на обдумываніе предлагаемыхъ вопросовъ.

Въ этомъ выпускѣ изъ 33 порядочныхъ учениковъ только 3 удостоились аттестатовъ. Моисеевъ очень не дурно преподавалъ географію; онъ былъ малороссъ и постоянно въ обращеніи съ учениками отпускалъ малороссійскія шутки и остроты; ученики подхватывали тѣже шуточки въ разговорѣ съ нимъ, но повиновались ему и любили его, а потому у него былъ постоянный успѣхъ и порядокъ въ общей квартирѣ. Моисеевъ остался учителемъ до выслуги лѣтъ. Андреевъ представлялъ ему прямую противоположность: онъ дурно преподавалъ, но еще хуже обращался съ учениками, - его терпѣть не могли, и предметъ Андреевскаго былъ въ плачевномъ состояніи. Онъ успѣвалъ сконфузить или одурачить ученика, предлагалъ [illegible] [illegible] до доски и бралъ въ руки мѣлъ. Болѣе самолюбивые ученики послѣ такого вызова плакали съ сердцемъ и тутъ на мѣстѣ оставили, что они ничего не знаютъ. Съ учениками, конечно эту платили, если обращались хорошо, но это большею частію были [illegible] неразвитые и лѣнивые, дѣти состоятельныхъ родителей, избалованные своими маменьками и роскошно, считавшіе, что знаніе и образованіе для нихъ лишняя вещь, имъ нужно было свидѣтельство изъ уѣзднаго класса или аттестатъ.

[illegible] мало по малу [illegible], потерялъ свою военную грубость, сталъ лучше обращаться съ учителями гимназіи. Онъ даже пріобрѣлъ многочисленныя свѣдѣнія въ предметахъ гимназическаго курса. Сталъ читать и даже пустился въ писательство. Онъ былъ вообще человѣкъ не дурной и старался жить по [illegible], [illegible] къ [illegible] [illegible]. Между нимъ и Писаревымъ существовала дружба. Не знаю, на сколько это справедливо, но мнѣ приходилось слышать, что Писаревъ

порядочныя шишки на имя Хорафовича, лишь озлобить ихъ свыше, такъ какъ имъ считалъ и въ Праге и въ Петербургѣ первый пунктъ благочинія. Пока онъ былъ правителемъ канцеляріи Бибикова и затѣмъ петербургскаго губернатора, Хорафовичъ отдавалъ ему отчетъ въ управленіи. Но къ Писареву разъ дозволеніе расхаживать страшно мало и разрабатывать старыя налоги, вопреки Высочайшему повелѣнію, былъ отпущенъ отъ должности и попалъ, какъ говорили, въ пропасть, Хорафовичъ, предварительно лишенъ служенія и оставилъ его гетмана на свободѣ. Жена Писарева, по разсказамъ поляковъ, въ Парижѣ такъ покутила, что попала въ долговую тюрьму.

Могилянскій получилъ университетское образованіе и служилъ немного въ Петербургскомъ университетѣ вплоть до реформы, потомъ былъ сосланъ министромъ финансовъ. Бразъ встрѣтивъ Могилянскаго случайно, узналъ его и пригласилъ на службу въ Министерство финансовъ, а послѣ доставилъ ему мѣсто попечителя Одесскаго учебнаго округа. Могилянскій былъ весьма мягкій, снисходительный человѣкъ, но не любилъ заниматься службою. Онъ все время свое посвящалъ амуру и свѣтскому обществу.

Въ дѣлѣ преподаванія очень важную роль играетъ не только умѣніе излагать ясно, заинтересовать вниманіе учащихся, но умѣніе поощрить и ободрить во время учащагося. Учитель долженъ любить свой предметъ, любить дѣтей, не отвлекаться отъ предмета посторонними замѣчаніями и развлеченіями въ игры — и успѣхъ всегда достигнутъ. По моему мнѣнію безучастность иногда даже больше вліяетъ, нежели добрый взглядъ строгій на отвѣтственности учителя. Учащая, о которыхъ я упоминалъ, что кончилъ курсъ, первымъ съ золотою медалью

в первомъ классѣ за малоуспѣшность оставался 2 года, во второмъ тоже, в 3 едва-едва удерживался на отметкѣ 2-3. Вдругъ случай визитаціи Кореповича разбудилъ в немъ дремавшія способности и вотъ онъ в 4 кл. занимаетъ 5 мѣсто, в 5 кл. – 3, в VI – 2, а в VII – первое. У иныхъ дѣтей способности развиваются очень поздно, и потому весьма несправедливо запрещать дѣтямъ, по крайней мѣрѣ до IV кл. включительно, оставаться в классѣ по 2 года.

Іюль 1892

(1) Высшіе классы относились съ отвращеніемъ къ этимъ упражненіямъ и ругались ежедневно читать Туманова. Онъ употреблялъ все своё красноречіе на то, чтобы убѣдить непокорныхъ, что воля начальства выше всего на свѣтѣ... "Поставятъ палку, слушайся и палки, иначе ты погибъ на всю свою жизнь. Не только законные требованія-требованія, но и всякій капризъ начальника долженъ исполняться безпрекословно, ибо и самые капризы начальства имѣютъ в виду высшія цѣли, клонящіяся къ общему благу. Тумановъ ничего не зналъ, не могъ бы преподавать ни одного предмета, но онъ хватилъ все-таки верхушекъ, и начальническимъ авторитетно выезжалъ на нихъ.

(2) тѣмъ болѣе, что в Россіи столько денегъ, что ихъ и куры не клюютъ. Впрочемъ самъ Тумановъ былъ первѣйшій мастеръ клевать и частную, и общественную копейку.

(3) Былъ онъ приемщикомъ и поставщикомъ в одно и тоже время.

(4) Магазинъ провіантскій былъ переполненъ доставленными имъ на свои деньги продуктами и вещами, тысячъ на 50-60; но деньги еще не были ассигнованы, даже не представлено было еще требованій. И вотъ все это достояніе безапелляціонно и безъ вознагражденія поступило в казну, въ пользу которой оно было выведено отцомъ Тумановымъ.

(5) И высшее начальство, узнавши о перепискѣ его съ Лазаревымъ, преклонилось предъ нимъ. Тумановъ ликовалъ и братъ

Оратки; чтобы поддержать огонь дружбы, аккуратно ѣздилъ въ Кіевъ для свиданія съ Лазаревымъ и каждый разъ въ знакъ дружбы подносилъ ему цѣнные подарки.

16, Послѣ ея смерти, случившейся в Ковно, Тумановъ повелъ сейчасъ жизнь разсѣянную. Онъ волочился не только [illegible]. Но особенно увлекался онъ весьма симпатичною и молодою [illegible] учителя и надзирателя общихъ квартиръ Соханскаго. Онъ его освобождалъ отъ дежурствъ, дозволялъ посѣщать дома, учениковъ, дѣлалъ подарки. Соханскій, увѣренный въ [illegible], на все это смотрѣлъ сначала сквозь пальцы, но или онъ послѣ что-либо замѣтилъ, или предвидѣлъ въ будущемъ увлеченіе своей жены, только онъ отказалъ Туманову отъ дома. Тумановъ сталъ мстить ему всевозможными притѣсненіями, особенно какъ надзирателю общихъ квартиръ. Траутфеттеру доносилъ, что Соханскій отлучается часто отъ дежурства, что не посѣщаетъ въ свою очередь в общихъ квартирахъ, что получаетъ взятки отъ подрядчиковъ и т. п., что опаздываетъ на уроки, что вмѣсто занятій курилъ во время классовъ въ наставнической [illegible] съ учениками, что онъ непочтителенъ, неисправенъ, но Траутфеттеръ говоритъ, что послѣдній не на своемъ мѣстѣ, что ничего не смыслитъ, что не будь его братъ ректоромъ, Траутфеттеръ былъ бы [illegible], а не директоромъ гимназіи. Тумановъ самъ увольнялъ и отвлекалъ Соханскаго отъ дежурствъ; самъ посылалъ къ подрядчику за разными продуктами для Соханскаго и впослѣдствіи [illegible] высказывалъ все то Траутфеттеру, что послѣ приписалъ Соханскому. Зная обо всемъ этомъ, Соханскій подалъ Траутфеттеру докладную записку, въ которой разсказалъ о притѣсненіяхъ и кляузахъ со стороны Туманова и въ заключеніе перечислилъ подарки Туманова отъ подрядчика и другія взятки. Послѣ этого прошла тихо цѣлая недѣля. Наконецъ Соханскій получаетъ отъ Траутфеттера повѣстку явиться къ нему немедленно въ полной мундирной формѣ. Траутфеттеръ [illegible] и крикомъ остановилъ Соханскаго у порога въ своемъ кабинетѣ... Руки по швамъ! Доносчики на начальство [illegible] мѣсто у порога.

чего не буду, если вамъ не накинутъ бѣлую ленту через плечо (т.е. отдадут в солдаты). Вотъ вопросные пункты по вашему доносу. Я начинаю формальное слѣдствіе. Покамѣстъ вы подъ судомъ, я приказываю вамъ ко мнѣ и къ г. инспектору являться по утрамъ въ полной мундирной формѣ, такъ какъ вы совсѣмъ забыли, что я начальство, и своимъ доносомъ доказали это. Сверхъ того черезъ каждые сутки, по окончаніи дежурства въ общихъ квартирахъ, вы должны являться ко мнѣ и инспектору съ рапортомъ въ полной мундирной формѣ. Ступайте прочь." Хотя въ это блаженное время служебныхъ отношеній между начальствомъ и подчиненными подобные пріемы употреблялись Траутфеттеромъ къ Соколовскимъ, но все таки по учебной части были нѣсколько приличнѣе чѣмъ по другимъ. Учителей не ругали и не сажали подъ арестъ. Соколовскаго удержало это наименіе Траутфеттеру обиды дѣйствіемъ, вѣроятно привязаннаго въ рѣчи и маленькими [illegible]. Соколовскій съ рапортами не являлся и сталъ готовить отвѣты на вопросные пункты. Этого начальство не ожидало и сильно струсило, тѣмъ болѣе, что [illegible] въ [illegible] изъ многихъ всѣхъ учителей, за исключеніемъ Петра Дмитріевича Калмыкова. Траутфеттеръ принялъ защиту Туманова на себя, безъ сомнѣнія п.ч. главной стороной начальства, по тогдашнимъ понятіямъ, всегда должно было защищать отъ подчиненнаго, иначе могъ ослабить авторитетъ начальства въ глазахъ подчиненныхъ; начальникъ въ это время считался непогрѣшимымъ въ отношеніи подчиненныхъ, какъ римскій папа; съ другой стороны вѣроятно, были [illegible] между Траутфеттеромъ и Тумановымъ, и первый взялся защитить послѣдняго, чтобы сберечь собственную шкуру. Траутфеттеръ расчитывалъ застращать Соколовскаго, а тутъ выходило скверное дѣло. Тумановъ завѣдывалъ оного подрядчика,

оставленнаго штабсъ-капитана Кейбина, а Саканскій со своей стороны спросилъ Кейбина, покажетъ-ли онъ все по правдѣ? Кейбинъ прямо отвѣчалъ, что показывать правду не въ его интересахъ, почему расчитываетъ на благородство Саканскаго, что онъ оставитъ его в сторонѣ и не принудитъ давать личныя показанія и формально присягать. Это смутило Саканскаго. А тутъ лошади и слуги вѣрно не впутывались, а была съ такими словами къ Туманову, у котораго печати Лазова, и къ Траутфеттеру, у кого за печатью ровный Дат-ректора Кіевскаго университета, и сверхъ того заранѣе предвидѣлась неудача въ борьбѣ съ начальствомъ — все это заставило Саканскаго смириться. Онъ все таки не чувствовалъ себя в состояніи лично переговорить съ Тумановымъ и Траутфеттеромъ и просилъ меня быть посредникомъ. Я передалъ его желаніе Туманову. Вмѣстѣ съ нимъ Траутфеттеръ потребовалъ къ себѣ Саканскаго, заговорилъ съ нимъ отеческимъ наставительнымъ тономъ и разорвалъ в мелкіе куски докладную записку Саканскаго. Запросные же пункты на 10 листахъ остались у Саканскаго. Это весьма любопытный документъ. Недѣли черезъ 3 Саканскій былъ переведенъ в уѣздное [illegible] училище в Малороссію по старанію Туманова и Траутфеттера, къ полной утѣхѣ и къ [illegible] того права. Я оказалъ услугу Траутфеттеру и Туманову, по посредничеству своей честной совѣсти и [illegible], рѣшилъ, что подача докладной записки Саканскимъ было моимъ дѣломъ. Въ этомъ онъ, кажется, успѣлъ увѣрить и Траутфеттера; по крайней мѣрѣ послѣдній въ обращеніи со мною сдѣлался осторожнѣе и суше.

(7) при томъ у Туманова всѣ бѣлые и близкіе сплетничали на рынкѣ пусту. Траутфеттеръ послѣ исторіи и Саканскаго чтобы всѣ бѣлые и близкіе разсматривались дураками и [illegible] Туманова не подвели его подъ отвѣтственность, (бормотунъ лее съ Лазаревымъ, патрономъ Туманова, оказывались невыигрышными, онъ

(8, пока в думахъ и самоуправствѣ допущенъ былъ удаленъ изъ Тифлиса. Въ Каменецъ онъ ремонтировалъ здание гимназіи и затратилъ въ пустую, что

(9) непроданнымъ былъ в это время Аренсъ, извѣстный

съ Коленко воспитывались на казенномъ содержаніи въ университетѣ. Она теперь была набобомъ: экипажи самой изящной и модной фирмы отъ кареты до вдо-дековъ, исключительно паръ заводскихъ выѣздныхъ лошадей, верховыя лошади, повара, поваренокъ, лакеи, кучера, форей-торы и т.д. Коленко увивался около него и шутками и остротами забавлялъ его молодую супругу, грандессу, вышедшую изъ полупочтенной нищеты — у тетки вдо-вы Вахарчикъ въ Дубно она носила съ заплатами си-цевыя платья и штопанныя грязныя чулки — сдѣла-лась недоступной даже для чиновной аристократіи. Одѣтая каждый день въ бархатъ и бриллианты, она си-дѣла въ гостиной по цѣлымъ утрамъ, принимая свысока являющихся къ ней съ поклономъ-визитомъ дамъ и показывала видъ, что читаетъ дорогія изданія въ дорогихъ переплетахъ, раскинутыя по столу. На са-момъ-же дѣлѣ она всего только читала поварен-ную книгу въ дорогомъ переплетѣ, изъ которой заказы-вала являвшемуся къ ней ежедневно повару обѣды, завтраки, обѣды и ужины. Мужу нелегко было развлекать свою аристократическую супругу, и онъ очень обрадо-вался услугамъ Коленка, и по праздникамъ давалъ каждое воскресенье фаэтонъ и пару отличныхъ лошадей, въ которомъ Коленко сталъ возить Красовженко съ семействомъ въ церковь и на прогулки. Задолго еще до благовѣста Коленко являлся къ директорской квар-тирѣ и просиживалъ на крыльцѣ цѣлые часы, пока Красовженки позавтракаютъ, одѣнутся, и только тогда торжественно принимали его и отправлялись въ церковь.

Насколько Коленко былъ низкопоклонникъ, лишь по отношенію передъ вельможами и богатыми, на столь-ко онъ былъ грубъ и жестокъ къ низшимъ и подчи-неннымъ. Это особенно онъ обнаружилъ состо-явши инспекторомъ гимназіи, а потомъ директоромъ Ковенской и Житомірской гимна-зіи и также директоромъ училищъ Подольской губерніи. Характеристика низкопоклонства Н.Д.

Каменко достигъ того, что Косаговскаго Ганъ приглашать его к себѣ на чай и принимать на равнѣ съ другими своими гостями и игрывалъ съ нимъ в карты.

(10) Аренсъ исправникъ былъ удивительно ловкій и счастливый чл. По окончаніи университета, онъ поступилъ в канцелярію генерал-губернатора; вскорѣ былъ назначенъ исправникомъ и тамъ велъ ловко свои дѣла, такъ умѣлъ изъ своей должности извлекать пользу, что и начальство его [illegible], и открылъ [illegible] политическихъ, получая ежегодно около отъ 14 до 16 т. руб. сер. Но вдруг его [illegible] съ [illegible] раздольной жизни, съ [illegible] ли. прекратить [illegible] и [illegible] Аренсъ доставилъ ему вскорѣ мѣсто окружнаго интенданта в Одессѣ. Въ началѣ войны 1877 г. онъ былъ назначенъ генерал-интендантомъ дѣйствующей арміи сопровождаемъ въ д. ст. совѣтники. Онъ подписалъ знаменитый контрактъ съ подрядчиками Грегоръ Коганъ и К°; на судѣ указывали, что онъ получилъ за каждую букву этого контракта по полуимперіалу. Вслѣдъ за подписаніемъ, по болѣзни Аренсъ уѣхалъ заграницу лечиться, гдѣ оставался до конца кампаніи. Подчиненные ему и знавшіе его мѣсто лица подвергнулись суду и нѣкоторые осуждены, въ т.ч. Макѣевъ и сосланы въ Сибирь по лишенію чиновъ, орденовъ и дворянства, а онъ остался былъ, и [illegible] фигурировалъ на судѣ только в качествѣ свидѣтеля. Теперь онъ служитъ в интендантствѣ в СПб, произведено по случаю коронаціи в тайные совѣтники и говорятъ — ведетъ жизнь в столицѣ роскошную широкую жизнь. Родственникамъ своимъ покровительствомъ онъ оказалъ много пользы; все они в разныхъ мѣстахъ Подольской и Волынской губ. занимали мѣста: кто урядниковъ, кто приставовъ, исправниковъ, кто всѣхъ [illegible] по размѣрамъ полицейскихъ и крестьянскихъ земель.

(11) Еще были на меру всѣ учительницы, съ которыми онъ безцеремонно водилъ интимныя сношенія.

(12) Онъ подарилъ Лазову такой хрустальный приборъ, что даже попечитель, присутствовавшій на свадьбѣ Лазова, заинтересовался имъ. Лазовъ женился на дочери смотрителя подольскаго уѣзднаго училища, дѣвицѣ Козелло.

13 Учитель математики Савичъ женился на дочери Абрамова, который выхлопоталъ ему в приданое мѣсто инспектора в Черниговской гимназіи. Жена у Савича скоро умерла. Онъ, красивый мужчина, скоро завязалъ связи съ какой-то богатой вдовой-полицмейстершей (Дунинъ-Борковская, родств. Шеневохъ). Сыновья ея служили в кавалеріи. Узнавши, что мать публично живетъ съ Савичемъ, они пріѣхали къ ней, уговаривали ее бросить постыдную связь, уговаривали и Савича; но когда это не помогло, и мать объявила, что она связь свою съ Савичемъ покроетъ бракомъ, сыновья подкараулили в темную ночь Савича, когда онъ возвращался отъ ихъ матери, и избили его до полусмерти. Мать прокляла сыновей и, лишь Савичъ оправился отъ болѣзни, сочеталась съ нимъ бракомъ и передала в его распоряженіе всѣ свои капиталы и имущества. Савичъ сдѣлался полицмейстеромъ. При Абрамовѣ гимназія никуда не годилась. Воспитанники ея съ золотыми медалями не выдерживали повѣрочнаго испытанія в университетѣ.

(14) Городовой врачъ изъ крещеныхъ евреевъ Тарногродскій за картами у Козловскаго дѣлилъ общество городское на 4 категоріи: 1 категорія — управляющіе отдѣльными частями чиновники, директоръ и инспекторъ гимназіи, 2 — писцы разныхъ канцелярій, 3 — чиновничьи лакеи и повара, 4 — сторожа канцелярій и учителя гимназіи, исключая, прибавлялъ онъ, Н. Д. Косенко. И это была правда — чиновничьимъ лакеямъ и поварамъ жилось в это время лучше, чѣмъ учителямъ гимназіи.

(15) И еще знаменитый Словутинскій, который картами прилично содержалъ себя съ семьею. Онъ постоянно обыгрывалъ городничаго Петра и аптекаря Степуновскаго.

(16) Между учителями наиболѣе другихъ Виттенбургъ, за картами никогда не проигрывался; но это былъ [illegible]

высокій мужчина, и потому трудно было — при спокой-
номъ его характерѣ — замѣтить — пьянъ-ли онъ, или
нѣтъ. Одинъ Баландинъ слылъ пьяницей, но это
н.ч. — крѣпко выпивши — терялъ память, валялся гдѣ
попало, разгуливалъ въ одной рубахѣ и подштанни-
кахъ по городу пробираясь домой. Вообще профессо-
ра пили чаще и больше именно русскіе. Одинъ только
протоіерей отличался трезвостью.

(16) казались правительству подозрительными и
участвовавшіе въ нихъ рисковали попасть подъ
надзоръ полиціи и рисковали потерять мѣсто.

(17) Епифановичъ, въ домѣ котораго поселились Колен-
ко Петръ, а затѣмъ и Иванъ и гдѣ жилъ Яновскій,
кончилъ воспитаніе въ духовной академіи.
Онъ былъ страшно падокъ на деньги и подачки,
но впрочемъ былъ смиренъ. Молодая жена держа-
ла его въ ежовыхъ рукавицахъ, и онъ у нея спалъ
чуть не въ передней. Онъ женился на дочери вдо-
вы какого-то чиновника и получилъ за нею 2
деревянныхъ дома. Это была молодая, пол-
ная страстная брюнетка, вышедшая за
Епифановича не по любви, а чтобы быть
учительшей, инспекторшей и директоршей.
Первымъ воспользовался ея благосклонностью
Абрамовъ, а затѣмъ и другіе, кто искалъ это-
го, или кто у нея квартировалъ. Отъ Яно-
вскаго имѣла она дочь, похожую въ 2 капли
воды на Яновскаго, а отъ Коленки Петра
другую дочь, похожую на своего отца. И Янов-
скій и Коленко тратились на нее, такъ что
она отдавалась не по одной страстно-
сти, но также и по расчету

(18) Онъ роскошно угощалъ министра н. пр. графа
Д.А. Толстаго во время посѣщенія имъ Ки-
шинева, и Толстой въ видѣ вознагражденія
за гостепріимство, а также имѣя въ виду
порядочное состояніе и представитель-
ность Яновскаго пригласилъ его помощникомъ
попечителя Петербургскаго округа. Не надѣя-

що время Яновский попечитель кавказского учебного округа.
Славутинский занял денег у аптекаря Сте-пунковского и купил посредством Тума-нова у Лазова место смотрителя уездно-го дворянского училища. Точно также по-ступил Гриневский, занявши денег за большие проценты у Линдена. Кональ и Косиевич, разо-рившись на повадки и материалы, они тоже со-шли, перетянули в ... гимназию учителей истории.

19 У Линдена между прочими детьми была невеста дочь, красавица лет 20. Женихов не имелось и потому когда пронеслась молва, что Невзоров получил зна-чительное наследство от отца, все семейство Линденов стало за ним ухаживать. Mlle Лин-ден между тем давно нравилась Невзорову, но он не смел мечтать о браке с нею, вполне уверенный, что родители ищут для нее состоя-тельного жениха. У самой Линден было како-то предубеждение к Ковалю, т.к. она считала себя аристократкой и мечтала выйти за аристократа, но теперь все изменилось: Невзоров понял, что на него смотрят иначе и по обращению с ним медлить не стал, что она в него страстно влюблена. Линденам ска-зали, будто Невзоров получает не 3т, а 30 т. на-следства. Все таки не доверяя Линденам, боясь получить отказ и по робости характе-ра, не смея сам объясниться с родителями и до-черью, Невзоров прибег к посредничеству Славутинского. Линдены выразили согла-сие за себя и за дочь и Невзоров был объявлен женихом. Он сейчас же бросился для не-весты, бывшей сиротой, приобрел на сколько-то тыс. руб., состоявший из серег, брош-ки и браслета. Невеста от подарка была в восторге. Затем купил прекрасный вен-ский экипаж, дарил кружева, бархат, конфеты.

назначено было время для вѣнчанія.(x) Линденъ, довольно хорошій старикъ, настаивалъ на своемъ, но властвовавшая въ домѣ жена и порывисто любившая и честолюбивая въ матушку невѣста все противились. Невзоровъ [illegible]. Вдругъ въ городъ вошелъ новый полкъ. У Линденовъ стали бывать офицеры и командиръ полка баронъ Криднеръ, позднѣе корпусный командиръ, помощникъ командующаго войсками Варшавскаго военнаго округа, потерпѣвшій постыдное пораженіе подъ Плевной. Среди офицеровъ оказался весьма состоятельный человѣкъ, бывшій полковой казначей и притомъ со связями. Невѣста и Линдены устремили на него все свое вниманіе, а Невзоровъ остался въ тѣни. Невѣста стала избѣгать его, а когда это было улажено съ состоятельнымъ офицеромъ, прямо объявила Невзорову, что она его никогда не любила и не любитъ, а покорялась только волѣ родителей. При этомъ она считаетъ себя даже обиженной Невзоровымъ, т. к. онъ не [illegible] личико, а старался противъ ея воли, черезъ родителей посягнуть на ея свободу. Эта выдумка [illegible] офицера, получившаго въ Крымскую войну [illegible], [illegible] порядочное состояніе, но вмѣсто [illegible] и [illegible] [illegible] и любимой [illegible] красавицы [illegible]. Вдова вскорѣ утѣшилась, вступивши въ новый бракъ [illegible] адвокатомъ [illegible], прервавшимъ ея обязательства, сильно разбогатѣвшимъ. Съ вѣнчаніемъ [illegible] Линдены прекратили всякое сношеніе съ [illegible]

(x) По воспоминаніямъ его адвоката М. Линденъ стала [illegible] по разсказамъ Невзорова о [illegible], и вдругъ послѣ этого разговора стала откладывать подъ разными предлогами день вѣнчанія.

(20) Съ приходомъ Азовскаго полка, за М[lle] Жуковскую сталъ приволакиваться офицеръ Лемартовичъ, изъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, и наконецъ объяснился въ любви и получилъ согласіе невѣсты и родителей. Война помѣшала сватовству. Жуковскіе сразу почти стали Лемартовичу деньги и вещи, боясь, что онъ въ Крыму во всемъ нуждается. Кончилась война. Лемартовичъ остался цѣлъ и невредимъ, но, свѣдавъ, что Жуковскій безъ мѣста и что у него нѣтъ никакого состоянія, прекратилъ съ невѣстой переписку и болѣе никогда не являлся на глаза. Жуковскіе были поражены.

(21) О М[me] Линденъ, которая еще хорошо сохранилась, говорили, что въ Иркутскѣ она держала мужа подъ башмакомъ, сама всѣмъ распоряжалась, вела массу романовъ, вошла этимъ въ порядочныхъ домахъ; жила страшно роскошно, но хватила черезъ край, натолкнулась на кого-то, и бѣдному Линдену предложили выйти въ отставку съ положеннымъ пенсіономъ.

(22) Дочери были недурныя. Одна изъ нихъ, старшая, Софья, вышла за казначея Азовскаго полка Карповича, другая Марія за маіора стрѣлковаго батальона. По выходѣ замужъ изъ дома, Софья повела такую рискованную и разгульную жизнь, что мужъ ея, не удержавъ своихъ 20 т. р. с., но прихватилъ еще 10 т. казенныхъ. Эта растрата, да еще любовныя похожденія жены, заставили Карповича застрѣлиться. Софья возвратилась къ матери въ томъ, что было на ней, такъ какъ все имущество описали за похищеніе казенныхъ денегъ. У матери она родила дочь. Безъ любовныхъ похожденій обойтись она не могла, а пріискать вновь мужа, послѣ такого дебюта, было весьма трудно. М[me] Линденъ, бывшая съ Павловой въ дружбѣ, указала на вдовца инспектора Тулупова, котораго при помощи Любомірскихъ, ихъ друзей и родственниковъ, польскихъ магнатовъ, можно затянуть въ сѣти

тый онъ человѣкъ еще молодой, довольно способный и находчивый. Тумановъ сдѣлался постояннымъ гостемъ Павловыхъ. Ему это было очень кстати. У Павловой былъ братъ, служившій чиновникомъ особыхъ порученій при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ, теперь богатый, будущій полицмейстеръ. Ожидали, что имѣніе его перейдетъ къ дочерямъ Павловой. Сынъ Павловой, въ чинѣ полковника, молодой еще, былъ любимымъ адъютантомъ генералъ-губернатора кн. Васильчикова. За Павлову стояла вся польская вліятельная аристократія. M-me Линденъ напѣвала Туманову, что Софья влюбилась въ него, что просто таетъ по немъ, что мать Павлова не въ состояніи будетъ противиться влеченію дочери, что и [illegible] благословенія на бра[illegible]ра. У Туманова закружилась голова. А тутъ начались любительскіе спектакли; Софья стала принимать въ нихъ участіе вмѣстѣ и Тумановымъ и окончательно пленила его. Мать Туманова, старушка, предупреждала ему, что его ждетъ участь Юревича, а онъ и самъ сначала трусилъ, но послѣ спектаклей, на [illegible] [illegible], влюбился въ Софью до безумія. Свадьба была великолѣпная въ домѣ, принадлежавшемъ Любомірскому, гдѣ во время квартированія [illegible] полка помѣщался офицерскій клубъ. На свадьбѣ присутствовалъ князь Любомірскій, нѣсколько другихъ крупныхъ польскихъ пановъ и богатый братъ Павловой, на счетъ котораго и справлена была свадьба. Онъ, между прочимъ, для гостей поставилъ нѣсколько ящиковъ сигаръ, настоящихъ гаванскихъ съ золотыми головками, каждый стоимостью въ 100 р.

23. Какъ ни великъ былъ доходъ Шульминскаго отъ по[illegible], его все таки не хватало. Шульминскій, понимая духъ своего времени и господствовавшіе порядки, мошенничалъ по своему: онъ устроилъ иск.

болѣе способныхъ и молодыхъ солдатъ, имѣя командою отличную шайку воровъ подъ командой унтеръ-офицера. Команда врывалась во время пожаровъ въ Ковно и окрестныхъ мѣстечкахъ, стала выставлять окна и двери въ погребахъ, кладовыхъ и домахъ еврейскихъ, пробиралась сначала тихо прежде въ домахъ мѣщанъ, затѣмъ перешла въ дома прочихъ обывателей и чиновниковъ, наводя панику. Стали изнутри забивать окна и двери — ничего не помогало, запасались многіе люди съ ружьями и пистолетами, все таки проникали. Угрожая смертью проснувшимся или пытавшимся оказывать сопротивленіе, приказывали первымъ лежать смирно, а вторыхъ перевязывали и обирали весь домъ дочиста. Если удавалось кому-нибудь ускользнуть изъ нихъ на улицу, поднять крикъ, — грабители удирали. Ночной обходъ, изъ инвалидныхъ солдатъ и десятскихъ, хотя что-то всегда оказывался подальше отъ грабимаго дома, преслѣдовалъ грабителей, даже стрѣлялъ по нимъ, но поймать кого-либо не удавалось. Команда крала и грабила все, что попадало подъ руку: вино, водку, масло, сыръ, яйца, куръ, индюковъ, гусей, утокъ, свиней, муку, хлѣбъ въ мѣшкахъ, деньги, серебряныя вещи, драгоцѣнныя украшенія, подушки, одѣяла, перины, бѣлье, одежду и т. п. Часть всего поступала въ натурѣ къ Шлиппенбаху, часть раздавалась грабителямъ, часть причиталась инвалидной командѣ и часть еврею-фактору, который возилъ самую крупную часть краденнаго изъ города въ разные пункты губерніи и тамъ его сбывалъ. Вырученныя деньги поступали къ Шлиппенбаху и отчасти къ городничему Петре. Оказалось послѣ, что шайка организовалась подъ руководствомъ лучшихъ воровъ, выпускаемыхъ на ночь изъ тюрьмы. Эти воры, когда наконецъ надъ ними постановленъ былъ приговоръ, выпускались совсѣмъ на свободу. И вотъ стали сначала говорить, что

грабить у [illegible] товарищи арестанты, потомъ мало по малу пало подозрѣнiе на инвалидовъ и самого Шумилевскаго, который зажилъ на славу.

(24) Когда въ городѣ уже почти нечего было грабить, команда рыскала по окрестностямъ. Надо думать, у Шумилевскаго оказывался всегда забитымъ погребъ винъ изъ того или другого мѣстечка.

(25) Онъ накупилъ дорогихъ бархатныхъ и шелковыхъ матерiй тысячи на 4 и отправилъ ихъ въ [illegible] квартиру. [illegible] была модница и своего [illegible], настоящаго дикаго и злобнаго [illegible], говорившаго на смотрахъ, что онъ разстрѣляетъ насмерть до смерти 9 изъ, лишь бы 10й былъ вашимъ [illegible] слѣдуетъ, держала подъ башмакомъ. [illegible] Шумилевскiй и его еврей факторъ. Послѣднiй успѣлъ доказать генеральшѣ, что богатый купецъ [illegible] ѣхать на ярмарку въ Харьковъ и везетъ великолѣпныхъ дамскихъ принадлежностей. Генеральша пожелала посмотрѣть товаръ — у нея глаза разбѣжались. Товаръ былъ хорошъ, но и цѣна кусалась. У генерала въ наличности оказалось немного денегъ. Купецъ, раздразнивъ аппетитъ у генеральши, объявилъ ей, что всѣ эти матерiи, стоимостью будто бы въ 8 т., и еще [illegible] подаритъ, если она выхлопочетъ у генерала согласiе оставить Шумилевскаго на мѣстѣ. Купецъ такъ богатъ, что этотъ подарокъ для него ничего не значитъ; а между тѣмъ онъ сдѣлаетъ доброе дѣло; и генеральша сдѣлаетъ доброе дѣло, защититъ честнаго человѣка, всѣми любимаго, отъ его враговъ. Генеральша впорхнула въ кабинетъ мужа и черезъ нѣсколько минутъ было дѣло улажено: матерiи остались у генеральши, а Шумилевскiй остался въ Ровно. Грабежи и воровства въ Ровно дошли до крайняго предѣла. Посѣщавшаго нача-

деніе на аристократическій домъ майора, мѣстнаго инженера. Я забылъ упомянуть объ этомъ выше. Майоръ былъ на линіи. Въ домѣ оставалась жена, ея 2 дочери невѣсты и красавицы отъ перваго брака, младшая пріемная, няня и денщикъ. Замаскированные люди моментально выставили всѣ ставни и окна во всемъ домѣ, перевязали прислугу, барынямъ подъ угрозой смерти приказали смирно лежать и обобрали весь домъ; сняли даже платья съ барынь, вытащили изъ-подъ нихъ перины и подушки, и оставивъ ихъ въ одныхъ ночныхъ рубашкахъ, спокойно удалились. Пріѣхавшій съ линіи майоръ поручался съ городничимъ Петре, по словамъ рапорту губернатору и генералу Бер. и тѣмъ было и кончилось. Только пронесся слухъ, будто Петре переведёнъ въ другое мѣсто. Корпусному командиру отдѣльнаго корпуса внутренней стражи доложено по-скипанію со всѣхъ сторонъ, но послѣ поученій матеріи, изъ оставшихся бумагъ даже не производилось разслѣдованія.

(26) не смотря на караульнаго подлѣ лицея у квартиры Бибикова, воры пробрались въ нее и утащили довольно цѣнныхъ вещей и порядочную сумму денегъ. Разузнавши отъ евреевъ о постоянныхъ воровствахъ и грабежахъ и о подозрѣніи на инвалидовъ и Шилинскаго, Бибиковъ принялъ видъ, что не слишкомъ возмущенъ случившимся у него воровствомъ, сдѣлалъ визиты, въ томъ числѣ и Шилинскому, говоря, что все это пустяки, которые повторяются сплошь и рядомъ вездѣ по городамъ, а въ столицахъ они также неизбѣжны, при полиціи и жандармахъ. Шилинскій былъ недоволенъ нападеніемъ на Бибикова, не смотря на порядочную добычу; но спокойствіе и беззаботность послѣдняго его ободрили. Недолго спустя опять начались грабежи. Бибиковъ двинулся въ кагалъ, къ середь

2 батальона подъ личнымъ своимъ распоряженіемъ.
Ночь была темная, хотя снѣга выпало, и вотъ при
взламываніи кладовой у ксендза пробоща Марика
накрыта была одна партія грабителей изъ 14 че-
ловѣкъ, а при ограбленіи винного погреба Лазар-
ковой другая въ 20 чел. Всѣ они оказались чинами
инвалидной команды, и писарями были на воен-
ную гауптвахту, гдѣ во всемъ чистосердечно со-
знались. Бибиковъ, указавъ ихъ на гауптвахтѣ
(27) и жителямъ Кіева и окрестностей, заставилъ были
бы еще долгіе годы в страхѣ и трепетѣ на силу
и могущество проводить ночи. А тоже, хотя и въ
послѣдствіи, трудно было бы разоблачать и за-
являть подлогъ.
Теперь по уголовному уставу всякаго настоя-
щаго обмана влечетъ за собою тяжкое наказа-
ніе. Въ настоящее время служащіе не больше
и больше начинаютъ проникаться сознаніемъ
своей безнаказанности, особенно если у нихъ
есть какія-нибудь связи. Примѣромъ можетъ на-
звать довольно губернатора Бессонова, управ-
лявшаго 2 года Подольской губ., а теперь пра-
вящаго Екатеринославского. Онъ находилъ
своими родственниками переписывали весь Подоль-
скую губ.: кто самъ мѣсто исправника, кто
помощника, а прежде всѣ эта шайка была
распоряжались письмами в почтовыхъ конторахъ,
служили в смотрителяхъ. Брацлавскій исправникъ
Иванъ Михайловичъ Зайцевъ даже дошелъ во-
шелъ в совершенную роль. Онъ смотрѣлъ на
вещи и всѣмъ и закономъ, позволялъ, что дѣло
ему позволилъ плевать на все. Бранилъ онъ
бранилъ и взяточничество возмутительства публич-
но. Танцовалъ съ любовницею своего, мѣстнаго
акцизнаго надзирателя Баранецкаго, в пуб-
личныхъ собраніяхъ санкахъ, и наконецъ вы-
гналъ ея мужа изъ ея квартиры, грозя донести
на него, что будто онъ шпіонитъ, а жена при-
грозила мужу отравой. Зайцевъ человѣкъ 28 лѣтъ

атлетъ и прегорькій пьяница. [illegible] днёмъ онъ не
в мѣру и [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] не [illegible]
днёмъ, выпивалъ в местахъ отдаленныхъ [illegible]
[illegible] [illegible], [illegible] на [illegible] [illegible],
[illegible] [illegible] даже [illegible] и по пре-
бываніи [illegible] [illegible] [illegible]
и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] пропитаніе
и [illegible], [illegible] [illegible] [illegible], [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible], теперь [illegible] в на-
граду за свои [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] в Ростовъ на Дону [illegible].
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
по [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] днёмъ
[illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible], представителемъ [illegible] палаты.
[illegible] [illegible] [illegible] днёмъ [illegible], [illegible]
[illegible] и [illegible] [illegible], но
[illegible] страсть [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible], онъ по [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
и [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] эту страсть и [illegible]
его [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] во время [illegible] [illegible]
[illegible], [illegible] [illegible] онъ [illegible] на [illegible] [illegible]
Эта страсть до такой степени [illegible] [illegible]-
[illegible], что [illegible] в [illegible]. По-
сле свадьбы на 3 день онъ [illegible] уже своего
[illegible] [illegible], [illegible] [illegible] по [illegible]. [illegible]
онъ ее [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible].
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible]
[illegible] [illegible], [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible]
[illegible] в [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
по [illegible] и на [illegible] [illegible]
съ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]-
[illegible] и его [illegible] [illegible]. [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible]
по [illegible], [illegible] [illegible]. Онъ днёмъ [illegible] [illegible]

Вначалѣ когда она была вдовушкой, но не смѣла меч-
тать о бракѣ съ нимъ. Теперь вопреки совѣту, она
влюблена, не сознавая, что дѣлаетъ, схватила
ее в объятія и сталъ цѣловать лицо. Докторъ съ
трудомъ ее освободилъ. Вечеромъ пріѣхалъ мужъ
и она в слезахъ разсказала о нанесенной ей Мео-
ромъ обидѣ. Мужъ сейчасъ же разсорился съ нимъ и по-
жаренному [illegible] взыскалъ съ него до 100 рублей. Такой
операціи она еще не испытывала, и едва ук-
ху мужъ пѣшкомъ убѣжала къ отцу въ 20в. въ
Вильну. На другой день отецъ привезъ ее обратно,
упросилъ мужа не разглашать о бѣгствѣ.
(28) Братъ ея, красивый мальчикъ, былъ в III кл. гимназіи. Учился онъ
весьма плохо, т.к. постоянно занятъ былъ развлеченіями
в кругу ухаживателей за сестрой, да наконецъ [illegible]
дали [illegible] его уже ознакомить съ тайнами любви,
разбудивъ в 15 лѣт. мальчикѣ преждевременно чувствен-
ность. Отецъ отправилъ его передъ крымской войной в воен-
ную службу, сдавъ на попеченіе дяди. По старанію по-
слѣдняго за переходъ через Дунай молодой Тарноград-
скій 16 лѣтъ былъ награжденъ Георгіемъ съ производствомъ
в прапорщики. Говорили, что онъ умеръ отъ [illegible]
[illegible], непомѣрно предаваясь любви съ [illegible]
ми его красоту [illegible].
29 За то ученики никогда не имѣли куска хорошей го-
вядины; часто они должны были довольствоваться [illegible]
гнилого съ червями, особенно в [illegible]. Та-
кого же свойства отличались и всѣ продукты, про-
даваемые на базарѣ
(30) Пріѣзжалъ инспекторъ учебной управы, игралъ въ
3 в карты у Тарноградскаго и находилъ все у него
в порядкѣ, а всѣ расходы признавалъ правильными.
(31) Учителей они у себя всегда принимали и-я думаю-
не прочь были выдать за нихъ дочерей, не смотря на
различіе національности и религіи.
(32) Не вѣрно не знаю, но-кажется-онъ замѣшанъ былъ
в революціи 1863 года.
(33) Домъ Цюнковыхъ состоялъ изъ старого отца Цюн-
кова, изъ мужа-жены Цюнковыхъ, изъ маленькихъ

братьевъ и сестры Цомаховскаго. Говорилъ, что отецъ Цомаховскій давно уже отравился. Отецъ Цомаховскаго рѣзалъ передъ балъ себѣ горло; а молодая, статная, красивая мачеха Цомаховскаго, изъ ревности къ мужу, содержавшему при д-френи свою любовницу, повѣсилась в сараѣ и — по медицинскому изслѣдованію — оказалась беременной. Послѣ ея смерти Цомаховскій заперъ в Ровно винную торговлю и буфетъ и куда-то переѣхалъ. Изъ собственныхъ дѣтей оставалась только сестра его Кулевичъ, принимавшая съ Олимпіей Левицкой участіе в манифестаціяхъ и вмѣстѣ съ нею вынесшая арестъ в Житомірѣ.

34, Аль-Нарецкій. Довольно пускалъ в общество молодую жену. Самъ же, несмотря на лѣта, продолжалъ любовныя похожденія, тратилъ деньги на хорошенькихъ и охотно бралъ лечить молодыхъ женщинъ всѣхъ званій. Говорилъ, что онъ в молодости былъ красавецъ, и что ни одна женщина не была в состояніи противиться его ухаживаніямъ; что своимъ состояніемъ онъ обязанъ главнымъ образомъ побѣдамъ надъ мамашами; что жизнь его полна любовныхъ приключеній.

35, Между жителями города еще надо отмѣтить былъ домъ отставного военнаго доктора Цыбульскаго и секретаря суда Сущевскаго, всѣми силами тянувшихся къ аристократіи. Цыбульскій жилъ в имѣніи; молодая жена его жила во собственномъ каменномъ домѣ и воспитывала в гимназіи 2 сыновей; оба хорошо учились, старшій окончилъ в университетѣ съ золотою медалью; кончилъ университетъ докторомъ медицины, онъ в нѣсколько дней сдѣлался жертвою карбункула. Цыбульскіе оба поляки, но не патріоты; они охотно водились съ русскими и на вечерахъ у нихъ всегда присутствовали учителя гимназіи. Mme Сущевская была красавица, блондинка, полная, статная и имѣла дочь такую же красавицу лѣтъ 14. Учителя у нихъ не бывали, исключая Степановича. У Сущевской только постоянно военные, и она увлечена была многими любовными похожденіями; но связь ея съ командиромъ полка была совершенно открытая.

Когда полкъ перемѣщенъ в Варшаву, полковникъ снялъ ей въ Лазенкахъ домикъ на казенный счетъ, часто самъ изъ ней пріѣзжалъ и часто ее забиралъ съ собою в Варшаву. Хорошенькой дочери мать подавала хорошій примѣръ. Супруговскій повѣтенъ былъ какъ большой любитель цвѣтовъ.
Элегантнѣйшимъ домомъ считался домъ гимназическаго врача Богуцкаго. Этотъ домъ принадлежалъ къ аристократіи, но учителя тамъ бывали и запросто и на вечерахъ. Богуцкая была красивая молодая кокетка; она имѣла любовниковъ одного за другимъ; но учитель Ив. Вас. Коленко, здоровый и красивый брюнетъ, не долго подчинилъ ее своей власти. Когда Д-ръ Богуцкій за участіе в революціи 1864 г. былъ выселенъ административнымъ порядкомъ на жительство в Казань, Коленко до его возвращенія жилъ съ Богуцкой какъ съ женой со-вершенно открыто и обиралъ ее безъ совѣсти. У Коленка явились полуимперіалы и онъ повелъ большую игру в штосъ. Коленко отъ Богуцкой зналъ о всѣхъ движеніяхъ и замыслахъ польскихъ бандъ и обо всемъ доносилъ секретно ген.-губернатору. Онъ-разыгрывалъ [illegible] выучился по-польски говорить и в бесѣдѣ съ поляками выказывалъ полное сочувствіе къ польскому дѣлу. Богуцкая считала его преданнымъ имъ польскому дѣлу человѣкомъ, была увлечена имъ и потому передъ нимъ не могло быть никакихъ тайнъ. За доносы Коленко получилъ 3000 р. пенсіи пожизненно сверхъ жалованья. Когда же поляки пронюхали о его доносахъ, перевелся-на семью-в Черниговъ; но предварительно женился на старшей и весьма некрасивой старшей дочери Линдемана. M-me Линдеманъ посредствомъ Туманова, который тогда былъ правителемъ канцеляріи виленскаго ген.-губ. Назимова, а затѣмъ и Муравьева, доставила Коленку в приданое мѣсто инспектора в Черниговской гимназіи. Затѣмъ Коленко былъ директоромъ Новгородсеверской гимназіи и за то, что новгородсеверская гимназія-по его почину-приняла участіе в манифестаціи по случаю смерти Тургенева - лишился мѣста, впрочемъ съ сохраненіемъ и личной заслуженной по должности директора пенсіи и умеръ еще во цвѣтѣ

лѣтъ в минувшемъ 1884 г.

(36) О ней говорили, что в молодости своей она вела множество романовъ, особенно любила военныхъ.

(37) Онъ читалъ Законъ Божій такъ же, какъ читаютъ его почти всѣ законоучители казенныхъ заведеній: заставлялъ зубрить наизусть, особенно тексты и ничего не объяснялъ; но за то и не препятствовалъ ученикамъ при переводахъ, и старался русскихъ православныхъ поддерживать въ заставленіяхъ педагогическаго совѣта. На первой исповѣди моей, онъ - усумнившись передъ многими предписаніями начальства - спросилъ, не принадлежу-ли я къ католическому исповѣданію. Затѣмъ во исполненіе предписаній сталъ внушать мнѣ, что великій грѣхъ передавать принадлежать къ обществу, которое такъ враждебно государю и правительству, и наконецъ добавилъ, что онъ весьма счастливъ, что между соотечественниками никто на исповѣди не объявилъ себя [illegible], что это ему не придется доносить на кого-либо начальству.

За директорской квартирой находился каменный двухъэтажный домъ принадлежавшій полицмейстеру Черницкому, который жилъ съ своимъ квартирантомъ полицейскимъ Калиновичемъ. Всегда цѣлый годъ про[illegible] в гостяхъ, играя в карты. Дочь Черницкаго, [illegible] на [illegible] 40 занималась [illegible] и политикою, а за манифестаціи сидѣла в тюрьмѣ в [illegible]. Черницкій у себя никогда не бывалъ вечеромъ, но его всегда приглашали, какъ игрока. Калиновичъ раза 2 в годъ приглашалъ къ себѣ на чай и карты учителей, такъ какъ его 2 сына воспитывались в гимназіи.

(38) У Багуцкихъ в домѣ жилъ секретарь опеки Вологжанинъ, [illegible], подслѣповатый на одинъ глазъ, но здоровый парень. Онъ былъ у Багуцкой на посылкахъ, составлялъ партію в преферансъ дамамъ и пользовался благосклонностью Багуцкой, пока она не сошлась съ Иваномъ Коленко. Тогда онъ былъ удаленъ Багуцкою изъ ея дома, а вмѣсто его поселился Ив. Коленко. Получивъ мѣсто секретаря предводителя дворянства Вологжанинъ выпросилъ у помѣщиковъ [illegible] деньги, которые

причитались имъ отъ казны за землю, уступленную или подъ шоссе; а этихъ денегъ набралось 1000 р. Съ этихъ поръ онъ повелъ большую игру въ карты, сталъ непремѣннымъ членомъ всѣхъ аристократическихъ вечеровъ и попере-мѣнно пользовался благосклонностью разныхъ дамъ изъ этого круга; особенно Тумановой.

Августъ 1892 г.

(1) Протоіерей хорошо зналъ объ этомъ обманѣ, но молчалъ, получая ежегодно отъ Любомірской нѣсколько сотъ руб. жалованья и всякую провизію.

(2) При поступленіи его управляющій князя Рымьска изъ его ресурсовъ матеріаловъ и силами рабочихъ построилъ подлѣ гимназіи 2 этажный каменный домъ и ближній одно этажный флигель и службы

(3) У него были въ гимназіи 2 сына; одинъ изъ нихъ въ чинѣ полковника теперь прокуроръ петербургскаго окружного суда.

(4) Она и Гольтынская были православнаго исповѣданія, Венцель-католикъ. У Фридрихсъ было 2 красавицы до-чери: одна лѣтъ 20, другая 14. Сама Фридрихсъ еще отлич-но сохранилась и была весьма красива; но ее безобра-зила необычайная полнота

(5) Впрочемъ она и сама не прочь была повести романъ. Степуновскій аптекарь съ нею чрезвычайно сдружил-ся и пользовался ея благосклонностью нѣсколько лѣтъ, пока не подросла старшая дочь, которая вскорѣ забеременѣла отъ Степуновскаго человѣка самаго. Степуновскій по общей молвѣ далъ лекарство, чтобъ выкинуть плодъ. Но приняла лекарство-она почув-ствовала тошноту, и черезъ часъ ее не стало. Въ это время была холера и смертность мать отнесла къ эпи-деміи. На слухи объ отравленіи пріятель Степу-новскаго городничій Петере не обратилъ никакого внима-нія. Степуновскій опять сошелся съ Mme Фридрихсъ, но вотъ младшей дочери исполнилось 15 л., у нея былъ ухажеръ, учитель гимназіи Суворовъ. Мать-ли сама обидѣла дочь своего любовника Степуновскому; или онъ самъ увлекся,

неизвѣстно. Только стали говорить, что и этот ребенокъ уродъ забеременѣть. Степуковскому опять угрожала камера: 15 мая ребенокъ скончался при томъ же симптомахъ, что и старшая сестра. Трупъ долго не разлагался, не смотря на сильную жару, и бѣдный Суворов не отходил от мертвой своей невѣсты въ теченіи 3 сутокъ, ожидая, что она оживет. Конечно онъ ничего не зналъ ни о ея беременности, ни объ отношеніяхъ ея къ Степуковскому.

(6) Мужъ ея служилъ фейерверкеромъ и женатъ былъ на необвѣнчанной крестьянкѣ. Ю.Кн. Константинъ Павловичъ увидѣлъ ее и предложилъ ея мужу много денегъ въ Ровно и 20т. за уступку жены. Вмѣстѣ съ тѣмъ обязался, что если Фридрихсъ женится на другой, то жена и дѣти ея сыновья до совершеннолѣтія, а дочери до выхода замужъ будутъ получать обеспечивающую их пенсію. Фридрихсъ уступилъ Ю.К. свою жену, ихъ данъ былъ разводъ, женился на другой, тоже крестьянкѣ, которая оставшись вдовою дѣйствительно аккуратно получала обѣщанную пенсію, не смотря на то, что Ю.К. давно уже было в живыхъ.

7) Затѣмъ пощечинами свалилъ съ ногъ стряпчаго, сталъ его топтать каблуками и наконецъ — кликнулъ казаковъ — приказалъ бить стряпчаго нагайками и отправить въ крѣпость. Стряпчему тутъ же дали болѣе сотни нагаекъ и въ безчувственномъ состояніи отправили въ крѣпость въ одиночное заключеніе

(8) Стряпчій 2 года томился въ крѣпости и вѣроятно тамъ бы и кончилъ свою несчастную жизнь. Но разъ принятъ былъ Николаемъ Павловичемъ какой-то горный генерал для осмотра въ Варшавѣ теперь. Узнавши отъ стряпчаго всю его исторію, онъ доложилъ В. Князю, что по его приказу томится въ крѣпости арестантъ, невиданный ни въ чемъ особенномъ невиновный. Князь вспомнилъ свой жестокій поступокъ, прика-

залъ его отпустить и дать на дорогу 300 р. ас. Но генералу сказалъ, что все таки позачугалъ странченку — не будетъ докучать доносами.

9, собственноручно навязалъ ему наручники и приказалъ заключить в крепость в ту самую камеру, в которой томился Пуга-чёвъ

10, Губернаторъ ползалъ передъ нимъ на коленяхъ, целовалъ ему колени и руки; ничего не помогло.

11, Отецъ рассказалъ также много о губернаторе Петрове в 40х годахъ управлявшаго Подольской губернией. Онъ былъ вдовецъ, военный и имелъ 2 красавицы дочери. По приезде въ Каменецъ, онъ со всей челядью обзавелся фактически домомъ и установилъ такую на все таксу. Прежде всего отличались не столько губернаторы, сколько губернаторши, и особенно правители канцелярии губернатора. Въ Каменце славился правитель канцелярии, выкупившийся из [illegible] и происходивший изъ духовного звания, некто Оксатский, онъ нажилъ большой капиталъ, купилъ огромное имение и в 60х годахъ уже былъ въ отставке — [illegible]. За нимъ [illegible] и отчаянный игрокъ в карты [illegible]. Онъ то и вмешивался вместе съ Петровымъ, но довольствуясь продажею должностей, Петровъ хотелъ вдругъ нажить состояние, прибегая к помощи помещиков. Дворянство давало балъ в честь губернатора. Петровъ обратился на балу к одному изъ 2х братьевъ Пашковскихъ, помещиков-холостяков, владевшихъ подле Каменца огромнымъ имениемъ, съ просьбою занять ему на годъ 15 т. р. Помещикъ тутъ же вручилъ ему ордеръ в кассу на получение денегъ. Несколько спустя, опять на дворянскомъ балу Петровъ у того же помещика попросилъ 10 т. р. Помещика такое обращение озадачило. Онъ сказалъ, что теперь у нихъ состоялись большие затраты на имение; онъ не знаетъ, имеется ли что в кассе, онъ долженъ посоветоваться съ братомъ, так как они нераздельно владеютъ имениемъ; во всякомъ случае онъ сообщитъ губернатору ответъ дней через 5. Ровно через 5 дней губернаторъ получилъ прошение. Не раньше месяца, то губернаторъ приказалъ [illegible] сделать помещикамъ визитъ. Они приняли его по царски, [illegible]

однако Петровъ опять попросилъ 5 т.р. Братцы наотрѣзъ ему отказали. Между тѣмъ онъ успѣлъ нахватать у Бутова займы и у другихъ полицейскихъ нѣсколько десятковъ тысячъ, а у евреевъ в лавкахъ все взялъ в кредитъ. Купцы евреи тоже приставали: денегъ. Распространилась молва объ огромныхъ долгахъ, кредиторы вдругъ осмѣлѣли, осенили себя губернаторъ; наши тайком, стали догадываться, что это не заемъ, а вынужденные взятки. При новыхъ обращеніяхъ онъ сталъ отовсюду получать отказы. Чтобы разъ навсегда покончить, Петровъ устроилъ съ 2 братьями-полицейскими кавказцами мистификацію-провокацію: в день именинъ одного из братьевъ, когда къ нимъ понаѣхало съ поздравленіями множество гостей, лакей на подносѣ при всѣхъ вручилъ имениннику письмо. Прочитавъ письмо, именинникъ прочелъ его громко гостямъ, протестуя, что онъ не имѣетъ никакихъ связей съ эмиграціей и что это письмо подкинуто ему съ какимъ-то умысломъ. Между тѣмъ человѣкъ, вручившій письмо, исчезъ: его никто не могли разыскать. Вдругъ раздался колокольчикъ и в гостиную влетѣлъ становой приставъ со словами: кто получилъ изъ-за границы письмо. Ему отвѣчали утвердительно и охотно вручили письмо. Не успѣли расспросить, какъ онъ прослышалъ о письмѣ, и объяснить, при какихъ обстоятельствахъ оно было получено, явился исправникъ, а затѣмъ жандармскій офицеръ съ приказаніемъ отъ губернатора арестовать хозяевъ и посадить в тюремный замокъ, если у нихъ окажется эмиграціонное письмо. Полицейскіе были посажены въ старый замокъ. Начальникъ ... губернаторскій, и предложилъ имъ сдѣлку: уплатить немедленно 100т.р., тогда ихъ освободятъ и все дѣло замнетъ губернаторъ, иначе ихъ ожидаетъ каторга и конфискація всего имущества. Пораженные такимъ несчастьемъ, ... гражданъ, при томъ не чувствуя за собой никакой вины, они настойчиво объясняли, что не вели дѣлъ съ губернаторомъ ни в какія сдѣлки, ихъ разсадили по одиночкамъ, стали допрашивать; морили голодомъ, кормили солеными селедками, не давая воды. Послѣ 21

невыв такого заключенія съ нихъ губернаторъ потребовалъ 150 т.р. Между тѣмъ предводители дворянства, родственники ихъ и друзья, не дремали. Дѣло сдѣлалось извѣстнымъ въ Кіевѣ и СПБ. Полицмейстеръ перемѣщенъ [illegible] въ кіевскую крѣпость. Для производства слѣдствія назначенъ былъ какой-то генералъ-адъютантъ изъ СПБ. Дѣло, впрочемъ, тянулось не долго. Черезъ мѣсяцъ снятъ былъ секвестръ съ имѣнія, а еще черезъ мѣсяцъ были освобождены напрасно заключенные; имъ назначали за незаслуженныя страданія по Станиславу 3 ст. Между тѣмъ исправникъ и приставъ, арестовавшіе ихъ, были посажены въ крѣпость. Одинъ изъ нихъ отравился, другой помѣшался въ заключеніи. Оказалось, что все это дѣло было ими устроено въ угоду губернатору Петрову; ими же было сочинено и подослано письмо. Жандармскій полковникъ изъ СПБ. по высочайшему повелѣнію ночью арестовалъ и увезъ въ СПБ губернатора Петрова. Дальнѣйшая его участь неизвѣстна. Вотъ какія дѣла у насъ возможны были въ самомъ близкомъ прошедшемъ, и то не въ глуши какой нибудь, не въ Сибири, а на самомъ виду, на европейской границѣ. При отсутствіи гласности ~~[illegible]~~ противъ нихъ и цензура, и высшая власть, и самый судъ, такія дѣла всегда могутъ повториться, лишь бы отыскались сильныя личности, обезпеченныя въ добавокъ связями и покровительствомъ. Спрашивается: что можетъ выиграть государство, что даже выигрываетъ правительство отъ такого порядка. Каменецъ-подольскій губернаторъ Батюшковъ, перешедшій въ Екатеринославъ, побывъ далѣе въ подольской губ. съ своими племянниками-исправниками и ихъ помощниками выкинули еще и не такія штуки.

(12) и страдала отсутствіемъ высшихъ разумныхъ началъ. Чиновники, представители правительства, изображали собою шайку законныхъ грабителей, опутывавшихъ путы и мѣшавшихъ правильному развитію общественной жизни, и въ тоже время обманывавшихъ и обкрадывавшихъ самое правительство. Это было нѣчто отрицающее добро, христіанское ученіе, семейныя и нравственныя начала, чуждо собственности, причемъ отрицающее честь и личность человѣка, равно до-

нарывы и провоцирования. Неудивительно, что в такой сре-
де таились бы русские смена нигилизма и что такие предста-
вители правительства не внушали к нему ни любви,
ни доверия. Они угнетали народ, глумились над ним. Они
внушали покорность и повиновение всякому произволу и
всякой неправде. Они внедряли разврат, наживу и истяза-
ния

(13) но так как между всеми этими чиновниками появ-
лявшееся большинство принадлежало польской нацио-
нальности, тогда восстановление Польши играло
не последнюю роль в их служебной деятельности.
Грабя и истязая, развратничая и играя в карты, они
имели постоянно в виду внушить этим образом наро-
ду неуважение, недоверие и нелюбовь к правительству,
которое давало им право бесчинствовать и нахаль-
ствовать

(14) также было что она внутри состояла под над-
людением полиции и даже подвергалась допросу на
исповеди. Чиновная жизнь не могла не влиять и
на учительскую среду, так что и среди учителей яв-
лялись шпионы-доносчики, в семействах учителей
царил тот же разврат

(15) некоторые — заплатив за свои места дорогую цену —
за аренду — старались из этой аренды извлечь
выгодную большую корысть. Места покупались — ко-
нечно — худшие в нравственном отношении лю-
ди, которые с готовностью своего не церемонились и на-
учительствовали, а — главными властолюбиво — и недавно
перестали церемониться.

(16) Иным нечего было убить свой досуг и скуку, как кар-
точною игрою и поддержанием связей с чиновным
местным элементом.

(17) можно было и до смерти засечь, если польстить полицейским
людям с властями. Жены и дочери крупных служи-
ли позорно панам и паничам. Женщины стали наравне
с мужчинами

18 стали даже из животной страсти видеть в истязаниях
страдающего человеческого тела, видеть муки и
потоки крови. Иногда рука Ковенского предводителя

дарования, женщина молодая лет 20 и весьма живого нрава и натуры весьма артистичной предпочитала [illegible] наказания молодых мужчин по голому телу до крови. [illegible] средне в течение этого подводило по [illegible], на [illegible] отдавала [illegible] и журнала [illegible] по 6 парней. [illegible] и [illegible]. [illegible] просто [illegible]: [illegible], все [illegible] от наслаждения. [illegible] не чувствовали [illegible] вины; [illegible], что идут под розги, чтобы доставить удовольствие [illegible] просто [illegible] по очереди. При этом [illegible], что очередные [illegible] уже [illegible] прежнего наказания.

19 [illegible] Степаида [illegible]. [illegible]; вдруг

(20, [illegible] удар и [illegible] стала [illegible] сзади и спереди. [illegible] всю [illegible] стали [illegible] умерла под [illegible]. Степаида [illegible] повара и приказала [illegible] смерти [illegible] приготовить для [illegible], [illegible] сама [illegible] его, [illegible] после [illegible], [illegible] приготовлены.

(21, По одну сторону рва был устроен барьер, по его приказу [illegible] собрались все [illegible] женщины [illegible] приказано было [illegible] в ряд на барьер спиною ко рву; [illegible] приказали их мужьям и ставили по другую сторону рва. Женщинам [illegible] и [illegible], а мужьям приказывали по [illegible] ней части [illegible] узнать свою жену, кому удалось узнать свою жену, тот получал от присутствовавшего [illegible] рубль. А кто ошибался, тому [illegible] [illegible] 100 розог. После этой игры собирали всех и приказывали прыгать через ров.

(22, Эту процедуру [illegible] сколько было [illegible], [illegible]

тывали и часто отправляли на съѣзжую, гдѣ къ нимъ мучительное приложеніе квартальный надзиратель, а иногда и сами десятскіе раскладывали еврейскую или христіанскую прислугу и отсчитывали ударами сотни. Полицмейстеры, паны, судьи и полиція давали имъ задачу приготовить спины и задніе части простого народа къ тѣмъ экзекуціямъ, которыя ожидали несчастныхъ въ военной службѣ. Такое сѣченіе превосходило взгляды эстетики — это было просто упражненіе. Нужно удивляться искусству и выносливости русской спины и задницы, выдерживающей беспрестанно въ теченіе 25 л. службы почти непрерывныхъ истязаній. Нужно было видѣть, сколько изувѣченныхъ мужчинъ и женщинъ изъ отставныхъ или солдатокъ. Ни у кого изъ нихъ не оказывалось задней части, не исполосованной выпуклыми шрамами, царапинами, пятнами и углубленіями; а у вторыхъ спина и задняя часть при пестрыхъ рубцахъ у нихъ имѣли такой видъ, что будто ихъ вымазали сажей. Франц. Лаунницъ, а за нимъ и другіе утверждали положительно, что надо было сѣчь на смерть 9 солдатъ, чтобы 10-й достигъ совершенства въ выправкѣ, маршировкѣ и ружейныхъ пріемахъ.

(23) Помѣщикъ волёнъ былъ крѣпостнаго продать, проиграть въ карты, отдать въ наемъ, сломать разныхъ динныхъ ... , или ... Церковь признавала такой порядокъ отношеній между людьми вполнѣ согласнымъ съ вѣроученіемъ Спасителя міра, завѣщавшаго міру христіанскую любовь, любовь даже къ врагамъ и гонителямъ, и требовавшаго, чтобъ ближній былъ служимо ... правда въ западномъ краѣ менѣе

(24) и доносили, на жандармовъ, о всякомъ неосторожномъ словѣ или признаніи на духу, противорѣчащемъ существующему порядку.

(25) Все это совершалось подъ кровомъ полиціи, жандармовъ и секретарей православныхъ консисторій.

(26) Можно было смѣло обращаться старостами, старшинами, вахмистрами, ружейными и пятисотенными. Ужасную силу своей полицейской власти навлекали на всѣхъ жителей.

Сентябрь 1892.

1, дослуживая 25-летия и не имея никакого ордена, искал случая благополучного в отставку

2, Что сделалось этими деньгами, осталось неизвестным.

3, Туманов только в экстренных случаях являлся в гимназию; бегал по коридорам, кричал: нещадно сечь! Казнь! пролить крови! Это было в тех случаях, когда продерзость Каменева выводила из пределов терпения, доводила небрежных до преступления. Нужно было поддерживать авторитет инспектора, санкционирующего зверства. Во время испытаний Туманов всенепременно присутствовал, но ни к чему никак не придирался. ~~[illegible]~~.

4, в тоже время он был на столько честен, что вымогательно не считал возможным наверстывать на счет ученических нужд, но мало по малу у него стали заводиться долги. До сих пор он квартиру, семейство директора и инспектора, с водворением Косовщенко он еще обязался принимать на свой счет и гостей их. Но теперь сверх всего этого Туманов потребовал от него в год для себя 500р, а Каменко 200р. Между тем у Туманова почти ежедневно стали бывать гости. Бер. . . Софи обойтись не была в состоянии, не чувствуя призвания ни к чтению книг, ни к рукоделиям, ни к домашнему хозяйству.

5, около амбара и ледника нельзя было проходить, не зажавши платком нос. Ученики с отвращением смотрели, как по выгружаемой с возов говядине ползали черви; как вся земля под возами ими буквально была покрыта. И вся прочая провизия отличалась такою же доброкачественностью.

6 В столовой стояла вонь, такое испарение шло часто под круглым работам. Надзиратели отправляли вопросы директору.

7, что стал громко говорить, что если Государь, во время ожидаемого проезда, посетит гимназию, то они занесут ему коллективно жалобу. Туманов же был уверен, что Государь не будет в какой-нибудь уездной гимназии, что за довольствие

8, особенно в пылу спора с дамами, он умел свернуть бывшую у него всегда в руках бумажку, что она принимала форму не-

скромной частнаго типа. Дамы вооружились и двор-
никами, черкесами разодетыми.
9, Государыня вошла в свою спальню и стала раздеваться, сняв
шляпу на балконную дверь. Вдруг дверь отворяется и вбегают
10 Государыня испугалась и стала звать Государя; дамы также
струсили, явился Государь, рассердился, как смели они пугать
Государыню и что они проникли в ее спальню. Дамы объяснили,
что они лично хотели подать прошение Государыне; но с па-
радного хода их не пустили. Князь распоряжение [illegible]
очень важным в саду и не видя никого при входе и балкона-[illegible]
шли в дом, не предполагая встретить Государыню.
11 Начальник внутренней стражи по приказу Государя был
посажен на сутки под арест за то, что не поставил
на балконе караула
12 Проезд Николая наводил на всех панику, Если народ и
встречал его и кричал: ура!, то это все было вследствие
распоряжения полиции. Новый же
13 с кулаками накинулся на студента, ругая его последни-
ми словами. Это было подле военной гауптвахты на
перекрестке. Бригадир кликнул в заключение караул и прика-
зал студента взять и тащить на гауптвахту. Студент
успел, однако, уведомить товарищей о случившемся.
Послана депутация к попечителю с требованием осво-
бождения студента, а также чтоб полковник бригадир явился
в университет и извинился в присутствии всех студентов
перед обиженным. Студент был выпущен, но около ста-
студентов несколько дней по площади [illegible]
на гауптвахту перед [illegible] в присутствии [illegible]
бригадир тоже объявил, что он гауптвахту не [illegible]
14 пока офицеры с обнаженными саблями выносили из
театра на помощь своему полковому командиру
15 Поправка [illegible] высылающихся красного [illegible]
хорошо произведена была Тумановым, что уче-
ники в 3 дня вынесли на подносах своих са-
пог весь красный, не оставив ни следа. Кутить-
ли по прежнему невыносимо дурно, а [illegible] брав
и обрывая уши всем у учеников, которые
не платили ему дани.

16 что нужно было заниматься нашего литературного прошлаго столѣтія и что некоторыми из теку-щаго: Тредіаковскимъ, Ломоносовымъ, Сумароковымъ, Державинымъ, Фонвизинымъ и, пожалуй, Карамзи-нымъ, Мерзляковымъ, Капнистомъ, Гнѣдичемъ, Крыловымъ. У нихъ есть чему научиться. Жуковскій тоже хорошъ; пожалуй, можно ознакомиться съ его творчествомъ. Но чему можно научиться у Пушки-на, Лермонтова? Правда, стихъ у нихъ хорошъ, но содержаніе пустое. А Гоголь? чему хорошему онъ на-учитъ? Бѣлинскій — тотъ еще вреднѣе.

17 Онъ весьма грубо обращался съ учениками и съ учите-лями. Послѣднимъ не стѣснялся(?) на каждомъ. Онъ иг-ралъ роль угодника его министра. Ничего не понимая, велѣлъ читать наставленія. Онъ былъ и столковался у пансіонатъ(?) Коленко, товарищемъ его по универси-тету. Ничего не смысля въ исторіи русской словесно-сти, онъ ограничивался задаваніемъ по программѣ вопросовъ. Но при вызовѣ на доску, сталъ вмѣши-ваться, дѣлая промахи въ области преподаванія. Учитель Словесности на урокѣ вѣжливо доказалъ ему, что Востоковъ и Буслаевъ иначе трактуютъ. Каменскій вспылилъ: я самъ читалъ Русскій языкъ и знаю его практически — теорій Востокова и Буслаева мнѣ не надо(?).

18 Однимъ словомъ, онъ хотѣлъ доказать, что и онъ кое-что смыслитъ, и что не студентъ съ минимальнымъ(?) преподава-тельскаго отношенія къ познаніямъ Коленко, чтобы по-добно ему не стать и вѣрнымъ(?) ... на экзаменахъ, а теперь подлаживался(?) Каменскому.

19 Коленко послѣ разсуждалъ, что Каменскій срѣзалъ учителя Словесности, сдѣлалъ ему выговоръ, чтобы убавить излишнюю самоувѣренность и самомнѣніе въ этомъ господинѣ. Коленко ошибся. На первомъ же испытаніи, гдѣ Коленко сталъ предлагать двусмысленные ученикамъ вопросы, учитель срѣзалъ его и заставилъ замолчать. Коленко мирился съ учебнымъ начальствомъ(?), а имѣла мѣсто(?); по ученикамъ VII кл. Куленко Эдуардъ отличался дѣйствительно даромъ писать прекрасно(?), напр.

[illegible]. Онъ на столько овладѣлъ русскимъ языкомъ, что заданное ему сочиненiе, писанное экспромтомъ подъ наблюденiемъ всего совѣта, учитель прочелъ съ удовольствiемъ и поставилъ ему отмѣтку 5. [illegible] Коженко поставилъ ему 2. На вопросъ учителя словесности: узнать основанiя для подобной отмѣтки, указавъ достоинства сочиненiя — Коженко отвѣчалъ, что онъ не намѣренъ давать объясненiй, что онъ поставилъ отмѣтку и начальнику, и инспектору! Кулешъ былъ большой мальчикъ, силы воловьей, бывшей во флигелѣ у учителя Стафановича. Съ Кулешомъ нечего было сдѣлать, но ему нужно было отплатить за то, что Кулешъ невольно наткнулся на самую откровенную сцену между Mme Стефановичъ и Коженкомъ. Кулешъ пробалтывался товарищамъ, а лазутчики Коженка объ этомъ передали ему. Были въ IV кл. гимназiи 2 брата Иваницкiе изъ Иваница. [illegible], что они хотя умны и обходительны, но все таки еще весьма застѣнчивы; что Иваницкiй младшiй почти [illegible]. Они не дурно учились и вели себя скромно, на грубости и толчки Коженка отвѣчали смиреннымъ молчанiемъ. Коженко и Тумановъ не знали, [illegible] платить дань себѣ. Къ тому Иваницкiе возвратились съ каникулъ. Старшiй братъ явился къ директору Туманову явиться по заведенному порядку. У Иваницкаго нѣсколько отросли волоса на головѣ и при мундирѣ не оказалось пуговицы. Тумановъ, какъ звѣрь, бросился на него: какъ онъ смѣетъ въ такомъ видѣ являться къ начальству? Какъ смѣетъ выражать такую дерзость и непочтительность? Мерзавецъ, скотина, дуракъ, свинья, прохвостъ, каналья! я тебя запорю. Иваницкiй не выдержалъ: я потомственный дворянинъ, сынъ честныхъ помѣщиковъ. Вы не имѣете права ни меня позорить и ругать прохвостомъ. — Такъ вотъ я тебя въ придачу — ревѣлъ Тумановъ, и влѣпилъ Иваницкому пощечину. Иваницкiй бросился на Туманова. Но Тумановъ былъ крѣпкiй, повалилъ Иваницкаго на землю, таскалъ за волоса, билъ по лицу и — вытащилъ въ переднюю — приказалъ

отправиться къ инспектору Каменскому подъ арестъ, - далѣе я съ тѣмъ едва 10 лѣтъ, прибавилъ в напутствіе Тумановъ. Ивановскій отправился на квартиру, гдѣ еще ожидали привезенныя имъ лошади. Написалъ записку, в которой объяснилъ все случившееся съ нимъ, и изъ ружья даннаго имъ же безопасности отъ волковъ в дорогѣ, тутъ же застрѣлился. Гувернеръ Шеттеръ, другъ Туманова, записку уничтожилъ; но до его появленія, ее читали несколько человѣкъ, и что причина самоубійства сдѣлалась в тотъ же вечеръ извѣстною всему городу. На слѣдствіе былъ присланъ чиновникъ особыхъ порученій попечителя, который во слѣдствіи исполнялъ должность директора [illegible] гимназіи, откуда былъ вызванъ Пироговичъ. Онъ рѣшилъ все доказывать самоубійство Ивановскаго на его семейныхъ обстоятельствахъ и душевно-предрасположенности его любовью къ горничной, за которой Ивановскій ухаживалъ. Словамъ Туманова Каменскій отказали ли такую степень, объ которой вслѣдствіе [illegible] полагалъ. Никакихъ доводовъ и доказательствъ не видѣли. Слѣдователи оказывались въ томъ сторонѣ и самими видѣли ихъ преступленіе.

20) На педагогическомъ совѣтѣ протоіерей Киновскій съ пѣною у рта грозился тѣмъ представить членамъ комиссіи, что они очутятся тамъ, куда Макаръ не гонялъ овецъ, или укоротятся большими лентами.

21) Правда при дурныхъ директорахъ и инспекторахъ, в общихъ квартирахъ дѣти питались всякою гнилью, или голодали и мерзли. Но при честныхъ и заботливыхъ, какъ Егоръ Яковлевичъ Зимовскій, директоръ Немировской гимназіи, ничего не могло быть лучше общихъ квартиръ и для начальства, и для дѣтей, и для ихъ родителей. Квартиры раздѣлялись на несколько отдѣленій по удобству. В Немировской гимназіи было 4 отдѣленія; в самомъ дорогомъ за полное содержаніе взималось в годъ 150 р, в самомъ низшемъ 50 р; в одномъ изъ среднихъ 100, в другомъ 70 р. В самомъ низшемъ ученики пили завтракъ, обѣдъ изъ 2х блюдъ, полдникъ, ужинъ изъ 2х блюдъ и хлѣбъ

съ мальчикомъ на перекуску во время большой перемѣ-
ны. Сверхъ того помѣщеніе, освѣщеніе и прислугу.
Кромѣ того имѣлся на нихъ дѣятельный надзоръ
со стороны надзирателей, помощниковъ изъ
учителей гимназіи, и старшихъ учениковъ, которые
в тоже время репетировали учениковъ младшихъ
классовъ. Правительству было выгодно, т.к. при
такомъ надзорѣ трудно было устроить между
дѣтьми какой-нибудь политическій кружокъ и
вести пропаганду. Дѣтямъ была жизнь удоб-
на и дешева, и кромѣ того они пользовались
совѣтами учителей и подготовлялись къ клас-
самъ репетиторами. Родителямъ выгодно
было т.к. за низкую плату они могли быть
увѣрены, что дѣти ихъ имѣютъ все и состоятъ
подъ хорошимъ нравственнымъ и педагогиче-
скимъ надзоромъ и руководствомъ, но поль-
ской пропагандѣ общія квартиры стояли
поперекъ горла. Она видѣла, что это воен-
ныя казармы, что дѣтей москали, дѣлая
по сильнѣй [illegible] [illegible] [illegible], изъ дѣтей
брали ни съ того, ни съ сего обучать выправкѣ
и маршировкѣ. А инспекторъ Пенцъ Дмит-
ріевичъ простеръ военщину до того, что тре-
бовалъ, чтобы дѣти спали лицомъ вверхъ, вытя-
нувши ноги и руки плотно по швамъ на вер-
хъ одѣяла. Онъ ночью являлся въ общія
квартиры съ сторожами для провѣрки и ру-
гани, и тутъ же стащитъ не по формѣ, полу-
сонныхъ сторожа переворачивали на право-
то и спали байково по голому тѣлу. Слишкомъ
розги, стонъ, поднимали все отдѣленіе на
ноги. Конечно, платившіе дань Коленку,
могли спать в какой-угодно позиціи — онъ это-
го не замѣчалъ. Доставалось тѣмъ тѣмъ,
кто или не могли платить и давать взят-
ки, или упрямились. Замѣчательно, что
противъ общихъ квартиръ нельзя раздава-
лись исключительно в польскихъ кругахъ

польской интеллигенціи, [illegible] воспитывала своихъ дѣтей не въ правительственныхъ заведеніяхъ, а дома, или за границей, и – по видимому – не допускала быть никакого касательства казенныхъ заведеніямъ.

Софи Туманова привыкла столько издерживать въ годъ, что ни жалованья, ни доходовъ Туманова не хватало. Она успѣла прокутить и приданое его первой жены, хранившееся въ банкѣ, и которое по всей справедливости принадлежало не Туманову, а его дѣтямъ отъ первой жены – 3 сыновьямъ, изъ которыхъ младшій былъ еще грудныхъ ребенкомъ, а старшій уже оканчивалъ гимназію. Это былъ скромный, красивый юноша, не въ отца, а въ мать. Софи сначала съ нимъ усердно занималась, таскала его всюду по гостямъ и видимо хотѣла добиться отъ него признанія въ любви и завязать съ нимъ связь. Но юноша ничего этого не понялъ. Тогда Софи безцеремонно обращалась съ нимъ и привела въ ужасъ скромнаго, нравственнаго юношу. Онъ сталъ избѣгать ее. Это ее бѣсило, и она стала страшно преслѣдовать его. Натравила на него отца. Отецъ только бранилъ его, и ему удалось окончить гимназію. Но Тумановъ – по волѣ Софи – не далъ ему никакихъ средствъ для поступленія въ университетъ. Бѣдный юноша долженъ былъ изъ [illegible] прибѣгнуть къ обману: онъ за порядочное вознагражденіе явился въ повѣрочную комиссію въ университетъ вмѣсто другого, и былъ пойманъ. Его исключили изъ университета. Что потомъ съ нимъ было, не знаю; но онъ уже больше въ домѣ своего отца и мачехи не появлялся никогда. – При расточительности Софи, при ея любовныхъ похожденіяхъ, при той раздражительности, съ которой она третировала мужа, Тумановъ [illegible], чтобъ добыть побольше денегъ, и даже сталъ дѣлать долги. Но вотъ съ неба свалилось несчастіе. Кромѣ разныхъ [illegible], разрѣшено было продать все отдаленное имущество, состоявшее

изъ мебели, тюфяковъ, шерстяныхъ одѣялъ, посуды и серебра, что за много лѣтъ накопилось много: каждый ученикъ при поступленіи въ отдѣленіе вноситъ 84 руб. на ложку, вилку и ножъ. При выбытіи его, серебро оставалось въ буфетѣ отдѣленія. Этого серебра набралось нѣсколько пудовъ. Вмѣстѣ съ Тюриковъ, Тумановъ и Каменко стали продавать серебро келейно и - отобравши лучшее для себя - оцѣнили его черезъ подставное лицо по 15 к. лот., какъ испорченный и испорченный ломъ, и это лицо подписалось, какъ пріобрѣтатель на торгахъ. Составленъ былъ актъ мнимыхъ торговъ, записанъ въ книгу, подписанъ Тумановымъ и Каменкомъ, послѣ для подписей членамъ педагогическаго совѣта. Тумановъ и Коленко т. е. увѣрены были въ покорности и застѣнчивости членовъ совѣта, что не сомнѣвались въ ихъ покорности и въ этомъ случаѣ. Большинство подписало; но Святомовскій и Видутъ-Стоцкій отказались подписать такой грабительскій актъ. Между тѣмъ евреи, узнавъ о продажѣ серебра такимъ образомъ, послали доносъ попечителю. Командированъ былъ на слѣдствіе тогдашній инспекторъ казенныхъ училищъ Туловъ. Кромѣ еврейскаго доноса въ попечительство поступило много анонимныхъ писемъ, въ нихъ указывалось, что Тумановъ за право содержать на частныхъ квартирахъ учениковъ съ содержателей и содержательницъ беретъ огромныя взятки; что вслѣдствіе того онъ принимаетъ на себя роль фактора: кто изъ содержателей ему больше платитъ, къ тому онъ посылаетъ состоятельныхъ учениковъ, а кто меньше платитъ, къ тому ему бѣдныхъ. — Туловъ распорядился въ канцеляріи дома, вызвались все со Каменкомъ, Туманова почти устранилъ отъ гимназіи. Допросъ изъ всѣхъ содержателей и содержательницъ квартиръ, учениковъ, ихъ родителей. Прокуроръ

онъ невольно 3. Къ нему пріѣхала и его жена. Онъ
познакомилъ ее съ мѣстнымъ чиновнымъ ар-
истократіею; особенно Тулова подружилась
съ баронессой Шпитцеръ, гувернанткой(?). У ней
она почти жила, обѣдала и ужинала. Ве-
черомъ играли въ карты. Къ картамъ пригла-
шались Тумановы. Туманова тоже подру-
жилась съ Туловой, а Тумановъ составлялъ
всегда Тулову партію. Но тянулось 3 не-
дѣли. Вдругъ къ Солтановскому и Будуте-
Стасерову являются пайщики(?) владѣтели(?)
Туманова и домогаются отъ имени Ту-
манова безотлагательно подписать про-
токолъ о торгахъ, причемъ оказались
приложенными: вмѣсто 15 т. значилось уже
75. Они подписали, не желая губить
Туманова. Въ тотъ же день Туловъ при-
гласилъ къ себѣ в квартиру съ цинизмомъ
рѣшилъ(?) Камненко во главѣ начальн. Разговари-
вая на частныя то о томъ, то о другомъ,
Туловъ вдругъ заговорилъ: господа, я иду
съ вами вмѣстѣ. Вы знаете, да и я вамъ от-
крою откровенно, что я производилъ дозна-
ніе о мошенничествахъ вашего директо-
ра Туманова. Всѣ данныя на него подтвер-
дились. Онъ остается на свободѣ только
до тѣхъ поръ, пока я успѣю докончить
до конца и закончить все дѣло надлежаще.
Очень жаль, что семейный человѣкъ, хочу ска-
зать(?), жалость(?) до вашихъ денегъ поз-
волилъ себѣ погрузиться въ такую грязь.
Я давно узнало(?). Позвольте съ вами про-
ститься. Для очистки(?) совѣсти, а также и для
порядка я долженъ арестовать и отъ васъ показа-
ніе на счетъ Туманова. Скажите откро-
венно: мошенникъ онъ, или нѣтъ. Всѣ мол-
чали, такое позорное паденіе человѣка
возбуждало ~~[illegible]~~ жалость. Камненко,
хотя и взволнованный, мѣрно(?) рисовалось

уже в педагогическомъ директорствѣ, сказалъ, что
онъ по мѣрѣ возможности старается удерживать
Туманова отъ злоупотребленій; но подѣлать
ничего не можетъ - его дѣло подчиненное. Видя, что
Стоцкій питаетъ какую-то чепуху объ отвлечен-
номъ столикѣ, кромѣ былъ уступленъ Тумано-
вымъ 5 ти тарловъ не ему, а кому-то другому. Ни-
кто больше не сказалъ ни слова. Вечеромъ Ту-
мановы у Шеттеровъ играли съ Тумановыми въ
карты; на слѣдующій день они вмѣстѣ внезап-
но уѣхали. Черезъ нѣсколько дней пронеслась
чудная молва, что на послѣднемъ вечерѣ
Туманова черезъ баронессу Шеттеръ вручила
Туловой 500 р. Одни говорили, что это его не спа-
сетъ, послѣ рѣчи Тулова; а другіе утверждали,
что переведутъ въ другую гимназію. Мѣсяцъ
спустя, гдѣ я получалъ у Туманова разговор-
ное, послѣдній вручилъ мнѣ какое-то пись-
мо, предлагая его прочесть. Это писалъ къ Ту-
манову попечитель округа. Письмо содержало
извиненіе, что безпрерывные жалобы
данныхъ касательно его послать Тулова про-
извести формальное слѣдствіе. Резуль-
татъ этого слѣдствія таковъ, что попе-
читель остается извиниться и принести
смиренно просить Туманова по прежнему
продолжать свою службу. Но помимо письма
попечитель выразилъ мнѣніе, что вся эта
интрига идетъ изъ среды учителей, почему
онъ проситъ Туманова назвать ему лицъ,
кого онъ считаетъ виновными и они не-
медленно будутъ удалены отъ службы. Я ни-
чего ему не отвѣтилъ. Тумановъ изъ
благородства никого не называлъ по име-
ни. Все осталось по прежнему. Къ Тума-
нову опять стали показываться Калинина,
т.е. изъ сердечныхъ друзей они вдругъ сдѣла-
лись страшными врагами. Тумановъ
открыто сталъ утверждать, что онъ знаетъ

изъ-за неудачныхъ дней этой зимы, угрюмо лично
пригрѣлъ на своей груди и возвеличилъ въ вице-
[illegible] консулъ. По выѣзду Столыпина изъ Вильно
пришлось такое впечатлѣніе, что онъ не-
медленно получилъ предложеніе въ Черниговъ и
въ томъ же году, приобщившись св. Тайнъ
въ монастырѣ, расположенномъ возлѣ
города въ имѣніи надъ рѣкой, тутъ же подъ
оградою застрѣлился изъ пистолета. Ту-
мановъ на несчастное время притихъ
въ своихъ подвигахъ и стыдясь униженія.
(22) Разумѣется, вражья клика Туманова, разсказы-
вая, что Кейхельдеръ Ларина ранилъ и пре-
бывалъ, чтобы онъ совѣтомъ содѣйствовалъ
старались ладить. Значитъ Кейхельдеръ не
совѣтникъ поводомъ доклада Туманова, если
писалъ Туманову письмо, то писалъ
его сгоряча, не обдумавши всѣхъ подроб-
ностей.
(23) и предоставилъ ему свободу выпутываться и
изворачиваться, вѣруя въ надежду, что рано
или поздно, а непремѣнно пой-
мается
(24) Впрочемъ Тумановъ получилъ на счетъ по
воровскій власти, т. к. сей часто принимался
по стѣсненію творить старыя грѣхи.
(25) одинъ изъ учениковъ [illegible] оказался въ по-
вѣшеніи; но Милюковъ [illegible] его,
что тотъ впослѣдствіи [illegible] даже про-
[illegible] по [illegible] его намѣренія.
26 Самъ же написалъ частное письмо Лазо-
ву, прося въ списокъ наградъ министерства
протоіерея Святополкскаго, [illegible]
Милюковъ замѣтно [illegible] уже своею ревизію
и даже [illegible] Святополкскаго.
27 Получилъ 2 учителя, [illegible] давали уроки
[illegible] Туманова: Епифановичъ ла-
тин. и рус. яз. и недавно поступившій на служ-
бу учитель математики Суворовъ. Тумановъ

со слезами на глазах причиталъ противъ по-
грешностей, отказываясь в округъ, и приба-
вилъ — этого я такъ не оставлю; я буду
писать. Вероятно

27 Вотъ прискорбный случ., что Лазар подал въ от-
ставку; вотъ мы узнали, что Пирогов пред-
ложил Туманову немедленно удалиться,
а Туманову оставалось до пенсии ½ года. Этот
Тумановъ, пользовавшийся покровительствомъ
четы виленского ген.-губ. Каханова, по прось-
бе Павлова Каханов хлопоталъ за Тума-
нова у Мин. Нар. Пр. и у Пирогова. Пирогов
манкируя согласился отсрочить отстав-
ку Туманова, объявивъ, что до выпуска
этого года, онъ не считаетъ возможным
ревизовать Ковенскую гимназию. Этот
ответ ясно онъ подтвердил всего своего
уч. округа — одна Ковенская гимназия
не удостаивалась его посещения.

Ноябрь 1892.

(1) Въ домахъ у него господствовалъ польский яз. Онъ
былъ вдовъ. Дочь, страдающая падучею болезнью,
бледная и некрасивая девушка лучше всех
отца мучила польскимъ, чем русскимъ.
Сынъ, окончивши гимназию, тоже сочувство-
валъ поламъ и вполне овладелъ поль-
скимъ языкомъ. Онъ получилъ курсъ медицины
и имелъ практику у польскихъ пановъ, которые
даже въ крайнихъ случаяхъ не могли пожела-
ть воспользоваться услугами русскаго врача. Дочь
его вышла за молодого учителя Суво-
рова. Суворов окончилъ педагогический ин-
ститутъ на казенномъ содержании, былъ
очень беден, но преподавалъ хорошо. Уче-
ники его уважали, товарищи любили. По-
сле смерти этой [illegible], Суворов
поселился в квартире учителя Гржебского.

Молоденькая и хорошенькая Калинина, жена
Зраевскаго, страдающаго чахоткою, стала ласкать
и ухаживать за Суворова. Дѣло кончилось ин-
тимными между ними отношеніями, она до-
знала, что напитка съ мягкимъ характеромъ
Суворова. Но онъ ей уже сталъ прискучи-
вать. Она обратила вниманіе на новаго
ухаживателя учителя Андрущенко, кра-
сиваго брюнета съ изящными манерами,
пріобрѣтенными во время гувернерства
в домѣ генерала Красовскаго. Зраевская
была пансіонной подругой Погановской.
Онѣ состояли въ постоянной дружбѣ. Док-
тора утверждали, что если Погановская
выйдетъ замужъ, то падучая болѣзнь у нея
пройдетъ сама собою. Погановская имѣ-
ла 4 т. приданаго. Зраевская стала уго-
варивать Суворова жениться на Поганов-
ской, утверждая, что Погановская влюбле-
на в него до безумія; падучая пройдетъ и онъ
получитъ красивую, преданную, влюбленную
жену и деньги. Да может быть послѣ смер-
ти Погановскаго еще что ему достанется.
Погановская стала каждый день видѣться
съ Суворовымъ у Зраевской. Суворовъ привыкъ
къ ней, привязался и сдѣлалъ предложеніе.
Зраевская послѣ этого поступка сошлась
съ Андрущенко, который сталъ у нея столо-
ваться. Между тѣмъ старикъ
2, заболѣлъ и умеръ. Братъ Погановской изъ оставленнаго
отцемъ имущества и денегъ не далъ никакого сестрѣ
болѣе 4 т.р. приданаго. Все собою оставилъ и домъ, за-
ложенный отцомъ у Гориновичей; позволилъ только Су-
воровымъ в немъ жить и содержать на квартирѣ
учениковъ гимназіи.
3, окружили семейство. Стали пороть по очереди мужчинъ
и женщинъ. Пороли до тѣхъ поръ, пока младшій
не приносилъ повинной и не желалъ служить уча-

называемаго ему пана.

(4) Засѣчено было больше 30 мужчинъ и женщинъ. Нѣсколько душъ умерло спустя нѣсколько дней послѣ экзекуцiи. И такимъ образомъ новый панъ еще до рѣшенiя суда и до введенiя во владѣнiе былъ водворенъ въ имѣнiи покойнаго. „Колоколъ" подробно описалъ это трагическое событiе, заключивъ описанiе словами: неправильно Погоновскiй за 6 т.р. продалъ тѣло и кровь цѣлыхъ тысячъ крестьянъ мужчинъ и женщинъ.

(5) Между ними можно было замѣтить графовъ Браницкихъ и молодаго графа Велиховскаго, маркиза Мицковскаго, мужчину средне-меньшаго роста.

(6) По городамъ всѣ объ этомъ знали, не знало и не подозрѣвало ничего одно только правительство. Его агенты или сами участвовали въ приготовленiяхъ, или, задобренные, смотрѣли на нихъ сквозь пальцы, или — наконецъ — были столь глупы, что ничего не замѣчали.

7 отчасти въ домѣ уѣзднаго врача Лавинскаго, отчасти въ домѣ гомеопатическаго врача Богуцкаго.

(8) Между упитанными панами еще обращали на себя вниманiе: Грабецкiй, весьма любезный и изящный немолодой блондинъ, губернаторомъ у магнатовъ нажившiй изрядный капиталъ; Вронскiй также немолодой человѣкъ, бывшiй губернаторомъ, нажившiй капиталъ, спустившiй его въ Италiи и теперь большую часть своего времени посвящавшiй игрѣ. Оба они были холостые. Учитель Скальскiй, человѣкъ семейный, потушившiй вѣрнѣе, къ мужа въ ... Онъ копилъ талантецъ и самымъ преданнымъ народному дѣлу и въ тоже время въ глазахъ русскихъ совершенно благонадежнымъ. Его поляки употребляли, чтобъ провѣдать, что говорятъ и что дѣлаютъ русскiе, такъ какъ онъ постоянно увивался. Когда всѣ польскiя дамы надѣли трауръ, жена Скальскаго продолжала ходить

а заштопанномъ платьицѣ, и помалу — неумолимые ду-
шимъ давалъ за нарушеніе траура — повидимому
не обращала на Стальскую никакого вниманія.
Стальскій же твердилъ, что онъ никогда не до-
пуститъ жену снимать глухой траур — носить
траур.
(9) Между посетителями замѣчательны Ведемиръ,
Диксонъ и Францъ.
(10) Баландинъ составилъ и напечаталъ граммати-
ческія таблицы, по которымъ преподавалъ нѣмецкій яз.
Виттенбургъ также преподавалъ этотъ языкъ
по собственной грамматикѣ.
(11) Баландинъ имѣлъ жену и 2 дочери, очень красивыхъ,
учившіяся въ пансіонѣ Mme Баландиной. При выходѣ
ему не ставало средствъ на прокормленіе. Ту-
тъ [illegible] для поддержанія семейства доста-
вилъ ему мѣсто надзирателя въ одномъ квар-
тирахъ
12 Баландинъ почти никогда не жаловался на
учениковъ. Виттенбургъ же почти каждый день
выносилъ жалобы, учениковъ наказывалъ, но
цѣли не достигалъ. Они выплачивали ему тыся-
чи пакостей: портили верхнее платье, шубу,
калоши; помѣщали въ карманахъ вице-
мундира человѣческій калъ съ надписью
"300 червонцевъ". Виттенбургъ никогда не
напивался до пьянства, но за то былъ
вѣчно подъ хмелькомъ. Онъ болѣе прочихъ
ругался въ классѣ съ учениками, обзывалъ
поганцами, матершинниками, чѣмъ и ком-
прометировалъ преподаваніе нѣмецкаго яз.
Мѣсто Виттенбурга занялъ Диксонъ,
(13) всѣхъ вѣроисповѣданій: католическимъ, право-
славнымъ и протестантскимъ. Диксонъ хотя
бывалъ у товарищей, но на рѣшеніе нашъ не
обращалъ никакого вниманія — онъ положительно
не знался съ прежнимъ письмомъ. Думаю, былъ
протестантъ

французъ былъ очень способенъ. Онъ отлично владѣлъ рус-
скимъ, но еще лучше польскимъ яз., которымъ онъ нарочно
не употреблялъ. Изъ родителей в гоз. учр. Онъ былъ
страшный задира; съ учениками обращался вообще
чемъ не дурно. Но учителей задѣвалъ своими по-
ступками, а еще больше своими мнѣніями, цѣло
рѣшительно письменно, в совѣтѣ, гдѣ отличались ча-
сто неосновательными обвиненіями. На него
смотрѣли, какъ на забавника. Но главный его не-
достатокъ — это непомѣрная похотливость,
направленная къ замужнимъ поклонницамъ.
Отвращенъ онъ убѣгалъ, боясь увлечься и жениться.
О женитьбѣ онъ не думалъ. Ему чрезъ мѣру доста-
точно было ласкъ его замужнихъ любовницъ;
онъ среди нихъ хотѣлъ удовлетворить свой пылъ,
избѣгая в то же время колючихъ шиповъ семейной
жизни. При этомъ нѣсколько мнѣнія уступая у за-
мужнихъ женщинъ, онъ смотрѣлъ вообще на
женщинъ, какъ на существа весьма слабыя и
похотливыя, которыя не в состояніи противо-
стоять ухаживанію, соблазну новыхъ наслажденій.
Онъ былъ увѣренъ, что всѣ замужнія женщины без
исключенія при первомъ случаѣ наносятъ, укра-
шая своихъ мужей болѣе или менѣе вѣтвистыми
рогами. Отвергнутая дѣвушка ... бросивъ
ребенка, или — в лучшемъ случаѣ — оставивъ себя
истиннымъ романомъ, что помогало бы ей
добыть мужа, вѣчнаго ея крѣпостнаго раба. Жен-
щина в интеллигентномъ классѣ — по его мнѣ-
нію — добывающая мужа, чтобы имѣть защитника и
раба, который своими трудами давалъ бы ей не только
кусокъ хлѣба, но и возможность наслаждаться
неизмѣнно: блистать, удовлетворять своей похо-
тливости. Другой цѣли женщина не имѣетъ, кро-
мѣ замужъ. Если она увлекается мужемъ, вы-
ходитъ за него по любви, то это нисколько не
гарантируетъ мужа отъ участи другихъ людей.
Медовый мѣсяцъ скоро проходитъ. Самолюбіе,

честолюбiе и положительность скоро вступаютъ въ свои права. Женщина молода, скоро забываетъ свой долгъ и свои обеты. Она не въ состоянiи управлять своими дурными инстинктами. Она начинаетъ скучать съ мужемъ. Ей необходимо новое: новые поклонники, новые ласки, новые медовые месяцы. Она до старости стремится иметь безпрерывные медовые месяцы. Если она богата, она не щадитъ денегъ на покупку медовыхъ месяцевъ. Самая влюбленная женщина ищетъ власти надъ мужемъ. Мужъ или становится рабомъ, или мужъ и жена всю жизнь [illegible], или — наконецъ — расходятся в разныя стороны. Замечу, [illegible] съ любовниками, женщина всегда предпочитаетъ [illegible] отъ своего мужа, хотя бы она вначале не любила его. Вообще нетъ счастливыхъ браковъ — они [illegible] счастливыми для посторонняго глаза. Иногда мужъ и жена не хотятъ допускать в свою интимную жизнь постороннiй глазъ, они тогда [illegible] имъ жизнь кажется счастливою. Но если в нее проникнуть, то окажется совсемъ иное. [illegible] женщиною в старости летъ, [illegible] дома [illegible], чтобы не [illegible]; напротивъ нужно смотреть на ея шалости сквозь пальцы и давать ей средства блистать. Она в такомъ случае окажется превосходною [illegible] и можетъ еще ухаживать [illegible] старость мужа. Главное же для мужа — онъ не останется одинокимъ, что весьма на старости и неудобно, и скучно. [illegible] ея [illegible] в браке. Онъ разсказывалъ, что первая женщина летъ 40, за которой онъ еще мальчикомъ 15 л., приударилъ, сурово обошлась съ нимъ: она отказалась его поцеловать и выдрала его за уши, обозвавъ дерзкимъ мальчишкой. Но не прошло и 3 месяцевъ, какъ она вдругъ сама отдалась ему. Это было такъ: после обеда в саду, она отдыхала в беседке в весьма легкомъ костюме и [illegible] на [illegible],

французъ ее подкараулилъ, подкрался къ ней. Затаивъ дыханіе, онъ осторожно поднялъ ей легкое платье до колѣнъ и страстно впился поцѣлуемъ в колѣни. Она проснулась, но сначала осталась неподвижной, видимо наслаждаясь такимъ обращеніемъ и горячими поцѣлуями мальчика. Это ободрило француза. Онъ сильнѣе сталъ подымать его выше и выше сорочку. Вдругъ онъ почувствовалъ на лицѣ полновѣсную пощечину, потомъ другую, а потомъ его схватили обѣими руками за уши и стали больно драть. У него выступили слезы. Дама обозвала его мальчишкой и грозила, что если онъ опять осмѣлится на подобную дерзость - она его высѣчетъ до крови. На слѣдующій день дама отдыхала опять в бесѣдкѣ и при томъ в позѣ весьма соблазнительной, давшей возможность легко обнажить ее съ ногъ до самаго пояса. Французъ не выдержалъ и обнажилъ. Дама продолжала спать, или притворялась спящею. На слѣдующій день таже исторія. Это продолжалось дней 10. Французъ любовался ее формами, но далѣе къ ней прикоснуться боялся пощечинъ, а тѣмъ болѣе розогъ. Но это ухаживаніе француза наскучило дамѣ - она быстро встала, французъ удралъ. Встрѣтившись съ нимъ на единѣ отъ мужа, она стала его бранить и приказала ему, чтобъ онъ не смѣлъ являться в обычный часъ въ бесѣдку безъ розогъ. Французъ на слѣдующій день явился съ розгою. Обнаживъ свою даму, онъ прильнулъ къ ней съ поцѣлуями. Дама раскрыла глаза и долго наслаждалась ласками француза, потомъ стала играть его волосами на головѣ, затѣмъ поднялась и суровымъ голосомъ спросила: приготовилъ розгу? Французъ вручилъ. Дама приказала ему раздѣться и лечь, угрожая больно обсѣчь его. Французъ исполнилъ ея приказаніе. Дама, отбросивъ розгу, стала гладить и щипать его обнаженное тѣло, а послѣ расцѣловала его в глаза и въ голову и приказала приходить къ ней в бесѣдку, когда спитъ мужъ, а в его отсутствіе ночью въ спальню. 2 мѣсяца она игралась съ нимъ, щипала, выворачивала, цѣлуя и ласкала съ особо изысканными ласками. Наконецъ, замѣтивъ, что французъ еще настолько

не опытенъ, что самъ не понимаетъ, чего хочетъ, она сама посвятила его в тайну полового наслажденія. Сколько разъ, гдѣ французъ, мнѣ приходилось получать пощечины вмѣсто не барина. Разъ что приучилъ француза папиросы давать, сдѣлавшись и учителемъ литературы в Ковенской гимназіи: онъ сталъ ухаживать за женою своего сослуживца Гейнриха. Mme Гейнрихъ была молода и красива, съ богатыми развитыми формами. Необыкновенный блескъ тѣла и утонченная нѣжность выдали ее весьма лакомымъ кускомъ. Гейнрихъ вскорѣ умеръ отъ чахотки. Вдова съ 3 малолѣтками стала содержать себя, давая квартиру и столъ ученикамъ. Французъ тоже ей помогалъ. Она отдалась ему съ условіемъ, если онъ на ней непремѣнно женится. Между тѣмъ она забеременѣла и французъ отказался жениться на ней. Гейнрихъ обратилась къ попечителю округа. Французъ объяснилъ, что Mme Гейнрихъ развратнаго поведенія, приучила ребенка съ учениками и къ нему вылѣзла, чтобы заставить его жениться на ней. Гейнрихъ вслѣдствіе того запретили держать учениковъ. Легко отдѣлавшись отъ бѣдной вдовы гнусной клеветой, французъ уже намѣтилъ новую жертву и проводилъ у ней вечера. Къ несчастью Гейнрихъ имѣла братьевъ-восьмиклассниковъ, ей помогли материально и рѣшено отомстить за ее бѣдствіе подлому соблазнителю. Подкараулили его ночью, когда онъ возвращался отъ новой любовницы, они повалили его и избили до полусмерти. Между тѣмъ и попечитель устранилъ его отъ должности. Французъ цѣлый годъ провалялся послѣ этой операціи и навсегда остался калѣкой. Но это все таки не помѣшало ему в Каменцѣ обольстить вдову, сошедшаго съ ума учителя Малиновскаго, которая послѣ смерти своихъ родителей кабатчиковъ получила в наслѣдство домъ и капиталъ. Обольщеніе — впрочемъ — кончилось женитьбой на обольщенной, теперь французъ комфортабельно, не служа, живетъ на счетъ своей супруги в Каменцѣ. Про похожденія француза узнали ученики гимназіи — конечно — это не могло хорошо вліять на ихъ нравственность, но спрашивается, кто в это время могъ похвалиться нравственностью? Не директоръ-ли Абрамовъ? Не зять-ли его Савинъ? Не учительская-ли семья? Не семья-ли чиновниковъ и полицейскихъ?

но интеллигенция — ли считали Каменко Петра и директора Туманова? Концубинат и картежничество процветали все и всюду в это время. Других забавъ и игръ не представляла тогдашняя жизнь и не давала имъ места. Молодое поколение чутко присматривалось и прислушивалось къ мнению старшаго поколения. Меньшинство относилось къ ней критически, чувствовали даже къ ней отвращение, но большинство строго подчинялось преданию, а большинство торжествуетъ. Въ то время почти все безъ исключения дамы развлекались концубинатомъ. Конечно приходилось это считать сплетни. Они-то и злословили. Они никого не оставляли и молвили другъ передъ другомъ. Другъ на другу сочиняли басни и небылицы, при всёмъ не оставались добрыми друзьями. Даже сколько-нибудь сохранившиеся матери взрослыхъ дочерей, также, продолжали свои любовные похождения, навязывая себя первому встречному, особенно незнатнымъ чинамъ клетамъ. Эти дамочки, молоденькие и очень красивые, не могли идти по общему течению — это жена новаго странного Оратовского, получившего университетъ, и жена министра, учителя гимназии Трофимова. Оратовский квартировалъ въ доме Чернецкаго на второмъ этаже. Прислуги не держали. Жена и стряпала, и топила на печи; чтобы никто не похищал ее красоту (а она действительно была красавица, лет 20), Оратовский стригъ ей подъ гребенку волосы на голове, за всякое непослушание подвергалъ ее разнымъ наказаниямъ: ставилъ на колени съ поднятыми вверхъ руками, заставлялъ ночевать на голомъ полу, а иногда постегивалъ розгами. При такихъ суровыхъ рукавицахъ ей и в голову не приходили тѣ вольности, которыми развлекались другие дамы, да и некогда было развлекаться. Оратовский пилъ не пивалъ, ни съ кемъ не знакомился, у себя никого не принималъ. Иногда вечерами, когда оставался вполне довольнымъ женою и самъ находился въ хорошемъ расположении духа, водилъ ее гулять за городъ, а в летнее время за Чердынки самъ ее купалъ. Любопытные удалялись обязательно посмотреть красоту Оратовской во время купанья.

жена Трофимова была тоже хорошенькая, молоденькая дамочка, небольшого роста, она бывала у всѣхъ товарищей съ мужемъ, принимала участіе въ танцахъ и въ играхъ. Но если Трофимову казалось, что или она на кого-либо нѣжно посматриваетъ, или кто-нибудь изъ мужчинъ ей прислуживается, Трофимовъ по возвращеніи домой разрывалъ жену розгами. Это удалось подмѣтить учителю нѣмецкаго яз., который нанималъ у Трофимова комнату подлѣ его кабинета. Нѣмецъ любилъ по вечерамъ читать и потомъ гулять на городкахъ; но какъ-то разъ, страдая мигренью, остался въ квартирѣ и тихо легъ на кровать, запершись изнутри комнаты. Онъ услышалъ, что вышедшій въ сѣни Трофимовъ попробовалъ отпереть его дверь, затѣмъ заглянулъ съ крыльца въ окно комнаты и — видя, что въ комнатѣ темно — возвратился къ себѣ. Но вслѣдъ за тѣмъ Нѣмецъ услыхалъ, что отворилась изъ квартиры Трофимова другая дверь въ сѣни, а затѣмъ въ кабинетъ. Въ кабинетѣ сквозь щели блеснулъ свѣтъ и зашуршали женскія юбки. Нѣмецъ не колебался взглянуть въ щель. Трофимовъ, обнявъ свою жену, предлагалъ, чтобы она ложилась подъ розги, толкая ее на диванъ. Она плакала, цѣловала ему руки и нѣкоторое время упиралась. Но затѣмъ легла. Трофимовъ вытянулъ ея руки параллельно съ головой и связалъ ихъ около кистей утиральникомъ; затѣмъ засвистала по обнаженному тѣлу розга; она сжималась въ стороны; между тѣмъ показались багровые удары и потомъ струйки крови. Трофимовъ развязалъ руки жены, поцѣловалъ ее сперва въ заднее посѣченное мѣсто, потомъ въ лицо, расцѣловалъ руки, и они удалились въ свои комнаты. Спустя ½ часа Нѣмецъ зашелъ нарочно къ Трофимову посмотрѣть физіономію сѣченой и расспросить о своей мнимой прогулкѣ. Трофимова была совсѣмъ спокойна, лицо улыбалось. Нѣмецъ въ разное время насмотрѣлся 8 такихъ сѣченій. Трофимовъ — подобно Братовскому — самъ по вечерамъ купалъ свою жену въ чуланахъ. Вѣроятно у нея никто не видали на тѣлѣ слѣды розогъ. Тираня и ревнуя жену, Трофимовъ не стѣснялъ себя и въ обра-

щали съ дамами. Послѣ смерти учителя Танжецкаго, Трофимовъ сблизился съ его вдовою, и она перешла къ нему на жительство. Неизвѣстно, что дѣлали они съ Трофимовымъ, но она и года не пережила этого сожительства: она захворала и умерла.

Нигилисты рядомъ съ поляками и инородцами стали проникать въ составъ педагогическаго совѣта Ровенской гимназіи. Таковы были: Рацкій, Лапицкій, Трофимовъ и Гарасевичъ. Замѣчательно, что всѣ нигилисты обходились съ своими женами и сожительницами, какъ съ работницами или бездушными вещами. Рацкій былъ въ гимназіи недолго; онъ передѣлывалъ по своему физику и химію, чтобы дѣйствовать въ нигилистическомъ духѣ; былъ очень симпатиченъ и покоенъ, и доставалось иногда на горячихся; онъ перешелъ, не помню куда: въ Малороссію или въ Петербургъ. Его мѣсто занялъ учитель Острожской гимназіи Лапицкій. Прибылъ онъ съ женою Острожскаго директора Яковлева и привезъ съ собою 2 дѣтей, прижитыхъ съ нею. Въ Ровно у нихъ родилось еще 2 дѣтей. Живя съ мужемъ, Яковлева всюду бывала, изгоняла воспоминанія, принимала ежедневно у себя гостей - словомъ жила по своему вкусу, весело. Бѣжавши отъ мужа съ Лапицкимъ, она сдѣлалась у него горемычной невольницей, рожавшей ему дѣтей и служившей похоти своего повелителя. Онъ не выпускалъ ее изъ квартиры ни на шагъ, никому ее не показывалъ, заставлялъ стряпать и нянчить дѣтей. Иногда лишь можно было видѣть ее на прогулку пробѣгающею, и одѣвалась она по чему попало - по мужу и по всему прочему. Были уже свѣжи въ Ровно слухи, что Лапицкій - великій и плотный блондинъ - соблазнилъ жену учителя Малоевскаго. Она оставила мужа и жила въ затворѣ болѣе мѣсяца 3 съ Лапицкимъ. Но когда онъ сталъ ее немилосердно драть и - привыкъ изъ дома выгонять на холодъ - она бѣжала отъ Лапицкаго и - вымоливъ у мужа прощеніе - была опять имъ принята. Малоевская родила отъ Лапицкаго мальчика. Дѣтей у Малоевской больше не было. Этотъ мальчикъ, воспитывавшись въ Кіевскомъ университетѣ, принялъ значительное участіе въ кіевскихъ анархическихъ трудахъ, попался - арестованъ - при развитіи на

стинахъ нигилистическихъ манифестацій и былъ сосланъ по лицеисовскимъ дѣламъ въ Сибирь на поселеніе. Лапицкій вообще человѣкъ былъ весьма толковый малый и прекрасно зналъ математику, физику и химію. Сверхъ того онъ отличался умѣніемъ передавать свои знанія ученикамъ. Онъ вѣчно занятъ былъ опытами въ лабораторіи и лучшіе ученики работали вмѣстѣ съ нимъ. Трофимовъ и Лапицкій были по своимъ убѣжденіямъ чистые нигилисты; но они держали ихъ въ сторонѣ и своихъ убѣжденій не навязывали никому; Трофимовъ невзначай, работая въ лабораторіи, а иногда и въ классѣ Лапицкій отпускалъ или упоминали какое-либо нигилистическое положеніе. Трофимовъ позволялъ себѣ иногда разныя выходки въ чтеніи исторіи. Но все это было еще малозамѣтно и не вело ни къ чему. На нихъ смотрѣли, какъ на людей своеобразныхъ, свободномыслящихъ, хотя и наз. уже нигилистами. Гордѣевскій, сынъ начальника инвалидной команды въ уѣздномъ городкѣ, былъ очень способный человѣкъ, но страшно самоувѣренный, самолюбивый и хвастливый. Онъ преподавалъ въ низшихъ классахъ французскій яз., хотя самъ зналъ весьма плохо. Онъ былъ худо, ни слѣпомъ, и вспыльчивъ и золъ, ни давалъ. Онъ постоянно кашлялъ, и всѣ поговаривали о немъ чахоточнаго. Жена у него была полная, молодая, рослая и красивая женщина, боялась его духа, и онъ ее колотилъ, по чемъ попало, а иногда и поѣдомъ. Онъ заставлялъ ее дома ходить босикомъ, и при выходѣ въ городъ надѣвать башмаки на босую ногу. У нихъ былъ ребенокъ мальчикъ 2-3 лѣтъ, который и лѣто и зиму въ комнатахъ и на дворѣ ходилъ босой и въ коротенькой ситцевой рубашкѣ. Гордѣевскій говорилъ, что онъ хочетъ изъ него сдѣлать цѣльнаго человѣка, какіе скоро въ Россіи понадобятся. Но мальчикъ не перенесъ этой спартанской жизни, схватилъ воспаленіе легкихъ и умеръ. Гордѣевскій не стѣснялся своими идеями: отъ него доставалось и Богу, и правительству, и попамъ, и чиновникамъ, и помѣщикамъ. Относительно послѣднихъ онъ былъ правъ: онъ мастеръ былъ ихъ обличать на ихъ счетъ. Но всѣ смотрѣли на выходки Гордѣевскаго на праздную, безвредную болтовню. Никто не пред-

выхвалъ будущаго, а подготовительный курсъ онъ самъ участвовалъ.
Вообще, служилось у насъ, жилось хорошо. Всѣ они могли, сколько угодно, безнаказанно самодурствовать, играть в карты и развратничать. Притѣсненіе поляковъ, литвиновъ было, также евреевъ, католиковъ, даже обязательнымъ дѣломъ. Кто поступалъ иначе, тотъ считался вольнодумцемъ, его считали человѣкомъ [?]: отъ него сторонились, за нимъ зорко слѣдила полиція. Взятка являлась во всѣхъ вѣдомствахъ самымъ законнымъ и невозбраннымъ дѣломъ. Кто не бралъ взятокъ, тотъ становился подозрительнымъ в глазахъ полиціи и жандармовъ. Не играть в карты и не развратничать было вполнѣ не совсѣмъ безопасно [?]. Пріѣхалъ в Ковно на должность младшаго учителя русскаго яз. видный, высокаго роста блондинъ по фамиліи Петровъ. Пріѣхалъ онъ сюда в трескучіе морозы в осеннемъ легкомъ, короткомъ, лишнимъ не похожимъ на зимнее пальто; в немъ ходилъ по городу и на уроки. Простудился, получилъ воспаленіе легкихъ и по пріѣздѣ его в Кіевъ умеръ на рукахъ вдовы матери отъ чахотки. Подроб[?]: Онъ былъ самъ половинка 12 года; мать-вдова жила въ Кіевѣ небольшою пенсіею послѣ смерти мужа и воспитывала 3х дочерей и сына. Она продала все, что имѣла. Осталась у нея одна мужнина енотовая шуба, стоившая когда-то руб 600. Вдова берегла для подростающаго сына, какъ единственное наслѣдство отца. Когда сынъ окончилъ университетъ со степенью кандидата, она вручила ему отцовскую шубу. Самъ онъ получилъ мѣсто по учебной службѣ, чтобъ пособлять матери и сестрамъ. Онъ явился къ всемогущему правителю канцеляріи Лазову. Лазовъ принялъ его ласково, но сказалъ, что у нихъ штата встрѣчается рѣдко, при томъ ихъ много среди брестскихъ [?] воспитанниковъ, онъ не знаетъ, есть-ли въ настоящее время вакантное мѣсто. Лазовъ совѣтовалъ Петрову переговорить со столоначальникомъ Качинскимъ — у него списки вакансій. Качинскій былъ фактотумомъ Лазова и черезъ него Лазовъ торговалъ мѣстами, повышеніями и наградами. Петровъ былъ знакомъ съ Качинскимъ и тотъ объявилъ, что есть вакантное мѣсто в Ровенской гим-

наём русского уч., но на него смотрятся уже знаменито. Вся остановка в назначении заключается в том, что нужно тоже-что больше дать: все они требовали себе третного жалованья, но этого мало, сказал Рачинский. Петров признался, что ему третного жалованья не хватит дать, т.к. часть нужно оставить матери, а на другую часть экипироваться. — Вы знаете, сказал Рачинский: ваше дело! и стал разглядывать Петрова с головы до ног. Петров снял с вешалки шубу. У Рачинского разбегались глаза: блестящая новенькая шуба не может, сказал Рачинский: а еще жалуетесь, что не на что купить платье! Петров рассказал историю шубы. — Знаете, давайте шубу — место за вами, и завтра отправитесь в Ровно. — Вы шутите, сказал Петров. — Совсем серьезно, отвечал Рачинский. Так условимся, продолжал Петров: эта шуба очень дорого стоит: на нее, пожалуй, можно приобрести и инспекторское место. Знаете что? Я вам оставлю шубу, но с условием: первая открывающаяся вакансия старшего учителя в какой-нибудь из киевских гимназий должна быть за мною, а пока я принимаю должность младшего учителя в Ровно. Шуба осталась у Рачинского. Петров в трескучий мороз в легоньком пальтишке приехал домой. Мать ахнула, думая, что грабители стащили с плеч шубу. Матери эта сделка была не по вкусу, но она должна была помириться с нею. На другой день получил назначение с выдачею вперед третного жалованья и прогонов по казенной подорожной. Он построил себе на третное жалованье учительский виц-мундир, жилет, штаны, сапоги, купил поношенного белья и наконец сшил коротенькое пальто, в котором зимою отправился в Ровно и в нем чрезвычайно простудился и за бедность и аккуратность начальства поплатился здоровьем. Сравнительно с другими ведомствами образцы начальства министерства народного просвещения гораздо меньше, но это т.к. к беднякам не много можно было сказать.

Декабрь 1892 г.

1) Инспекторъ П. Д. Каменко сталъ исправлять ди-
ректорскую должность. Тумановъ - по всеобщему мне-
нію - маньякъ былъ удаленъ въ отставку. Шуринъ его
Павловъ, содержатель Максимова, подготовилъ ему въ
Благовѣщенскомъ женскомъ институтѣ мѣсто члена
совѣта по экономической части. Слывшимъ посему
вступался въ Благовѣщенскій институтъ по [illegible]. Ту-
манова во время станцій презирали многіе изъ
учителей, предвидѣвшихъ его карьеру у Максимова; [illegible]
былъ подъ столомъ у Павлова и [illegible] [illegible].
Суворовъ, Гвайта, Меньшовъ, Каменко Иванъ повезли съ
собою 2 бутылки шампанскаго и распили ихъ на
почтовой станціи. Тумановъ [illegible] остался на
попеченіи у матушки ея любовника Воловскаго. [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] право, по
ступать на должность, получать [illegible] и [illegible]
и пенсію. Когда Тумановъ получилъ мѣсто правителя
канцеляріи Максимова, онъ на свое мѣсто въ Бо-
[illegible] институтъ опредѣлилъ Меньшова. Су-
ворову досталось мѣсто инспектора въ Благовѣщенской
гимназіи, Каменку Ив. - мѣсто инспектора въ Благо-
[illegible], а Гвайта получилъ также мѣсто въ Ко-
[illegible] гимназіи. На послѣднихъ 3-хъ [illegible]
[illegible] Туманова, [illegible] [illegible] въ от-
сутствіе мужа. Воловскій ей [illegible] мало.
Каменко сталъ [illegible] съ [illegible] [illegible]-
стонаспію: [illegible] въ гимназіи не [illegible],
[illegible] [illegible] Каменку [illegible]. Я самъ былъ [illegible]-
[illegible] [illegible] несправедливости и [illegible]
сти Каменко: въ V кл. 1-мъ ученикомъ считался 14 лѣт.
мальчикъ Кудашевичъ: онъ по всѣмъ предметамъ
успѣвалъ одинаково отлично и скромно велъ себя,
почто по поведенію считался въ гимназіи образ-
цовымъ ученикомъ. Онъ былъ сынъ бѣдной, обреме-
ненной семействомъ вдовы. Однажды во время
перемѣны, когда товарищи ушли и бѣгали по двору
изъ класса, Кудашевичъ сталъ просматривать свои
[illegible] урокъ и оставался на мѣстѣ. Когда раздался

первый колокольчикъ, онъ бросился сюда же въ двери по мудрѣ, чтобъ во время возвратиться в классъ до прихода учителя. Къ несчастію съ разбѣга онъ столкнулся въ двери съ и. д. директора Н. Каменко. Тотъ моментально схватилъ Рудницкаго до крови уши, вырвалъ съ головы клокъ волосъ и — отвлеченная методика — прогналъ на мѣсто. Едва начался урокъ, что Каменко вытребовалъ в инспекторскую Рудницкаго и сталъ немилосердно сѣчь. Рудницкій наваливалъ стонами, а послѣ забредилъ, что тѣло полностью сѣчено. Ему дано было по правилу не 80 ударовъ. На другой день Рудницкій лежалъ в тифѣ. Еле спасшись отъ смерти, онъ былъ уволенъ матерью изъ гимназіи и для поддержанія семьи определился куда-то писцомъ. Товарищи

(2, Николаевскаго времени; изъ учителей солдатъ, подъ стараго палачомъ на острова. Солдаты у него не столько учились и выправлялись, сколько парились подъ окнами масти квартиры. Отъ 5 до 12 ч. утра слышались бывало свистъ розогъ и скорбные возгласы: помилуйте, в. высокородіе! Мои нужныя рук кастрюлька истрепанными розгами, дровами употреблялась на растопку дровъ в печи. Гоцъ любо проводилъ время около наказуемыхъ, чины около шагающаго батальона, постоянно гремитъ на весь Оз его голосъ: Покрѣпче, покрѣпче! вотъ наказаніе тѣло; пори его, пори! Пусть вспомнитъ мамушинъ, солдатскій! Гоцъ самъ едва на одну тысячу розогъ и палокъ — онъ былъ изъ солдатчины; читалъ плохо, а писалъ еще хуже.

(3, При немъ жила любовница, простая солдатская вдова, съ которой онъ прижилъ штукъ 8 дѣтей. Старшая дочь Гоца вышла замужъ в 60-хъ годахъ за учителя гимназіи Василія Васильевича Вилуева, служившаго тамъ въ гимназіи учителемъ математики. Вилуевъ послѣ былъ директоромъ 2 Кіев. гимназіи и начальникомъ варшавской учебной дирекціи. Проѣзжая в Варшаву черезъ Ровно, Вилуевъ извѣстилъ Гоца, предлагая дочери его увидѣться съ отцомъ. Гоцъ, чтобъ не встрѣчаться съ дочерью, уѣхалъ в уѣздъ. Вилуевы ночевали в Ровно на постояломъ дворѣ. Послѣ Гоцъ послалъ зятю уничтожающее письмо и для дочери подарокъ

заметно повышеніе часто. Кд. Вишневъ произведенъ былъ въ Д. Ст. Совѣтники, тогда часто хвасталъ, что одна изъ его дочерей за генераломъ.

4) Мужчины въ нее столько влюблялись, что уже давать было отказамъ невозможнымъ. Его натура всего симпатичнѣе мальчикамъ и хищникамъ

15) Ея родная сестра была предана Вишневскимъ, чтобы служить экономкой въ одномъ изъ имѣній Красицкаго. Возвращаясь съ охоты, Красицкій случайно остановился въ квартирѣ своего эконома, увидѣлъ его жену и моментально влюбился. Онъ сталъ чаще охотиться въ той сторонѣ и чаще посѣщать своего эконома, наконецъ командировалъ его за чѣмъ-то покупать въ Кіевъ на 2 недѣли. Кд. Вишневскій возвратился изъ командировки, рѣшена его участь была сама: она переселилась въ палацъ Красицкаго. При первой встрѣчѣ съ Вишневскимъ Красицкій объявилъ ему, что бросить его онъ не можетъ: онъ постарается развести его отъ жены и самъ жениться на ней. За уступку жены Красицкій предложилъ ему мѣсто управляющаго и 10т р. Вишневскій согласился и, получивъ разводъ, съ удовольствіемъ женился на ея младшей сестрѣ. Красицкій женился согласно обѣщанію на Вишневской.

16) Старшій Николай умеръ въ Сибири, а младшему позволено было возвратиться въ среднюю Россію, гдѣ онъ до сихъ поръ служитъ въ Курскомъ банкѣ.

7) Она имѣла еще любовниковъ, между ними особенно былъ близокъ къ ней помощникъ станового пристава изъ евреевъ Бобловичъ.

8 Учитель Андрущенко влюбился въ дочку Вишневскаго и имѣлъ намѣреніе на ней жениться. Онъ объяснился ей и сталъ бывать, какъ женихъ. Однажды онъ вошелъ въ ея комнату невзначай и засталъ ее съ подругой сидящими на колѣняхъ у Бобловича. Онъ возмутился, ушелъ изъ комнаты и затѣмъ совершенно пересталъ бывать у Вишневскихъ. Бобловичъ, какъ она говоритъ, ведя любовную связь съ матушкой, не забывалъ и дочекъ. Между тѣмъ дочка потеряла надежду

сойтись съ Амбрузиною, чтобы ей нравиться при томъ
имела небольшое именіе въ Малороссіи, была красивой
брюнеткой и отличалась великолепными польскими
манерами,—царствовала въ начальникомъ теле-
графной станціи Далматовымъ. Этотъ русскій
шведъ, плохо понимавшій и плохо говорившій по рус-
ски; раньше служилъ конторщикомъ какой-то пло-
фабрики, воспитывался въ англійскомъ храме и состоялъ
подъ покровительствомъ Ѳед. Ѳед. Витте, попе-
чителя уч. округа после Пирогова. Долматовымъ
овладеть было не трудно, но при его застенчи-
вости Фриде Великовской пришлось самой объяс-
ниться въ любви, чего она къ Долматову вовсе
не питала. Далматовъ уроженецъ Фрида, а его
дядя, жившій въ Швейцаріи, другъ и товарищъ по
воспитанию Витте, выхлопоталъ посредствомъ
Витте Далматову место начальника губерн-
ской телеграфной станціи въ Житоміре. Позднее
Долматовъ въ качестве начальника телеграфа
юго. жел. дорогъ, место, где ему доставилъ
Витте, получаетъ 15 т.р. въ годъ. Но этихъ денегъ
мало для Фриды, игравшей въ Житоміре модни-
цы и первой кокетки. Она великолепно изучила
музыку, читала самыхъ модныхъ и многихъ
совершенно распутна. Она патріотка до фа-
натизма, и поляки исключительно почти
определялись по телеграфному ведомству
юж. ж. дорогъ. Сестра ея Олимпія вышла за-
мужъ за Венцерца Муравскаго, механика
при сахарномъ заводе Браиловскаго уезда.
9 полагаю, можетъ граничить поступать серьезно
поставить за польскую справу.
10 портретъ Государя былъ повешенъ въ аптеке въ по-
мещеніи и употреблялся вместо прицела для
револьверной стрельбы, въ коей упражнялась
молодежь, причемъ въ тоже время смеялись надъ
Матвеемъ Авестримовымъ.
(11, для меблированными комнатами и офицерами
стоялъ домъ аптекаря Степуховскаго, о чемъ уже,

что онъ намѣченъ назначенъ начальникомъ города Ровно и его окрестностей. Кромѣ Творовскій бывалъ в домѣ Влодимірскихъ; но собственно онъ узнавалъ все, что происходило у Влодимірскихъ отъ Софьи Тумановой и ея матери покойницы Павловой, гдѣ онъ посѣщалъ ежедневно. Творовскій былъ красивый молодой человѣкъ и Софья Туманова въ отсутствіе мужа позволяла себѣ сблизиться съ Творовскимъ самымъ интимнымъ образомъ.
У Тумановыхъ младшему сыну Туманова репетиторомъ ученикъ [redacted] кл. Домарадскій, юноша страстный, хорошо учившійся и представлявшійся и весьма привлекательнымъ. Домарадскій былъ бѣденъ и содержалъ себя лишь уроками. Туманова, видимо, увлекшись — когда мужъ уѣхалъ было стало, предложила ему у себя столъ и квартиру подъ предлогомъ, что она боится ночью оставаться безъ мужчины в квартирѣ, помѣстила его ночевать в кабинетѣ мужа, рядомъ съ своей спальней. Ночью она стала зазывать къ себѣ Домарадскаго, сказала, что ей не здоровится, жалуясь на бессонницу и какой-то неопредѣленный страхъ. Домарадскій сначала всё больше и конфузился, хотя в комнатѣ не было огня. Туманова, видя застѣнчивость и непонятливость Домарадскаго, стала сама съ нимъ вольно заигрывать. Но онъ и тутъ не догадался и робѣлъ. Тогда она сама взяла его руку и приказала гладить себя вездѣ по самому тѣлу. Раздразнивъ юношу до отчаянія, она взяла свѣчу и показала ему себя обнаженную по тѣло, приказала ему обнажиться и лечь подлѣ нея. Всего она ласкала и уговаривала мальчика Домарадскаго и наконецъ посвятила в таинство плотской любви. Домарадскій послѣ возврата изъ Ровно Тумановой все это передалъ своимъ товарищамъ. Домарадскій съ этой

любовный пыл почти совсем перестал учиться.
Ему приходилось по условиям начальства удовлетворять
покорливость Тумановой, чему почитатель гово-
рилась почти ему в матери. Он совсем испортил
себя и — карету-жолчикъ чахоточный. Аттестата
в гимназии он не получил.

12 на улице, покрытой текущей жидкой грязью в выбоинах и достигавшей лошадям по брюхо, попадалась бричка и в ней 2 деревенских барыни, вероятно знакомые семьи, в черепичатых шляпках и таких [illegible]. Гоц закричал: "Эй! вы шлюхи, засранки, пошли в полицию! сейчас проводим и в театру. Как вы смеете носить цветные платья? В театру, непременно в театру!" Барыни взмолились [illegible] "Будь!" в грязь по колени перед Гоцем: "извинись, наше платье [illegible], мы не в трауре, мы эти одежды по случаю грязи. Мы здесь недавно, не знали, что черное платье воспрещено. Не погубите нас, [illegible], извинись полицию!" — "Нет, шельма," ревел Гоц: "не по [illegible]! Везть вас, засранки, в театру!" Барыни приползли к Гоцу по пояс в грязи и стали целовать ему руки: "Вон, шельма, из города; сию минуту, чтоб и духу вашего не пахло!" Барыни, по грудь измазанные в грязи, сняли шляпку и [illegible]. — "Вот видите, — гр. Гоц: "я не пугаю! Бегите отсюда, шельмы." О их заставили их бросить этот [illegible] траур, что говорят, мы подавали [illegible] улицу [illegible]

(13) Въ своемъ руководительствѣ встрѣчается черта, чтобы ни на одно мгновение не прекращать своей подземной работы — подтачивания русской власти и русского авторитета среди поляков.

14 указать на иновѣрцевъ всѣ недостатки Русскихъ, отъ которыхъ приходится страдать полякамъ. Если нужно вѣсть недостатки того или другого русского [illegible] не только в целой Польше, в Петербургѣ, но и заграницей.

15 После разследований начальства хотят и удостоверяется, что всѣ эти разсказы и доносы не более как вымыслы, как клевета;

имѣется въ намѣтываемой ему прежде
Вдругъ стали мысли, что не дышаетъ вѣтеръ Украины, и начинаетъ на подвижнаго смотрѣть косо и недовѣрчиво. Если Польша до сихъ поръ не свободна, то за то и Галиція не съ освобожденія не замедлитъ, и въ благопріятный моментъ достигаетъ признака. Во всемъ этомъ сквозитъ вліяніе непослѣдовательности и слабое колебаніе со стороны русскаго правительства. Какъ будто времена не тѣ; но тамъ его будущая безнадежна.

17 1862 г. Ковельского Волынской губ. Февраль. Большие снѣга. 15, 16, 17 при св. вѣтрѣ бури и метель. Пропасть снѣга. 18, 19, 20. Солнце тихо, днемъ оттепель, ночью морозъ. 21 и 22 — св. вѣтеръ и солнце. 25, 26, 27 и 28 при сильнѣйшемъ св. вѣтрѣ снѣгъ. Въ городѣ улицы местами засыпаны снѣгомъ на сажень, на поляхъ занесены дороги, нѣтъ проѣзду. 29 — 6° холода. Солнце.

Мартъ. 1 холода 12°, тихо, солнце. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 солнце, тихо. Днемъ оттепель, ночью 3 и 4° холода. 9, 10 — холода 10°, солнце. Через пруды отличная санная дорога. 11 — холода 6°: солнце; къ вечеру при юв. вѣтрѣ начинаетъ таять. 12 — сильный юз, юв. вѣтеръ, оттепель. 13, 14 — дождь. 15, 16, 17 то дождь, то снѣгъ. Оттепель. 18, 19 — пасмурно, оттепель. 20, 21 — солнце, оттепель, ночью 4° холода. 22—28 тоже. 29-31 солнце, тепла 10°, теплый юз. вѣтеръ.

Апрѣль. 1-2 небо въ тучахъ, сильнѣйшій юз. вѣтеръ. Въ предмѣстьи Заречье горитъ 8 хатъ: старуха женщина, вскочившая въ горящую хату, чтобы вытащить изъ-подъ нея деньги, закопанные тамъ въ горшкѣ, сгорѣла. Страстная суббота. 3 Свѣтлое Христово воскресеніе, сильный юв. вѣтеръ. Пасмурно. 4 тоже вѣтеръ. Многоводьемъ посносило мосты и разорвало плотины. 5-8 солнце; вѣтеръ сз., тепла 3°. 9 — тучи при сильномъ юз. вѣтрѣ, тепла 15°. 10 — сильнѣйшій юз. вѣтеръ. Въ 12 ч. при 20° тепла гроза и 2 удара грома. 11-15 то дождь, то солнце, тепла 15°. 16 — небо во мглѣ, парно, тепла 18°. Воздухъ пропитанъ пряным ароматомъ весны и слышатся трели соловья. 17-18 дождь. 19-20 солнце, парно, тепла 20°. 21-23 холодно, сз. вѣтеръ, тепла 6°. 24 — сильнѣйшій сз. вѣтеръ, тучи; тепла 3° и снѣгъ. 25 — тоже вѣтеръ и крупа. 26-27 юз. вѣтеръ, тепла 16, солнце. 28-30 — жара, солнце, тепло

22° въ тѣни. Май. 1-2 тепло 19°, солнце,
и жарко, вечеромъ молнія. 3 жара. Ст[illegible] учителя.
вечеромъ теплый дождь. 4-душно, гроза. 5-солнце, послѣ
тучи и теплый дождь. Цвѣтетъ сирень и [illegible]. 6-тучи вѣ-
теръ з, ночь холодная. 7-ю вѣтеръ, проливной [illegible] дождь.
Тихій теплый вѣтеръ. 8-9 тепло 18°, ю. вѣтеръ. Солнце.
10-12 жара. 13-тучи и крупный дождь, но не долго; послѣ солн-
це, съ 14 по 31 ровно солнце; холодные вѣтры и дождь. Раза 2 буря.
Іюнь. 1-4 солнце, вѣтеръ юз, тепло 15°. 5-8 то солнце, то ту-
чи и дожди. 9-10 солнце, тепло 24°. Купались. 11-15 то солн-
це, то гроза съ громами и молніей. На сѣв. комета (1856 года)
16-19 солнце, жара, парило дождь. 20-холодный с. вѣтеръ. Съ 21-31 ровно
солнце, холодные съ вѣтромъ дождь.
Іюль. Съ 1 по 31 почти каждый день дождь или гроза съ громомъ и
молніей. Холодныхъ дней больше, чѣмъ теплыхъ. Въ концѣ ра-
стетъ хлѣбъ. 6 Іюля солнечное затмѣніе не полное. 31 ию-
ля сильное сіяніе
Августъ 1. Солнечно и душно. Къ вечеру сильная гроза. 2-9 жара;
10 парно, 2 раза проливной дождь. 11-21 жара, засуха, пыль. Съ
20-30 жара, 2 раза небольшой дождь. Весь сентябрь прошелъ въ
частыхъ дождяхъ. До Октября жара или дожди. Ученики
VI кл. Венцель Игнатій, Кнечковскій, Деларю и Мацкевичъ
сильно поколотили по пьяному дѣлу взрослаго ученика V к.
Болеслава Мицкаго за то, что онъ дурно отзывался о
своей двоюродной сестрѣ Пружевичъ, мать коей содержитъ
ученическую квартиру и вмѣстѣ съ дочерью ведутъ лю-
бовныя связи съ взрослыми учениками. Ученикъ VI кл. Хру-
щинскій открылъ въ своей квартирѣ у молодой вдовы
Сушинской для учениковъ гимназіи бурдель. Совѣтъ опредѣ-
лилъ его исключить изъ гимназіи, равно и содержателя
Мицкаго, но предводитель дворянства Залѣсскій
и князь Любомірскій добились оставленія ихъ въ гим-
назіи.
18 Со[illegible], дорогого патріота [illegible] русскаго.
19 Инспекторъ Каменко проходилъ мимо V кл. послѣ колоколь-
чика. Замѣтивъ на коридорѣ много учениковъ, онъ пред-
ложилъ имъ идти въ классъ и тамъ ждать учителя. Въ
числѣ другихъ на коридорѣ былъ житомірецъ уче-
никъ Яневичъ-Яневскій, мальчикъ задорный и дерзкій.

Вошелъ въ классъ, онъ сталъ требовать отъ товарищей показать инспектора за грубое обращеніе. Ученикъ Комарцевичъ, тихій мальчикъ, выскочилъ на корридоръ, чтобы убѣжать за забытой тетрадкой. Инспекторъ его возвратилъ въ классъ. Это подняло массу въ классѣ. Алевичъ-Алевскій и др. житоміряне: Фадей и Адамъ Дашкевичи, Прутинскій, Чапинскій и Дверницкій вытолкнули Комарцевича на инспектора, требуя, чтобы онъ побилъ инспектора, а инспектору въ открытую дверь кричали: инспекторъ мелочь! Комарцевичъ оробѣлъ и сталъ извиняться передъ инспекторомъ, а товарищи продолжали ревѣть: инспекторъ сволочь. Совѣтъ по размышленіи вышло - рѣшилъ исключить изъ гимназіи Алевича-Алевскаго и Чапинскаго, но поляки учителя ихъ отстаивали, прямо давая, что донесутъ всѣмъ полякамъ, кто подаетъ голосъ за исключеніе

20 особенно фамилія Милятицкіе

21 княгини Любомірской Піотровской

22 Милятицкіе, Адольфъ Венцель и Николай Венковскій

23 Любомірскаго Данилевичемъ

24 Во время директорства Александра Дмитріевича Туманова, который при посредствѣ своей жены Софіи (Ясковой) былъ своимъ человѣкомъ въ домѣ княгини Любомірской

25 Въ этомъ союзѣ были между прочимъ сынъ извѣстнаго графа Валеповскаго и дамы графиня Браницкія.

26 а лицеисты даровали нѣмцы, если, когда поляки стали, пѣть, готовившіеся къ революціи, они направляли пальцы и кулаки на палачей.

27 Степуковскій хотя былъ ... и инспекторомъ, но выслужилъ за которые только мѣсто. Жила недалеко отъ него, получая пенсіонъ, вдова гражданскаго Фридриха. Это того Фридриха, что первую жену красавицу В. князь Константинъ Павловичъ взялъ въ любовницы. Вторая жена Фридриха тоже была хороша, пока не совсѣмъ состарилась. Степуковскій велъ съ нею романъ. Подросла ея старшая дочь - Степуковскій лишилъ ее невинности. Она забеременѣла - Степуковскій отравилъ ее. Подросла другая дочь - ее постигла таже участь: она умерла скоропостижно въ холеру и ея смерть приписали холерѣ.

28 Какъ послѣ обѣда Гейцъ настаивалъ на тостѣ за Государя. Онъ самъ выпилъ, а гости и Степурковскій пригубили только чуть въ бокалахъ. Гейцъ пошелъ играть въ карты, а Степурковскій съ гостями отправился въ конюшню. У всѣхъ былъ бокалъ дорогого невыпитаго шампанскаго. По приказанію Степурковскаго его лакей снялъ въ аптекѣ со стѣны портретъ государя и прикрѣпилъ его къ каменной стѣнѣ конюшни. Степурковскій провозгласилъ тостъ за погибель русскаго царя и за успѣхъ революціи, за тѣмъ выстрѣлилъ изъ револьвера въ лицо портрета. Гости съ крикомъ: niech żyje Polska! повторили выстрѣлы въ портретъ и растрепали его въ лоскутья. Прислуга Степурковскаго присутствовала при растрѣливаніи портрета русскаго царя. Въ числѣ прислуги была прачка Бабенка, которая имѣла отъ Степурковскаго парнишку лѣтъ восьми или десяти. Она возмутилась растрѣливаніемъ царя и стала бранить на русскомъ языкѣ и пророчить имъ гибель. Лакей донесъ объ этомъ Степурковскому. Бабенка вмѣстѣ съ побочнымъ сыномъ Степурковскаго немедленно была изгнана изъ [illegible]. По городу прошли слухи о растрѣливаніи портрета государя и русскіе обращались къ Гейцу съ вопросомъ: правда-ли это? Гейцъ ручался своимъ честнымъ словомъ, что все это клевета, что онъ самъ былъ на обѣдѣ, что Степурковскій съ помѣщиками-гостями пили въ его присутствіи тостъ за государя.

купилъ пороху и свинцу, а оружіе, выкопанное въ саду Степулковскаго, было объяснено такъ, что провизоръ, занимаясь охотою, имѣлъ у себя ружья, порохъ и свинецъ, давно купленные по дешевой цѣнѣ. Опасаясь, что теперь у него все это могутъ отнять, онъ, тайкомъ отъ С., все это спряталъ въ землю въ саду. Послѣ-же обыска испугавшись, онъ вырылъ все это и хотѣлъ спрятать на хуторѣ. О мортирахъ же никто не зналъ— это виватувки польскія, закопанныя Богъ зняетъ въ какое время.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ ИСТОРІИ УЧЕНІЙ О БЫТѢ СЛАВЯНЪ.[1]

(Критическая оцѣнка книги проф. Собѣстіанскаго „Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. Историко-критическое изслѣдованіе. Харьковъ. 1892 года, 336, XII[a]).

(ОКОНЧАНІЕ).

IV ГЛАВА.

О положительныхъ результатахъ работы проф. Собѣстіанскаго подробно говорить не придется: они болѣе чѣмъ скромны по размѣрамъ и при томъ сомнительны. Да иначе и быть не могло. Если примѣненіе правильнаго научнаго метода обязательно во всякомъ ученомъ трудѣ, то еще въ большей степени это относится къ «историко-критическимъ изслѣдованіямъ». Мы же видѣли, что проф. Собѣстіанскій не даетъ намъ ни правильнаго изложенія ученій, ни научной критической оцѣнки ихъ. Новаго матеріала его книга въ научный обиходъ также не вводитъ. Спрашивается, могутъ ли, при такихъ условіяхъ, получиться *новые* и *важные выводы*? Конечно, нѣтъ! И такихъ выводовъ, дѣйствительно, не имѣется. Во 2-й главѣ своей статьи мы подвергли критическому разбору по существу нѣкоторыя изъ заключеній проф. Собѣстіанскаго. Теперь мы еще приведемъ нѣсколько фактовъ въ подтвержденіе того, что вѣрные выводы проф. Собѣстіанскаго не отличаются новизною. *То, что ново—невѣрно, то, что вѣрно—не ново.*

Проф. Собѣстіанскій вмѣняетъ себѣ въ особую заслугу опроверженіе господствующаго нынѣ сентиментально-поэтическаго взгляда на кроткій, пассивный характеръ древнихъ славянъ. «Объективное изу-

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1892 г., № 11.

ченіе памятниковъ, говоритъ онъ, напротивъ, показываетъ, что древніе славяне были народъ воинственный предпріимчивый и жестокій и весь ихъ бытъ долженъ носить отпечатокъ этихъ коренныхъ свойствъ ихъ характера» (стран. 208). Мы выше замѣтили, что теперь этотъ взглядъ уже не господствуетъ. Теперь же постараемся сгруппировать мнѣнія наиболѣе авторитетныхъ современныхъ изслѣдователей о воинственности славянъ, чтобы воочію убѣдиться, какъ похоже на нихъ мнѣніе самого проф. Собѣстіанскаго; тамъ же, гдѣ онъ отступаетъ отъ нихъ, ближе къ истинѣ оказываются старые изслѣдователи. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, Д. И. Иловайскій въ своей рецензіи на курсъ всеобщей исторіи проф. М. Н. Петрова: «воинственность свою славяне ясно обнаружили, вытѣснивъ германцевъ силою оружія, на глазахъ исторіи, изъ восточной и отчасти средней Европы и занявъ огромныя пространства. Тотъ не историкъ, кто не понимаетъ, что даромъ, безъ кровопролитныхъ битвъ съ другими народами, было бы невозможно имъ занять свою обширную территорію. Далѣе у славянъ, точно также какъ и у германцевъ, была княжеская власть, были военныя дружины и были высшіе дружинники или бояре—слѣдовательно, была военная (и прибавимъ поземельная) аристократія, были также и рабы. Пора оставить *сентиментальныя* и совершенно неосновательныя мнѣнія старыхъ австрійскихъ славистовъ о мирномъ земледѣльческомъ и *пассивномъ* характерѣ древнихъ славянъ, объ ихъ необыкновенной общественной свободѣ и общемъ равенствѣ и по преимуществу демократическихъ учрежденіяхъ. Родовыя общины и народныя собранія или вѣча равно встрѣчаются у германцевъ и славянъ рядомъ съ княжескою властью. Славяне были такъ же способны къ образованію государства, какъ и нѣмцы» [1]). Внимательный читатель книги проф. Собѣстіанскаго непремѣнно замѣтитъ, что всѣ эти мысли Д. И. Иловайскаго усвоены проф. Собѣстіанскимъ и фигурируютъ въ качествѣ его основныхъ выводовъ. Проф. Собѣстіанскій заявляетъ безъ оговорокъ, что жестокость является кореннымъ свойствомъ славянъ (стр. 208). И. Е. Забѣлинъ, на нашъ взглядъ, высказалъ по этому вопросу болѣе вѣрный взглядъ. «Само собою разумѣется, говоритъ онъ, что въ своихъ отважныхъ набѣгахъ они производили величайшія жестокости, которыя однако не составляли какую либо особую черту славянскаго характера, а принадлежали больше всего характеру вѣка, потому что образованные христіане греки не только не уступали въ

[1]) Рус. Вѣстникъ, 1888, Декабрь, стр. 16.

этомъ всѣмъ сосѣднимъ варварамъ, но по большей части и превосходили ихъ. Варвары выучивались у тѣхъ же грековъ нѣкоторымъ тонкостямъ и великой изобрѣтательности ихъ искусства казнить и терзать своего врага разнообразнѣйшими мученіями... Хитрости и опасности войны воспитывали въ этой Украйнѣ свои добродѣтели и, конечно, свои пороки или свои особые нравы, которые на все здѣшнее племя (карпатскихъ славянъ) налагали особый обликъ, во *многомъ очень различный отъ остальнаго славянскаго населенія*» [1]). Здѣсь проводится мысль объ этнографическихъ особенностяхъ быта разныхъ славянскихъ племенъ, мысль, которая, какъ извѣстно, находитъ себѣ прямое подтвержденіе въ источникахъ. Макушевъ доказываетъ намъ, что воинственность славянъ нисколько не мѣшала ихъ земледѣльческому быту. Славяне, по его словамъ, занимали мѣста для жительства частью вооруженною рукою, а частью путемъ мирной колонизаціи, селясь съ разрѣшенія правительства на пустопорожнихъ земляхъ. «Славяне, читаемъ мы далѣе, народъ по преимуществу земледѣльческій. Нѣмецкіе путешественники, пріѣзжавшіе изъ самыхъ обработанныхъ странъ южной Германіи къ славянамъ, удивлялись воздѣланности ихъ земель, изобиловавшихъ всѣми родами произведеній». Но воевали они, не только отстаивая свою свободу, не только для защиты родины, но и для военной добычи (вспомнимъ нападенія на Византію, походы руссовъ за Каспій). «Иностранцы удивлялись храбрости и ловкости славянъ, а потому старались заманить ихъ въ свои войска. Такъ мы знаемъ, что тысячи славянъ находились въ войскахъ греческихъ, аварскихъ, хазарскихъ и арабскихъ.

Быстрые и стремительные въ нападеніи, мужественные въ защитѣ своихъ городовъ, славяне умѣли также брать чужіе города. Густымъ строемъ, положивъ щиты на спину, шли они на приступъ. Исторія отдѣльныхъ славянскихъ племенъ подтверждаетъ эти отрывочные сказанія иностранцевъ о военномъ промыслѣ у славянъ: она представляетъ намъ цѣлые ряды фактовъ, изъ которыхъ мы видимъ, что славяне были также искусны въ наступательной, какъ и въ оборонительной войнѣ. Борьба западныхъ славянъ съ нѣмцами, войны южныхъ славянъ съ византійцами и восточныхъ съ различными сосѣдними народами въ Европѣ и Азіи ознаменованы не только мужествомъ и смѣлостью, но также воинскимъ искусствомъ» [2]). Такъ гово-

---

[1]) Исторія Русской жизни, I, стр. 413, 417.

[2]) Сказ. иностр. о бытѣ и нравахъ славянъ, стр. 2, 118, 129, 132—133.

рилъ Макушевъ болѣе 30 лѣтъ тому назадъ въ спеціальной работѣ, посвященной вопросу о бытѣ и нравахъ древнихъ славянъ—а проф. Собѣстіанскій этого мнѣнія не приводитъ. Остался не извѣстенъ ему также чрезвычайно вѣскій отзывъ о воинственности славянъ проф. В. И. Ламанскаго, который посвятилъ 13 страницъ своего труда разбору ложныхъ мнѣній о характерѣ русскихъ славянъ. «Къ сожалѣнію, говоритъ В. И. Ломанскій, еще по недавнее время раздавались голоса, отрицающіе почти всякую способность движенія и дѣятельности въ славянахъ русскихъ до Варяговъ. Это какъ бы послѣдніе отголоски и остатки нѣкогда весьма сильнаго и многораспространеннаго воззрѣнія на древнихъ славянъ, пущеннаго въ оборотъ Гебгарди и другими авторами, которые вообще не отличались особеннымъ безпристрастіемъ взгляда на славянъ. Строго и рѣзко, но не несправедливо, отозвался однажды Шафарикъ о такомъ воззрѣніи, по которому—«холопство и рабство, подданство и невольничество были вѣчнымъ удѣломъ славянъ» (затѣмъ В. И. Ламанскій приводитъ этотъ отзывъ Шафарика). Нѣкоторые, рисуя себѣ славянъ совершенно невоинственными, народомъ, легко гнувшимъ шеи и равнодушнымъ къ рабству, и безмѣрно возвышая доблести варяговъ, полагали даже возможнымъ найти подтвержденіе своихъ словъ въ мнѣніи Шафарика о характерѣ древнихъ славянъ. Историкъ не идилликъ; рисовать себѣ древнихъ славянъ онъ можетъ только двояко: или то былъ народъ грубый, мало развитой умственно, но сильный, здоровый, бодрый, любящій законъ отецъ своихъ, всегда готовый постоять за свою свободу, за свои старые обычаи, за свою родину; или же то былъ народъ слабый, забитый, задавленный, повитый въ рабствѣ, слѣдовательно, трусливый, подлый, хитрый, коварный.... Положимъ даже, наконецъ, что незабвенный Шафарикъ нашъ когда нибудь говорилъ такимъ образомъ о славянахъ русскихъ, и все таки строгая критика не позволила бы остановиться на нихъ, какъ на послѣднемъ, не допускающемъ никакой апеляціи, рѣшеніи. Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы обратиться къ языку славянскому и доказать, что онъ весьма бѣденъ словами военнаго и морскаго дѣла, опровергнуть то, что военныя и морскія слова почти общи всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, слѣд. вещи и предметы, обозначаемые ими, были извѣстны имъ издревле, опровергнуть то, что въ народной поэзіи славянской, въ пѣсняхъ чеховъ, словаковъ, сербовъ, хорватовъ, болгаръ, малороссіянъ, великороссіянъ, лужичанъ, поляковъ—выражается духъ не подлый, не рабскій, а свободный... Но Шафарикъ никогда

не могъ и подумать ничего подобнаго. Шафарикъ, напротивъ, указываетъ на географа Баварскаго, доказывающаго, что у славянъ русскихъ были укрѣпленные города, Нестора, показывающаго, что Русская земля была населена многочисленными славянскими поколѣніями, съ твердыми городами еще до прибытія Варяговъ, народами, по свидѣтельству его и вообще цѣлой исторіи, предпочитавшими свободу самой жизни, о которой Матвѣй, епископъ краковскій (ок. 1150 г.) воскликнулъ: «Русь... это словно иной міръ... народъ русскій безчисленнымъ множествомъ своимъ равняется однимъ лишь звѣздамъ... Вслѣдъ за тѣмъ В. И. Ламанскій приводитъ свидѣтельства о храбрости воинственности и другихъ чертахъ славянскаго характера Прокопія, Маврикія, Льва VI Мудраго, Гельмольда, Дитмара, Видукинда, Адама Бременскаго, Глабера Родульфа, Руотгера... Морскіе грабежи славянъ македонскихъ и адріатическихъ, поселенія славянъ въ Морећ и въ Малой Азіи, переходы къ арабамъ, участіе въ ихъ войскѣ—не позволяютъ добросовѣстному ученому и на мигъ усомниться въ присутствіи въ нихъ дерзкой отваги, удальства и предпріимчивости... Вообще обращающіяся у насъ мнѣнія о недостаткѣ энергіи и воинственности у славянъ держатся благодаря слабому нашему знанію, а проще и полному невѣдѣнію славянской исторіи».

Славянская народная поэзія, образцы которой приводитъ пр. В. И. Ламанскій, также убѣждаетъ его въ томъ, что славяне не были слабы и кротки. Воинственность свою они не позаимствовали отъ варяговъ-нѣмцевъ;—это была отличительная черта ихъ собственнаго характера. «Нельзя, такимъ образомъ, согласиться съ тѣми, что упрекаютъ Шафарика въ непослѣдовательности за его объясненіе извѣстнаго мѣста Ѳеофилакта о Славянахъ. Шафарикъ разумѣлъ славянъ невоинственными въ томъ смыслѣ, что они не жили исключительно грабежемъ и насиліями, а не въ томъ, что легко переносили чужія обиды. Напрасно также, кажется намъ, упрекали нѣкоторые Палацкаго за его мнѣніе, ни болѣе ни менѣе какъ справедливое, о томъ, что Фредегарово описаніе обращенія Аваровъ со славянами понимать буквально нельзя и не слѣдуетъ... Позволяемъ себѣ заключить замѣчанія наши о характерѣ Славянъ, объ ихъ удали и предпріимчивости словами знаменитаго ученаго арабскаго XI вѣка, котораго одинъ изъ лучшихъ знатоковъ дѣла, Дози, ставитъ такъ высоко, какъ едвали возможно поставить многихъ его западно-европейскихъ современниковъ и по учености, и по уму, и по дарованіямъ; разумѣю слѣдующ. слова славнаго географа Абу-Обеидъ-Иллахъ аль-Бекри († 1094 г.),

которыя привожу во французскомъ переводѣ Шармуа: «Les Slaves sont une nation redoutable, puissante et impétueuse. S'ils n'eussent été divisés en un grand nombre des races et des tribus differentes, aucune nation au monde ne leur eût tenu tête. Почти такъ-же говоритъ о славянахъ Иродотъ Арабскій, Массуди. Шармуа приводитъ слѣдующія слова Казвини: (1275): Les Slaves, dit Massoudy, se composent de différentes peuplades qui se font la guerre: si la discorde ne régnait entre eux, aucune nation ne pourrait leur résister pour la force et l'audace [1]) (Charm. p. 340)». Мы привели только отрывки изъ книги пр. К. И. Ламанскаго, чтобы восполнить существеннѣйшій пробѣлъ, допущенный пр. Собѣстіанскимъ. Отсюда видно, на какую широкую почву пр. В. И. Ламанскій ставитъ изслѣдованіе древнеславянскаго характера и какими разнообразными доказательствами онъ пользовался. Между тѣмъ пр. Собѣстіанскій рисуетъ намъ исключительно батальныя картины славянской жизни, собираетъ свѣдѣнія только объ ихъ войнахъ, а извѣстно, что à la guerre, comme à la guerre... Любопытны также замѣчанія В. И. Ламанскаго относительно Шафарика... Гильфердингъ и Котляревскій, которыхъ пр. Собѣстіанскій причисляетъ къ «нетрезвымъ» славистамъ, твердо обосновали вопросъ о воинственности западныхъ Славянъ. Гильфердингъ говоритъ, что главною чертою балтійскихъ Славянъ была воинственность. Всѣ писавшіе о нихъ иностранцы представляютъ ихъ народомъ самымъ воинственнымъ и храбрымъ, нерѣдко изображаютъ ихъ свирѣпыми и лютыми. Въ этомъ отношеніи всѣ, и свои, и чужіе, отдавали почетъ и преимущество лютичамъ (Велетамъ)... Другіе балтійскіе Славяне впрочемъ немногимъ, кажется, уступали лютичамъ въ воинской доблести, какъ и въ жестокости... «Славянамъ, говоритъ Гельмольдъ, была врождена свирѣпость ненасытная, неукротимая, которая наносила гибель окрестнымъ народамъ на сушѣ и на морѣ». Гильфердингъ же отмѣчаетъ суровое обращеніе съ плѣнными, но при этомъ замѣчаетъ [2]), что всѣ эти черты характера западныхъ Славянъ были вызваны мѣстными историческими обстоятельствами. «Условія мѣстности и историческія обстоятельства» породили безконечную борьбу балтійскихъ Славянъ съ ихъ сосѣдями—Нѣмцами и Скандинавами [3])... «Что значитъ захватъ нѣмецкихъ и датскихъ невольн-

[1]) О славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи. Спб. 1859, стр. 125—138.

[2]) Собр. Соч. Гильфердинга, т. IV, стр. 30, 35—37. 41.

[3]) Ibidem, стр. 67—68;

никовъ Славянами, что значатъ всѣ ихъ грабежи, правда ужасные, противъ многовѣковаго порабощенія цѣлыхъ племенъ, такъ что у Нѣмцевъ и Датчанъ слово Славянинъ стало синонимомъ раба... Что значатъ тѣ, правда страшныя, мученія, коимъ славяне подвергали нѣкоторыхъ плѣнныхъ (особливо нѣмецкихъ священниковъ, которые ихъ насильно обращали) противъ систематическаго истребленія всего народа славянскаго на балтійскомъ поморьѣ?» [1]).

А вотъ что говоритъ А. А. Котляревскій о внутреннемъ бытѣ балтійскихъ славянъ. «Характеръ занятій народа былъ попреимуществу земледѣльческій»; скотоводство также находилось въ цвѣтущемъ состояніи, также точно какъ и рыболовство, пчеловодство и торговля. «Поморяне пріобрѣли славу искусныхъ воиновъ своими удачными пиратскими набѣгами, а не веденіемъ настоящей войны»; «ожесточенная дикость поморянъ не отъ низкой степени умственнаго и нравственнаго развитія, а была слѣдствіемъ историческихъ обстоятельствъ; это видно изъ ихъ обширныхъ торговыхъ сношеній и изъ того, что имъ вообще не остались чужды нѣкоторые успѣхи образованности». «Народъ жилъ семействами, а не родами. Власть отца, можно думать, была очень велика, но уже не имѣла той абсолютной безпредѣльности и суровости, какою обыкновенно отличаются чисто патріархальныя семьи. Единственный остатокъ быта такой отдаленной грубой эпохи уцѣлѣлъ въ обычаѣ предавать смерти новорожденныхъ дѣвочекъ». «Населеніе жило въ формѣ единоженства; только князь и знатныя богатыя лица пользовались старымъ правомъ многоженства; но при этомъ одна жена считалась законной, остальныя же—наложницами». «Положеніе женщины не было низкимъ: въ качествѣ жены она пользовалась въ семьѣ и обществѣ значительнымъ нравственнымъ вліяніемъ, а по смерти мужа могла получить даже и нѣкоторую юридическую власть и стать правительницею семейнаго имущества». Княжеская власть не была развита въ Поморьѣ. Религія носила печать, съ одной стороны, мирнаго земледѣльца, боготворящаго силы природы, съ другой — воина-пирата, вносящаго грозу къ сосѣдямъ [2]). Выводы А. А. Котляревскаго, основанные на первоисточникахъ расходятся во многомъ съ заключеніями пр. Собѣстіанскаго. А. А. Котляревскій признаетъ и воинственность, и жестокость, и

[1]) Ibidem, стр. 38.

[2]) Сказ. объ Оттонѣ Бамб. Прага. 1874 г., стр. 110, 111, 112, 113, 114, 115, 118, 122.

умерщвленіе дѣтей, но далеко не въ такой безусловной формѣ, какъ пр. Собѣстіанскій; и намъ кажется, что старый изслѣдователь быта Поморянъ ближе къ истинѣ, чѣмъ новый историкъ, оставившій безъ вниманія выводы своего авторитетнаго предшественника, а между тѣмъ онъ долженъ былъ считаться съ ними хотя бы, напримѣръ, въ вопросѣ о многоженствѣ.

Но пр. Собѣстіанскій имѣетъ обыкновеніе, какъ мы видѣли, оставлять безъ вниманія выводы, несогласные съ его мнѣніями. Вотъ почему онъ не привелъ заключенія о характерѣ южныхъ славянъ того автора, котораго онъ самъ считаетъ «трезвымъ», М. С. Дринова. М. С. Дриновъ характеризуетъ не такъ, какъ пр. Собѣстіанскій, отношенія южныхъ славянъ къ Византіи. Начавшись уже въ то время, когда Имперія была еще довольно могущественна, съ конца II-го стол., водвореніе Славянъ въ предѣлахъ ея сначала шло до нѣкоторой степени *тихо и мирно*. Съ согласія правительства, иногда даже по его настоянію, переходили сюда славянскіе переселенцы и занимали отводимыя имъ для жилищъ земли. Тутъ они постепенно привыкали въ дѣйствующимъ въ Имперіи порядкамъ, становились гражданами ея, служили ей, какъ на военномъ, такъ и на гражданскомъ поприщѣ, давали ей императоровъ, Юстина и Юстиніана и отличныхъ полководцевъ—Анегискловъ, Онагостовъ, Доброгостовъ, Всегоридовъ, Сваруловъ, Велизаріевъ, Татимировъ и пр. Но по мѣрѣ изнеможенія Имперіи, и водвореніе Славянъ въ областяхъ ея измѣнялось, пока не приняло, наконецъ, завоевательную окраску. Временемъ этого перелома въ ходѣ дѣла слѣдуетъ считать послѣднюю четверть V-го вѣка. Съ этой поры начинаются бурныя вторженія воинственныхъ славянскихъ дружинъ, истреблявшихъ власть Имперіи на полуостровѣ и завоевывавшихъ себѣ привольныя жилища въ ея областяхъ. Этотъ способъ заселенія Балканскаго полуострова Славянами проходитъ и черезъ весь VI вѣкъ [1]). Такимъ образомъ, М. С. Дриновъ говоритъ не только о завоеваніяхъ и нападеніяхъ, но и о мирной колонизаціи, которую игнорируетъ проф. Собѣстіанскій. Оставляетъ безъ вниманія проф. Собѣстіанскій и соображенія С. М. Соловьева относительно рабства и человѣческихъ жертвоприношеній. «Развитіе рабства бываетъ или у цивилизованныхъ народовъ, съ развитымъ экономическимъ бытомъ, или у дикихъ народовъ, но завоевателей, которые считаютъ занятіе войной и ея подобіемъ охотой за звѣрями единственно

[1]) Засел. Балк. пол., стр. 148—149.

приличнымъ для свободнаго человѣка. У народа, въ простотѣ родоваго быта живущаго, рабъ не имѣетъ слишкомъ большаго различія отъ членовъ семьи» [1]). Развитіе человѣческихъ жертвоприношеній у славянъ С. М. Соловьевъ ставитъ въ связь съ историческими условіями ихъ быта.

Ближе къ истинѣ стоятъ прежніе изслѣдователи и въ частныхъ вопросахъ, разбираемыхъ проф. Собѣстіанскимъ. Возьмемъ, напримѣръ, взгляды его на польскія историческія школы. Они представляютъ повтореніе мнѣній Бобжинскаго и Карѣева, только съ однимъ видоизмѣненіемъ, которое впрочемъ оказывается ошибочнымъ. Характеристику Лелевеля проф. Собѣстіанскій беретъ у Карѣева и Бобжинскаго [2]), но при этомъ причисляетъ Нарушевича къ «трезвымъ» славистамъ. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ Нарушевичъ такъ-же идеализировалъ польскую исторію какъ и Лелевель. Вотъ что говоритъ о немъ Бобжинскій: «задача исторіи, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, чтобы, описывая великія событія и дѣянія прошлаго, вызывая воспоминанія о минувшей славѣ, пробуждать благородныя чувства въ народѣ, павшемъ отъ узкаго, личнаго эгоизма» [3]). «Классическая манера этой школы (Нарушевича), говоритъ проф. Карѣевъ, выдвигала на первый планъ славныя дѣянія, нисколько не пріучая проникать вглубь духовной и общественной жизни націи». Идеализація характеризуетъ и Нарушевича, и Лелевеля съ тою только разницею, что «классическій стиль, приведшій къ риторикѣ (у Нарушевича), уступилъ мѣсто романтическимъ вліяніямъ» [4]). Мы видѣли, что выводы проф. Собѣстіанскаго не отличаются новизною. Въ самомъ существенномъ вопросѣ о характерѣ древнихъ славянъ онъ высказываетъ мнѣніе, *господствующее* нынѣ въ русской исторической школѣ. Разница между взглядами Ламанскаго, Макушева, Иловайскаго, Забѣлина, Гильфердинга, Котляревскаго—съ одной стороны, и проф. Собѣстіанскаго, съ другой заключается только въ томъ, что послѣдній совершенно голословно и неосновательно считаетъ славянъ первобытнымъ, мла-

---

[1]) Архивъ Калачова, кн. 1-я, М. 1850, отр. 7, 50—51.

[2]) Въ характеристикѣ Лелевеля пр. Карѣевъ сходится съ проф. Бобжинскимъ; тутъ дѣйствовали принципы апріорной философіи, родственной нѣм. національному идеализму того времени, догматы политическаго радикализма, шедшаго изъ Франціи и представленія поэтическаго романтизма, получившаго религіозную мистическую окраску (Вѣст. Евр. 1886, декабрь, 539).

[3]) Исторія Польши, I, 12.

[4]) Вѣстн. Европы 86, декабрь, стр. 538.

денчествующимъ народомъ и слишкомъ категорически говоритъ о его жестокости, игнорируя и этнографическія особенности, и разницу въ историческихъ условіяхъ его существованія.

Въ заключеніе намъ остается отмѣтить еще одну особенность работы проф. Собѣстіанскаго, которая производитъ крайне тягостное впечатлѣніе—его отношеніе къ почетнымъ, авторитетнымъ и заслуженнымъ дѣятелямъ науки. Особенно строгъ онъ къ Шафарику: его обвиняетъ онъ въ позаимствованіяхъ изъ Гердера, Суровецкаго и Коллара и приводитъ отзывъ о немъ Добровскаго, который заявилъ, что «Шафарикъ—жалкій компиляторъ и фразеръ» (стр. 45); «вся V-я глава, говоритъ проф. Собѣстіанскій, къ составленію которой Шафарикъ приступалъ «съ чувствомъ религіознаго страха», принадлежитъ не ему и является дословнымъ переводомъ на нѣмецкій языкъ, съ незначительными лишь сокращеніями, двухъ церковныхъ проповѣдей Коллара, имѣвшихъ цѣлью содѣйствовать возрожденію чешскаго народа... Просматривая V-ю главу Шафарика, мы нигдѣ не встрѣчаемъ ссылокъ на трудъ Коллара и лишь въ концѣ главы, въ послѣднемъ примѣчаніи, въ числѣ пособій упоминаются «Dobre wlastnosti narodu slowanskèho» (стр. 45). Тутъ ужъ прямое обвиненіе въ плагіатѣ; не упомянуто только самое слово плагіатъ.

На сколько же основательно это тяжкое обвиненіе патріарха нашего славяновѣдѣнія?

Проф. Собѣстіанскій совершенно игнорируетъ то, что сказалъ самъ Шафарикъ въ предисловіи къ своему труду относительно способа пользованія источниками. «Ich habe, говоритъ онъ, das in meinen Plan passende meist wörtlich daraus entlehnt...» [1]). Въ его планъ прямо входило по большей части буквально заимствовать изъ источниковъ. Спрашивается, можно ли послѣ этого обвинять Шафарика въ плагіатѣ или негласномъ позаимствованіи? Почему проф. Собѣстіанскій умолчалъ объ этомъ заявленіи Шафарика? Въ какомъ свѣтѣ теперь выступаетъ передъ нами проф. Собѣстіанскій, въ особенности, если мы вспомнимъ, что самъ онъ далеко не безупреченъ въ этомъ отношеніи. Мы видѣли (во 2-й главѣ), какъ онъ пользуется источниками, какъ онъ, ссылаясь на Добровскаго, дѣлалъ на самомъ дѣлѣ буквальное заимствованіе у Шафарика, мы отмѣтили сходство его выводовъ съ заключеніями прежнихъ изслѣдователей. Приведемъ въ дополненіе къ этому только еще одинъ характерный примѣръ. Наибо-

[1]) Geschichte der slawischen Sprache und Literatur. Ofen. 1826, p. VII.

лѣе самостоятельными представляются тѣ страницы книги проф. Собѣстіанскаго, которыя посвящены уясненію вліянія Гердера. На самомъ же дѣлѣ вопросъ о вліяніи Гердера на славянскую исторіографію не новъ—онъ имѣетъ уже цѣлую исторію, которую впрочемъ игнорируетъ проф. Собѣстіанскій и, что любопытнѣе всего—первую нить далъ проф. Собѣстіанскому все тотъ же осуждаемый и обвиняемый имъ въ компиляторствѣ Шафарикъ: въ текстѣ своей книги (исторіи славянскаго языка и литературы) онъ привелъ большую часть того отрывка изъ Гердера, которымъ воспользовался и проф. Собѣстіанскій [1]).

Изъ русскихъ славистовъ упрекали Шафарика за усвоеніе мнѣнія Гердера о кротости славянъ Венелинъ и Савельевъ. «Ужели Шафарикъ не замѣтилъ, что со временъ Карла Великаго... славянскія племена всегда были бойчѣе и буянистѣе тевтонскихъ и что съ тѣхъ поръ уже слова кроткіе, спокойные, любившіе заниматься торговлею и ремеслами именно принадлежатъ нѣмецкому характеру. Но увы! *Шафарикъ начиталъ это мнѣніе у Гердера*» [2]). Савельевъ-Ростиславичъ пишетъ: «удивительно, какъ не пришли на память эти мѣста изъ Гельмольда и Юлія Цезаря (о морской предпріимчивости балтійскихъ венедовъ) прежнимъ изыскателямъ, толковавшимъ о балтійской славянщинѣ и вообразившимъ, будто венеды были народъ миролюбивый, не знавшій оружія. Добрый, благородный Гердеръ, умѣвшій цѣнить нравственныя достоинства нашего племени, самъ однакоже ошибся и другихъ вовлекъ въ ошибку мнѣніемъ о тихомъ, спокойномъ характерѣ этихъ племенъ, представляемыхъ вездѣ какими то аркадскими пастушками вопреки всѣмъ событіямъ достовѣрныхъ временъ балтійской Славіи. Въ Германіи, пишетъ Гердеръ, славяне занимались земледѣліемъ, плавленіемъ металловъ, добываніемъ соли, приготовленіемъ полотна, варили медъ, сажали растенія и вели жизнь мирную и музыкальную. Они были кротки, гостепріимны до расточительности; несчастіе и порабощеніе славянъ произошли отъ того, что они не умѣли дать себѣ прочнаго военнаго устройства, хотя и не имѣли недостатка въ оборонительной храбрости. Нѣмцы много передъ ними виноваты—«заключаетъ Гердеръ (Ideen zur geschichte der Menschheit)». Этотъ благородномыслящій нѣмецкій писатель не старался, во

---

[1]) Ibidem, p. 16—17, 51.

[2]) См. этотъ отрывокъ въ Слав. Сбор. Савельева-Ростиславича. Спб. 1845, стран. CCIII.

преки исторіи, представить славянъ варварами; но вполнѣ раздѣлять его мнѣнія не дозволяетъ логика, соображающая такое описаніе съ событіями, засвидѣтельствованными исторіею среднихъ вѣковъ, и съ разсказомъ Цезаря. Славный исторіографъ нашъ (т. е. Карамзинъ), увлеченный тѣми же понятіями, писалъ: «миролюбивое свойство балтійскихъ славянъ, во времена ужасовъ варварства, представляетъ мыслямъ *картину счастія*, котораго мы обыкли искать единственно въ воображеніи» (Ист. Государ. Рос., изд. 2 е I, 27)... Далѣе Савельевъ опровергаетъ мнѣніе одного бросателя высшихъ взглядовъ, «кандидата въ Нибуры», основанное на характеристикѣ Гердера (разумѣется Полевой). «Извѣстный авторъ «Россіи» (т. е. Булгаринъ) замѣтилъ: весьма странно, что наши историки приписываютъ славянамъ исключительное занятіе земледѣліемъ и какую то страсть къ нему или врожденную склонность! Это свойство всѣхъ европейскихъ туземцевъ, а не однихъ славянъ. Положеніе обитаемой страны опредѣляетъ занятія народа» [1]).

Обобщая все сказанное, мы должны сознаться, что для уясненія вопроса о характерѣ и юридическомъ бытѣ древнихъ славянъ нужно написать новое сочиненіе, ибо книга проф. Собѣстіанскаго его совсѣмъ не разрѣшаетъ.

Д. И. Багалѣй.

[1]) Слав. Сборникъ, стр. 95—96, прим. 40-е, ч. II, стр. 115.

Чествованіе памяти В. Н. Каразина въ харьковскомъ университетѣ по случаю 50-ти лѣтія со дня его кончины.

(Корреспонденція «Кіевской Старины»).

4-го ноября сего 1892 года исполнилось 50 лѣтъ со дня кончины истиннаго виновника основанія университета въ Харьковѣ—Василія Назарьевича Каразина.

Состоящій при университетѣ Каразинскій комитетъ, занимающійся изысканіемъ средствъ для постановки ему памятника, по-

далъ мысль о необходимости устройства въ этотъ день чествованія этого замѣчательнаго дѣятеля, оказавшаго огромныя услуги и университету, и городу Харькову, и всему южно-русскому краю. Предложеніе это было встрѣчено сочувственно въ совѣтѣ, утверждено имъ и днемъ чествованія назначено воскресенье 8 ноября (опредѣляя праздничный день, совѣтъ желалъ дать возможность присутствовать на торжествѣ и тѣмъ лицамъ, которымъ обычныя ихъ занятія не позволили бы явиться въ будничное время). Къ участію въ актѣ чествованія были приглашены мѣстныя власти — военныя и гражданскія, а также представители всѣхъ тѣхъ сословій, которыя нѣкогда откликнулись на призывъ В. Н. Каразина и дѣлали значительныя пожертвованія на заведеніе университета въ Харьковѣ.—Чествованіе состоялось по заранѣе составленной и отпечатанной программѣ, раздававшейся всѣмъ присутствовавшимъ на актѣ; на первой страницѣ этой программы былъ помѣщенъ портретъ В. Н. Каразина, который мы здѣсь воспроизводимъ.

Послѣ заупокойной литургіи и панихиды, совершенныхъ проф. богословія о. Вас. Добротворскимъ, приглашеннымъ лицамъ былъ предложенъ чай въ помѣщеніи библіотеки, а по окончаніи его всѣ перешли въ актовый залъ, биткомъ набитый разнообразною публикой. Величественный видъ представлялъ въ это время залъ. Съ одной стороны каѳедры стоялъ большой, писаный масляными красками, портретъ В. Н. Каразина [1]), роскошно декорированный тропическими растеніями и вѣнками; съ другой—цѣлая коллекція фотографій и рисунковъ, имѣющихъ отношеніе къ виновнику торжества; тутъ были фотографіи съ трехъ портретовъ, воспроизводившихъ его изображеніе въ разные моменты жизни (одинъ въ 30-ти лѣтнемъ возрастѣ, два другіе — въ старческомъ); тутъ было два портрета его жены (внучки извѣстнаго собирателя документовъ о дѣяніяхъ Петра Вел.—Блинова); на одномъ она изображена еще дѣвицей, на другомъ—60-ти лѣтней старушкой; здѣсь былъ видъ села Кручика,

[1]) Портретъ этотъ былъ исполненъ въ 1817 г. въ Петербургѣ академикомъ Шведе и представляетъ копію съ миніатюрнаго портрета, написаннаго въ 1803 году франц. эмигрантомъ гр. де-Шатобуромъ.

принадлежавшаго Каразину, и надгробной часовни его въ г. Николаевѣ; эскизъ памятника, исполненный Микѣшинымъ, и друг. Первые ряды креселъ заняты были почетными посѣтителями: тутъ былъ г. начальникъ губерніи, корпусный командиръ, начальникъ штаба его, начальники дивизій, вице-губернаторъ, губернскій предводитель дворянства, исправ. д. предсѣдателя губернской земской управы, городской голова, in corpore со всѣми гласными думы, ректоръ университета, всѣ деканы, много профессоровъ; наконецъ, спеціально пріѣхавшій на торжество изъ Петербурга, внукъ В. Наз. и единственный его потомокъ по прямой линіи, извѣстный художникъ и литераторъ Ник. Ник. Каразинъ; далѣе, сидѣло множество публики, а за колоннами и на хорахъ расположились студенты. Студенческій хоръ подъ управленіемъ г. Туровѣрова исполнилъ молитву „Царю Небесный“, послѣ которой взошелъ на каѳедру ректоръ университета проф. М. М. Алексѣенко и открылъ собраніе краткою рѣчью въ которой указалъ на постановленіе совѣта о чествованіи памяти В. Н. Каразина и выразилъ глубокую признательность всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, откликнувшимся на призывъ университета и явившимся на настоящее торжество; въ заключеніе онъ съ удовольствіемъ отмѣтилъ то обстоятельство, что среди присутствующихъ находится и внукъ В. Н., художникъ Ник. Ник. Каразинъ. Вслѣдъ за тѣмъ заслуженный орд. проф. деканъ историко-фил. факультета А. Е. Лебедевъ сказалъ рѣчь: „Объ учрежденіи университета въ Харьковѣ въ 1805 г., при участіи сословій, по почину В. Н. Каразина“. Вотъ полный и подлинный текстъ этой прочувствованной рѣчи.

Имя В. Н. Каразина, память котораго мы собрались теперь чествовать, неразрывно связано съ именемъ Харьковскаго университета. Ему принадлежала мысль объ учрежденіи въ Харьковѣ университета; онъ же съ изумительною настойчивостію, какую могла давать ему только его горячая любовь къ родинѣ и просвѣщенію, достигъ, наперекоръ всѣмъ препятствіямъ, и осуществленія ея—къ великой радости всего мѣстнаго населенія, съ замѣчательнымъ сочувствіемъ въ значительной степени, нужно впрочемъ сказать, имъ-же (Каразинымъ) внушеннымъ, отнесша-

гося къ учрежденію въ Харьковѣ университета. Воодушевленное его пламенными рѣчами о тѣхъ выгодахъ — духовныхъ и матеріальныхъ,—какія могъ-бы доставить Харьковской губерніи учрежденный въ Харьковѣ университетъ, дворянство Харьковской губерніи жертвуетъ значительную сумму въ 400,000 рублей на устройство университета, изъяснивъ въ протоколѣ засѣданія по этому предмету (1 сент. 1802 г.), что оно, „обративъ вниманіе на положеніе своего края, на нужды, тяготящія его среди изобилія природнаго, на представляемыя этимъ изобиліемъ удобства къ заведеніямъ всякаго рода, предметомъ своимъ избрало просвѣщеніе и полагаетъ учредить университетъ". Вмѣстѣ съ этимъ оно приглашало—и не напрасно—къ пожертвованіямъ на этотъ предполагаемый университетъ дворянства и другихъ южныхъ губерній, выставляя имъ на видъ, что въ выгодахъ учрежденія университета въ Харьковѣ будутъ участвовать и они. Такимъ образомъ, екатеринославское дворянство постановило пожертвовать на учрежденіе этого университета 108,200 р.; херсонское дворянство 40,500 р. По примѣру дворянства харьковской губерніи, и соревнуя ему, и горожане харьковскіе, съ своей стороны, въ засѣданіи городской думы постановили: вносить въ пользу университета въ продолженіи 10 лѣтъ сумму, равную государственной подати, платимой ими съ капиталовъ, то есть—по одному проценту съ четвертью ежегодно, и половину откупной суммы, поступавшей въ пользу города,—мотивируя это постановленіе тѣмъ, что „независимо отъ тѣхъ благихъ вліяній, какія производитъ просвѣщеніе на жителей", отъ учрежденія университета предвидятся и прямыя матеріальныя выгоды для города, какъ то: „умноженіе его населенности, распространеніе торговли и промысловъ, приращеніе въ оборотѣ денегъ"; причемъ добавлялось, что съ теченіемъ времени, „какъ благосостояніе города умножится, могутъ они и увеличить сумму взноса, или прибавить число лѣтъ", и выражалась увѣренность, что „достаточные изъ купцовъ, независимо отъ тѣхъ, обязательныхъ по постановленію думы, взносовъ, готовы будутъ и на частные взносы, зависящіе отъ произволенія каждаго". И эта увѣренность не была напрасною: извѣстно напримѣръ, значительное по-

жертвованіе харьковскаго купца Аникѣева—въ 3000 руб.—Подобнымъ же образомъ и уѣздные города харьковской губерніи изъявляли готовность отчислять въ пользу университета половину, или двѣ трети откупной суммы, а равно также представляли отъ наиболѣе состоятельныхъ горожанъ и особыя жертвованія.—Общая сумма этихъ денежныхъ взносовъ и жертвованій на учрежденіе въ Харьковѣ университета отъ дворянъ и горожанъ харьковской губерніи исчислялась въ 618000 рублей. Не остались безучастными къ учрежденію въ Харьковѣ университета и харьковскіе войсковые обыватели, пожертвовавшіе въ пользу университета 150 десятинъ земли—теперешній университетскій садъ съ окрестностію. А войсковой обыватель купянскаго уѣзда Юшка обязался пожизненно жертвовать на университетъ по 50 р. въ годъ.—Но еще, быть можетъ, знаменательнѣе выразило свое сочувствіе зарождавшемуся университету—хотя и не денежными уже жертвованіями — духовенство, особенно въ лицѣ самаго епископа тогдашняго — Христофора Сулимы. При празднованіи открытія университета 17 генв. 1805 года учредительная грамота университета торжественно, при колокольномъ звонѣ, внесена была въ соборный храмъ, гдѣ принялъ ее—предъ началомъ литургіи—самъ преосвященный и положилъ на особо приготовленный для нея аналой, на которомъ она и оставалась до конца службы. Въ концѣ литургіи преосвященный, до того времени никогда не говорившій при торжественныхъ собраніяхъ проповѣдей, впервые нарушилъ молчаніе и произнесъ рѣчь о просвѣщеніи. Затѣмъ грамота, въ сопровожденіи преосвященнаго же и служившаго съ нимъ духовенства, въ ихъ церковныхъ облаченіяхъ, перенесена была въ университетъ, гдѣ и положена была архіерейскими руками на предназначенное ей мѣсто. („Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ цар. Имп. Александра 1-го“, *Сухомлинова*, въ его „Изслѣдованіяхъ и статьяхъ“... стр. 139—140.) Лѣтъ 45 прежде, великій дѣятель и ревнитель просвѣщенія Ломоносовъ, проэктируя устройство Университета въ С.-Петербургѣ, въ числѣ „привилегій“ будущаго университета находилъ необходимымъ поставить и такую, какъ условіе спокойной и безпрепятственной дѣя-

тельности университета: „духовенству, къ ученіямъ, правду физическую для пользы и просвѣщенія показующимъ, не привязываться, а особливо не ругать наукъ въ проповѣдяхъ“. („Матеріалы для біографіи Ломоносова“, собранные *Билярскимъ*, стр. 418). При открытіи Харьковскаго университета, представители наукъ и любители просвѣщенія, бывшіе на этомъ торжествѣ имѣли великое утѣшеніе видѣть, какъ духовенство привѣствовало, благословляло и, можно сказать, даже чествовало водворявшуюся науку; свое довѣріе и сочувствіе къ университетской наукѣ представитель духовенства—преосвященный Христофоръ Сулима явилъ и потомъ, когда дозволилъ Харьковскимъ семинаристамъ посѣщать медицинскія лекціи въ университетѣ, особенно нуждавшіяся тогда въ слушателяхъ, не боясь для будущихъ служителей алтаря вреда отъ ученій, правду физическую показующихъ. Такимъ образомъ, по иниціативѣ В. Н. Каразина, при общемъ и дѣятельномъ сочувствіи всѣхъ слоевъ общества, начался Харьковскій университетъ, теперь ужъ близъ столѣтія совершающій свою просвѣтительную миссію для края, Россіи, и, наконецъ, въ лицѣ наиболѣе выдающихся своихъ дѣятелей, имена которыхъ пользуются почетною извѣстностью въ ученомъ мірѣ и принадлежатъ уже всемірной исторіи просвѣщенія, несущій посильную лепту и въ общую сокровищницу человѣческихъ знаній! Значеніе этой просвѣтительной дѣятельности университета не нуждается въ доказательствахъ; доказывать его значило-бы возвращаться къ тому темному и давно минувшему времени, когда, скажемъ словами сатирика того времени—Кантемира, какой-нибудь—

„Критонъ съ четками въ рукахъ вздыхалъ и ворчалъ,
И просилъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами“.

Не нуждаясь въ доказательствахъ полезности научнаго знанія, Харьковъ можетъ считать себя—только счастливымъ, что именно въ немъ устроился такой просвѣтительный центръ, такъ высоко поднявшій значеніе города, и благословлять память лица, такъ много для этого дѣла потрудившагося.—А еще болѣе, конечно, долженъ благословлять—и благословляетъ—эту память

самъ университетъ, усиліями этого лица созданный. Совершенно естественно поэтому, что именно здѣсь, въ университетской средѣ, и возникла впервые мысль, теперь, повидимому, близкая уже къ осуществленію, о сооруженіи памятника виновнику основанія Харьковскаго университета,—мысль, уже въ 1873 году такъ твердо и горячо высказанная профессоромъ Н. А. Лавровскимъ въ его актововой университетской рѣчи о В. Н. Каразинѣ. Совершенно понятно также и это, совершаемое теперь, всесословное чествованіе памяти В. Н. Каразина въ торжественномъ собраніи, въ зданіи университета и по почину университета.

Да празднуется же свѣтло въ нашемъ соединенномъ и единствомъ настроенія объединенномъ собраніи эта дорогая для всѣхъ насъ память неутомимаго, для блага земли родной, радѣтеля просвѣщенія, вдохновляя и насъ къ тому добру, которому онъ былъ неустанный служитель!

Рѣчь эта была принята весьма сочувственно публикой и ораторъ награжденъ аплодисментами. Затѣмъ хоръ студентовъ исполнилъ отрывокъ изъ знаменитаго Requiem'a Моцарта (Dies irae), а студенческій оркестръ—Chant sans paroles—Чайковскаго. Послѣ этого взошелъ на каоедру орд. проф. Д. И. Багалѣй и произнесъ обширную рѣчь „О просвѣтительной дѣятельности В. Н. Каразина“. Вотъ краткое изложеніе этой рѣчи, какъ она воспроизведена на страницахъ мѣстныхъ „Губ. Вѣд.“ (полный текстъ рѣчи появится въ 1-й книжкѣ „Ученыхъ Записокъ Имп. Харьк. Университета“, которыя начнутъ выходить съ января 1893 года).

Рѣчь проф. Д. И. Багалѣя была посвящена выясненію одной но самой важной сторопы въ жизни В. Н. Каразина—его просвѣтительной дѣятельности. За страстную любовь къ просвѣщенію, Каразина называли украинскимъ Ломоносовымъ—и между ними были дѣйствительно нѣкоторыя точки соприкосновенія. Дѣятельность В. Н. Каразина на пользу просвѣщенія дѣлится на 3 момента—служба въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, заботы объ устройствѣ университета въ Харьковѣ и занятія въ с. Кручикѣ.

У Каразина выработался чрезвычайно широкій взглядъ на задачи литературы, что видно изъ его рѣчи, произнесенной въ

обществѣ любителей Россійской Словесности. Народное образованіе онъ ставилъ на первомъ планѣ среди всѣхъ государственныхъ заботъ. Въ такомъ направленіи онъ дѣйствовалъ и на практическомъ полѣ—въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, которое ему главнымъ образомъ было обязано и своимъ существованіемъ: онъ подалъ императору Александру I-му идею о его основаніи; онъ же былъ потомъ назначенъ правителемъ дѣлъ главнаго правленія училищъ; но служба его здѣсь была непродолжительна: министръ народнаго просвѣщенія гр. Завадовскій не долюбливалъ его и устранилъ отъ должности.

Состоя на службѣ въ министерствѣ и проживая главнымъ образомъ въ Петербургѣ, В. Н. не забывалъ роднаго Харькова, въ немъ старался учредить университетъ—и его усилія увѣнчались полнымъ успѣхомъ: университетъ его трудами былъ созданъ и открытъ въ 1805 году. В. Н. Каразину принадлежитъ *первая* мысль объ учрежденіи университета въ Харьковѣ, какъ это видно изъ письма его къ извѣстному священнику Фотіеву, относящагося еще къ началу 1802 г. Онъ составилъ „предначертаніе“ будущаго университета и прочиталъ его въ общемъ собраніи харьковскаго дворянства. Новый университетъ, по мысли В. Н., долженъ былъ представить нѣчто грандіозное; въ немъ предполагалось 9 отдѣленій (вмѣсто четырехъ обычныхъ факультетовъ), въ томъ числѣ богословское, военное, инженерное и т. п. Въ соотвѣтствіи съ этимъ стояли и самыя постройки: онѣ должны были представлять цѣлый учебный городокъ. Но любопытно, что всѣ средства, необходимыя на содержаніе этого всеучилища, В. Н. надѣялся получить изъ общественныхъ пожертвованій. Такимъ образомъ, Харьковскій университетъ, по проекту Каразина, долженъ былъ явиться подобіемъ нынѣшнихъ свободныхъ университетовъ Швеціи, Америки. „Предначертаніе“ Каразина было одобрено слободско-украинскимъ дворянствомъ и вызвало извѣстное пожертвованіе въ 400,000 руб. Здѣсь проф. Багалѣй подробно остановился на просвѣтительныхъ теченіяхъ въ мѣстномъ харьковскомъ обществѣ во 2-й половинѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія; они подготовили почву для В. Н. Каразина. Было два такихъ теченія, двѣ сти-

хіи—западно-русская и европейская. Выразителями первой былъ украинскій философъ Гр. С. Сковорода и харьковскій коллегіумъ, второй—литературный кружокъ сумскаго помѣщика А. А. Палицына. Д. И. Багалѣю удалось доказать, что лица, обнаружившія особенную ревность къ идеѣ Каразина, были частію духовными учениками Гр. С. Сковороды, частію же входили въ литературный кружокъ Палицына. Гр. С. Сковорода насаждалъ во всѣхъ слояхъ мѣстнаго общества *культъ* науки и былъ ходячимъ университетомъ; вліяніе его выразилось даже на В. Н. Каразинѣ. Въ томъ же направленіи дѣйствовалъ и Харьковскій коллегіумъ, представлявшій всесословное учебное заведеніе. Въ Сумскомъ уѣздѣ нашло себѣ пріютъ европейское просвѣтительное движеніе; еще въ 1767 г. сумскіе дворяне выражали желаніе имѣть университетъ у себя въ Сумахъ; въ томъ-же Сумскомъ уѣздѣ возникъ и литературный кружокъ помѣщика и архитектора Палицына, къ которому (кружку) принадлежалъ Каразинъ. В. Н. Каразинъ опирался на сочувствіе къ его идеѣ всѣхъ этихъ лицъ, но это нисколько не уменьшаетъ его личной заслуги въ дѣлѣ устроенія Харьковскаго университета; онъ долженъ былъ побѣдить равнодушіе однихъ и противодѣйствіе другихъ. Онъ привлекъ къ пожертвованіямъ всѣ сословія: одни давали отъ своихъ имуществъ, другіе отъ промысловъ, третьи (войсковые обыватели) предоставили землю, которая еще не такъ давно представляла изъ себя дикое поле и была отвоевана у татаръ ихъ предками. В. Н. Каразинъ принималъ также живѣйшее участіе въ подготовительной дѣятельности для открытія университета, работая совмѣстно съ Тимковскимъ.... Подобныя заслуги, конечно, не могли остаться незамѣченными—и современники признавали Василія Назарьевича истиннымъ виновникомъ основанія университета въ Харьковѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ аттестатъ, выданный Каразину общимъ собраніемъ харьковскихъ дворянъ послѣ прочтенія его „предначертанія“; въ немъ дворянство выражаетъ ему глубокую признательность за идею объ устройствѣ въ Харьковѣ университета и за готовность ходатайствовать объ этомъ передъ Государемъ. Это сознаніе нашло себѣ выраженіе и со стороны

частныхъ лицъ—проф. харьковскаго университета Реммеля и священ. Фотіева, который написалъ Василію Назарьевичу, сейчасъ-же послѣ открытія университета, сердечное письмо, отражавшее въ себѣ настроеніе и отношеніе къ Каразину всѣхъ присутствовавшихъ на торжествѣ посѣтителей. Затѣмъ профес. Багалѣй привелъ еще 3 весьма знаменательныхъ свидѣтельства, доказывающихъ, что сознаніе это не сгладилось и въ послѣдующее время—протоколъ совѣта о выборѣ Василія Назарьевича въ почетные члены университета, письмо попечителя на имя предсѣдателя Гражданской Палаты съ указаніемъ на собранные профессорами 1280 руб. для погашенія долга Василія Назарьевича графу Подгоричани и такое же письмо Харьковскаго городскаго головы, вручившаго для той же цѣли сумму въ 1200 р.

Послѣ выхода въ отставку В. Н. поселился въ своемъ селеніи Кручикъ и тамъ сталъ заниматься научными изслѣдованіями и опытами; химія, агрономія и метеорологія въ особенности привлекали его вниманіе. Кромѣ духа научной пытливости, его влекла къ этимъ занятіямъ и любовь къ родной Украйнѣ, желаніе поднять ея культуру; эта любовь подвинула его прежде къ основанію Харьковскаго университета; она же теперь увлекала его къ занятіямъ, которыя могли имѣть непосредственное практическое примѣненіе и принести пользу населенію. Трудно перечислить всѣ опыты его. С. Кручикъ было по истинѣ однимъ изъ видныхъ просвѣтительныхъ центровъ всего Харьковскаго края. Тутъ была химическая лабораторія, опытное поле, особыя зернохранилища, метеорологическая станція (первая въ губерніи), огромная библіотека, производились опыты унаваживанія, велась хозяйственная статистика. Отрицая коренное основаніе крѣпостнаго права—власть помѣщика надъ личностью крестьянина, В. Н. роздалъ своимъ поселянамъ земли въ собственность за извѣстныя опредѣленныя повинности и ввелъ у нихъ особое самоуправленіе подъ именемъ сельской думы; онъ же урегулировалъ отношенія ихъ къ священнику и построилъ сельское училище. Все это не могло остаться (и дѣйствительно не осталось) безъ вліянія на окружающую среду. Кромѣ того, Василій Назарьевичъ, живя въ

Кручикѣ, писалъ статьи для тогдашнихъ „Харьков. Губ. Вѣд.“ и проводилъ въ нихъ свои просвѣтительные взгляды. Въ одной изъ нихъ онъ, напримѣръ, доказывалъ необходимость устройства въ Харьковѣ женскаго ремесленнаго училища, изъ котораго выходили-бы народныя учительницы, экономки и т. п.; женское образованіе онъ считалъ необходимымъ не только для средняго, но и для низшаго класса общества (и это онъ говорилъ за годъ до смерти, на 69-мъ году жизни!). Умеръ онъ въ гор. Николаевѣ за работой на пользу общества. Немедленно послѣ его смерти появился въ высшей степени сочувственный некрологъ въ „Моск. Вѣд.“, а затѣмъ оцѣнкой его дѣятельности занялись ученые изслѣдователи, которые всѣ сходятся другъ съ другомъ въ признаніи его огромныхъ заслугъ передъ своимъ краемъ и даже всей Россіей. Особенно интересенъ отзывъ извѣстнаго историка Погодина, лично знавшаго В. Н. Каразина. По мнѣнію проф. Балалѣя, В. Н. вполнѣ заслужилъ себѣ памятникъ въ Харьковѣ: нѣкоторыя отрицательныя свидѣтельства вызваны главнымъ образомъ характеромъ В. Н. Каразина. На выясненіи особенностей характера В. Н. Д. И. Багалѣй остановился съ особеннымъ вниманіемъ и представилъ опытъ психологической характеристики Каразина. Въ заключеніе было высказано нѣсколько пожеланій—чтобы поскорѣе было издано въ свѣтъ собраніе сочиненій Василія Назарьевича съ оцѣнкою ихъ содержанія, чтобы мысль о его заслугахъ перешла изъ книгъ въ живое сознаніе массы и чтобы Каразины чаще являлись у насъ, дабы двигать общество по пути всяческаго прогресса.

Лекторъ и встрѣченъ, и провожаемъ былъ громкими и продолжительными аплодисментами. Нѣсколько прочувствованныхъ словъ, какъ бы въ отвѣтъ на двѣ предъидущія рѣчи, произнесъ представитель рода Каразиныхъ—Ник. Ник. Каразинъ. Указавъ, какова была основная идея дѣятельности Васил. Назарьевича, стремленіе къ совершенствованію во всѣхъ сферахъ жизни, онъ заявилъ, что испытываетъ чувство величайшаго счастія и отрады, присутствуя на *свѣтломъ* праздникѣ своего дѣда; я вижу, говорилъ онъ, что надъ этимъ университетомъ *какъ будто вѣетъ что-то*, оставшееся послѣ моего дѣда; это что-то любовь къ свѣту, знанію.

Эти прочувствованныя слова, это приподнятое настроеніе сообщились и присутствовавшимъ и дополнили впечатлѣніе, произведенное рѣчами двухъ первыхъ ораторовъ. Въ антрактѣ спѣтъ былъ хоръ изъ оперы „Нижегородцы“ Направника и съигранъ маршъ Мендельсона изъ сочин. „Сонъ въ лѣтнюю ночь“. Послѣ этого вице-предсѣдатель комитета по сооруженію памятника В. Н. Каразину орд. проф. Ю. И. Морозовъ прочелъ краткій историческій очеркъ возникновенія вопроса о сооруженіи памятника Каразину и отчетъ комитета о результатахъ сбора пожертвованій на него. Мысль о памятникѣ, оказывается, возникла еще въ 1865 году, на обѣдѣ у тогдашняго ректора университета проф. Кочетова. Затѣмъ ее печатно проводили проф. Н. А. Лавровскій и писатель Г. П. Данилевскій. Сочувственно относился къ ней и извѣстный русскій историкъ М. П. Погодинъ, который писалъ Н. А. Лавровскому: „Харьковскій университетъ, по моему мнѣнію, долженъ засвидѣтельствовать благодарность своему почти основателю. Наступающее столѣтіе по его рожденіи дастъ вамъ прекрасный поводъ подать мысль о памятникѣ, въ родѣ того какъ поставленъ Вилье. Вѣроятно, университетъ вѣдь назначитъ торжественное засѣданіе, члены съ вами согласятся, и вотъ доброе начало которое по пословицѣ составляетъ всегда уже половину дѣла. Журналы и газеты поддержатъ мнѣніе“. Въ 1874 г. вопросъ о памятникѣ былъ поставленъ на практическую почву: харьковское губернское земство пожертвовало для этой цѣли 5000 р., которые въ настоящее время наращеніемъ процентами достигли суммы 8000 руб. Въ 1875 г. была Высочайше разрѣшена повсемѣстная подписка; но она не дала почти никакихъ результатовъ, потому что свѣдѣнія о ней вовсе почти не были распространены. Въ виду этого въ 1888 году совѣтъ университета избралъ коммиссію изъ четырехъ профессоровъ—Багалѣя, Додукалова, Куплевасскаго и Морозова—и поручилъ этой коммиссіи рѣшить вопросъ о мѣрахъ къ распространенію свѣдѣній о подпискѣ въ обществѣ. Коммиссія въ 1891 г. была преобразована въ комитетъ, въ составъ котораго вошли, кромѣ 4-хъ названныхъ выше профессоровъ, ректоръ университета, предсѣдатель губернской земской

управы и два родственника покойнаго Вас. Наз.—богодуховскій землевладѣлецъ И. И. Каразинъ и петербургскій художникъ Н. Н. Каразинъ. Мѣрами бывшей коммиссіи и комитета собрана сумма около 3000 руб.; такъ что всего имѣется на памятникъ 10904 руб. 48 коп. Сверхъ того, 4-го ноября харьковская городская дума ассигновала изъ городскихъ средствъ 1000 руб., а среди гласныхъ по подпискѣ было собрано 600 руб. Нельзя не отмѣтить здѣсь въ высшей степени сочувственнаго отношенія городской думы къ вопросу о памятникѣ. Тутъ, очевидно, имѣлъ вліяніе интеллигентный составъ нынѣшняго городскаго представительства. 4-го ноября, когда исполнилось 50 лѣтъ со дня кончины В. Н. Каразина, въ помѣщеніи думы была отслужена панихида по Вас. Назарьевичѣ и произнесены рѣчи о его заслугахъ на пользу города Харькова; горячее слово между прочимъ сказалъ заступающій мѣсто городскаго головы членъ управы Ѳ. А. Павловскій; другіе также говорили въ пользу ассигновки; въ результатѣ и явилось то пожертвованіе, о которомъ мы говорили выше. Кстати замѣтимъ, что сборъ пожертвованій на памятникъ продолжается и въ настоящее время и долженъ быть направляемъ въ Харьковъ, въ университетъ, на имя предсѣдателя комитета—ректора университета или членовъ его—названныхъ выше профессоровъ [1]).

Общее впечатлѣніе отъ акта чествованія было самое лучшее. Всѣ вышли съ чувствомъ удовлетворенія, что изумительная по своей энергіи дѣятельность В. Н. Каразина на пользу просвѣщенія харьковскаго края нашла себѣ въ настоящее время всеобщее признаніе. Самыя свѣдѣнія о личности В. Назарьевича, всегда стремившагося впередъ, не падавшаго духомъ отъ неудачъ и до самой глубокой старости сохранившаго свѣжесть мысли и чувства, производили ободряющее впечатлѣніе; являлась вѣра въ силу и значеніе индивидуальной дѣятельности даже и среди неблагопріятныхъ общественныхъ условій.

На другой день состоялось засѣданіе Каразинскаго комитета. Комитетъ воспользовался присутствіемъ въ своей средѣ ху-

---

[1]) Редакція „Кіев. Стар.“ также принимаетъ пожертвованія для этой цѣли. — *Ред.*

дожника Ник. Ник. Каразина и осмотрѣлъ вмѣстѣ съ нимъ различныя мѣста въ городѣ, гдѣ можно было бы поставить памятникъ; намѣчено три мѣста (университетская горка, Николаевскій скверъ и университетскій садъ), но окончательный выборъ одного изъ нихъ отложенъ еще на нѣкоторое время. По окончаніи засѣданія уважаемый ректоръ университета Мих. Март. Алексѣенко пригласилъ почтеннаго гостя Ник. Ник. Каразина, членовъ комитета и гг. деканов къ себѣ на обѣдъ; всѣ собравшіеся были проникнуты и согрѣты однимъ общимъ чувствомъ—любовью къ университету и глубокою благодарностью къ виновнику его основанія В. Наз. Каразину. Какъ бы живымъ напоминаніемъ объ этомъ послѣднемъ являлся внукъ его Ник. Ник. Каразинъ; онъ былъ своимъ, какъ бы роднымъ, въ этомъ обществѣ, съ которымъ онъ познакомился только наканунѣ...

Ближайшимъ результатомъ чествованія памяти В. Н. Каразина можетъ явиться изданіе его сочиненій, что лежитъ, конечно, на обязанности харьковскаго университета. Мѣстная харьковская пресса давно уже говоритъ о необходимости подобнаго изданія; теперь съ прекращеніемъ правъ литературной собственности и возобновленіемъ „Ученыхъ Записокъ“, это дѣлается и вполнѣ возможнымъ. Редакцію изданія, какъ слышно, желаетъ на себя принять проф. Багалѣй. Предисловіемъ къ этому труду будутъ служить статьи профессоровъ-спеціалистовъ, заключающія въ себѣ оцѣнку работъ В. Н. Каразина по различнымъ отдѣламъ знанія (по химіи, агрономіи, метеорологіи, статистикѣ, исторіи, государственному праву). Желательно, чтобы на это доброе дѣло откликнулись лица, имѣющія въ своихъ рукахъ рукописи, записки, письма В. Н. Каразина. Извѣстно какова была судьба его бумагъ: часть ихъ сгорѣла во время пожара въ с. Кручикѣ еще при жизни владѣльца, другая погибла благодаря небреженію [1]) и только третья, попавшая въ руки

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо извѣстнаго Бецкаго къ М. П. Погодину: „безъ меня умеръ здѣсь Каразинъ... Много оставилъ онъ по себѣ бумагъ. Дневникъ самый подробный, который свидѣтельствуетъ о неутомимой дѣятельности, не угасавшей въ дни дряхлой старости. И теперь, вообразите, пріѣзжаю ко вдовѣ и вижу этотъ дневникъ—свидѣтель учености, неудавшихся плановъ, жизни самой

сына его Филадельфа Васильевича, была спасена; но къ сожалѣнію, Фил. Вас., желавшій издать полное собраніе писемъ и бумагъ покойнаго своего отца, не успѣлъ привести своего намѣренія въ исполненіе, хотя онъ все-таки опубликовалъ наибольшее количество матеріаловъ для біографіи Вас. Наз. Карамзина (въ Рус. Стар. 70-хъ годовъ). Случайно стало извѣстнымъ, что бумаги Фил. Вас. хранятся у матери Харьк. студента г. Петровскаго и, по всей вѣроятности, поступятъ въ распоряженіе издателей сочиненій Карамзина. Желательно, чтобы и другія лица, владѣющія Карамзинскими рукописями, прислали ихъ по крайней мѣрѣ на время (для снятія копій) въ Харьковъ, въ университетъ, проф. Дм. Иван. Багалѣю.

безпокойной—лежитъ въ передней и его разбираютъ лакеи. Дневникъ его—это, ей-ей рѣдкость во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ психологическомъ, для всякаго, кто узналъ, что это былъ за человѣкъ-феноменъ покойникъ".

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ вопросу о децентрализаціи нашихъ историческихъ архивовъ. — Судьба Румянцевской Описи Малороссіи. Вопросъ о сохраненіи архивовъ въ послѣднее время трактуется очень часто. Всѣ согласны въ томъ, что существовавшій до сихъ поръ порядокъ дѣлъ, при которомъ архивы уничтожались безъ предварительнаго осмотра лицами свѣдущими, никуда не годится; что благодаря этому истреблено много цѣннаго матеріала и будетъ истреблено, если на это не обратить серьезнаго вниманія; что, наконецъ, и не истребленные еще архивы поставлены въ большинствѣ случаевъ въ такія неблагопріятныя условія по части управленія и хранятся въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ сама природа, и безъ содѣйствія рукъ человѣческихъ, рано или поздно должна ихъ истребить.

Вопросъ, *какъ* сохранять и *гдѣ* сохранять, какъ извѣстно, особенно сильно занималъ покойнаго Калачова; не разъ поднимался онъ и на археологическихъ съѣздахъ. Сначала была пущена въ ходъ мысль о централизаціи нашихъ архивовъ въ Москвѣ и Петербургѣ, но потомъ мысль эта была оставлена. И дѣйствительно, противъ этого есть много серьезныхъ возраженій: всѣ они сводятся, конечно, къ тому, что такая централизація вредно отразится на развитіи и разработкѣ исторической науки, такъ какъ провинціальные университетскіе центры будутъ лишены возможности пользоваться архивными матеріалами, а Петербургъ и Москва не располагаютъ, да и въ ближайшемъ будущемъ врядъ ли будутъ располагать, такимъ количествомъ рабочихъ силъ, которыя замѣнили бы провинціальныхъ работниковъ. Какъ противовѣсъ централизаціи, выдвинули децентрализацію, которая и осуществляется, можетъ быть и не совсѣмъ удачно, въ видѣ такъ называе-

мыхъ архивныхъ коммиссій, задачею которыхъ является, между прочимъ, и забота объ охраненіи провинціальныхъ архивовъ.

Но и подобную постановку дѣла нельзя назвать удачно разрѣшающей архивный вопросъ. Конечно, архивныя коммиссіи принесли, приносятъ и будутъ приносить много пользы по части охраненія архивовъ; но онѣ являются только лишь палліативнымъ средствомъ, потому что ихъ дѣятельность ограничивается только этимъ охраненіемъ, а не направляется на научную разработку архивовъ. Мы говоримъ *вообще* и принимаемъ въ соображеніе отдѣльные случаи, напримѣръ, хотя бы дѣятельность г. Дубасова, рисующаго намъ тамбовскую жизнь прошлаго вѣка на основаніи документовъ тамбовской архивной коммиссіи; но такіе случаи являются исключеніями. Они зависятъ, съ одной стороны, отъ появленія въ извѣстномъ городѣ человѣка способнаго работать, а съ другой—и отъ характера хранящихся документовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ только хоть поверхностно ознакомиться съ дѣятельностью нашихъ архивныхъ коммиссій. Мы, конечно, не обвиняемъ отдѣльныхъ дѣятелей и вполнѣ понимаемъ, что характеръ ихъ дѣятельности, ихъ изданія получили то или иное направленіе подъ вліяніемъ необходимости; но должны сказать, что ихъ изданія, ихъ дѣятельность приносятъ мало въ существѣ пользы для науки, такъ какъ вся эта дѣятельность носитъ частичный, фрагментарный характеръ, а что-нибудь серьезное парализуется невозможностью работать въ глуши, безъ руководствъ, книгъ, справочныхъ лексиконовъ и т. д. Къ тому же мы должны отмѣтить и невозможность писать серьезную научно-историческую роботу на основаніи только матеріаловъ, относящихся къ одной губерніи: ужъ тутъ никакихъ выводовъ дѣлать нельзя и вся работа должна свестись только къ пересказу матеріаловъ или къ составленію статистическихъ таблицъ, т. е. къ одной только, такъ сказать, черной работѣ. Полезно и это, несомнѣнно, и если бы подобная работа у насъ была хорошо организована, если бы въ губернскихъ центрахъ было много работниковъ, могущихъ посвящать ей свой досугъ, и если бы они были равномѣрно распредѣлены,—тогда мы стояли бы за такую мелкую децентрализацію архивовъ. Теперь же мы высказываемся противъ нея—и вотъ почему. *Во 1-хъ,* потому, что, какъ мы выше сказали, въ глуши никакая серьезная работа не возможна; *во 2-хъ*—работниковъ въ провинціи очень мало, такъ что нѣкоторыя коммиссіи почти не функціонируютъ или функціонируютъ въ такой степени слабо, что когда появляются ихъ труды, то бываешь пораженъ, что въ городѣ N

существуетъ архивная коммиссія; въ *третьихъ*, наконецъ, разбросанность архивовъ еще больше отражается на успѣшности историческихъ работъ и развитіи исторической науки, чѣмъ ихъ строгая централизація въ Москвѣ и Петербургѣ, такъ какъ если человѣку часто невозможно бываетъ поѣхать въ столичный городъ, то ужъ разъѣзжать по губернскимъ городамъ и рыться въ тамошнихъ архивахъ ему и думать нечего. Къ этому можно еще присоединить и меньшую обезпеченность отъ пожаровъ въ губернскихъ городахъ, гдѣ архивы помѣщаются часто въ наемныхъ деревянныхъ домахъ, сараяхъ, амбарахъ и пр., а архивныя коммиссіи по своей бѣдности не могутъ обзавестись извѣстной архивной обстановкой.—Все это, заставляетъ насъ высказаться противъ мелкой децентрализаціи архивовъ. Мы думаемъ, что въ этомъ дѣлѣ слѣдуетъ избрать путь средній и сконцентрировать ихъ въ главныхъ пунктахъ, которые составляютъ естественно-историческіе центры для той или другой мѣстности. Такими пунктами у насъ могутъ считаться учебные округа. Не предрѣшая напередъ дѣлежа архивовъ между Петербургомъ и Москвой, мы можемъ отмѣтить, что Казань, напр., можетъ служить удобнымъ центромъ для соединенія въ ней матеріаловъ относящихся къ исторіи и теперешнему состоянію Поволжья; Томскъ—для Сибири; Тифлисъ—для Кавказа, Харьковъ—для такъ называемой Слободской Украйны; Одесса—для Новороссіи; Кіевъ—для Малороссіи и Юго-Западнаго Края; Вильна—для Бѣлоруссіи и Литвы; Варшава—для Польши, Дерптъ—для Остзейскаго края, Оренбургъ—для Степныхъ губерній и Ташкентъ—для Туркестана. Это дѣленіе вовсе не искусственно, такъ какъ названные города—тѣ, къ которымъ тяготѣютъ извѣстныя области и которые явились вполнѣ естественнымъ путемъ, исторически, именно благодаря этому тяготѣнію. Благодаря, конечно, этому и матеріалъ, относящійся къ этимъ областямъ, могъ бы имѣть свой особый характеръ. Это *первый* доводъ за такое дѣленіе архивовъ.—*Второй*—заключается, конечно, въ успѣшности разработки документовъ, такъ какъ большинство названныхъ городовъ являются университетскими городами или большими административными центрами, гдѣ скопляется интеллигенція, которая могла бы заняться разработкой архивовъ.—*Третій*—въ томъ, что всѣ матеріалы были бы подъ руками, не было бы надобности отыскивать ихъ въ разныхъ мѣстахъ, на что требуется много времени и матеріальныхъ средствъ;—при подобной концентраціи матеріалъ могъ бы быть разработанъ полнѣе, предпринята коллективная разработка его. Это повело бы въ свою очередь къ по-

становкѣ и обсужденію разныхъ вопросовъ въ историческихъ обществахъ и т. д. Разработка этихъ вопросовъ могла бы идти успѣшнѣе въ этихъ центрахъ, такъ какъ изслѣдователи могли бы располагать средствами для изслѣдованій въ видѣ университетскихъ и большихъ публичныхъ библіотекъ. При концентраціи можно лучше приспособить архивы для занятій, обезопасить ихъ въ большей степени отъ пожаровъ и т. д.

Противъ всего этого можетъ, конечно, быть возраженіе—какъ это можно разбить матеріалъ на группы, отдѣлить одну группу отъ другой? Это дѣло трудное, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо таки невозможное.

Мы не отрицаемъ ни трудности этого дѣла, ни невозможности разбить матеріалъ на такія группы, чтобы одна группа не входила тѣми или другими сторонами въ другую. Невозможность эта обусловливается тѣмъ, что жизнь отдѣльныхъ областей, за исключеніемъ извѣстныхъ періодовъ, не была обособлена, а протекала въ связи съ другими областями, входящими въ составъ русскаго государства. Но это не можетъ служить препятствіемъ для дѣленія архивовъ. Дѣленіе по областямъ имѣетъ больше смысла, чѣмъ дѣленіе архивовъ по губерніямъ, потому что это послѣднее дѣленіе носитъ ужъ чисто случайный характеръ, какъ и административная единица, легшая въ основу этого дѣленія. Затѣмъ въ основу дѣленія должна лечь не абсолютная обособленность, а относительная, т. е. матеріалъ долженъ поступать въ тотъ изъ областныхъ архивовъ, къ которому онъ имѣетъ *преимущественное* предъ другими отношеніе. Возьмемъ, напримѣръ, Кіевскій архивъ. Къ Кіеву, мы сказали, тяготѣетъ Малороссія и юго-западный край—слѣдовательно, и всѣ матеріалы, относящіеся къ прошлому и настоящему этой области, должны быть взяты изъ Харькова, Екатеринослава, Москвы, Чернигова, Вильны, Варшавы и сосредоточены въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ. Поэтому, если, напр., въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ находятся спорныя пограничныя дѣла малороссовъ съ великороссами, то какъ ихъ дѣлить, гдѣ ихъ оставить—въ Москвѣ или перевезти въ Кіевъ? Тутъ можетъ быть двѣ точки зрѣнія—или, такъ сказать, *территоріальная*, о чьей территоріи идетъ рѣчь, малороссійской или великороссійской, или *юридическая*—какія правовыя нормы имѣютъ преимущественное значеніе, великорусскія или малорусскія? Болѣе правильное основаніе при дѣленіи, конечно, второе; но въ виду его трудности, можно, конечно, войти въ извѣстнаго рода компромиссъ, оста-

вивъ всѣ дѣла въ одномъ какомъ-нибудь архивѣ, руководствуясь, съ одной, стороны ихъ характеромъ, а съ другой чисто-практическими соображеніями—гдѣ, въ какомъ центрѣ, документы могутъ скорѣе подвергнуться научной разработкѣ. Въ данномъ случаѣ мы, напримѣръ, высказались бы за Кіевскій архивъ, такъ какъ для человѣка, занимающагося исторіей Малороссіи, важнѣе и интереснѣе вопросъ о пограничныхъ столкновеніяхъ малороссовъ съ великороссами, въ виду того что эти столкновенія имѣютъ значеніе не только гражданско-правовое, но и политическое: они проливаютъ много свѣта на тѣ условія, на которыхъ послѣдовало соединеніе Малороссіи въ Россіей, соединеніе, имѣвшее большое значеніе въ судьбахъ малорусскаго народа, а не великорусскаго. Напротивъ, если бы шелъ вопросъ объ актахъ, напр., малороссійскихъ земскихъ соборовъ—мы бы высказались за Москву, такъ какъ, при всей важности ихъ для Малороссіи, они имѣютъ бо́льшее значеніе для исторіи московскаго государства и ими въ цѣломъ воспользуется, конечно, историкъ Москвы.

Мы признаемъ трудность подобнаго рода дѣленія. Оно, конечно, должно и можетъ быть произведено людьми свѣдущими какъ въ архивномъ дѣлѣ, такъ и въ исторіи той или другой области. Но такая работа непремѣнно должна быть и будетъ произведена, когда, оставивъ всевозможныя побочныя разсужденія, дѣятели русской исторической науки серьезно взглянутъ на архивный вопросъ, съ одной стороны, и на успѣшность разработки русской исторической науки—съ другой, и когда люди, отъ которыхъ все зависитъ, убѣдятся и поймутъ всю важность и значеніе децентрализаціи архивовъ. Какъ скоро такая работа будетъ произведена, будутъ устроены областные архивы и масса свезеннаго въ Москву изъ провинцій матеріала, возвратится опять въ провинцію, тогда и архивное дѣло можетъ быть поставлено серьезно, и пополненіе архивовъ можетъ идти посредствомъ простой передачи учрежденіями своихъ старыхъ дѣлъ. Этимъ будутъ достигнуты всѣ тѣ выгоды, на которыя мы указывали выше, разборъ архивовъ, не загроможденныхъ такой массой дѣлъ, какъ въ Москвѣ, можетъ идти успѣшнѣе а извѣстный опредѣленный характеръ областныхъ архивовъ дастъ возможность изслѣдователю разобраться въ нихъ, опредѣлить, гдѣ, въ какомъ мѣстѣ онъ можетъ найти матеріалы для того или другаго вопроса, для той или другой мѣстности: пріѣзжая въ извѣстный архивъ, изслѣдователь можетъ ужъ быть увѣренъ, что здѣсь найдетъ онъ все существенное.

Такая увѣренность можетъ быть обусловлена только добросовѣстной разборкой архивовъ, на что, конечно, необходимы средства. Для этого не нужно забывать во 1-хъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ужъ есть центральные архивы, которые придется только расширить; во 2-хъ, сокращеніе архивовъ въ различныхъ учрежденіяхъ должно понизить суммы, отпускаемыя на ихъ содержанія, въ 3-хъ наконецъ, устройство архивовъ можетъ производиться постепенно, чтобы избѣжать излишняго обремененія и безъ того разстроенныхъ нашихъ финансовъ.

До сихъ поръ у насъ какъ то много говорили о томъ, что нужно, сохранять архивъ, но мало обращали вниманія на вопросъ, гдѣ же сохранять. Вслѣдствіе этого сложилось убѣжденіе, что какъ только ткнулъ какую нибудь серію документовъ въ какой-нибудь архивъ, значитъ-все уже для науки сдѣлалъ. А между тѣмъ вотъ отъ этой, такъ сказать, безалаберности въ дѣлѣ сохраненія матеріаловъ научная разработка исторіи теряетъ очень много. Возьмемъ, напримѣръ, внутреннюю исторію Малороссіи. Изслѣдователь найдетъ главную массу матеріаловъ сконцентриванной въ Кіевѣ: здѣсь большая часть Румянцевской Описи, затѣмъ большая часть Генеральнаго слѣдствія 1729—1730, много монастырскихъ документовъ въ Кіевской Духовной Академіи и Центральномъ Архивѣ при университетѣ Св. Владиміра; здѣсь же много гражданскихъ дѣлъ, компуты и т. д. Въ Кіевѣ же изслѣдователь найдетъ матеріалъ для исторіи юго-западной и южной Руси до Богдана Хмельницкаго, а между тѣмъ однимъ этимъ ограничиться нельзя, если только изслѣдователь человѣкъ добросовѣстный и захочетъ, по возможности, полно изслѣдовать вопросъ и сдѣлать не какіе-нибудь, а серьезные выводы. Онъ долженъ посѣтить Москву, гдѣ въ Архивѣ М—ва Юстиціи находится масса дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ, переданныхъ туда при закрытіи уѣздныхъ судовъ; а въ Румянцевскомъ Музеѣ хранятся бумаги Маркевича, взятыя имъ изъ бывшаго архива Черниговскаго Губернскаго Правленія, перевезеннаго теперь почему-то въ Харьковъ, гдѣ имъ *серьезно* никто не занимается и заниматься не будетъ. Послѣ Москвы изслѣдователь долженъ посѣтить и Харьковъ: здѣсь онъ найдетъ и бывшій Черниговскій и Полтавскій архивы; затѣмъ Черниговъ, гдѣ въ казенной Палатѣ въ образцовомъ, должны мы прибавить, порядкѣ хранятся однородные съ кіевскими документы по исторіи монастырскаго землевладѣнія. Въ Черни-

говѣ же въ такъ называемомъ Центральномъ Архивѣ сохранились нѣкоторыя чрезвычайно важныя дѣла уголовныя и гражданскія прошлаго вѣка, не переданныя еще въ Москву. Такія же дѣла есть и въ Полтавѣ, посѣтивъ которую изслѣдователь долженъ ѣхать..... въ Петербургъ, куда недавно въ библіотеку Академіи Наукъ передана часть Румянцевской Описи, хранившаяся до тѣхъ поръ въ Черниговѣ. Посѣтивъ только Петербургъ, добросовѣстный изслѣдователь можетъ считать свой трудъ по собиранію матеріала законченнымъ. Нечего и говорить, на сколько неудобны подобные переѣзды и съ точки зрѣнія матеріальной, и затѣмъ съ точки зрѣнія успѣшности работы, когда тратится такъ много времени на устройство въ незнакомомъ городѣ, на знакомство съ характеромъ архива, съ его порядками, на сношенія съ разными начальствами и т. д. Человѣкъ, который испытывалъ всѣ эти неудобства, поймете, конечно, всѣ прелести работы въ томъ мѣстѣ, гдѣ сосредоточены всѣ, по крайней мѣрѣ, главнѣйшіе матеріалы.

До чего, напр., дошло дробленіе матеріаловъ по малорусской исторіи, можно заключить изъ того, что часть Генеральнаго Слѣдствія о маетностяхъ 1729—1730 года находится въ Кіевѣ, а часть въ Москвѣ, въ Румянцевскомъ музеѣ. Или вотъ *Румянцевская Опись*. Большая часть ея, обнимающая половину Полтавской губерніи (Приднѣпровье) и часть Черниговской (Кіевскій полкъ), находится въ библіотекѣ Кіевскаго университета, куда она передана изъ Кіевской Казенной Палаты еще въ 50-хъ годахъ по распоряженію генералъ-губернатора Бибикова; нѣсколько связокъ *Описи*, обнимающихъ двѣ сотни Миргородскаго и 4 сотни Полтавскаго полковъ, находятся въ Харьковскомъ Историческомъ Архивѣ, куда онѣ перевезены проф. Д. И. Багалѣемъ изъ Полтавы; часть же, меньшая, чѣмъ та, которая хранится въ Кіевѣ, открыта А. М. Лазаревскимъ въ Черниговской Казенной Палатѣ и до этого года принадлежала Черниговскому Статистическому Комитету; 148 фоліантовъ ея обнимали полки Черниговскій, часть Кіевскаго, Нѣжинскій, Стародубскій, часть Прилуцкаго и Смѣлянскую сотню Лубенскаго полка. Теперь эта часть *Описи*, какъ мы сказали, передана въ библіотеку Императорской Академіи наукъ, которая, на сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не имѣла рукописей, относящихся къ Малороссіи и по характеру своему подходящихъ *къ Румянцевской Описи*.

Какіе резоны были передавать *Румянцевскую Опись* въ Академію? Никакихъ. Это случилось такъ, какъ часто у насъ случается..... неожиданно.

Нужно сказать, что Кіевскій университетъ давно хотѣлъ присоединить (чего требовалъ и здравый смыслъ) Черниговскій Отдѣлъ *Описи* къ Кіевскому, чтобы ужъ вся коллекція была въ одномъ мѣстѣ и при томъ въ такомъ, гдѣ сосредоточено много и другихъ матеріаловъ. Насколько намъ извѣстно, нѣкоторые изъ профессоровъ возбуждали въ совѣтѣ университета объ этомъ вопросъ въ началѣ 80-хъ годовъ, но лицо, стоявшее тогда въ главѣ университета св. Владиміра, не дало хода ходатайству, заподозрѣвъ въ немъ..... *«украинофильство»*. Какъ ни странно это было, но вопросъ о *Румянцевской Описи* не могъ быть поднятъ до конца прошлаго года, когда профессоръ В. С. Иконниковъ предложилъ Совѣту ходатайствовать о передачѣ Черниговскаго Отдѣла Румянцевской Описи въ библіотеку Кіевскаго Университета. Совѣтъ согласился. Но когда ректоръ Университета обратился къ Черниговскому губернатору, то получилъ отвѣтъ, что *Опись* передана уже въ Академію Наукъ.

Какимъ образомъ? Почему жъ не дали знать въ Кіевъ, куда, казалось, естественнѣе всего было передать ее? Вопросъ объясняется просто.

Черниговскій Статистическій Комитетъ помѣщался раньше въ зданіи Губернскаго Правленія, рядомъ съ типографіей. Расширяя помѣщеніе для послѣдней, губернаторъ приказалъ Статистическому Комитету выселиться, ассигновавъ ему 15 рублей на наемъ квартиры. Секретарь комитета заявилъ, что за 15 рублей для комитета нельзя найти помѣщенія, потому что есть въ библіотекѣ громоздкая вещь—*Румянцевская опись*. Суммъ на наемъ второй комнаты для Комитета не оказалось—и рѣшили передать *Опись*. Куда? Рѣшили обратиться въ Кіевскій университетъ и въ Нѣжинскій историко-филологическій институтъ. Но тутъ судьба насмѣялась надъ Кіевомъ. Секретарь Статистическаго Комитета въ Нѣжинъ, написалъ предложеніе, а написать въ Кіевъ забылъ. Въ Нѣжинѣ конечно, согласились получить такой цѣнный подарокъ; молчаніе же Кіева сочли за отказъ. Дѣло о передачѣ *Описи* въ Нѣжинъ губернаторъ переслалъ на заключеніе Центральнаго Статистическаго Комитета, который, руководствуясь одному ему понятными резонами, рѣшилъ передать *Опись* въ библіотеку Академіи Наукъ, куда *Опись* ужъ и перевезена.

Теперь вопросъ, нормальна ли эта передача и умѣстно ли *Описи* быть въ Петербургѣ, гдѣ, кромѣ нея, нѣтъ другихъ (кромѣ наказовъ депутатамъ, конечно) важныхъ матеріаловъ для соціальной исторіи прошлаго и позапрошлаго вѣка?

Отвѣчая на эти вопросы отрицательно и признавая, что разрозненность однородныхъ матеріаловъ можетъ только вредно отозваться на успѣшности научныхъ работъ, историко-филологическій факультетъ университета Св. Владиміра обратился, какъ намъ передавали, къ Академіи Наукъ съ просьбой передать *Румянцевскую Опись* въ Кіевъ. Полагая тѣ резоны, по которымъ онъ считаетъ необходимымъ соединить *Опись* вмѣстѣ въ Кіевѣ, факультетъ выражаетъ надежду, что Академія, для которой дороги интересы науки, не откажетъ въ просьбѣ.

Въ свою очередь мы тоже не сомнѣваемся, что Академія уважитъ просьбу историко-филологическаго факультета. Доводы факультета такъ логически сильны и разумны, что только постороннія соображенія, не имѣющія ничего общаго съ наукой, могли бы побудить къ отказу. Но развѣ могутъ быть такія соображенія у людей, которые своей цѣлью имѣютъ «*споспѣшествовать развитію наукъ*?....

Н. В.

Для характеристики „багатырей“. Часто приходится встрѣчать въ рукописныхъ спискахъ стихотворныя произведенія юмористическаго и сатирическаго содержанія неизвѣстныхъ авторовъ на малороссійскомъ языкѣ, напримѣръ—вирши рождественскія, воскресенскія и друг. стихотворенія. Къ числу такихъ произведеній принадлежитъ и помѣщаемое ниже, сообщенное мнѣ однимъ изъ бывшихъ статистиковъ, С. М. Блекловымъ, переписанноемъ, кажется, въ Прилукскомъ уѣздѣ.

Въ стихотвореніи довольно характерно обрисованъ честолюбивый «багатырь», возмущенный намѣреніемъ своего сына вступить въ бракъ съ дѣвицею бѣднаго состоянія. По знакомству богатыря съ стряпчимъ и комисаромъ (позже—земскіе исправники) можно предполагать, что стихотвореніе относится къ 1830—1840-мъ г. Въ тѣ времена, и даже нѣсколько позже, у богатыхъ чумаковъ стадо въ 40 паръ воловъ и табунецъ лошадей дѣйствительно встрѣчались. Въ моихъ бумагахъ есть запись въ Опошнѣ о томъ, что въ с. Котельвѣ

(харьк. губ.) былъ чумакъ, по фамиліи Маляръ, снаряжавшій собственную «валку» до 40 паръ воловъ, и подъ своимъ атаманствомъ ходившій «у Крымъ по силь» въ Опошнѣ же, а также въ Еремѣевкѣ, Ирклѣевѣ были чумаки, имѣвшіе по 15—20 «паровиць», при чемъ для каждыхъ 2—3 возовъ былъ наемный чумакъ во время пути.

Вспоминаю, что въ концѣ 1850-хъ г. былъ въ Хорольскомъ уѣздѣ волостной голова, принимавшій у себя не только окружнаго начальника и уѣзднаго исправника, но водившій знакомство съ однимъ изъ совѣтниковъ палаты государст. имуществъ. Голова любилъ похвастаться тѣмъ, что во время пріѣздовъ въ Полтаву, посѣщаетъ совѣтника на дому и играетъ «у прохвыранца». Очевидно, съ подобнымъ типомъ мы имѣемъ дѣло, читая слѣдующее стихотвореніе.

Багачемъ безмирнымъ въ повити слывусь,
Хазяиномъ первымъ по волости чтусь,
Що я всего маю—всякъ те може знать,
Якъ же мени бидну та за сына взять?!
Волыкивъ рогатыхъ маю сорокъ паръ,
Коныкивъ грыватыхъ табунець чималъ,
Поля стильки маю, що й не изорать—
Якъ-же мени бидну та за сына взять?!
Грошей ажъ дви скрыни, паспкы гудуть,
По всій Украины имя мое чтуть,
Въ Крыму мене знають, знають на Дону—
Дакъ якъ-же я бидну за сына визьму?!
Стряпчый съ комысаромъ бувають въ мене,
Мабуть що не дарма чтуть имя мое,
Село наше звется зъ прызвища мого—
Якъ-же взяты бидну за сына свого?!
Пипъ мене вважае, кланяетця дякъ,
Жыдъ шапку здіймае—мабуть не пустякъ!
Всимы я вважаемъ—всякъ те може знать—
Якъ-же мени бидну та за сына взять?!
Що я прерозумный—знають те паны,
Бувъ я головою—мабуть не дурный!
Що въ лоби не клочья—всякъ те може знать,
Якъ-же мени бидну та за сына взять?!
Що я прерозумный и тяжко багатъ,

Почетный и мудрый, всимъ биднымъ не братъ,
Взяты у двиръ бидну—буде стыдъ мени,
Ни! цего не буде! ни, ни, ни, ни, ни!

В. Василенко.

Изъ архивныхъ мелочей.—VI. (См. «Кіевскую Старину» 1890 г. № 5, стр. 379; № 6, стр. 544; № 9, стр. 497; 1892 г. № 2, стр. 349; № 5, стр. 294).—*Десятня коротоякихъ и урывскихъ новаго выѣзда черкасъ 1653 года (смотръ и раздача денежнаго жалованья коротоякаго воеводы О. Ив. Сукина.*

«Лѣта 7162-году (1653) декабря въ 5 день. По г. ц. и в. к. А. М. в. Русіи указу и по грамотѣ изъ розряду за приписью дьяка Григорья *Ларіонова* стольникъ и воевода Осипъ Ивановичъ *Сукинъ* да Розрядного приказу подъячей Яковъ *Чертенковъ* коротоякихъ и урывскихъ нового выѣзду черкаскихъ сотниковъ и редовыхъ черкасъ смотрили на коняхъ, съ ружьемъ по списку, каковъ списокъ присланъ съ Москвы за дьячьею приписью, и, пересмотря, роздали имъ, черкасомъ, г. ц. и. в. к. А. М. в. Русіи денежное жалованье на нынѣшней на 162-й годъ: *сотникомъ* по 8 руб. человѣку, *знаменщикомъ* по 7 руб. человѣку, *попу* одному человѣку 3 руб., *редовымъ* черкасомъ по 5 руб. человѣку, сполна, всѣмъ на лицо, съ порукою; и сказали имъ, чтобъ они в. г. ц. и в. к. А. М. в. Русіи служили, и противъ ево государевыхъ недруговъ стояли, и государства московского отъ бусурманъ оберегали, и на вѣчное житье строилися, и указные свои земли пахали и хлѣбъ сѣяли. А кому именемъ сотникомъ, и знаменщикомъ, и попу, и редовымъ черкасомъ государево денежное жалованье дано и хто по комъ въ государевѣ денежномъ жалованьѣ и въ службѣ, и коротоятцкомъ вѣчномъ житьѣ порука, и что у нихъ дѣтей мужесково полу и колькихъ лѣтъ которые дѣти, и что у ково земель дальнихъ и ближнихъ, и хто сколько *десятинъ* къ нынѣшнему ко 162 году ржи посѣялъ, и кому за чѣмъ государева денежнова жалованья не дано, и что за роздачею денегъ осталось,—и то писано въ сей *десятнѣ* подлинно по статьямъ.

А на жалованье государевы денежные казны *коротоятцкимъ и урывскимъ* черкасомъ прислано съ Москвы съ подьячимъ съ Яковомъ Чертенковымъ 1074 рубли (л. л. 47—49).

I) Коротоякіе черкасы (л. 49).

a) *Сотники* (л. 49).

1) Мартынъ *Кудиновъ*—на меринѣ, съ пищалью да съ саблею; дѣтей: сынъ Ивашко 12 лѣтъ, Алешка 8 лѣтъ, ржи посѣялъ полторы десятины. Дано ему государева жалованья 8 рублевъ; порука по немъ въ государевѣ жалованьѣ и въ службѣ сотникъ С. Ѳедоровъ, знаменщикъ П. Ивановъ и всѣ редовые черкасы.

2) Саѳонъ *Ѳедоровъ*—на конѣ, съ пищалью да съ саблею; дѣтей: сынъ Васко 15 лѣтъ съ рогатиною, съ государевою; ржи посѣялъ двѣ десятины. Дано ему г. жалованья 8 руб.; порука по немъ въ службѣ и въ деньгахъ сотникъ М. Кудиновъ, знаменщикъ П. Ивановъ.

b) *Знаменщикъ* (л. 50).

3) Павелъ *Ивановъ*—на меринѣ, съ пищалью да съ саблею; дѣтей мужсково полу нѣтъ; ржи *не* сѣялъ для тово: кормитца мельницею. Дано г. жалованья 7 рублевъ; порука по немъ въ службѣ и въ деньгахъ сотникп М. Кудиновъ, С. Ѳедоровъ и всѣ редовые черкасы.

c) *Рядовые* (л. 50).

Всего рядовыхъ перечислено 87 человѣкъ [1]), *не* считая служилыхъ и не служилыхъ дѣтей мужского пола (средп рядовыхъ *десятники* Карпъ *Ивановъ*, Ѳедоръ *Савельевъ*, Василій *Ондрѣевъ*, Михайло *Петровъ*, Онтонъ *Васильевъ*, Илья *Мартыновъ*, Иванъ *Ондрѣевъ* и Василій Андреевъ Сынъ *Воронцовъ*).

II) Урывскаго острога черкасы (л. 70).

a) *Сотникъ*.

91) Тимоѳей *Ивановъ*—на конѣ, съ пищалью да съ саблею; дѣтей у нево: сынъ Ѳедька году, племянникъ Ондрюшка 20 лѣтъ, Захарка 15 лѣтъ, ржи посѣялъ три десятины да полдесятины пшеницы. Дано ему г. жалованья 8 руб.; порука по немъ въ г. жалованьѣ и въ службѣ знаменщикъ Ив. Кондратьевъ и всѣ рядовые черкасы.

b) *Знаменщикъ* л. 70 об.).

92) Иванъ *Кондратьевъ*—на меринѣ, съ пищалью; дѣтей у нево: Ромашка 10 лѣтъ, Павликъ 3 лѣтъ; ржи посѣялъ двѣ десятины.

[1]) Встрѣчается прозвище „Черное лихо“ (л. 50 об.). Поручительство записывается въ такой формѣ: „порука въ государевѣ жалованьѣ и въ службѣ десятникъ своимъ, сами межъ себя другъ по другѣ“ (л. 52).

Дано ему государева жалованья 7 руб.; порука по немъ въ г. жалованьѣ и въ службѣ сотникъ Т. Ивановъ и всѣ рядовые черкасы.

c) *Попъ* (л. 71).

93) Яковъ *Петровъ*—дѣтей у нево: Демьянка 2 лѣтъ, братъ Лавринка 12 лѣтъ; ржи посѣялъ полъ третьи десятины, пшеницы полъ десятины. Дано г. жалованья 3 руб.; порука по немъ въ деньгахъ и въ житьѣ сотникъ Т. Ивановъ и знаменщикъ Ив. Кондратьевъ и всѣ рядовые черкасы.

d) *Рядовые* (л. 71).

94—211) Всего рядовыхъ перечислено 118 человѣкъ [1]), не считая служилыхъ и неслужилыхъ дѣтей мужского пола (среди рядовыхъ десятники Климъ *Яковлевъ*, Иванъ *Павловъ*, Мишка *Прокофьевъ*, Герасимъ *Ѳедоровъ*, Василій *Ивановъ*, Степанъ *Ивановъ*, Иванъ *Михайловъ*, Логвинъ *Васильевъ*, Ехимка *Микитинъ*, Васька Алексѣевъ и Михайло *Семеновъ*). Кромѣ 211 лицъ, получившихъ денежное жалованье, на л. 98 об. перечислены 2 урывскихъ черкаса *не* получившихъ. На л. 97 читаемъ итогъ денежной раздачи (458 руб. коротятцкимъ и 608 р. урывскимъ черкасамъ, а всего 1066 руб.); оставшіеся за роздачей 8 руб. отосланы обратно въ Москву.

Въ заключеніе десятни, послѣ итоговъ, читаемъ нижеслѣдующія свѣдѣнія объ устроеніи черкасъ землею:

(Л. 98 об.) «а на пашню паханые земли дано коротоятцкимъ нового выѣзду черкаскимъ сотникомъ и редовымъ черкасомъ, позади коротоятцкихъ стрѣльцовъ и пушкарей, по Острогожщинской лѣсъ и по земляной валъ, изъ *поружіе* и изъ *помѣсные земли* коротоячениина сына боярсково Микифора Манаева да коротоятцкіе Съѣзжіе избы подьячева Ивана Никитина, по 2 чети человѣку въ полѣ, а въ дву потому жъ, отъ города Коротояна въ трехъ верстахъ, да имъ же коротоятцкимъ черкасомъ дано изъ *дикова поля*, изъ поружихъ земель отъ города въ 4-хъ верстахъ за казачьею пашнею къ Терновскому лѣсу, на пашню земли сотникомъ по 13 чети, рядовымъ по 10 чети человѣку въ полѣ, а въ дву потому жъ.—И всего за черкасскими сотники ближніе и дальніе земли по 15 чети за человѣкомъ, за редовыми по 12 чети за человѣкомъ; а сѣнные покосы даны имъ за рѣкою за Боровленкою вверхъ по рѣкѣ по Дудони вполы ихъ земляныхъ дачъ.

[1]) л. 71 об. „дѣтей у нево нѣтъ; *батракъ* у нево 13 лѣтъ Ѳедька съ государевою рогатиною“—отмѣтка при одномъ лицѣ.

А урывскимъ нового выѣзду черкасомъ дано пашенные земли изъ поружихъ земель сотнику 15 чети, редовымъ черкасомъ по 15 чети человѣку въ полѣ, а въ дву потому-жъ; да урывскимъ же черкасомъ 100 человѣкомъ дано въ прибавку земли, по памяти изъ розряду за приписью дьяка Ивана Сѣверова, изъ помѣсные земли *урывчень дѣтей боярскихъ*. Стенки Труѳонова съ товарищи 15 чел. да урывскихъ пушкарей 2 человѣкъ, сотнику да попу по 3 чети человѣку, рядовымъ 98 человѣкомъ по 2 чети человѣку въ полѣ, а въ дву потому-жъ подъ Урывскимъ острогомъ [1]) позади ихъ черкаскихъ дворовъ.—Всего за урывскими черкасы пашенные земли за сотникомъ 18 чети, за попомъ 15 чети, за редовыми за 98 человѣки по 14 чети за человѣкомъ въ полѣ; а въ дву потому-жъ, а за двадцатью за однимъ [2]) человѣкомъ, которые пришли опослѣ, пашенные земли дано по 12 чети въ полѣ а въ дву потому-жъ; а сѣнные покосы даны урывскимъ черкасомъ по обѣ стороны Мастюгина боярина вверхъ по рѣкѣ по Дѣвицѣ, а двадцати одному человѣку даны сѣнные покосы по другую сторону рѣки Дѣвицы; да урывскимъ же черкасомъ даны сѣнные покосы въ прибавку по памяти изъ розряду за рѣкою за Дономъ противъ Урывского острогу половина Зарутцкіе поляны».

Документъ, содержаніе котораго приведено выше, находится въ «дѣлахъ Бѣлогородскаго стола» московскаго архива министерства юстиціи (кн. 28, л. л. 47—101), въ книгѣ, носящей общее заглавіе: «книга роздаточная коротоятцкимъ и урывскимъ черкасомъ разныхъ годовъ; тутъ же и отказные коротоячень дѣтей боярскихъ многіе воеводы Осипа Сукина». Документъ представляетъ интересъ для исторіи колонизаціи, особливо въ связи съ другими его окружающими въ той же книгѣ; интересенъ онъ и самъ по себѣ, такъ какъ представляя изъ себя обычный довольно типъ раздаточной книги денежнаго жалованья, называетъ себя *десятней*—документъ, которому мы склонны придавать особливо присущее ему значеніе (см. наши работы о десятняхъ въ VII и VIII томахъ. «Описанія документовъ и бумагъ архива министерства юстиціи). Черкасы, поселенные въ Коротоянѣ, вышли изъ литовской стороны на государево имя въ Путивль въ

---

[1]) Нынѣ слобода Воронежской губ.. Коротоякскаго уѣзда на правомъ берегу Дона въ 14 верстахъ отъ уѣзднаго города.

[2]) Устроены землею въ августѣ 1653 г. (дѣла Бѣлг. ст. 28, л. 23.).

первой половинѣ 1652 года: въ маѣ этого года ихъ привели ко кресту, переписали съ женами и дѣтьми и со всѣми животы и отправили въ Коротоянъ съ путивльцемъ Гавриломъ Вощининымъ съ товарищами (всего сто одна семья, а приводныхъ ко кресту съ 15 лѣтъ сто сорокъ шесть человѣкъ; см. дѣла Бѣл. ст. 28, 1 об.). Во главѣ этихъ выѣзжихъ черкасъ стоялъ атаманъ Тимоѳей Ивановъ, у котораго животовъ было: «лошедь, два вола, три коровы съ потелки; два быка, двоя свиней» (у одного изъ десятниковъ было «двоя лошедей, два вола, корова съ потелкомъ, двадцать двѣ овцы», л. 4) [1]). Въ августѣ 1653 г. коротоякій воевода Сукинъ (ib. л. 30) устроилъ «дворовыми усады и пашенною землею и сѣнными покосы тринадцать [2]) *семей* противъ прежнихъ коротоятцкихъ черкасъ 77 человѣкъ, которые устроены въ 1652 году». А тринадцати *человѣкомъ* [3]) отведено мѣста въ длину по 20, а поперегъ по 10 саженъ подъ городомъ Кортояномъ въ Царевой лукѣ возлѣ прежнихъ перехожихъ черкасъ 77 человѣкъ, устроенныхъ въ Коротоянѣ землею въ сентябрѣ 1652 г. (дѣла Бѣлг. ст. 28, л. 102 и л. 35). Всѣ эти нововыѣзжіе черкасы (77+13+100+21), приписанные къ Коротояну и Урыву, и перечислены въ десятнѣ 1653 г. Посаженные на Коротоякѣ и Урывѣ черкасы и записанные въ десятню, а не въ обычную раздаточную книгу ничѣмъ однако не напоминаютъ дѣтей боярскихъ, даже казаковъ, которые служили съ извѣстныхъ помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ; у нихъ нѣтъ и окладчиковъ, поручительство круговое въ каждомъ десяткѣ «сами межъ себе другъ по другѣ». Нечего и говорить, какое можетъ имѣть значеніе подробное изученіе документовъ подобнаго рода и какую яркую картину постепеннаго заселенія выходцами изъ за московскаго рубежа можно по нимъ нарисовать. Документы подобнаго рода даютъ матеріалъ и для экономической исторіи: въ нихъ находимъ свѣдѣнія о количествѣ скота, съ какимъ садился на землю выходецъ, и количество обрабатываемой земли.

Въ заключеніе привожу начало документа, которымъ земля отдавалась во владѣніе черкасамъ.

---

[1]) Ихъ изъ Коротояка направили въ урывскій Острожекъ; см. десятню 1653 г.

[2]) Перешло собственно 10 семей, а три отдѣлилось отъ прежнихъ 77 семей.

[3]) Всѣ эти 13 человѣкъ и среди нихъ Якушко Ивановъ *Щербина* (л. л, 32 об. и 66 об. съ женою Ѳедоркою и сыновьями Аѳонькой 18 лѣтъ, Тараской 10, Мишкой 7 и Куземкой одного года; животовъ у него одна лощадь, ружья нѣтъ; въ декабрѣ 1653 г. онъ служитъ на летинѣ съ рогатиной да топоркомъ да имѣетъ полдесятины озимой ржи) перечислены въ десятнѣ 1653 г.

(л. 102 и сл.) Лѣта 7161 (1652 г.) году сентября въ—день. По г. ц. и в. к. А. М. в. Русіи указу и по памяти изъ розряду за приписью дьяка Ив. Сѣверова стольникъ и воевода О. Сукинъ *отдалъ* помѣсную землю *коротояченина сына боярскова* Микифора Манаева да коротоякой Приказной избы подъячево Ив. Микитина коротоякимъ нового выѣзду черкасомъ сотникомъ М. Кудинову, да С. Федорову съ товарищи 77 человѣкомъ въ прибавку къ ближней ихъ пашенной землѣ, что дано имъ черкасомъ возлѣ той помянной земли М. Монаева да Ив. Микитина ближніе земли по конецъ стрелетцкихъ и пушкарскихъ земель по двѣ чети человѣку въ полѣ, а въ дву потому жъ а по *строельнымъ* коротоякимъ книгамъ стольника и воеводы Данила Яковлева *156 году* дано было коротоячанину нововерстанному сыну боярскому М. Ив. Манаеву на пашню земли 15 чети въ полѣ, а въ дву потому же изъ поружей земли изъ дикова поля по конецъ стрѣлетцково и пушкарсково поля по сторонь Толстой Дубровки за большимъ буяракомъ,—а коротоякой Съѣзжей избы подьячему Ив. Микитину дано было по г. грамотѣ изъ розряду за приписью дьяка Гр. Ларіонова на пашню земли десять чети въ полѣ, а въ дву потому жъ за стрѣлетцкими жъ и пушкарскими пашенными землями въ дикомъ полѣ вверхъ по рѣкѣ по Тихой Соснѣ отъ межи и отъ граней пашенные земли коротоячениина М. Манаева ниже дороги, что дорога къ рыбному плесу и отъ той дороги промежъ большого буярака, что отъ Толстой Дубровки и промежъ малово буярака, что отъ Острогощинсково лѣсу ровнымъ полемъ къ рѣкѣ Тихой Соснѣ По воеводцкихъ луговъ.

Сообщилъ **В. Сторожевъ.**

Изъ моей записной книжки. Года два тому назадъ я завелъ записную книжку, въ которую вписываю все, что мнѣ удается услышать интереснаго изъ народной жизни и мѣстной исторіи: туда попадаетъ преданіе объ основаніи и названіи села, указанія на урочища и мѣста, гдѣ зарыты клады съ признаками, по которымъ можно отыскать ихъ; мѣстныя преданія и легенды, колядки и щедривки, поговорки и пословицы съ исторіей ихъ происхожденія, пѣсни и пр. Обыкновенно самый обильный матеріалъ даютъ священники, экономы, винокуры, мельники и т. д. Все это люди, большею частію обреченные на скучную роль надсмотрщиковъ за работами; они охотно болтаютъ съ рабочими, слушаютъ пѣсни молодежи и

мимо воли пріобрѣтаютъ громадный запасъ матеріала, интересный для историка и этнографа. Для образца выписываю изъ моей книги нѣсколько такихъ записей.

1. Молитва.

У одной «пани» было шесть сыновей, а одинъ только «подданный» (крѣпостной), которому приходилось работать въ теченіе недѣли по одному дню по очереди каждому паничу, а въ воскресенье идти съ самой «пани» въ костелъ въ качествѣ лакея. За такую тяжелую и вѣрную службу паничи справили своему рабу *рядняны штаны, свынячи постолы* и *портяну свитку*, а старая пани, чтобы параднѣе выступать, идучи въ костелъ, сшила ему *козячу шапку*. Кто то надоумилъ бѣднаго мужика бросить своихъ пановъ и убѣжать отъ этого египетскаго рабства. Онъ послушалъ и помандровалъ на слободу. Вотъ онъ устроился на новомъ мѣстѣ, женился и дождался дѣтокъ. Когда дѣтки подросли, онъ сталъ ихъ учить повседневнымъ молитвамъ, но въ концѣ присоединялъ и свою, собственаго сочиненія такого содержанія:

Избавы, Боже, видъ семы панивъ,
Видъ рядняныхъ штанивъ,
Видъ свынячихъ постоливъ,
Видъ козячои шапки
И портянои свытки.

Однажды совершенно случайно одинъ изъ паничей попросился на ночлегъ къ бывшему своему подданному; его очень удивила странная молитва, которую читали дѣти его хозяина. Догадавшись въ чемъ дѣло, онъ, однакожъ, промолчалъ и, только уѣзжая, просилъ хозяина объяснить ему содержаніе молитвы. Хозяинъ и разсказалъ ему о своей былой долѣ, о службѣ семи панамъ, ихъ подаркѣ и пр.

— Такъ ты въ такомъ сдучаѣ мой подданный! воскликнулъ паничъ.—Почему же раньше не сказалъ мнѣ, кто ты? спросилъ хозяинъ.—Э! сказалъ гость, я уже по молитвѣ твоихъ дѣтей сталъ догадываться, кто-ты, да боялся сказать съ вечера, чтобъ ты не прогналъ меня противъ ночи изъ хаты.

(Записано отъ Ивана Письменнаго въ мѣстечкѣ Куиѣ Гайсинскаго уѣзда).

2. Политическая сатира.

Не ворчы ты, старый,
Папо римскій святый!
То не жартъ! Бонапартъ
Въ нимцивъ спвъ коло картъ;
Не прышле вже зуавъ,
Бо виддавъ всихъ, що мавъ,

Ворогамъ-прусакамъ,
И самъ саблю поклавъ.
Вси органы гудуть,
Папу зъ Рыму ведуть,
А за нымъ, передъ нымъ
Лобобрію женуть:
Іезуитивъ впередъ,
Що служылы во вредъ
И царямъ, и панамъ,
Всему мирови й намъ:
А монашки вслидъ ихъ,
Книжечкы забравъ въ михъ,
И крычать, и ячать:
Возьмить всихъ насъ дивчать!
Съ кардиналивъ сеньоръ
Антонели мосье
Буллы взявъ, завязавъ,
За святымъ поскакавъ.
Якъ ты, папо, святый,
То никого не бый.
Якъ ты царь, то не шарь,
Де лежыть мечъ-татарь.

(Изъ рукописнаго сборника) [1]).

3. *Легенда.*

Бувъ у одного чоловика сынъ едынакъ, та винъ его такъ пѐстывъ, такъ пѐстывъ, що винъ ставъ ледащо и ничого не хотивъ робыты. Отъ якъ цей хлопчиско та ставъ паробкомъ, то захотилось ему пожыты въ свою волю. Покынувъ винъ батька, тай пишовъ до гайдамакивъ.—Хлопци молодци, каже винъ имъ, прыймить вы мене до своей компанiи.— Добре, хлопче! видказують оны ему, але иды перше та вбый свого батька, тогди мы и прыймемъ тебе. Пишовъ винъ до батька, та и клыче его до лиса, нибы то на пидмогу. Прышлы въ лисъ, сынъ пидводытъ батька до молодого дубка, тай каже:— лизь, батьку, на цего дуба, схваты его за верхъ и прыгны̀ додолу. Батько вылизъ, взявъ за верхъ, та и прыгнувъ его ажъ до земли. Идимъ, батьку, дали, каже сынъ, и прыводытъ его до бильшого дубка, та знову каже батькови прыгну́ты, якъ и перше. Полизъ батько, взявъ за верхъ, але до земли не мигъ прыгнуты, хочъ тильки не прыгнувъ въ вышыну въ ристъ чоловика.—Идимъ, тату, дали, шукаты третьего дуба. И выбравъ сынъ ще бильшого дуба.—Лизь, батьку, каже, на цёго дуба, тай прыгны его. Полизъ старый, схватывъ за верхъ, тай спустывся, прыгну́въ трохи, але земли не доставъ и повысь.— Злизай, каже, тату! Якъ той злизъ, отъ и каже сынъ батькови: и я бувъ колысь, якъ той першый дубокъ,—можно було и мене гнуты, куды хочешь, а ты мене тилько плекавъ, та мени догожавъ. Бувъ я и такій, якъ и другый дубокъ, хоть и тяжче було его пагнуты, але

[1]) Очень жаль, что не указано авторомъ никакихъ подробностей объ этомъ сборникѣ, т. к. небезъинтересно было-бъ опредѣлить, кто являлся авторомъ такихъ сатиръ въ недавнее еще время.

все жъ нагнувъ, и на ноги ставъ и въ рукахъ втрымавъ: бувъ бы и мене втрымавъ, якъ я еще бувъ въ такій доби. Отъ теперъ я такій, якъ той остатній дубъ: вже и зовсимъ его згинуты не можна, бо якъ ставъ ты его гнуты, то повысъ межы небомъ и землею.—Не нагнувъ ты мене до добра, до праци, видвичай же за свій тяжкій грихъ! Взявъ тай вбывъ его, а тило его занисъ въ гущавыну, прыкрывъ сухымъ лыстомъ, и зновъ иде до гайдамакивъ и просыться, щобъ его прынялы до своій компаніи. А гайдамаки пытаютъ его:—Що-жъ ты вбывъ батька?—Та вже-жъ вбывъ, одповидае.—Иды жъ, кажутъ ему, переночуй коло его тила, та не спы, послухай, що тамъ будутъ говорыты. Отъ винъ пишовъ и лигъ коло батькового тила, якъ ему прыказалы гайдамаки, та не спытъ, и сонъ его не бере,—сумно ему було. Отъ коло опивночи чуе винъ голосъ батькивъ:—Богъ бы его покаравъ за то, шо винъ у мене, старого короткій викъ видняв. А зъ неба рече:—Кара ему прыйде черезъ сорокъ литъ, а теперъ не пора. Вставъ сынъ рано, прыходытъ до гайдамакивъ и каже имъ такъ и такъ.—А колы такъ, кажутъ ему, то ты нашъ. И ставъ винъ съ того часу зъ нымы грабыты и розбываты. Чы довго, чы коротко—я не знаю, але ставъ винъ миркуваты, що пора вже съ небомъ помырытысь, кынувъ товарыщивъ и ставъ наймытомъ у чумака. Чумаковавъ винъ довго, бо и самъ прыдбавъ соби килька паровыць, та и ставъ на своихъ власныхъ мажахъ ходыты въ Крымъ по силь. Разъ сталы оны табором коло одного миста, а винъ пишовъ на базаръ и купывъ кабанячу голову; зачепывъ клыкамы за батигъ, закынувъ на плечи и пишовъ до своихъ. Ажъ слухае кругомъ его крычать:—Стій! куды идешъ? чыю голову несешъ? А дали обступылы, тай не пускаютъ: пытаютъ, де голову взявъ. Винъ и каже, що купывъ на базари у седухы. Повелы его до седухы и пытаются ій, чы купывъ оцей чоловикъ у тебе голову.—Та купывъ, каже, але кабанячу, а я у него бачу чоловичу. Скынувъ винъ зъ плечъ свою ношу, глянувъ, а то голова батька. Подумавъ, поличывъ, килько годивъ прошло, якъ винъ батька вбывъ; тай каже людямъ: отъ такъ и такъ, берить мене, вяжить и судить мене. Судылы его, видсыдивъ винъ свое, и пустылы его: батько самъ выненъ бувъ, що не научивъ его.

(Сообщено тѣмъ же Письменнымъ).

4. Основаніе и названіе гор. Ольгополя.

Разсказывалъ мнѣ гайсинскій протоіерей, что въ первой четверти настоящаго столѣтія уѣзднымъ городомъ теперешняго ольго

польскаго уѣзда было м. Чечельникъ, имѣніе фельдмаршала Гудовича. Это былъ баринъ стараго закала, неимовѣрно гордый и надменный. Про него въ то время разсказывали, что когда единственная его дочка бѣжала изъ его дома и тайно обвѣнчалась съ поручикомъ Лизогубомъ, то Гудовичъ на другой день послѣ бѣгства дочери одѣлъ всю свою челядь въ трауръ, а комнату бѣглянки обтянулъ чернымъ сукномъ съ серебряными галунами и объявилъ о смерти дочери.

До самой своей смерти онъ ничего не далъ дочери; потомъ только братья отдѣлили ей часть чечельницкаго имѣнія. Такъ вотъ этому гордецу ужасно не нравилось, что въ его резиденціи есть еще власти, которыя не подчинены ему, да притомъ уѣздное чиновничество таки частенько надоѣдало ему своими просьбами: тотъ проситъ соломы, тотъ дровъ, а кто и лѣса на постройки....

Однажды кто-то подъ сердитую руку графа несвоевременно сунулся съ какой-то просьбой, и графъ, разгнѣвавшись, приказалъ собрать значительное количество подводъ, забрать всѣхъ чиновниковъ съ ихъ имуществомъ и казенными дѣлами и вывезти на границу своего имѣнія. Судьбѣ было угодно, чтобы графскій управитель выбралъ мѣстомъ высадки бѣдныхъ изгнанниковъ именно то, гдѣ теперь стоитъ Ольгополь. Такимъ образомъ всѣ уѣздныя власти очутились на «голомъ полѣ», отчего мѣстные крестьяне и до сихъ поръ называютъ свой уѣздный городъ «Голопиль», а оффиціально для приличія назвали его Ольгополемъ.

Сергѣй Венгрженовскій.

Розмова Хведора та Даныла про Каина та про Авеля.

(Записано въ полтавской губ., лубенск. у.).

Данило. Хведоре, чи ты не чувъ, за що Каинъ Авеля вбывъ?
Що винъ ему зробывъ,
За що воны вдвохъ завелыся?
Хведоръ. Бачъ не однакови воны соби вдалыся:
Каинъ оравъ та сіявъ,
А Авель-то сёго не діявъ;
Не любывъ може цёго клопóту
А тильки кохавъ багацько скоту.
Сталы воны колысь Богу молытця—
Тривай, колы бъ не збытця—

Каинъ положывъ на дрова сина копыцю,
А Авель одну тильки ягныцю.
Запалылы дрова; тамъ чи воны хрестылысь,
А звисно, що щыро передъ Богомъ молылысь.
Одъ сина дымъ розвіявся по полю
На Каинову голову та на ёго гирку долю.

Дан. Дакъ може тогди велыкій витеръ бувъ....
Одъ кого це ты, Хведоре, чувъ?

Хвед. Э! одъ кого! Иванъ Дяченко колысь у граматци читавъ,
А я сыдивъ на лави, та замичавъ.

Дан. Дакъ мабуть розумный той Дяченко?

Хвед. Куды тоби! не сикайся проти его й писарь Степанченко.
Передъ нымъ вси правлять мовчака;
Куды—въ ихъ мова не така!...
Дакъ объ чимъ це я балакавъ,
Чого ще не доказавъ?
Ага! Чого дымъ розвіявся по полю
На Каинову голову та на ёго гирку долю?
Того, бачъ, що не свитлымъ окомъ на Бога дывывся,
Не до ладу мабуть винъ, молывся.

Дан. Дакъ Каинъ мабуть дурный бувъ.
Колы-бъ Адамъ, батько ихъ, почувъ,
Винъ бы ему хлосту давъ,
До новыхъ винукивъ бы знавъ.
Якъ Бога треба просыты, та молыты,
Що-бъ его не гнивыты.

Хвед. О, що-бъ тебе Данило, молодець!
Слухай—швыдко буде кинець:
А одъ ягныци дымъ якъ закурывся,
Та ажъ пидъ небомъ опынывся,
Черезъ те, що Авель Бога чтывъ,
Поважавъ, та щыро любывъ.

Дан. Дакъ за що-жъ Каинъ Авеля вбывъ?

Хвед. Та за те-жъ що Бога дужче любывъ.

Дан. Дакъ онъ бачъ за-що!
Дакъ Каинъ мабудь бувъ ледащо?
Куды-жъ винъ писля похылывся
Якъ брата свого вбывъ?

Хвед. Богъ его знае, де вже винъ дывався,

Тильки чутка, що до дому й не вертався.
Дан. А до Авеля мабудь выиздивъ становый,
Ликарь, стряпшый та окружный?
Хвед. При тимъ дили я, брате, не бувъ
Да таки ни одъ кого й не чувъ—
Чи воны его пошматувалы, чи такъ поховалы.
До попа ходимъ—хай винъ роскаже.
Дан. Э, пипъ роскаже, якъ розмаже.

Приказъ уніатскаго митрополита Іасона Смогоржевскаго уніатскимъ священникамъ бѣлоцерковскаго округа, послѣдовавшій 18 декабря 1784 г., касательно платы за требоисправленія. Когда іезуитскими происками и насиліями уніатскаго митрополита Леона Шептицкаго въ 1778 и 1779 годахъ въ брацлавскомъ воеводствѣ всѣ православные жители насильно обращены были въ унію [1]), когда унія утвердилась даже во многихъ мѣстахъ козацкой Украины,—уніатскіе пароxи (священники), находясь подъ особенною защитою войсковыхъ и гражданскихъ чиновъ Посполитой Рѣчи, а также польскихъ помѣщиковъ, безбоязненно начали вымогать отъ своихъ прихожанъ слишкомъ большую плату за всѣ религіозныя требы, а по преимуществу за совершеніе браковъ и погребеніе покойниковъ. Вымогательства ихъ въ бѣлоцерковскомъ округѣ дошли до того, что крестьяне и самъ графъ Браницкій въ 1784 году вынуждены были занести, по этому предмету, жалобы тогдашнему уніатскому митрополиту Іасону Смогоржевскому, преемнику Леона Шептицкаго, скончавшагося 13 мая 1779 года въ г. Радомыслѣ.

Послѣдствіемъ таковыхъ жалобъ былъ приказъ Смогоржевскаго, отданный изъ радомысльской уніатской консисторіи 18 декабря 1784 года на имя всѣхъ уніатскихъ священниковъ бѣлоцерковскаго графства. Приказъ этотъ, написанный на польскомъ языкѣ, найденъ мною въ архивѣ кіевской духовной консисторіи въ дѣлѣ по описи № 38 1796 г. [2]), и я счелъ небезъинтереснымъ въ переводѣ на русскій

---

[1]) Свѣдѣнія объ этомъ напечатаны мною въ Подольскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ за 1891 годъ.

[2]) Приказъ этотъ 9 марта 1797 г., при своемъ коллективномъ прошеніи, священники бѣлоцерковской протопопіи представили кіевскому митрополиту Іерофею Малицкому.

языкъ напечатать оный, тѣмъ болѣе, что въ немъ помѣщена такса, узаконявшая плату за совершеніе браковъ и погребеніе умершихъ, и что эту таксу желали сохранить священники бѣлоцерковскаго округа и по возсоединеніи въ 1794 г. съ православною церковью, но встрѣтили сильное противодѣйствіе со стороны главноуправляющаго бѣлоцерковскими имѣніями Яна Барковскаго, желавшаго всѣми зависѣвшими отъ него мѣрами вредить духовенству за переходъ изъ уніи въ православіе [1]).

«Іасонъ Юноша Смогоржевскій Божіею и святой апостольской столицы милостію архіепископъ кіевскій, галицкій и цѣлой Руси митрополитъ, архимандритъ кіевопечерскій и овручскій, орденовъ Бѣлаго Орла и святаго Станислава кавалеръ».

«Всѣмъ вообще и каждому порознь, въ особенности же пречестнымъ нарохамъ (священникамъ), въ графствѣ бѣлоцерковскомъ находящимся, миръ о Господѣ и наше архипастырское благословеніе предпославши, даемъ знать»:

«Хотя никому не безъизвѣстно, что трудящійся во всякомъ родѣ занятій и даже служащій стаду Христову достоинъ награды; однако, не смотря на это, прихожане изъ крестьянскаго званія, не принимая во вниманіе того, что духовные отцы ихъ, обладающіе малыми средствами къ жизни и лишенные десятины, узаконенной правомъ Божіимъ, видимо обременены при обрядахъ погребенія и проводами по-

[1]) Этотъ Барковскій, вслѣдъ за возсоединеніемъ уніатовъ въ послѣднюю четверть 1794 года, обложилъ православныхъ священниковъ бѣлоцерковскаго округа чиншемъ даже за убогія ихъ жилища въ землянкахъ, бралъ десятину съ священно и церковнослужительскихъ пчелъ, употреблялъ священниковъ и причетниковъ на разныя помѣщичьи работы, какъ-то: обработку полей, исправленіе дорогъ и плотинъ, уборку и свозку хлѣба, для охраны помѣщичьихъ лановъ и хлѣбныхъ магазиновъ, сдавалъ священническихъ и причетническихъ сыновей въ рекруты на томъ единственно основаніи, что дѣды ихъ по прежнимъ ревизскимъ сказкамъ были записаны между крестьянами; практиковавшееся съ давнихъ временъ на Украйнѣ медовареніе къ храмовымъ праздникамъ обложилъ большимъ акцизомъ (по 50 копѣекъ съ каждаго ведра) и обязалъ священниковъ къ храмовымъ праздникамъ брать у жидовъ арендарей не менѣе двухъ спустовъ (10 ведеръ) водки на церковныя деньги. Кромѣ того, церковные дома, а также усадебныя, пахатныя и сѣнокосныя поля онъ, отнявши у православныхъ священниковъ, передавалъ во владѣніе уніатскаго духовенства, отказавшагося отъ возсоединенія съ православіемъ, а за неимѣніемъ гдѣ либо таковаго духовенства церковныя руги передавалъ во владѣніе жидовъ, изъявившихъ желаніе заниматься хлѣбопашествомъ. Всѣ эти обиды православные священники прописали въ своемъ выше упомянутомъ прошеніи, поданномъ 9-го марта 1797 г. митрополиту Іерофею.

койниковъ въ стужу, зной и слякоть, часто изъ самыхъ отдаленныхъ домовъ до самыхъ отдаленныхъ могилъ, и пѣніемъ жалобныхъ панихидъ, и совершеніемъ заупокойныхъ литургій, и траурнымъ звономъ въ колокола, и шарпаньемъ церковныхъ и собственныхъ одеждъ, а при бракахъ—ассистенціею трехъ заповѣдей (оглашеній), записью метрикъ о бракахъ, погребеніяхъ и крестьбинахъ и многими иными парохіальными обязанностями, лишающими ихъ возможности заниматься, какъ надлежитъ, хозяйствомъ,—постоянно, почти ежедневно заносятъ къ намъ самимъ и нашему жонду (управленію) жалобы на своихъ пароховъ за вымогательства ихъ при совершеніи случающихся погребеній и браковъ».

«Имѣя въ виду положить предѣлъ всякаго рода вымогательствамъ и вытекающимъ изъ нихъ постояннымъ жалобамъ, распрямъ, ссорамъ враждѣ, а нерѣдко и мести, желая водворить въ нашей архидіецезіи миръ и согласіе между парохами и парохіанами, также удовлетворить усиленнымъ, по этому дѣлу, просьбамъ бѣлоцерковскаго графскаго двора и вмѣстѣ съ тѣмъ себя самихъ освободить на будущее время отъ постоянныхъ жалобъ, подаваемыхъ намъ крестьянами бѣлоцерковскаго графства, приказываемъ парохамъ, находящимся въ семъ графствѣ и подвѣдомственнымъ нашей архипастырской власти, дабы они, подъ угрозою нашего строгаго суда и нещадной кары, по обнародованіи сего приказа, не осмѣливались требовать отъ своихъ парохіанъ болѣе того, сколько опредѣлено въ нижеслѣдующей таксѣ:

	Малый безъ процессіи.		Малый съ процессіею.		Большой безъ процессіи.		Большой съ процессіею.	
За погребеніе:	Злот.	Грош.	Злот.	Грош.	Злот.	Грош.	Злот.	Грош.
Убогихъ безплатно.	—	—	—	—	—	—	—	—
Бездворныхъ	—	15	1	10	1	10	2	17
Имѣющихъ пѣшій грунтъ . . .	—	25	1	20	2	—	3	4
Однотяглыхъ	1	5	2	—	2	20	3	21
Двутяглыхъ.	1	15	2	10	3	10	4	8
Трехтяглыхъ	1	20	2	20	4	—	4	25
Четыретяглыхъ	2	—	3	—	4	20	5	12
Полноплуговыхъ.	2	10	3	15	5	10	7	—
За браки:								
Убогихъ по усмотрѣнію.	—	—	—	—	—	—	—	—
Бездворныхъ	1	—	—	—	—	—	—	—

За браки.	Малый безъ процессіи.		Малый съ процессіею.		Большой безъ процессіи.		Большой съ процессіею.	
	Злот.	Грош.	Злот.	Грош.	Злот.	Грош.	Злот.	Грош.
Имѣющихъ пѣшій грунтъ . . .	2	—	—	—	—	—	—	—
Однотяглыхъ	4	—	—	—	—	—	—	—
Паротяглыхъ	6	—	—	—	—	—	—	—
Полуплуговыхъ	8	—	—	—	—	—	—	—
Имѣющихъ 6 воловъ.	10	—	—	—	—	—	—	—
Имѣющихъ 8 воловъ.	12	—	—	—	—	—	—	—
Художники и промысломъ занимающіеся за погребеніе большихъ и малыхъ, а также за браки должны платить столько же, сколько полноплугов., т. е.								
За погребеніе.	2	10	3	15	5	10	7	—
За браки.	12	—	—	—	—	—	—	—

Кромѣ того всѣмъ парохамъ запрещаемъ, безъ дворскаго вѣдома и согласія, брать отъ своихъ парохіанъ за парохіальныя услуги воловъ, коровъ и лошадей и принуждать ихъ къ заказу сорокодневныхъ заупокойнымъ литургій. Брать за исповѣдь отъ доброхотно дающаго не возбраняемъ; что же касается дачи роковщины или десятины, то желаемъ, чтобъ эта офяра (приношеніе) и впредь была даваема парохамъ; плату за крестьбины предоставляемъ доброй волѣ воспріемниковъ, но за запись всякой метрики назначаемъ платить по десять грошей.

Если бы кто либо изъ пароховъ, по обнародованіи сего нашего приказа, вымогалъ отъ парохіанъ своихъ больше, чѣмъ опредѣлено нами, то виновный, по полученіи нами доноса съ надлежащими доказательствами и по опредѣленію нашего суда, за вынужденную сверхъ таксы плату обязанъ будетъ уплатить втрое,—одну часть въ пользу обиженнаго, другую въ кассу церковнаго братства, а третью въ кассу семинарскую.

А чтобы сей приказъ нашъ какъ можно найскорѣе былъ приведенъ въ исполненіе, мы властію, данною намъ отъ Господа Бога, повелѣваемъ превелебнымъ порохамъ (протоіереямъ) Бѣлоцерковскому и Ставискому и инымъ деканамъ, въ томъ Бѣлоцерковскомъ графствѣ

находящимся, объявить оный всенародно и, прибивши на стѣнахъ церквей Божіихъ, тщательно и строго наблюдать за исполненіемъ его.

Сей приказъ, по распоряженію нашего архипастыря, съ приложеніемъ его офиціальной печати своеручно подписуемъ. г. Радомысль 1784 года декабря 18 дня.

Михаилъ Змѣлень Мѣленевскій, каноникъ катедральный Львовскій, намѣстникъ и офиціалъ генеральный Кіевской митрополіи».

Выше прописанная такса въ имѣніяхъ бѣлоцерковскаго графства соблюдалась только во времена уніи, но вслѣдъ за возсоединеніемъ уніатовъ, въ концѣ 1794 года, вмѣсто этой таксы составлена была главноуправляющимъ бѣлоцерковскими имѣніями Барковскимъ новая такса, уменьшенная въ десять разъ. О таковомъ уменьшеніи таксы Іасона Смогоржевского православные священники въ прошеніи своемъ, поданномъ кіевскому митрополиту Іероѳею 9 марта 1797 года, между прочимъ такъ писали: «нынѣ ихъ графскихъ сіятельствъ экономы собираютъ всѣхъ прихожанъ и, призвавши въ собраніи священника, приказываютъ, дабы прихожане за преподаяніе требъ священнику больше не давали, какъ по наданной отъ главнаго ихъ экономa Яна Барковскаго таксѣ, притверждая прихожанамъ какъ найстрожайше и страша тѣлеснымъ наказаніемъ, естьли кто съ нихъ осмѣлится сверхъ показаннаго давать; а какъ въ уніи была такса, то противъ оной и десятой доли намъ не прописано получать, которую при семъ Вашему Высокопреосвященству въ оригиналѣ на благоусмотрѣніе прилагаемъ и просимъ всемилостиваго архипастырскаго призрѣнія, уваживъ на наше бѣдственное положеніе, дать намъ защиту...».

Вслѣдствіе настоятельной просьбы преосвященнаго Іероѳея, такса за требоисправленія, составленная Яномъ Барковскимъ, по распоряженію графини Александры Васильевны Браницкой, къ которой по этому дѣлу письменно обращался кіевскій архипастырь, была уничтожена. Но была-ли, согласно желанію православнаго священства, возстановлена такса Смогоржевскаго, изъ дѣлъ кіевской консисторіи не видно.

Протоіерей **П. Орловскій.**

Глуховскіе серебряныхъ дѣлъ мастера сманиваютъ рабочихъ отъ кіевскихъ мастеровъ (1780 г.). Кіевскіе мѣщане серебряныхъ дѣлъ мастера Демьянъ *Любецкій* и Федоръ *Барановичъ* въ

1778 году жаловались магистрату на тайный увозъ отъ нихъ работниковъ въ Глуховъ; но магистратъ, видно, безсиленъ былъ помочь имъ. Въ 1780 году имъ удалось поймать одного такого бѣглеца и привлечь къ отвѣтственности того, кто содѣйствовалъ побѣгу. Такимъ пособникомъ оказался кіевскій почтмейстеръ полковый асаулъ Петръ *Жураковскій*. Дѣло было такъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1780 г. пріѣхалъ въ Кіевъ изъ Глухова мастеръ Никита *Басовичъ* и, остановившись на квартирѣ у Жураковскаго, пріискивалъ себѣ рабочихъ. По его подговору, ученикъ мастера Барановича Антонъ *Шигура* 10 февраля оставилъ своего хозяина и бѣжалъ въ Глуховъ. На другой день Барановичъ заявилъ объ этомъ об. ком. Ельчанинову, обвиняя бѣглеца въ воровствѣ вещей. При этомъ Барановичъ заявлялъ, что еще въ 1778 году бѣжалъ отъ него, не выживъ урочнаго времени, подмастерій Иванъ *Понятовскій*, захвативъ съ собой нѣсколько цѣнныхъ вещей, и живетъ теперь въ Глуховѣ же у мастера Остапа Иванова, а въ 1679 г. бѣжали ученики Дмитрій Якубовскій и Никита Балковскій.

Между тѣмъ гостившій въ Кіевѣ мастеръ Басовичъ, при несомнѣнномъ содѣйствіи почтмейстера Жураковскаго, успѣлъ сманить еще отъ Ивана Атаназевича одного работника и отправить въ Глуховъ, и отъ мастера Михаила *Бѣлявскаго* другого работника, но этого послѣдняго, Федора *Терпилова*, доставить въ Глуховъ не удалось: его за Кіевомъ поймали мастера Любецкій и Барановичъ, устроившіе, очевидно, засаду, и представили въ магистратъ. Данное здѣсь бѣглецомъ показаніе, обнаруживъ пособничество Жураковскаго, и дало основаніе магистрату жаловаться въ Малороссійскую Коллегію на дѣйствія почтмейстера.

Федоръ Терпиловъ показалъ, что его дѣйствительно уговаривалъ ѣхать въ Глуховъ мастеръ Басовичъ, увѣрившій его, что вмѣсто всякаго пашпорта онъ получитъ отъ почтмейстера «цѣдулу», съ которой и проѣдетъ «при ординарной письменной почтѣ» вмѣстѣ съ почталіономъ. Такую «цѣдулу» онъ дѣйствительно и получилъ и 13-го февраля выѣхалъ изъ Кіева. Поймавшіе его мѣщане, «задержуя сумнительство, что и ихъ работники по таковымъ же оного Жураковскаго цѣдуламъ изъ Кіева въ Глуховъ отправлены», просили о «поступленіи съ онымъ Ж. по законамъ». Кіевскій магистратъ, обстоятельно изложивъ показаніе Терпилова и жалобу поймавшихъ его мѣщанъ, писалъ въ своемъ доношеніи отъ 17-го февраля: «Мал. Коллегія со всего вышеписаннаго усмотрѣть изволитъ ту непристой-

ность, которая употреблена почтмейстеромъ Жураковскимъ дачею цѣдулы вѣдомства магистратскаго людямъ, и паче отъ хозяевъ своихъ бѣглымъ съ подговору, и сколь много сей г. Жураковскаго поступокъ не приличествуетъ его должности и противенъ возложенной на него довѣренности».

Жураковскій, узнавъ, по всей вѣроятности, о поданномъ отъ магистрата доношеніи, отправилъ 20-го февраля и съ своей стороны въ Малорос. Коллегію рапортъ, въ которомъ изобразилъ поимку Терпилова, какъ разбойническое нападеніе на почту. Онъ сообщалъ, что Терпиловъ, явившись въ «почтовое правленіе» съ просьбой о разрѣшеніи ему проѣхать съ почтою въ Глуховъ, представлялъ свидѣтельство мастера Ивана Атаназевича, что онъ, Терпиловъ, «по выжиткѣ пятолѣтномъ въ обученіи сребнихъ дѣлъ майстерства при немъ, Атоназевичу, велъ себя честно и добропорядочно и прошлого 1779 г. ноября 10-го отпущенъ отъ его свободно»; почтовое правленіе посылало де къ матери Терпилова узнать, съ ея ли вѣдома онъ ѣдетъ изъ Кіева, и только тогда, «не имѣя за онымъ просителемъ никакова сумнѣнія», предоставило ему право ѣхать съ почталіономъ; «но какъ только оные съѣхали на рѣку Днѣпръ противъ бровара братскаго, вдругъ тамо появились на двохъ саняхъ многимъ числомъ невѣстимо какіе люди, обступя съ келепами и дручьемъ, напавъ на почту, почталіона, ѣздока и писаря ночью разбойническимъ образомъ и пріостановя почту, схватя съ саней ѣздока Терпилова невѣстимо куда увезли съ собою; за возвращеніемъ же на другой того день почталіона и писаря репортовано о вышеписанномъ въ сіе почтовое правленіе и что изъ того многолюдного разбойнического нападенія примѣчено писаремъ только двохъ жителей кіевскихъ: Федора Барановича и Михайла Хвостина, онъ же и Бѣлявскій, кой въ здогонъ писаря и келепомъ ударилъ въ плечи; а какъ сей дерзновенный поступокъ навелъ не малое сумнѣніе въ интересѣ, чтобъ иногда по такому сумасбродству не могло послѣдовать впредь въ интересѣ государственномъ при отправленіи почты какова похищенія, то о томъ кіевскому магистрату отъ сей конторы письменно извѣщено съ тѣмъ притомъ, дабы благоволено было, призвавъ во оной магистратъ Барановича, Хвостина и ихъ товарищей, разбойническо напавшихъ на почту, выпзслѣдовать и въ страхъ виновныхъ наказать, чтобъ неповадно было и другимъ шалунамъ (по неимѣнію здѣсь строгой въ ночномъ дозорѣ полиціи) отваживаться нападать ночью на почту; но ни то отъ оного магистрата понынѣ сіе почтовое правленіе никакова увѣдомленія не имѣетъ,

для того о вышеписанномъ М. К. репортуя пок. прошу указомъ кіев. магистрату предложить, дабы прописанныхъ Б. и Х. и ихъ товарищей за учиненной ими таковой дерзновенной въ ночномъ нападеніи на почту поступокъ, призвавъ въ оной магистратъ, въ страхъ другимъ безъ оштрафованія не оставлено бы, а впредь чрезъ строгую полицію въ ночномъ дозорѣ магистратъ кіевскій всѣхъ своихъ подчиненныхъ отъ таковыхъ шалостей пріудержалъ».

Изъ отрывковъ переписки, давшихъ матеріалъ для настоящей замѣтки, не видно, какъ отнеслась къ этому дѣлу Малороссійская Коллегія и удовлетворена ли была поданная Ельчанинову просьба одного изъ мастеровъ о возвращеніи бѣжавшихъ отъ него работниковъ или взысканіи похищенныхъ ими вещей съ «передержателей и увозителей».

А. А.

Приглашеніе къ подпискѣ для учрежденія преміи покойнаго профессора А. А. Потебни. Нами получено нижепечатаемое приглашеніе къ подпискѣ для учрежденія преміи имени нашего покойнаго сотрудника Алекс. Афан. Потебни при Харьковскомъ Историко-Филологическомъ Обществѣ. Не только сочувствуемъ мы этому дѣлу, но охотно предлагаемъ свои услуги и покорно просимъ читателей «Кіевской Старины» откликнуться на этотъ призывъ и поспособствовать скорѣйшему осуществленію намѣченной цѣли. Всѣ пожертвованія будутъ немедленно перецаваемы нами по указанному ниже адресу.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, Всемилостивѣйше соизволилъ на разрѣшеніе состоящему при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ Историко-Филологическому Обществу открыть въ ученыхъ и учебныхъ учрежденіяхъ имперіи подписку для собранія капитала на учрежденіе при Обществѣ преміи имени умершаго профессора названнаго университета *А. А. Потебни* за лучшія сочиненія по исторіи русскаго языка и русской словесности, преимущественно изъ круга предметовъ научныхъ изслѣдованій профессора Потебни. Въ виду этого Всемилостивѣйшаго соизволенія Историко-Филологическое Общество обращается съ просьбой о пожертвованіи къ ученымъ и учебнымъ учрежденіямъ, заинтересованнымъ въ развитіи филологическихъ знаній въ Россіи,

въ частности въ изученіи русскаго языка и словесности, причемъ покорнѣйше проситъ Васъ, дать ходъ прилагаемому при семъ подписному листу и собранныя по сему листу деньги препроводить на имя профессора харьковскаго университета Николая Ѳедоровича Сумцова. Отчетъ о пожертвованіяхъ будетъ приложенъ къ ближайшему V т. Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества.

Предсѣдатель проф. *М. С. Дриновъ.*

Секретарь проф. *Н. Ѳ. Сумцовъ.*

Библіографія.

Библіографическая замѣтка о новыхъ матеріалахъ, касающихся исторіи Малороссіи.

Опись дѣлъ секретнаго новыя Московскаго отдѣленія общаго архива Главнаго Штаба (47 описъ) Москва. 1890 г. Вып. I. Каталогъ Московскаго отдѣленія общаго архива Главнаго Штаба. Опись дѣлъ воинской комиссіи и кабинета (121 и 119 описи). Вып. II. Спб. 1891—Вып. Ш. Спб. 1892. (описи 193 и 194).

Въ бытность мою лѣтомъ этого года въ Москвѣ, уважаемый архиваріусъ Московскаго архива министерства юстиціи Н. Н. Оглоблинъ обратилъ мое вниманіе на вышедшія въ свѣтъ въ теченіе 1890—1892 г.г. подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ описи Московскаго отдѣленія общаго архива Главнаго Штаба, предоставивъ ихъ, съ обычною своею любезностью, во временное мое распоряженіе. Достаточно было одного бѣглаго просмотра этихъ описей, чтобы сказать, что въ Московскомъ отдѣленіи общаго архива Главнаго Штаба находится масса очень интересныхъ дѣлъ,—но въ этомъ я вполнѣ убѣдился, проникнувъ, съ разрѣшенія Главнаго Штаба, въ самый архивъ. Здѣсь я увидѣлъ груду описей, изъ которыхъ напечатана только самая незначительная часть,—и за это должно воздать великую благодарность автору соч. «Русская армія въ семилѣтнюю войну» ген.-м. Масловскому и его сотруднику поручику Ильенко: до изданія ими 3-хъ вышеупомянутыхъ описей, сокровища Московскаго отдѣленія общаго архива Главнаго Штаба оставались почти неизвѣстными нашимъ историкамъ; послѣдніе, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ (ген. м. Масловскаго, г. Забѣлина), совсѣмъ, кажется, и не заглядывали въ этотъ архивъ. Могу, напр., указать на г. Эварницкаго, который, всюду разыскивая матеріалы для исторіи Запорожья, не обратилъ, однако, вниманія на названный архивъ, гдѣ, между прочимъ, хранятся очень цѣнные документы для этой исторіи.

Да и вообще здѣсь, судя по напечатаннымъ описямъ (въ особенности интересны описи 193 и 194 дѣла гр. Румянцева-Задунайскаго и кн. Потемкина-Таврическаго), есть масса чрезвычайно важнаго матеріала для исторіи южно-русскаго края въ XVIII в.

Позволю себѣ назвать нѣкоторыя дѣла, относящіяся къ исторіи Малороссіи и Запорожья:

1732, 1745 и 1753 годовъ. Постановленія войсковой малороссійской старшины 1732 г., генеральной войсковой канцеляріи 1753 г. и «копія генеральнаго мнѣнія въ 1745 году іюня 13 дня учиненнаго» о сборѣ и расходованіи суммъ, на содержаніе войска малороссійскаго назначаемыхъ. Здѣсь же вѣдомость о числительности войска малороссійскаго и отпускаемаго на содержаніе его жалованья въ мирное и военное время, составленная къ 1732 г.

1733 г. О постройкѣ украинской линіи.

1760 г. Переписка по устройству украинской линіи.

1751—1752 г. Копія съ грамоты малороссійскому гетману гр Кириллу Разумовскому о расположеніи въ Украйнѣ 6 драгунскихъ и Глуховскаго гарнизоннаго полковъ.

1752—1753 г. Сообщеніе гетмана Разумовскаго о состояніи въ заднѣпровскихъ командахъ малороссійскихъ козаковъ.

1755 г. О ссылкѣ взятыхъ въ службу и бѣжавшихъ посполитыхъ Малороссіянъ и отсылкѣ ихъ по прежнему въ команды. Рапорты о собранныхъ въ Стародубѣ малороссіянахъ.

1756—1761 г. Сборъ 10 тыс. малороссіянъ для отправленія въ армейскіе и прибалтійскіе гарнизонные полки для опредѣленія въ деньщики, извощики и на прочія нестроевыя должности; о препровожденіи ихъ въ назначенныя мѣста и выдачѣ имъ жалованья.

1756—1757 г. Экстрактъ о содержаніи въ Малороссіи на безденежномъ довольствіи полковъ.

1765 г. Справка воинской комиссіи о размѣрахъ вычета изъ содержанія повышенныхъ въ чинахъ въ пользу учреждаемой въ Малороссіи образцовой военной школы.

1774 г. Доклады кн. Потемкина на Высочайшее имя: о довольствіи формируемаго изъ малороссійскихъ казаковъ тверскаго карабинернаго полка. О выводѣ части войска изъ Малороссіи.

1782—1787 г. Дѣло по переформированію 3-хъ легкоконныхъ и 9 малороссійскихъ козачьихъ полковъ въ 10 карабинерныхъ. Отчеты о ходѣ переформированія. Вѣдомость о числѣ дворовъ и жителей въ казачьихъ полкахъ. Свѣдѣнія о состояніи казачьихъ и легкоконныхъ полковъ.

1785 г. Прошенія чиновъ малороссійскихъ казачьихъ полковъ, переформированныхъ въ карабинерные, объ увольненіи ихъ отъ службы (съ формулярными списками).

1786 г. Черновые рапорты въ Военную Коллегію и ордера гр. Румянцева—Задунайскаго за 1786 г. Свѣдѣнія о сформированіи Малороссійскаго гренадерскаго полка и о наборѣ рекрутъ (съ собственноручными замѣтками графа).

1787г. Свѣдѣнія о постройкѣ новыхъ редутовъ по кіевской границѣ.

Свѣдѣніе о наборѣ рекрутъ съ казаковъ и поселянъ монастырскихъ имѣній Черниговскаго намѣстничества.

1787—1789 г. Дѣло «о наборѣ въ Малороссіи фуръ, воловъ и погонщиковъ».

1788 г. Рапорты Кіевскаго, Черниговскаго и Новгородсѣверскаго намѣстническихъ правленій о наборѣ рекрутъ за 1788 г.

Секретное дѣло о излишнихъ церковникахъ и праздныхъ выходцахъ» (о зачисленіи ихъ въ военную службу).

1786 г. Исходящій журналъ канцеляріи гр. Румянцева-Задунайскаго по намѣстническому правленію въ 1786 г. (съ подробнымъ изложеніемъ бумагъ.

1786—1789 г. Рапорты Кіевскаго, Черниговскаго и Новгородсѣверскаго намѣстническихъ правленій, Черниговской палаты уголовнаго и гражданскаго суда и Кіевской казенной палаты съ представленіемъ экстрактовъ именныхъ и сенатскихъ указовъ, полученныхъ ими въ 1781—89 г.

1789 г. Рапорты губернаторовъ Бибикова и Ширкова о благосостояніи ввѣренныхъ имъ губерній за 1789 г.

1795—1796 г. Рапорты и сообщенія губернаторовъ Кіевскаго, Екатеринославскаго, Волынскаго, Брацлавскаго, Подольскаго, Новгородсѣверскаго, Харьковскаго, Курскаго, Орловскаго.

1796 г. Описи бумагамъ канцеляріи Генер. Фельд. графа Румянцева-Задунайскаго, составленныя по случаю сдачи дѣлъ въ разные архивы и по другимъ причинамъ.

1774 г. Докладъ кн. Потемкина на Высочайшее имя: о дарованіи привилегіи полтавскому купечеству для поощренія развитія морской торговли (черезъ Херсонъ).

1783—1784 г. Свѣдѣнія о цѣнахъ на жизненные продукты въ Малороссіи 1783 и 1784 г.

1785 г. Свѣдѣнія о побѣгахъ великороссовъ и малороссіянъ въ Землю Войска Донскаго.

1787 г. Дѣло объ ограниченіи въ Малороссіи винокуренія и о средствахъ продовольствія народонаселенія въ виду неурожая.

1788—89 г. Рапорты и сообщенія Черниговскаго губернатора Милорадовича, Новгородсѣверскаго губернатора Бибикова, Кіевскаго губернатора Ширкова; намѣстническихъ правленій Черниговскаго и Новгородсѣверскаго, казенной палаты, палаты уголовнаго суда, губерн. прокурора и совѣстнаго суда за 1788—89 г. Здѣсь свѣдѣнія объ открытіи народныхъ училищъ, о мѣропріятіхъ по случаю неурожая, объ устройствѣ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ и о пополненіи ихъ, о переселенцахъ на Кавказъ и въ Екатеринославскую губ., о постройкахъ г. Глухова (послѣ пожара), о численномъ составѣ гарнизонныхъ командъ въ Новгородсѣверской губ. Вѣдомости о числѣ умершихъ, вступившихъ въ бракъ и родившихся въ Черниговской губерніи, о числѣ положенныхъ въ подушный окладъ въ Новгородсѣверской губ. и пр.

1788 г. Свѣдѣніе о малороссійскихъ селитренныхъ заводахъ и о цѣнахъ на селитру.

1794 г. Свѣдѣніе о торговыхъ цѣнахъ на хлѣбъ въ 1794 г. въ Прилуц. уѣздѣ.

1794 г. Вѣдомость о доходахъ и расходахъ суммъ въ Кіевской губер. за 1794 г.

1786 г. Письма Самуила, митропол. Кіевскаго, Феофила епископа Черниговскаго и Нѣжинскаго и Илларіона—еп. Новгородсѣверскаго объ устройствѣ монастырей въ ихъ епархіяхъ и о порядкѣ встрѣчи Государыни Императрицы.

1788 г. Свѣдѣніе о монастырскихъ деревняхъ въ Малороссіи въ 1788 г.

1724—1725 г. Книга о крымскихъ и запорожскихъ извѣстіяхъ. Сообщенія генерала кн. М. Голицына. 1730 г. Мѣры предосторожности отъ Крымскихъ и Кубанскихъ татаръ, турокъ и запорожцевъ

1733 г. О польскомъ шляхтичѣ, собравшемъ запорожцевъ для польской службы.

1742 г. Разборъ недоразумѣній между запорожцами и поляками.

1742 г. Копія съ указа Военной Коллегіи отъ 27-го Августа 1742 г. объ отпускѣ провіанта Запорожскому войску.

1744 г. Назначеніе слѣдствія надъ Запорожскими казаками за ихъ своевольства.

1749 г. Недоразумѣнія донскихъ козаковъ съ Крымцами, Кубанцами и запорожскими козаками.

— О недопускѣ Запорожскихъ козаковъ до своевольства.

— Предосторожности на границахъ отъ Крымскихъ, Кубанскихъ и Турецкихъ сторонъ и Запорожской сѣчи.

1750. Подробныя донесенія Кіевскаго генер.-губ. Леонтьева о ходѣ болѣзни въ Новосѣченской крѣпости. О нападеніи запорожскихъ козаковъ на форпосты, учрежденные въ виду появленія опасной болѣзни.

— О сыскѣ и поимкѣ преумножающихся въ заднѣпровскихъ и около оныхъ, въ тамошнихъ лѣсныхъ, степныхъ и польскихъ мѣстахъ, гайдамацкихъ партій (подробное описаніе заднѣпровскихъ форпостовъ).

1753—1756. Переписка по учрежденію съ турецкой и здѣшней сторонъ заставъ (отъ Буга до Днѣпра). Командированіе въ запорожскую сѣчь, къ правленію комендантской должности, изъ полковъ кіевскаго гарнизона, шт.-офицера и при немъ изъ конныхъ полковъ ландмиліціи команды въ 100 человѣкъ съ надлежащимъ числомъ оберъ и унтеръ-офицеровъ, 200 малороссійскихъ и 100 запорожскихъ козаковъ.

1760—1761. Охраненіе западной и южной границъ Россіи отъ крымскихъ и гайдамацкихъ набѣговъ со стороны Польши, бывшихъ вслѣдствіе неопредѣленности границъ съ нею. (Здѣсь переписка съ кошевымъ атаманомъ Бѣлицкимъ).

1760. Учрежденіе въ запорожской сѣчи коммиссіи для разбора недоразумѣній между крымскими татарами и запорожцами.

— Оставленіе старшинъ и писаря Чугуевца при запорожскомъ войскѣ.

1769 г. Награжденіе по Высочайшему повелѣнію запорожскаго старшины Чернаго 100 рублями.

1775 г. Дислокація корпуса генер.-пор. Текелли въ Новороссійскую и Азовскую губерніи.

1772 г. «О причиненныхъ командующему Чугуевскимъ полкомъ генер.-м. Булацелю и артил. маіору Истоксу отъ запорожскаго полковника Гораджи обидахъ и притѣсненіяхъ въ отнятіи и разореніи поселенныхъ ими слободъ».

1775—1778 г. Рапорты Новороссійской канцеляріи и ген.-пор. Текелли за 1775—76 г. о запорожскихъ безчинствахъ и объ уничтоженіи Сѣчи запорожской. Здѣсь же приложены допросы Запорожцевъ.

Документы, найденные при уничтоженіи Сѣчи запорожской въ Кошевой церкви.

1783 г. «Рапорты и представленія съ прошеніями бывшаго запорожскаго войска козаковъ о принятіи ихъ охотниками къ отправ-

ленію козачьей службы, называемыхъ нынѣ черноморскимъ войскомъ» и о награжденіи ихъ армейскими чинами 1783—1790.

1784. Докладъ кн. Потемкина 6 апр. 1784 г. о возстановленіи войска запорожскаго на основаніяхъ, на которыхъ существуетъ Донское козачье войско.

Къ величайшему сожалѣнію, занятіямъ въ Московскомъ архивѣ Главнаго Штаба я могъ посвятить всего лишь нѣсколько дней и вслѣдствіе этого не имѣлъ возможности хотя вскользь ознакомиться со всѣми названными только что мною дѣлами; мнѣ удалось только просмотрѣть нѣкоторыя, но за-то я сдѣлалъ изъ нихъ довольно обширныя выписки. Послѣднія, впрочемъ, не могутъ быть напечатаны въ Кіевской Старинѣ, такъ какъ главный Штабъ, хотя и допустилъ меня въ московское отдѣленіе его архива для занятій, съ цѣлью извлеченія матеріаловъ по исторіи Южной Руси въ XVIII в., но «съ тѣмъ, чтобы отдѣльные матеріалы, почерпнутые» мною «въ архивѣ, не были печатаемы въ журналахъ».

Въ числѣ просмотрѣнныхъ мною дѣлъ находятся и документы, найденные во время разоренія Сѣчи ген.-пор. Текелли въ сундукѣ подъ престоломъ сѣчевой церкви. Документы эти не что иное, какъ часть, несомнѣнно, драгоцѣнная, сѣчеваго архива, и до сихъ поръ, кажется, неизвѣстны публикѣ [1]),—вотъ почему я считаю необходимымъ сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Документы эти составляютъ небольшую связку (опись 194, св. № 181), въ которой находятся:

1) Грамота Екатерины II, данная на имя кошеваго атамана Калнишевскаго въ г. Полтавѣ 28 ноября 1771 г. Въ грамотѣ говорится о награжденіи запорожскаго полковника Колпака за оказанныя услуги золотою медалью съ портретомъ государыни, для ношенія на шеѣ, и о томъ, что означенная медаль препровождается при грамотѣ Калнишевскому, для врученія по назначенію.

2) 6 подлинныхъ грамотъ Анны Іоановны и одна копія: отъ 6-го марта, 20 іюля 1735 года, 18-го іюня, сентября (число не проставлено) 1735 г., 2 сентября 1736 г. (и копія), 14 января 1737 г.

---

[1]) Изъ приводимыхъ ниже дѣлъ, насколько мнѣ извѣстно, „Универсалъ“ Богдана Хмельницкаго и Высочайшій Указъ 14 іюня 1688 г. напечатаны въ „Исторіи Новой Сѣчи“ Скальковскаго и въ „Разсужденіи о Запорожцахъ“ г. Миллера (изд. въ 1847 г. Бодянскимъ); и Скальковскій, и Миллеръ, однако, пользовались при печатаніи не тѣми списками, которые хранятся въ архивѣ.

3) Сорокъ шесть подлинныхъ грамотъ Елизаветы Петровны отъ разныхъ годовъ (до 1759 г. включительно).

4) Копія съ указа Елизаветы Петровны отъ 1743 г. сент. 20-го.

5) Копія съ копіи Высочайшаго Указа отъ 10 мая 1759 г.

6) Копія съ копіи Указа изъ кіевск. губ. канцеляріи отъ 10 мая 1759 г.

7) Листъ кошевого атамана Григорія Федорова «разнимъ проезжающимъ, великороссійскимъ и малороссійскимъ купцамъ, чумакамъ и иностраннимъ людямъ, а особливо запорожскимъ козакамъ чрезъ сей нашъ войсковий листъ вѣдомо да будетъ», отъ 7 апр. 1758 г.

8) Универсалъ гетмана богдана Хмельницкаго отъ 15 января 1655 г. съ подтвержденіемъ грамоты короля польскаго Стефана Баторія, данной войску запорожскому 20 авг. 1575 г. [1]) и опредѣлившей границы владѣній послѣдняго. Универсалъ въ 3-хъ экземплярахъ; изъ которыхъ на одномъ вверху помѣтка «копія», на другомъ—«копія съ копіи». Эта послѣдняя копія засвидѣтельствована такъ: «съ копиею унѣверсала свидѣтельствовалъ войска запорожскаго Низового войсковій писарь Артемъ Васпліевъ». 3-й экземпляръ—на простой бумагѣ, безъ помѣтки «копія», безъ подписи и печати.

9) Выписка з писма з договору вѣчного мира Россійского с Поляками 1686 году третего пункта в Бѣлоцерковки» о границахъ присоединенныхъ къ Россіи областей.

10) Высочайшій Указъ 14 іюня 1688 г. на имя кошевого атамана Григорія Сагайдачнаго о построеніи города на р. Самарѣ и о движеніяхъ запорожцевъ на промыселъ противъ крымцевъ—3 экземпляра; изъ нихъ 2 съ помѣткою «копія», и одинъ безъ таковой помѣтки. Послѣдній написанъ на вощеной бумагѣ, съ поправками, безъ подписи и приложенія печати [2]).

11) Записка, составленная по распоряженію кошевого атамана Ивана Малашевича, подъ заглавіемъ: «Въ память потомную сие вѣдомо да будетъ, много числомъ лѣтъ войско запорожское низовое под кримъскою протекциею мешкало, и в колыких мѣстцех кошемъ своимъ, чыто сѣчью сыдѣніе мѣло, року 1734 мая 29 записуется».—Къ запискѣ этой приложена большая печать войска запорожскаго; есть и

---

[1]) У Скальковскаго и у Миллера—1576 г.

[2]) На одной изъ копій надпись: „съ копиею сводилъ войска запорожскаго низового войсковый писарь Артемъ васильевъ".

копія съ нея (т. е. записки). Документъ этотъ сообщаетъ нѣкоторыя новыя данныя для исторіи запорожцевъ отъ 1709 по 1734 г. Въ своемъ послѣднемъ сочиненіи по исторіи запорожцевъ («Ист. запорожск. козаковъ» т. I) г. Эварницкій говоритъ: «послѣ Чортомлицкой Сѣчи запорожцы сидѣли сперва Сичею Каменскою, потомъ Алешковскою, потомъ снова Каменскою» [1]). Изъ нашего же документа видно, что запорожцы, послѣ разоренія чертомлыцкой Сѣчи, «внызъ Днепра въ року 1709 мая 12 числа избѣгшы, и совокупившыся з своимъ же войскомъ якая часть была при помянутому Мазепѣ и шведу, когда онъ король шведскій значне под полтавою тогжъ року 1709 іюня 27 числа от войска жъ московского побѣжденъ зосталъ, тамо на низу Днепра подъ крымъскую державу задевлетъ герей-хана удавшися сѣчъ были себѣ при солешках и кордашину над конскою завелы, где лѣтъ девятнадцать мешкалы, и пакы збунтовавшыся и кошевого себѣ Ивана гусака изобравши и расколъ между собою вчинивши на тое ж выш помянутое старое мѣстце и къ чортомлику в гору днепра сошедлы и сѣчью два года сыдѣлы, а потомъ за беглы гдерей хана указомъ, внызъ днепра спустившыся вышше казикермена над камянъкою в третемъ мѣстцу сосѣли булы кошемъ и четири года мешкали». Пробывъ на этихъ мѣстахъ 25 лѣтъ подъ «крымскою протекціею», Запорожцы, «за благоразсуднымъ поводомъ и урядомъ на той час его милосты пана Ивана Малашевыча атамана кошового курѣннаго Пашковскаго, гды Капланъ герей ханъ Крымъскій з гетманомъ орликомъ станѣславу Лещынскому и зордами своими пшолъ на помощъ под хотѣнь и камянець подолскій, проты Саса короля полского и проти войска московскаго, хотячи его кролемъ полскимъ постановит и войско запорожское низовое туда жганъ (sic) крымъскій затягалъ во помощъ, то в той часъ непзволившы рукъ на войско христіянское московское поднымат, и жалѣючи кревныхъ своихъ и всего народу христіанского малороссійского, же бы орда выбравшы в неволю не запровадыла, з тое помянутой камянъской сѣчы а с под протекціи крымъской, в року вышъ описанъномъ 1734 марта 28 числа рушывшысь, судомъ воднымъ и трахтомъ степовымъ, и прибувшы того ж марта 31 в гору днепра, и вышше базавлука над подполною мѣстце изобравши, кошемъ по прежнему под владѣніемъ своего ж православнаго монарха московскаго, си есть за державы Имъператрицы Анны Іоанівны водворылися, именуючыся и по ней державцамъ всероссійскимъ во вѣчніе часы служить».

[1]) Ист. Зап. козак. стр. 157.

Изъ приведенной выписки ясно, что дѣло обстояло нѣсколько не такъ, какъ разсказываетъ г. Эварницкій, основываясь на свидѣтельствѣ историка запорожскихъ козаковъ кн. Семена Мышецкаго и другихъ лицъ [1]). Нечего, конечно, и говорить, что свидѣтельству «записки»,—составленной сейчасъ же по выходѣ запорожцевъ изъ-подъ «крымской протекціи» и подъ редакціей такого очевидца, какъ Иванъ Малашевичъ, котораго и до 1734 г. 3 раза выбирали кошевымъ [2]),—должно быть отдано предпочтеніе предъ всякими другими свидѣтельствами, на которыя ссылается г. Эварницкій.—Оказывается, что запорожцы, ушедши изъ Чертомлыцкой сѣчи 12 мая 1709 г., нашли себѣ пріютъ въ предѣлахъ крымскихъ владѣній и основали свою сѣчь «при олешкахъ и кардашину над конскою», гдѣ и жили до тѣхъ поръ (19 лѣтъ), пока между ними не произошелъ изъ-за чего то «бунтъ». Избравъ кошевымъ Ивана Гусака [3]) и «расколъ между собою вчинивши», запорожцы опять перешли на старое мѣсто къ Чертомлыку, гдѣ и сидѣли сѣчью 2 года, пока не вышелъ указъ хана Беглы Гирея [4]), въ силу котораго запорожцамъ пришлось спуститься внизъ по теченію Днѣпра и «осѣсть кошемъ» «вышше казикермена над Камянькою въ третемъ мѣстцу».—Въ источникахъ г. Эварницкаго нѣтъ этого упоминанія о возвращеніи запорожцевъ къ мѣсту старой Чертомлыцкой Сѣчи [5]), за-то въ нашей «записѣ» нѣтъ свѣдѣнія о двукратномъ пребываніи ихъ сѣчью надъ Каменкой. При томъ, на мѣсто Каменской сѣчи запорожцы перебрались не изъ Алешекъ, какъ говоритъ г. Эварницкій, а изъ Чертомлыцкой сѣчи.

Г. Эварницкій пишетъ: «кн. Мышецкій даетъ поводъ думать, что запорожскіе козаки держались въ Каменкѣ до того самаго момента, когда, оставивъ крымско турецкія владѣнія, они вновь перешли въ предѣлы Россіи, въ 1734 году». Въ подтвержденіе своего предположенія г. Эварницкій ссылается еще на свидѣтельство протоіерея Григорія Кремлянскаго [6]).

---

[1]) „Ист. запор. козаковъ“ т, I, стр. 157.

[2]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи“, ч. III, стр. 328.

[3]) Въ спискѣ кошевыхъ, помѣщенномъ въ „Исторіи Новой Сѣчи“ Скальковскаго (ч. III, стр. 328), Иванъ Гусакъ значится только подъ 1691 г., въ 1725—1731 г. показаны кошевыми Василій Гужь и Иванъ Малашевичъ.

[4]) Беглы-Гирей, ханъ-тотъже Менгли Гирей II ханъ, сынъ Селимъ Гирея-хана. Скальковскій. Ист. Нов. Сѣчи, ч, III, стр. 287.

[5]) Скальковскій. Ист. Нов. Сѣчи ч. II. стр. 37.

[6]) „Исторія запорожскихъ козаковъ“, т. I, стр. 157.

Въ данномъ случаѣ источники г. Эварницкаго и наша «записка» показываютъ согласно, и неправъ г. Скальковскій, утверждающій, что Запорожцы перешли въ новую сѣчь на р. Подпольной изъ Алешекъ, и что Каменская сѣчь была только одинъ годъ [1]).— Запорожцы прожили въ Каменской сѣчи 4 года, до 28 марта 1734 г., когда двинулись отсюда, съ Высочайшаго разрѣшенія Анны Іоанновны, въ предѣлы Россіи, и 31 марта того-же 1734 г. положили основаніе новой сѣчи «вышше Базавлука над подполною».

Записка заканчивается слѣдующими словами: «чего рады в незабвенную потомъность за кошовства того ж выш нареченного пана Ивана Малашевича веленно, выжей именованънъного ж року и дня запысать, и лучшаго вѣроятія кто сего потребоваты мѣл войсковою кошовскою печатью при кошѣ подполной утвердить».

12) Подлинный универсалъ гетмана гр. Разумовскаго отъ 9 ноября 1750 г., данный войску запорожскому, по случаю вступленія на гетманство. Гр. Кириллъ Разумовскій въ этомъ своемъ универсалѣ говоритъ: «по волѣ всемогущаго Бога и по послѣдовавшому Ея И. В. соизволенію всѣ духовные и мірскіе чины, войско и весь народъ Малороссійскій вольнымъ и согласнымъ желаніемъ по правамъ и волностямъ своимъ изобрали насъ во всей Малой Россіи, обоихъ сторонъ Днѣпра и войскъ запорожскихъ гетманомъ, а минувшого іюня 5 дня сего года Ея И. В. Всемилостивѣйшая Государыня імяннымъ за подписаніемъ собственныя своея Высокомонаршія руки указомъ оное избраніе конфирмовать соблагоизволила». Гр. Разумовскій увѣдомляетъ объ учрежденіи имъ («съ Нашего въ Малую Россію прибытія») «правительства» и о посланныхъ имъ во всѣ малороссійскіе полки универсалахъ съ приказаніемъ, «дабы всѣ обще и каждій особливо вѣдая о таковой волѣ и опредѣленіи нашемъ тому учрежденному отъ насъ до прибытія нашего правительству во всемъ были послушны и въ чемъ подлежитъ въ тѣ обѣ правителные мѣста (разумѣются—войсковая генеральная канцелярія и генеральный судъ) отзывались и требовалы отъ туду надлежащыхъ резолюцій». Гетманъ Разумовскій даетъ затѣмъ знать запорожскому войску о послѣдовавшемъ 19 октября того-же 1750 года Высочайшаго указа, коимъ повелѣно, какъ пишетъ гр. Разумовскій, вамъ сѣчовому запорожскому войску съ вашымъ атаманомъ и кошемъ такожде съ пренадлежностмы быть въ вѣдомствѣ у насъ Гетмана, какъ-то и въ

[1]) Скальковскій. „Ист. Нов. Сѣчи“, ч. II, стр. 47. Эварниц. Ист. запор. козак. т. I, стр. 158.

прежнія времена до 1708 года было». Далѣе, «властью гетманскою» повелѣваетъ, чтобы запорожцы, «будучи въ томъ извѣстны, дабы такъ до насъ гетмана о состояніи своемъ и въ чемъ нужда и случай укажетъ, яко и къ помянутому учрежденному отъ насъ до прибытія нашего въ Малую Россію правительству отзывалися и требовалы во всемъ въ чемъ подлежитъ резолюціи», и заключаетъ универсалъ слѣдующими словами: «а мы съ всею Малою Россіею васъ войско запорожское низовое по вашей къ Ея И. В. вѣрности и рачителному къ намъ усердію содержать въ нашей собственной директіи и призрѣніи декларуемъ».

13) Черновыя бумаги по перепискѣ коша съ Правительствующимъ Сенатомъ, коллегіею иностранныхъ дѣлъ, съ гр. Разумевскимъ и разными учрежденіями за 1755—1759 г., выясняющія права и привилегіи войску запорожскому, внутреніе его распорядки и недоразумѣнія съ Крымомъ». Эти «черновыя бумаги» представляютъ особенный интересъ. Здѣсь мы находимъ, напр., свѣдѣнія о двухъ запорожскихъ посольствахъ въ Петербургъ: въ 1755—56 г. по нуждамъ Коша были посланы сюда бывшій кошевой атаманъ Данило Стефановъ, Петръ Калнишевскій и Иванъ Глоба, въ 1759 г.—Павелъ Кирилловъ, Петръ Калнишевскій и писарь Артемій Васильевъ. Къ величайшему моему сожалѣнію, вслѣдствіе недостатка времени, я могъ подробно разсмотрѣть только бумаги, относящіяся къ первому посольству. Въ числѣ этихъ бумагъ обращаютъ на себя особенное вниманіе краткій «журналъ», веденный запорожцами въ Петербургѣ, письма (оригиналы), которыя послы запорожскіе получали изъ коша, и письма (черновки) самихъ пословъ въ кошъ. Изъ «журнала» и писемъ видно, какъ принимали запорожцевъ въ Петербургѣ, какъ относились къ ихъ дѣлу разныя высокопоставленныя лица и къ какимъ средствамъ приходилось прибѣгать имъ, чтобы склонить на свою сторону нужныхъ лицъ, добиться у нихъ обѣщанія «служить» имъ, запорожцамъ.—Здѣсь же находимъ свѣдѣніе и объ универсалѣ Богдана Хмельницкаго. Послы ссылались на этотъ универсалъ, но имѣли съ него одну лишь копію, подлинника же, не смотря на всѣ старанія, никакъ не могли найти. Въ первомъ письмѣ въ кошъ послы сообщаютъ: «а о земляхъ фундамента нѣоткудова взять. На малороссійскую архиву хотя и зсилались однак пан писарь (Безбородко) объявилъ что Хмелницкого архива в измѣну Мазепи увезена Орликомъ писаремъ тогдашнимъ генеральнимъ. А пункта хотя і есть да перевернени на копіяхъ нашихъ». Въ слѣдующемъ письмѣ чи-

таемъ: «архива с половину разбили толко унѣверсала еще на спскали. А имѣють послать в Москву послѣднюю старинную осмотреть архиву там не сищут ли». Но и здѣсь не нашли.

Объ отношеніяхъ запорожцевъ къ крымскимъ татарамъ и наоборотъ даютъ свѣдѣнія 2 документа на татарскомъ яз. съ переводами на рус. яз. Одинъ изъ нихъ озаглавленъ такъ (въ рус. переводѣ): «жалобы хана крымскаго на войско запорожское, сообщенные отъ Порты»; годъ написанія документа не указанъ; 2-й писанъ, по мусульманскому лѣтосчисленію, мѣсяца шевала 1177 года и представляетъ собой «квитанцію», выданную крымскими уполномоченными запорожцамъ, въ удостовѣреніе того, «что крымскіе, едисанскіе, джумцилацкіе і очаковскіе жители обиды свои вовсе оставили і впредь об онѣхъ претензій никаких імѣть не будутъ». Эта «квитанція» явилась результатомъ мировой сдѣлки, заключенной между русскими уполномоченными (въ числѣ которыхъ были и представители отъ запорожья) и крымскими при р. Днѣпрѣ, въ урочищѣ Муматеки.

Этимъ я и закончу обзоръ сохранившейся части сѣчевого архива, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обзоръ напечатанныхъ уже описей московскаго отдѣленія общаго архива главнаго штаба.

П. Ивановъ.

М. А. Дикаревъ: Воронежскій этнографическій сборникъ. Воронежъ. 1891 г., стр. 314 стр. [1]).

Съ удовольствіемъ привѣтствуемъ новое доказательство работы провинціальной мысли въ лицѣ вышеназванной книги. Это трудъ во всякомъ случаѣ цѣнный; какъ бы кто [2]) ни смотрѣлъ на составленный г. Дикаревымъ «Очеркъ воронежскаго мѣщанскаго говора сравнительно съ украйнорусскимъ (?) нарѣчіемъ» (1—68 стр.), однако собранный въ книгѣ огромный этнографическій матеріалъ, записанный, какъ и по-

[1]) Помѣщая пока эту коротенькую замѣтку о книгѣ, издан. М. А. Дикаревымъ, мы надѣемся впереди еще разъ остановиться на ней и удѣлить ей нѣсколько больше мѣста Ред.

[2]) Въ краткой замѣткѣ г. А. С—ваго, помѣщенной во второмъ выпускѣ „Живой Старины“ и, правду сказать, третирующей книгу г. Дикарева, а особенно его „Очеркъ“ нѣсколько свысока, выражено, наприм., неудовольствіе на отсутствіе въ книгѣ указаній, какъ произносится въ воронежскомъ краѣ буква г (т. е. какъ *g, h?*), замѣняется ли *в* чрезъ *у* и т. д.

добаетъ подобнымъ вещамъ, довольно точнымъ звуковымъ письмомъ, заслуживаетъ всяческой признательности со стороны людей науки. Въ самомъ дѣлѣ, болѣе 7700 пословицъ, поговорокъ, примѣтъ и повѣрій, затѣмъ довольно большой «Расказъ про хахлацьку свальбу» (вѣроятно *свадьбу*; въ числѣ опечатокъ не имѣется этого слова), снабженный всѣми поющимися при ней пѣснями, наконецъ, нѣсколько пѣсенъ разнаго содержанія, записанныхъ собственно въ острогожскомъ уѣздѣ—все это является достаточно солиднымъ этнографическимъ собраніемъ, которому еще суждено будетъ найти въ свое время изслѣдователя... Должно, однако же, замѣтить, что точная звуковая запись собраннаго матеріала, которую издатель не безъ основанія считаетъ краеугольнымъ камнемъ своего труда, налагала на него и слишкомъ серьезную отвѣтственность въ смыслѣ безусловной исправности печатанія текстовъ; а между тѣмъ, не говоря уже о крайнемъ обиліи весьма непріятныхъ «замѣченныхъ» опечатокъ, въ книгѣ мы нашли нѣсколько и «не замѣченныхъ», что уже значительно подрываетъ довѣріе читателя къ дѣйствительной, а не предполагаемой лишь точности звуковой передачи текстовъ.... Замѣчаніе это мы приводимъ, конечно, не съ цѣлію непремѣнно умалить значеніе разсматриваемой нами книги, а лишь желая видѣть въ будущихъ подобнаго рода работахъ *безусловную* исправность печатанія текстовъ, которые только при этомъ условіи и могутъ имѣть дѣйствительную научную цѣну.

А. Степовичъ.

Dr. Cornelius von Paygert. Die sociale und wirthschaftliche Lage der galizischen Schuhmacher. Eine Studie über Hausindustrie und Handwerk auf Grund eigener Erhebungen. (Д-ръ К. Ф. Пайгертъ. Соціальное и экономическое положеніе галицкихъ башмачниковъ). Leipzig, 1891. Стр. XIV+193. (Staats und socialwissenschaftliche Forschungen hrsgb. v. Gustav Schmoller. XI Band, 1 Heft).

По методу и направленію, монографія д-ра Пайгерта примыкаетъ къ цѣлому ряду историко-экономическихъ изслѣдованій о положеніи рабочаго класса, которыми такъ богата новѣйшая литература Германіи. Уроженецъ Галичины, авторъ имѣлъ возможность ознакомиться съ вопросомъ на мѣстѣ, и первоначально предполагалъ изобразить положеніе всего промысловаго люда своей родины, но вскорѣ убѣдился, что подобная работа потребуетъ многихъ лѣтъ, и потому рѣшилъ ограничиться болѣе скромной задачей, въ выполненію кото-

рой ему оказали содѣйствіе профессора Шмоллеръ въ Берлинѣ и Леръ въ Мюнхенѣ. Данныя оффиціальной статистики и личныя наблюденія были недостаточны для научной разработки вопроса,—пришлось собирать необходимыя свѣдѣнія путемъ разсылки вопросныхъ пунктовъ 480 ремесленнымъ обществамъ Галичины, по весьма широкой программѣ (до 300 вопросныхъ пунктовъ, съ бланками для статистическихъ показаній).

Работа распадается на два отдѣла: очеркъ положенія башмачнаго производства какъ домашней промышленности, характеризуемой наличностью побочныхъ промысловъ (главнымъ образомъ, земледѣлія), и очеркъ башмачнаго ремесла въ собственномъ смыслѣ. Для характеристики быта рабочихъ перваго разряда авторъ избралъ городъ Уновъ (округъ Рава Русская), изъ 2681 постоянныхъ жителей котораго (не считая евреевъ) до 1300 заняты башмачнымъ производствомъ. Въ живомъ и интересномъ очеркѣ г. Пайгертъ сводитъ обстоятельныя данныя о положеніи и населеніи города, характеризуетъ имущественныя отношенія обывателей и ихъ занятія, описываетъ организацію и технику башмачнаго ремесла, условія питанія и помѣщенія работниковъ, одежду, освѣщеніе и отопленіе, приводя въ большинствѣ случаевъ данныя для сравненія съ бытомъ башмачниковъ прочихъ городовъ Галичины и болѣе значительныхъ промышленныхъ центровъ Западной Европы. Далѣе авторъ приводитъ примѣрные бюджеты рабочей семьи и переходитъ къ характеристикѣ нравовъ, обычаевъ и степени образованія уновскихъ башмачниковъ, заканчивая очеркъ описаніемъ мѣстной ремесленной школы. По той же приблизительно программѣ сведены авторомъ собранныя имъ данныя для характеристики положенія башмачнаго ремесла на всемъ пространствѣ Галичины; иллюстрируется изложеніе многочисленными сводными табличками, наглядно рисующими ту или другую сторону отношеній. Въ концѣ книги приложена программа вопросовъ, по которой собраны были необходимые для изслѣдованія матеріалы.

Въ намѣченныхъ авторомъ скромныхъ рамкахъ, работа исполнена съ истинно нѣмецкою добросовѣстностью и безспорно представляетъ цѣнный вкладъ въ историко-экономическую литературу Германіи. Нарисованная картина достигаетъ изумительной полноты и рельефности, и читателю остается лишь сожалѣть, что недостатокъ времени не позволилъ д-ру Пайгерту расширить рамку изслѣдованія. Но если взять въ разсчетъ, что настоящая книга посвящена всестороннему изображенію быта 16.000 самостоятельныхъ башмачниковъ, не

считая подмастерьевъ и учениковъ, то избранная авторомъ область для изученія отнюдь не можетъ быть признана узкою.

Благодаря извѣстной отсталости Галичины въ промышленномъ отношеніи, тяжесть конкуренціи еще не достигла здѣсь тѣхъ предѣловъ, которыми обусловливался коренной переворотъ въ положеніи ремесленниковъ большихъ городовъ Зап. Европы. Работникъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ вполнѣ отдѣленъ отъ заказчика или покупателя, въ большинствѣ случаевъ онъ еще владѣетъ орудіями производства и пріобрѣтаетъ необходимый матеріалъ за свой счетъ. Преобладающій земледѣльческій характеръ края обусловливаетъ невысокій уровень требованій, при которомъ еще возможна до поры до времени борьба съ надвигающейся конкуренціею машиннаго производства. Владѣніе клочкомъ земли, усадьбой или огородомъ даетъ возможность ремесленнику съ грѣхомъ пополамъ пополнять прорѣхи своего бюджета и сохранять стародавніе пріемы производства. Но въ болѣе крупныхъ городскихъ центрахъ вліяніе иностранной конкуренціи гораздо чувствительнѣе. Что ремесленникъ теряетъ на цѣнѣ своего товара, то пополняетъ онъ усиленнымъ трудомъ, сокращеніемъ потребностей. Условія кредита складываются для него невыгодно, заемный процентъ высокъ, необходимость кредитныхъ сдѣлокъ при всякой значительной заготовкѣ матеріала отдаетъ рабочаго въ руки спекулянта или ростовщика и постепенно подтачиваетъ самостоятельное его существованіе, низводя башмачника на степень обыкновеннаго мануфактурнаго или фабричнаго рабочаго. Словомъ, и въ Галичинѣ наблюдаются, лишь въ смягченныхъ формахъ, признаки того же неумолимаго процесса, который переживаютъ или пережили уже болѣе крупные промышленные центры Зап. Европы: необходимость концентраціи капитала и рабочихъ силъ для борьбы съ конкуренціей и завладѣнія рынкомъ подрываетъ значеніе мелкаго ремесла и влечетъ за собою глубокія измѣненія въ соціальномъ положеніи ремесленнаго люда.

Цеховыя учрежденія прежняго времени, путемъ весьма сложныхъ пріемовъ, стремились облегчить ремесленнику условія производства и сбыта, обезпечить за нимъ постоянный рынокъ. Демократическія законодательства новѣйшихъ государствъ не допускаютъ и мысли о возможности возврата искусственной организаціи ремесла средневѣковой эпохи. Вѣроятно, потомки нынѣшнихъ ремесленниковъ или потомки ихъ потомковъ будутъ пріобщены къ благамъ культурно-прогрессивнаго движенія законодательства. Но переходныя эпохи, въ

родѣ переживаемой нынѣ башмачниками Галичины, страшно тяжелы для извѣстныхъ классовъ населенія. Ремесло переполнено,—казалось-бы, запросъ возростаетъ. Въ дѣйствительности, бываетъ какъ разъ обратное. Поэтому, велика заслуга людей науки, которые углубляются въ изученіе вопросовъ, повидимому столь мало занимательныхъ и скучныхъ, какъ напр. вопросъ о положеніи галицкихъ башмачниковъ, освѣщаютъ пройденное и указываютъ средства для возможнаго облегченія золъ переходной эпохи.

Н. М.

Антикварный каталогъ № LI. Коллекція сочиненій, большею частью на русскомъ языкѣ, имѣющихся въ продажѣ по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ, въ книжномъ магазинѣ и антикварной торговлѣ Н. Киммеля въ Ригѣ. 1892 г.

Книгопродавческая фирма Киммель существуетъ съ 1763 года. Уже это одно обстоятельство обращаетъ на себя вниманіе и показываетъ въ представителяхъ ея умѣніе вести книгопродавческое и издательское дѣло и всегда стоять на высотѣ своего назначенія. Существованіе такихъ крупныхъ, солидныхъ книгопродавческихъ фирмъ является необходимымъ условіемъ успѣшнаго развитія науки во всѣхъ ея отрасляхъ. Слѣдуетъ вспомнить только гибель множества рѣдкихъ и цѣнныхъ книжныхъ собраній, пошедшихъ на макулатуру, чтобы согласиться съ только что нами сказаннымъ. Если коллекціи ученыхъ сочиненій и сохраняются, если цѣнныя изданія не уничтожаются, а переходятъ или въ другія библіотеки ученыхъ учрежденій, или въ руки людей, занимающихся наукой, то этимъ мы обязаны единственно фирмамъ, къ числу которыхъ относится, по праву, фирма Киммеля. Къ числу заслугъ послѣдней слѣдуетъ, напр., причислить сохраненіе извѣстной библіотеки Смирдина. Всѣ свои новыя пріобрѣтенія, какъ свѣже—появляющихся изданій, такъ и раритетовъ, добытыхъ, иногда послѣ большихъ усилій, антикварнымъ путемъ, магазинъ Киммеля помѣщаетъ въ каталогахъ за №№ и распространяетъ послѣдніе среди публики. Стоитъ въ требованіи указать только на № каталога и № сочиненія, и послѣднее немедленно высылается, если только, конечно, оно уже не куплено. Въ настоящее время вышелъ № LI каталога. Для читателей Кіевской Старины мы считаемъ не лишнимъ перечислить и другіе главнѣйшіе каталоги Н. Киммеля, посвященные наукамъ историко-филологическимъ. № XXIV: Bib-

liotheca rossica, № XXV: Bibliotheca polonica, № XXVI: Bibliotheca rossica, № XXVII: Bibliotheca baltica, № XXIX: Коллекція старыхъ и новыхъ сочиненій по географіи, антропологіи, этнографіи, зоологіи и ботаникѣ, № XXXVI: Антикварный катологъ, заключающій въ себѣ перечень книгъ изъ библіотеки А. Смирдина, № XLII: Bibliotheca slavica, безъ № каталогъ подъ заглавіемъ: sciences historiques. Archéologie, généalogie, Heraldique, Numismatique. Что касается до каталога № LI, то для интересующихся исторіей Ю.-Россіи мы укажемъ изданія въ немъ перечисленныя, къ послѣдней относящіяся. Они слѣдующія: *Аскоченскій*: Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ академіей. 2 ч. Кіевъ. 1856 г. (№ по каталогу 36), *Багалѣй*: Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. Кіевъ. 1889 г. (№ 42), *Бантышъ-Каменскій*: Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ Уніи. М. 1805 г. (№ 45), *Бартеневъ*: Пушкинъ въ южной Россіи. 1820—1823 г. (№ 50), *Брунъ*: О разныхъ названіяхъ Керчи и ея окрестностей въ древности и среднихъ вѣкахъ. Одесса. 1877 г. (№ 104), *Данилевскій*: Украинская Старина. Матеріалы для исторіи украинской литературы и народнаго образованія. Харьковъ. 1866 г. (№ 258), *Дубровинъ*: Исторія войны и владычества Русскихъ на Кавказѣ т. II и III. Спб. 1886 г. (№ 307), *Закревскій*: Описаніе Кіева. 2 ч. М. 1868 г. (№ 343), Исландскія саги въ ихъ отношеніи къ россійской исторіи. *Сенковскаго*. Лейпцигъ. (№ 391), *Календарь Новороссійскій*, на 1845 г., изд. отъ Ришельевскаго лицея. Одесса. 1844 г. (№ 403), *Класенъ*. Новые матеріалы для древнѣйшей исторіи славянъ вообще и славяно-руссовъ дорюриковскаго времени въ особенности. 3 вып. Съ 10 табл. М. 1854—1856 г. (№ 434), *Корольковъ*: Двадцатилѣтіе журнала «Труды Кіевской Духовной Академіи (1860—1879 г.). Кіевъ. 1883 г. (№ 451), *Его-же*: Преосвящ. Филаретъ, еписк. Рижскій, какъ ректоръ Кіевской дух. академіи. Кіевъ. 1882 г. (№ 452), *Костомаровъ*: Богданъ Хмельницкій. 2 ч. Спб. 1859 г. (№ 461), *Марковъ*: Очерки Крыма. Спб. 1884 г. (№ 573), *Масловъ*: Т. Г. Шевченко. М. 1874 г. (№ 575), *Некрасовъ*: Означеніи Лермонтова и Гоголя въ исторіи рус. литературы. Од. 1887 г. (№ 636), *Некрологъ* А. П. Зернина. Харьковъ. 1866 г. (№ 639), *Повинскій*: О нѣмецкомъ правѣ въ Польшѣ и Литвѣ. Спб. 1871 г. (№ 694), *Павлищевъ*: Польская анархія при Янѣ Казимирѣ и война за Украину. 3 ч. Спб. 1878 г. (№ 696), *Полевой*: Исторія рус. народа. 6 ч. М. 1829—1833 г. (№ 748), *Поповъ*: О Малороссіи и Малороссахъ. М. 1877 г. (№ 758), *Поляковъ*:

Дневникъ археологич. работъ, веденныхъ въ закавказкомъ краѣ осенью 1879 г. и *Антоновичъ*: Дневникъ раскопокъ, веденныхъ на Кавказѣ осенью 1879 г. (№ 753), *Правда Русская* или Законы Великихъ князей Ярослава Владиміровича и Владиміра Всеволодовича Мономаха. М. 1799 г. (№ 764), *Смирновъ*: Крымское ханство подъ верховенствомъ Отоманской Порты до начала XVIII в. Спб. 1887 г. (№ 887), *Уманская рѣзня*. Записки Вероники Кребсъ. Кіевъ. 1879 г. (№ 1009), *Шарковъ*: По поводу столѣтняго юбилея присоединенія Крыма. Симфер. 1883 г. (№ 1075), *Шевченко*: Кобзарь. Спб. 1840 г. (№ 1084), *Шевченко*: Кобзарь. Переводъ Чмырева. М. 1874 г. (№ 1085), *Шестой съѣздъ* археологическій въ Одессѣ. 15 авг. 1884 г. Од. 1883 г. (№ 1101), *Юргевичъ*: Краткій указатель Музея Имп. Одесск. Общ. Исторіи и Древностей. Одесса. 1887 г. (№ 1136).

П. Г.

Обозрѣніе журналовъ [1]).

Kwartalnik Historyczny. 4. *Iwan Franko. Charakterystyka literatury ruskiej XVI—XVIII wieku.* Авторъ начинаетъ съ разбора книги Ом. Огоновскаго «Исторія литературы русской» (почти исключительно I тома) и указываетъ ея недостатки: невѣрное пониманіе термина «народная литература», такъ какъ Огоновскій единственнымъ критеріемъ народности произведеній принимаетъ ихъ языкъ, и основанное на внѣшнихъ фактахъ раздѣленіе исторіи южно-русской литературы на пять періодовъ, авторъ предлагаетъ свое дѣленіе на три періода: 1-й до половины XVI в. (1560 г.), съ подраздѣленіемъ на эпохи удѣльно-княжескую и литовско-русскую, 2-й до конца XVIII в. (1560—1798), съ 3 подраздѣленіями (1560—1648, 1648—1708 и 1708—1798), 3-й русско-народный или русско-украинскій съ 1798 г. до нашего времени. Далѣе авторъ указываетъ на значеніе Люблинской и церковной уніи для южно-русской цивилизаціи и литературы, значеніе козацкихъ бунтовъ и, наконецъ, дѣлаетъ характеристику южно-русской литературы первой эпохи втораго періода (т. е. 1560—1648 гг.), говоритъ объ образованіи южно-русскаго литературнаго нарѣчія, останавливается также на значеніи козачества и возстанія Хмель-

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ №№ 10 и 11.

ницкаго въ исторіи южно-русскаго просвѣщенія и затѣмъ дѣлаетъ характеристику литературы 1648—1798 гг. (Стр. 693—727).

A. Prochaska. Konfederacya lwowska 1464 roku. Авторъ полагаетъ, что конфедерація мѣщанъ и земянъ львовскихъ была направлена противъ Андрея Одровонжа, старосты львовскаго и воеводы русскаго, что причиной ея были долголѣтнія притѣсненія тѣхъ и другихъ со стороны воеводы, притѣсненій незаконныхъ, такъ какъ воевода, вопреки привилегій города 1388 г., владѣлъ всѣми королевскими имѣніями въ землѣ львовской, жидичовской и самборской. Въ приложеніи напечатаны: «Wiersz z powodu z gonu Andrzeja Odrowąża» и «Письмо Григорія изъ Санока, архіепископа львовскаго къ папѣ Павлу II, (1465 г.). (Стр. 728—780).

Въ отдѣлѣ рецензій помѣщены слѣдующіе отзывы: 1) Д-ра Зигмунда Лисевича о «Pomniki dziejowe Lwowa z archiwum miasta. I Najstarsza księga miejska 1382—1389 wydał d-r Aleksander Czołowski. Lwów. 1892». (Стр. 849—855). 2) А. П-ски о «Jabłonowski Alexander: Zasiedlenie Ukrainy w epoce litewskej (Ateneum, 1891, 12); стр. 865—866.

Revue des traditions populaires. № 1—9. *T. Volkov. A. A. Potebnia.* Краткій некрологъ покойнаго харьковскаго профессора (№ 1, стр. 59 — 60).

T. И. Рецензія на книгу проф. Сумцова «Культурныя переживанія» (№ 4, стр. 254—255).

Th. Volkov. L'église engloutie en Podolie. Передается народный разсказъ, напечатанный г. Боржковскимъ въ № 4 «Кіевской Старины» текущаго года. (№ 8—9, стр. 561).

Ateneum № № 4—11. *D-r Zygmunt Lisiewicz. Z przeszłości miast.* Разборъ книги «Pomniki dziejowe Lwowa z Archiwum miasta. 1. Najstarsza księga miejska 1382—1389, wydał d-r Al. Czołowski». (№ 9, стр. 578—585).

K. Górski. Wojna z wojewodą wołoskim ichalem w roku 1600-ym. Очеркъ изъ военной исторіи. (№ 11, стр. 251—270).

Biblioteka Warszawska №№ 9—11. *K. Górski. Druga wojna Batorego z w. ks. Moskiewskim.* Военно-историческій очеркъ. (№ 10, стр. 1—26).

Его-же Trzecia wojna Batorego z w. ks. Moskiewskim w r. 1581. (№ 11, стр. 228—258).

Kronika Galicyjska. Авторъ указываетъ на упадокъ средняго землевладѣнія въ Галиціи. (№ 11, стр. 52—60).

Русская Школа № 1—8. Въ отдѣлѣ *критики и библіографіи* помѣщенъ разборъ книги «Сынъ гетмана», историческая повѣсть для юношества. *О. И. Роговой.* (№ 2, стр. 158—160).

Въ данный обзоръ журналовъ (№№ 10—12) вошли слѣдующія изданія: 1) Ateneum № 4—11; 2) Богословскій Вѣстникъ (№ 5—8); 3) Библіографическія записки (№ 6—9); 4) Biblioteka Warszawska (№ 9—11); 5) Журн. Мин. Нар. Просв. (№ 7—10); 6) Историч. Вѣстн. (№ 7—9); 7) Kwartalnik historyczny (№ 4); 8) Православный Собесѣдникъ (№ 4—8); 9) Русское Обозрѣніе (№ 4—7); 10) Русская Мысль (№ 4—9); 11) Русская Старина (№ 6—10); 12) Русскій Архивъ (№ 7—9); 13) Русская Школа (№ 1—8); 14) Странникъ (№ 4—8); **16)** Славянское Обозрѣніе (№ 4—8); **17)** Сѣверный Вѣстникъ (№ 7—10); **18)** Revue des Traditions populaires (№ 1—9); 18) Труды Кіев. Дух. Акад. (№ 7—9); 19) Учен. Запис. Имп. Казан. Унив. (№ 3—5); 20) Христіан. Чтен. (№ 5—8); 21) Чтен. въ Общ. Любит. Дух. Просвѣщ. (№ 4—8); 22) Юридическая Лѣтоп. (№ 4—8); 23) Юридич. Вѣстн. (№ 4—10).

Списокъ книгъ, относящихся къ Южной Россіи.

Адрессы должностныхъ лицъ, правительственныхъ учрежденій и частныхъ фирмъ, находящихся въ г. Каменецъ-Подольскѣ и должностныхъ лицъ учрежденій М—ва Внутр. Дѣлъ въ уѣздахъ Подольской губ. Каменецъ Подольскъ, 1892. in 8. 81+10 стр.

Андріевскій А. Крымъ и крымскіе татары. Чтеніе. Изд. 3-е исправленное Кіев. Ком. Нар. чтеній. К. in 8. 34 стр. ц. 10 к.

Antiquités de la Petite-Russie. Collection du comte Alexis Bobrinskoy. Спб. 1892. in-8. 19 стр.

Бессарабія. Историч. описаніе. Съ Высоч. соизволенія изд. при М—вѣ Вн. Дѣлъ. Посмертный выпускъ историч. изданій П. Н. Батюшкова. (Съ 3 фототипіями 53 грав. и картой). Спб. 1892. in-8. XLIII+177+95 стр.

Бестужевъ-Рюминъ К. Князь Володиміръ Всеволодовичъ Мономахъ и потомки его Мономаховичи, или о временахъ княжескихъ смутъ и усобицъ. Спб. 1892. in-8. 36 стр.

Бухаревъ С. Жизнь, убіеніе и чудеса св. благов. князей страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, во св. крещеніи нареченныхъ Романомъ и Давидомъ. (Съ изображеніемъ ихъ), Изд. 5-е. М. in-16. 32 стр.

Василевская М. Б. Къ вопросу о насажденіи садоводства въ Черниговской губ. Изд. ред. «Земск. Сборн. Черн. г.». Черниговъ. 1892. in-8. 38 стр.

Веселовскій К. С. И. М. Каманинъ. Статистическія данныя о евреяхъ въ юго-западномъ краѣ во 2-й половинѣ прошлаго вѣка (1765—1791). Рецензія. Спб. in-8. 9 стр.

Гоголь Н. Тарасъ Бульба. Перев. съ русск. (на армянскій яз.) Тифлисъ. 1892. in-8. 161 стр.

Грицько-Кобзарь. Сборникъ малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ. Въ 2 част. М. 1892. in-16. 156+3 нен. стр.

Громачевскій С. Г. Ограничительные законы по землевладѣнію въ Западномъ краѣ. съ мотивами и разъясненіями, Изд. неоф. Н. Мартынова. Спб. 1892. in-8. 21 стр. ц. 30 к.

Данилевичъ В. Е. Монетные клады, принадлежащіе мюнцъ-кабинету университета св. Владиміра. I. (Отт. изъ Унив. Изв.) К. 1892. in-8. 20 стр.

Дубровскій П. Отчетъ о дѣятельности правительственнаго агронома по Полтавской губ. за 1891 г. in 8. 40 стр.

Жилинскій І. И. Очеркъ работъ экспедиціи по орошенію на югѣ Россіи и Кавказѣ. Спб. 1892. in-8. 403+IV стр.

Житіе преп. Антонія и Ѳеодосія, чудотворцевъ печерскихъ. М. in-16. 36 стр.

Земско-медицинскій отчетъ по Борзенскому уѣзду за 1891 г. Черниговъ. 1892. in-8. 45 стр. и I табл.

Іосифъ епископъ. Виленскій православный Некрополь. Вильна. in—8. 406 стр.

Зотовъ Р. В. О черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику и о Черниговскомъ княжествѣ въ татарское время. Изд. археограф. комиссіи. Спб. 1892. in—8. 327+47 стр.

Kalender für die deutschen Ansiedler in Süd. Russland aus das Jahr nach Christi Geburt 1893. Рига. in--8. 96 стр.

Кіевскій всенародный календарь на 1893 г. Изд. Т. Губанова. К. 1892. in—8. 211 стр. ц. 20 к.

Кіевскій всеобщій календарь на 1893 годъ. М. in—8. 175+III стр. ц. 20 к.

Кіевскій календарь на 1893 г. (простой). Изд. Ф. Іогансона. К. 1892. in—8. IV+231 стр.

Кіевскій народный календарь (мѣсяцесловъ) на 1893 г. (простой). Годъ 29. Ред.-изд. А. Андріяшевъ. К. in—8. 194 стр.

Клебановскій П. Богуславскій монастырь и его тяжелые дни. 1808—1860 гг. К. in—8. 12 стр.

Коммерческій карманный путеводитель по Москвѣ, Одессѣ и Кіеву. Изд. И. С. Метакса. Од. 1892. in—16. 145 нен. стр.

Короленко П. И. Первые четыре атамана бывшаго черноморскаго (нынѣ кубанскаго) казачьяго войска. Екатеринодаръ. 1892. in—16. 36 стр. ц. 10 к.

Короленко П. П. Черноморское казачье войско (1775—1792). Истор. очеркъ. Екатеринодаръ. 1892. in—16. 64 стр. ц. 15 к.

Крещановскій. Шелководство въ трипольскомъ районѣ кіевской губ. (отчетъ о командировкѣ). Черниговъ. in—8. 20 стр.

Кудринскій Ѳ. Судьба экзарха Никифора въ западной Россіи. Историч. очеркъ. К. 1892. in—8. 39 стр.

Матеріалы по археологіи Россіи. № 9. Древности южной Россіи. Греческія и латинскія надписи, найденныя въ южной Россіи въ 1889—1891 гг. Съ объясненіями В. В. Латышева. Съ I отд. табл. и II политип. Спб. 1892. in—4 64 стр.

Матеріалы по археологіи Россіи, изд. имп. археолог. коммиссіею. Византійскій памятникъ найденный въ Керчи въ 1891 г. изслѣдованія Іос. Строниговскаго и Н. В. Покровскаго. Съ 5 табл. рис. и 9 политип. въ текстѣ. Спб. 1892. in—4. 37 стр.

Милорадовичъ, графъ. Андрей Степановичъ Милорадовичъ, командиръ сѣвскаго пѣхотнаго полка 1763—1771, генералъ-поручикъ 1779—1796. Біогр. очеркъ. Изд. 3 е Черниговъ. 1892. in—8. 65 стр.

Мюллернъ-фонъ Р. А. Опытъ веденія многопольнаго сельскаго хозяйства въ юго-западномъ краѣ и краткія агрономическія свѣдѣнія. К. 1892. in—8. VIII+233; ц. 1 р. 50 к.

Наплеръ В. К. Нашествіе и чума. Эпизодъ изъ одесской старины. Од. 1892. in—8. 23 стр.

Народный календарь для южной Россіи на 1893 г. Изд. И. Федорова и К° (годъ 29-й). Од. 1892. in—4. 55 стр.

Нектарій, архим. Свято-Троицкій Густынскій монастырь. Ист.-статист. очеркъ. Лубны. in—8. VII+84 стр.

Neuer Haus—und Landwirthschafts Kalender für deutsche Ansiedler im sudlichen Russland auf das jahr. 1898. Од. in—8. 168 стр.

Николай (Далматовъ) архим. Супральскій Благовѣщенскій монастырь. Ист.-стат. описаніе, съ 15 рис. въ текстѣ и 2 въ приложеніи. Спб. in—8. XV—611 стр.

Одесскій календарь для южной Россіи на 1893 г. Од. in—16. 31 стр.; ц. 5 к.

Очеркъ житія митрополита тобольскаго и всея Сибири Іоанна Максимовича. М. in—8. 68 стр.

Петровичъ А. А. Желѣзнодорожный путеводитель и справочная книга для пассажировъ, заключающая въ себѣ спутникъ по городамъ: Харькову, Ростову на Дону и Кавказу и пр. Изд. 1-д. М. in—8. 47 стр.

Петровскій Г. Игорь и Ольга. (По преданію). Орша. in—8. 15 стр.

Реутскій Н. В. Княжество Луцкое и луцкое православное Крестовоздвиженское братство. Краткій историч. обзоръ. Кіевъ. 1892. in—16. 36 стр.

Рындинъ А. Е., поручикъ. Г. Ромны. Военно-историч.,очеркъ. Вильно. 1892. in—8. XI+48 стр.; ц. 30 к.

Сборникъ Харьковскаго историко-филологическаго общества. Т. 4-й. Хар. 1892. in—8, XXVII+292 стр.; ц. 3 р.

Słownik geograficzny krolestwa Polskiego i innych krajéw słowianskich, wydany pod red. B. Chlebowskiego według płanu F. Sulimierskiego. T. XII. Zesz. 137. Варш. 1892. in—4. 321—400 стр.

— Zesz. 138. Варш. 1892. in—4. 401—480 стр.

Слѣпой кобзарь. Украинская былина изъ казачьей жизни. М. 1892. in—16. 72 стр.

Статистическій обзоръ дѣятельности Харьковскаго губернскаго земства 1865—1890 г. Кн. 2-я. Историч. и статист. очеркъ по взаимному земскому страхованію въ періодъ съ 1867—1890 г. Составленъ К. Н. Куколь Яснопольскимъ. Кар. 1892. in—8. 111+182 стр. и XVI табл.

Татуръ Г. Х. Очеркъ археологическихъ памятниковъ на пространствѣ Минской губ. и ея археологическое значеніе. Минскъ. 1892. in—8. II+276 стр.

Тандытниковъ, Иванъ. Жидивська порада. Малороссійская комедія въ 2 дѣйств. К. 1892. in—8. 33 стр.; ц. 30 к.

Украинская красавица въ плѣну у турокъ. (На латышск. яз.). Рига. 1892. in—16. 48 стр.

Чайченко В. Скарбъ та други вирши. Изд. Ф. Іогансона. К. 1892. in—16. 23 стр.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. Книга 6-я. Изд. подъ ред. М. Ф. Владимірскаго-Буданова и Н. П. Дашкевича. К. 1892. in—8. V+26+261+142+XIV+88 стр.: ц. 3 р. 50 к.

Чулай Грыцько. На сьвятимъ вечори. Оповидання. Изд. В. Наголкина. К. 1892. in—16. 16 стр.

Яйце-райце. Народня сказка. Изд. Ф. Іогансона. К. 1892. in—16. 24 стр.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXXIX, 1892 г. Октябрь, Ноябрь и Декабрь.

		стр.
I.	ПО ПОВОДУ 900-ЛѢТІЯ ЧЕРНИГОВСКОЙ АРХІЕРЕЙСКОЙ КАѲЕДРЫ. *(Окончаніе).* **П. Л.**	1—14
II.	ОТРАЖЕНІЕ ПѢСЕННЫХЪ МОТИВОВЪ ВЪ НАРОДНЫХЪ МАЛОРУССКИХЪ ДУМАХЪ. **П. Житецкаго.**	15—34
III.	СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. *(Продолженіе).* Проф. **Н. Ѳ. Сумцова** 35—50, 176—187,	379—390
IV.	ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ ШМАТКОВСКІЙ, ПРОТОПОПЪ ГЛУХОВСКІЙ, И ЕГО СНОШЕНІЯ СЪ МОСКОВСКИМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ (1658—1673 ГГ.). (Страничка изъ исторіи малорусскаго духовенства). **Виталія Эйнгорна.**	51—69
V.	КЪ ИСТОРІИ УЧЕНІЙ О БЫТѢ СЛАВЯНЪ. (Критическая оцѣнка книги проф. Собѣстіанскаго «Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. Историко-критическое изслѣдованіе. Харьковъ. 1892 года, 336, XII). **Д. И. Багалѣя** 70—103, 247—262,	426—437
VI.	ЗАПИСКИ МИХ. ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ ПАШИ).	104—117
VII.	НАЗАРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КАРАЗИНЪ И ЕГО КОЛОКОЛЪ. **Д. И. Багалѣя**	163—175
VIII.	ТРЕВОЖНЫЕ ГОДЫ. (Очерки изъ общественной и политической жизни г. Кіева и юго-западнаго края въ 1811—1812 гг). **О. Левицкаго.** 188—212,	347—360
IX.	ТВОРЦЫ И ПѢВЦЫ НАРОДНЫХЪ МАЛОРУССКИХЪ ДУМЪ. **П. Житецкаго.**	213—231

стр.

X. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АВТОНОМА АКИМОВИЧА СОЛТАНОВСКАГО . . . . . 232—246, 409—425

XI. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ РАСКОПКИ БЛИЗЪ Г. ЛУБЕНЪ, ПОЛТ. Г., ВЪ УРОЧИЩѢ ЛЫСАЯ ГОРА. *(Съ тремя таблицами рисунковъ и планомъ).* **Василія Ляскоронскаго** . . . . 263—278

XII. АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ѲЕДОТОВЪ - ЧЕХОВСКІЙ (1806 — 1892 гг.). (Некрологъ). **И. Каманина** . . . . 279—288

XIII. МИХАИЛЪ, МИТРОПОЛИТЪ КІЕВСКІЙ XII ВѢКА. (1131—1147 года) **П. Л.** . . . . . 323—336

XIV. БОЖІЙ ЧАСЪ. (Изъ недавняго прошлаго). **Ѳ. Кудринскаго.** 361—378

XV. СТАРИННАЯ ЗАПИСЬ НАРОДНЫХЪ МАЛОРУССКИХЪ ДУМЪ СЪ ОБЗОРОМЪ ВАРІАНТОВЪ КЪ НИМЪ. **П. Житецкаго.** 391—408

XVI. ЧЕСТВОВАНІЕ ПАМЯТИ В. Н. КАРАЗИНА ВЪ ХАРЬКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ ПО СЛУЧАЮ 50-ТИ ЛѢТІЯ СО ДНЯ ЕГО КОНЧИНЫ. (Корреспонденція «Кіев. Стар.). . . 438—452

XVII. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) На родинѣ Кармалюка. Сообщилъ **В. Я.** б) Свѣдѣніе объ участіи малороссійскихъ козаковъ въ усмиреніи пугачевскаго бунта. **А. Л.** в) Къ исторіи Владиміро-Волынскаго базиліанскаго училища. **О. Л.** г) Письмо Изм. Ив. Срезневскаго къ Ал. Ир. Левшину. Сообщилъ **Левъ Мацѣевичъ.** д) О достопримѣчательностяхъ Вишневецкаго замка. **Ѳ. Кудринскаго.** е) Мои воспоминанія о въ Бозѣ почившемъ 7 сентября сего года Исидорѣ, митрополитѣ Новгородскомъ и С.-Петербургскомъ ж) «Вымороченный человѣкъ». **В. Щербины.** з) «Правная грамота» православнаго священника 1777 г. **В. Щербины.** и) Индульгенція. **Ѳ. К—аго.** і) Вирши про панщину. **Ѳ. К—аго.** к) Реестръ заслуги музыки войсковой року 1711 октоврія. Сообщилъ **Дм. Багалѣй.** л) Московскій Историческій музей. Географическая выставка. **Сл. Ук.** м) Интересный приказъ о благопристойности духовенства въ началѣ прошлаго вѣка. Сообщилъ **О. Л.** н) Первые кіевскіе нотаріусы **А. А** о) Къ вопросу о децентрализаціи нашихъ историческихъ архивовъ.— Судьба Румянцевской Описи Малороссіи. **Н. В.** п) Для характеристики «багатырей». **В. Василенка.** р) Изъ архивныхъ мелочей. Сообщилъ **В. Сторожевъ.**

стр.

с) Изъ моей записной книжки. **Сергѣя Венгрженовскаго.** т) Розмова Хведора та Данила про Каина та про Авеля. у) Приказъ уніатскаго митрополита Смогоржевскаго уніатскимъ священникамъ бѣлоцерковскаго округа, послѣдовавшій 18 декабря 1784 г., касательно платы за требоисправленія. Протоіерея **П. Орловскаго.** ф) Глуховскіе серебряныхъ дѣлъ мастера сманиваютъ рабочихъ отъ кіевскихъ мастеровъ (1780 г.). **А. А.** х) Приглашеніе къ подпискѣ для учрежденія преміи покойнаго профессора А. А. Потебни. 118—130, 289—304 . . . . . 453—482

XVIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Архивъ Юго-Западной Россіи, издаваемый коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, состоящей при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Часть седьмая, томъ II. **В. М.** б) Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1882—1888 г. **В. Я.** в) Матеріалы по археологіи Россіи издаваемые Импер. Археологическою Коммиссіею. **В. Я.** г) Хрестоматія по исторіи Западной Россіи. Сост. Ар. Турцевичъ. д) П. Полевой. Русская исторія съ портретами и картами въ текстѣ. **П. Г.** е) Al. Czołowski. Z przeszłości Jesupola i okolicy. **Н. М.** ж) Изданія общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ. Экономическое изслѣдованіе района Новоселицкихъ вѣтвей. О постройкѣ Херсонскихъ вѣтвей. **Н. М.** з) Библіографическая замѣтка о новыхъ матеріалахъ, касающихся исторіи Малорассіи. **П. Иванова.** и) М. А. Дикаревъ: Воронежскій этнографическій сборникъ. **А. Степовича.** і) Dr. Cornellus von Paygert. Die sociale und wirtschaftliche Lage der galizischen Schuhmacher. Eine Studie über Hausindustrie und Hadwerk auf Grund eigener Erhebungen. **Н. М.** к) Антикварный каталогъ № LI. Коллекція сочиненій, большею частью на русскомъ языкѣ. **П. Г.** л) Обозрѣніе журналовъ. м) Списокъ книгъ, относящихся къ Южной Россіи. 131—162, 305—322 . . . . . 483—506

ОБЪЯВЛЕНІЯ . . . . . 1—17

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Предисловіе къ бориспольскимъ актамъ.

2) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Съ предисловіемъ **А. Лазаревскаго.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1893 г. **„НУВВЕЛЛИСТЪ“** 54-й г.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО

и

МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА.

Съ 1-го января 1893 г. „Нувеллистъ“ вступаетъ въ 54-й годъ своего существованія.

Въ 1893 году „Нувеллистъ“ будетъ выходить, какъ и прежде, перваго числа каждаго мѣсяца тетрадями отъ 30—35 стр. музыки большаго нотнаго формата. Годовой экземпляръ „Нувеллиста“ составитъ обширный томъ въ 400 стр. и дастъ подписчикамъ до 100 фортепіанныхъ пьесъ, танцевъ и романсовъ.

Каждая тетрадь „Нувеллиста“ будетъ содержать въ себѣ 1) Четыре или пять салонныхъ пьесъ въ двѣ и четыре руки, 2) Одинъ или два танца, 3) Русскій романсъ.

„**Музыкально-театральная газета**“ будетъ выходить въ продолженіи музыкальнаго сезона и дастъ полный обзоръ всего примѣчательнаго въ области Музыки и Театра.

ПРЕМІЯ

Каждый подписчикъ на „Нувеллистъ“ получитъ безплатно премію „полную оперу, или другое музыкальное сочиненіе“ по его выбору изъ 80-ти номеровъ и два портрета выдающихся музыкальныхъ дѣятелей.

Кромѣ того, редакція дастъ своимъ подписчикамъ весьма цѣнную премію, а именно:

Два кабинетныхъ рояля извѣстной фортепіанной фабрики **Я. Беккеръ.**
Поставщика Двора Его Императорскаго Величества

Рояли эти будутъ розыграны между всѣми подписчиками.

Подписная цѣна въ годъ **5** р. съ перес. **6** р.

Подписка принимается въ С.-Цетербургѣ въ главной конторѣ „Нувеллиста“ Большая Морская № 26, уголъ Гороховой.

Открыта подписка на 1893-й годъ

на издающуюся въ городѣ Ставрополѣ-Кавказскомъ общественно-литературную газету

IXг. изд. **„СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ“.** IXг. изд.

выходящую ДВА раза въ недѣлю и посвященную выясненію нуждъ края, названіе котораго носитъ газета.

Подписная цѣна:

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкой:	
На годъ	4 р. 50 к.	На годъ	5 р. 50 к.
— полгода	2 р. 50 к.	— полгода	3 р. — к.
— 3 мѣсяца	1 р. 50 к.	— 3 мѣсяца	1 р. 75 к.

[Суммы менѣе рубля можно высылать почтовыми марками].

Допускается разсрочка платежа — по соглашенію съ редакціей.

Адресъ: Ставрополь-Кавказскій, редакціи „Сѣвернаго Кавказа“. №—2.

ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“

Ежедневная газета политическая, общественная и литературная безъ предварительной цензуры.

„Русская жизнь“ остается вѣрной своему знамени.

Устраняя пріемы легкаго успѣха, мы при посредствѣ многочисленныхъ корреспондентовъ, будемъ по прежнему слѣдить за многотруднымъ земскимъ дѣломъ и освѣщать нужды всѣхъ областей и окраинъ Русской Земли, всѣхъ слоевъ нашего народа.

Мы памятуемъ, что люди—братья безъ различія національности; ихъ долгъ—жить въ мирѣ, во взаимной помощи и въ стремленіи къ благу общему.

Мы высоко цѣнимъ всемірный историческій опытъ и употребимъ всѣ усилія, чтобы внутренняя и внѣшняя политика въ освѣщеніи газеты сливались, чтобы „Русская Жизнь“ была органомъ цѣльнымъ, живымъ, отзывчивымъ.

Подписная цѣна съ пересылкой для иногородныхъ: На годъ - 9 р., полгода—5 р., 3 мѣсяца—3 р., одинъ мѣсяцъ—1 р., для городскихъ—8, 4 р. 50, 2 р. 60, 90 коп.; заграницу: на годъ 17 р., полгода 9 р.

Разсрочка допускается со взносомъ не менѣе 1 рубля ежемѣсячно впередъ.

Новымъ подписчикамъ газета высылается безплатно со дня полученія въ Главной Конторѣ подписныхъ денегъ по 1 января 1893 года: годовымъ—въ теченіе ноября и декабря, полугодовымъ—въ теченіе декабря.

Иногороднимъ, желающимъ ознакомиться съ „Русской жизнью“, газета высылается въ теченіе одного мѣсяца (ноября или декабря) за восемъ семикопѣечныхъ марокъ.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Большая Морская, 21.

№ 3. Редакторъ-Издатель А. Пороховщиковъ.

ГОДЪ IV. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 г. ГОДЪ IV.

на еженедѣльный иллюстрированный популярно-научный журналъ

для семейнаго чтенія и самообразованія

„ПРИРОДА и ЛЮДИ“

(Подписной годъ съ 1 ноября 1892 по 1 ноября 1893 г.).

Въ наступающемъ году журналъ „Природа и Люди“ сохранитъ прежнюю программу и направленіе, завоевавшія себѣ симпатіи читающей публики, т. е. по прежнему, наряду съ занимательными романами, повѣстями и разсказами, будетъ помѣщать на своихъ страницахъ и массу статей по всевозможнымъ отраслямъ науки и практической жизни.

52 Въ будущемъ году журналъ „Природа и Люди“ дастъ своимъ подписчикамъ: ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ НОМЕРА; каждый № будетъ состоять изъ 16 страницъ большаго формата и будетъ заключать въ себѣ 6—8 крупныхъ статей массу мелкихъ и 8—10 изящныхъ иллюстрацій.

— Всѣ статьи будутъ иллюстрированы лучшими художниками. —

Въ качествѣ приложенія редакція въ наступающемъ году дастъ:

12 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ ВЫПУСКОВЪ

полнаго описанія всѣхъ путешествій (по Финляндіи, Обонежью, Мурману, Печерскому краю, Сибири, Японіи, Персіи, Сиріи, Малой Азіи, Египту, Алжиру, Сахарѣ и т. п.)

извѣстнаго путешественника-писателя доктора А. В. Елисѣева

подъ общимъ заглавіемъ

„ПО БѢЛУ СВѢТУ“.

Сочиненіе это будетъ великолѣпно отпечатано на веленевой бумагѣ и иллюстрировано массою (нѣсколько сотъ) рисунковъ лучшихъ иллюстраторовъ, какъ русскихъ: *Е. П. Самокишъ-Судковской, В. Г. Казанцева, Н. Н. Каразина, В. С. Полякова, Н. С. Самокиша* и др., такъ и иностранныхъ: *Ріу, Баяра* и пр.

Цѣна на журналъ со всѣми приложеніями остается прежняя 5 руб. въ годъ съ пересылкою и доставкою.

Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи журнала (СПБ., Вознесенскій пр., 47) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 апрѣля 2 руб. и къ 1 іюля 1 руб.

За 1889—1890 г. журналъ весь разошелся; за 1891 и 1892 г. осталось небольшое количество,—цѣна съ пересылкою 5 руб.

№ 2. Редакторъ С. Груздевъ.—Издатель П. Сойкинъ.

Годъ изданія 81-й. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1893.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

(Безъ предварительной цензуры).

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Выходитъ ежедневно въ двухъ изданіяхъ:

Первое въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ съ ежемѣсячными, еженедѣльными приложеніями и книжками «Романы и повѣсти».

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ, подписчики перваго изданія получатъ безплатно

1) Воскресное приложеніе въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала.
2) Книжки „Романы и повѣсти". Каждая книжка содержитъ 160—200 страницъ
3) „Моды и рукодѣлія"—12 нумеровъ, замѣняющихъ для семьи „Модный журналъ".
4) Стѣнной календарь, въ три краски и проч.

Подписная цѣна на первое изданіе (съ пересылкою по Имперіи):

На годъ 8 р., на полгода 4 р. 50 к., на три мѣс. 2 р. 50 к., на одинъ мѣс. 1 р.

Второе изданіе безъ приложеній.

Второе изданіе газеты „Сынъ Отечества" выходитъ ежедневно листами и въ дни, слѣдующіе за праздниками (всего въ годъ 360 нумеровъ). Въ нумерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, биржевыя извѣстія и телеграммы одновременно со всѣми другими дорогими изданіями.

Кромѣ того, на страницахъ втораго изданія помѣщаются художественно выполненные портреты Высочайшихъ особъ, современныхъ русскихъ и иностранныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, сосредоточивающихъ на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе общества.

Подписная цѣна на второе изданіе (съ дост. и перес. по Россіи):

На годъ 4 р., на полгода 2 р., на 3 мѣсяца 1 р., за границу (на годъ) 6 р.

Гг. годовые подписчики перваго или втораго изданія газеты „Сынъ Отечества", уплатившіе сполна подписную сумму, могутъ получить (на выборъ) одно изъ четырехъ новыхъ художественныхъ изданій, съ уплатою за первое, выбранное: безъ доставки 75 к., съ доставкою одинъ рубль. За остальныя, пріобрѣтаемыя одновременно уплачивается: безъ доставки 1 р. 50 к., съ доставкою 2 р. за каждое.

1) *„Се человѣкъ!“* (*„Ecce Homo!“*). Прозрачная картина, замѣняющая живопись на стеклѣ и изображающая ликъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ.

2) *Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ* НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ. Его Императорское Высочество изображенъ на сѣромъ, скачущемъ конѣ, въ лейбъ-гусарской парадной формѣ.

3) *Княжна Тараканова (во время наводненія).* Копія съ картины извѣстнаго профессора исторической живописи К. Д. Флавицкаго.

4) *Альбомъ—пятнадцать акварельныхъ картинъ къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго.* Рисовалъ извѣстный иллюстраторъ-художникъ Н. Н. Каразинъ.

Главная контора: С.-Петербургъ, Невскій пр., у Аничкина моста, д. № 68—40.

№—2.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

Императорскаго Казанскаго Университета

на 1893 годъ.

Въ ученыхъ запискахъ помѣщаются:

I. *Въ отдѣлѣ наукъ*: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды посторонникъ лицъ.

II. *Въ отдѣлѣ критики и библіографіи*: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знаній; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. *Университетская лѣтопись*: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, библіографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. *Приложенія*: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 к. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

№—2. Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

Объ изданіи въ 1893 году журнала

ГРАЖДАНСКАГО и УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ, подъ редакціей В. М. Володимірова, при ближайшемъ участіи въ редакціи отдѣла гражданскаго права К. П. Змирлова.

Цѣна за годовое изданіе:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки . 8 р. || съ пересылкой въ другіе города . 9 р.
съ дост. въ С.-Петербургѣ . 8 р. 50 к. || за-границей . . . . . 12 р.

Отдѣльно книга журнала 2 руб.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, *Рѣшенія Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената*, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 13 руб.

Листы рѣшеній кассаціонныхъ департаментовъ сената разсылаются немедленно по выходѣ изъ сенатской типографіи, за время съ 1-го января по 31-е декабря подписнаго года.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 4 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ другіе города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 р. съ кассац. рѣш. 8 руб. и въ іюнѣ остальная, до подписной цѣны, сумма. Гг. дѣйствительные члены с.-петербургскаго юридическаго общества пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к., а съ кас. рѣш. 8 р. 50 к. Тоже право предоставляется студентамъ университетовъ и вообще учащимся и кандидатамъ на судебныя и военно-судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе.

Гг. иногородніе благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1. кв. 38.

Оставшіяся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 гг. по 9 р., за каждый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за означенные годы, по 2 р. съ пересылкою. №—2.

Годъ изданія 58-й. — **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** — **1893.**

на большой семейный иллюстрированный и литературный журналъ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

въ теченіе года выдаетъ подписчикамъ:

ПЯТЬДЕСЯТЪ ДВА НУМЕРА, выходящихъ еженедѣльно, въ 3—4 листа большаго формата, на тоновой бумагѣ, съ 7—10 рисунками альбомнаго размѣра.

Еженедѣльные нумера журнала и ежемѣсячныя книжки въ 1893 г. будутъ реформированы и увеличены въ объемѣ листовъ. Кромѣ того при нумерахъ журнала будетъ выдано: 12 книгъ „Романы, повѣсти, разсказы и стихотворенія“, выходящихъ

въ первое воскресенье каждаго мѣсяца.—24 нумера „Парижскихъ модъ“ съ рисунками (выходитъ два раза мѣсяцъ).—12 нумеровъ „Образцовъ для дамскихъ изящныхъ рукодѣлій.—12 выкроекъ въ натуральную величину.—Четыре картины извѣстныхъ художниковъ, отпечатанныхъ въ нѣсколько красокъ.—4 нумера „Образцовъ для вышиванія“ по новѣйшимъ рисункамъ.—12 „Новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ“ русскихъ и иностранныхъ композиторовъ для пѣнія и фортепіано (романсы, танцы и салонныя пьесы).—Стѣнной календарь (съ картою Россіи). „Жизнь и хозяйство“ и „Забавы для юношества“ (съ иллюстраціями).

Въ числѣ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній въ 1893 г. будетъ, между прочимъ, выдано *полное иллюстрированное собраніе сочиненій*

В. ШЕКСПИРА.

Въ прозѣ и стихахъ, въ новомъ переводѣ П. А. Каншина, съ послѣднихъ, дополненныхъ англійскихъ изданій. Изданіе это будетъ сопровождаться статьею и историческими примѣчаніями извѣстныхъ знатоковъ англійской литературы—проф. Московскаго университета Н. И. Стороженко и П. И. Вейнберга, портретомъ автора, fac-simile съ его рукописи, видами мѣстностей и зданій, относящихся ка біографіи, виньетками и гравюрами, съ картинъ извѣстныхъ художниковъ: проф. К. Е Маковскаго, Грюцпера, Пилотти, Тумана, Каульбаха и др.

ПРЕМІЯ БЕЗПЛАТНО.

Всѣ годовые подписчики журнала, уплатившіе сполна подписную сумму, получатъ прозрачную картину, замѣняющую живопись на стеклѣ и изображающую ликъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ „*СЕ ЧЕЛОВѢКЪ!*“ (*„ECCE HOMO!“*). Воспроизведенную въ 18 красокъ съ знаменитой картины Гвидо Рени (разм. 11×13 дюйм.). Годовые подписчики, желающіе получить, кромѣ безплатной преміи, на выборъ, *одно* изъ *четырехъ* новыхъ художественныхъ изданій, уплачиваютъ за первое, безъ доставки 75 к., съ доставкою *одинъ* руб., а за остальныя, пріобрѣтаемыя одновременно, безъ доставки 1 р. 50 к., съ доставкою—*два* руб. за каждое.

Художественная новость (первый разъ въ Россіи).

1) Двѣ картины (Genre Watteau) на роскошномъ атласѣ—а) *„СВИДАНІЕ“* (отдѣльно не выдаются) б) *„ПРИЗНАНІЕ“*. Картины эти воспроизведены въ 20 красокъ и замѣняютъ дорогую ручную акварель на атласѣ.

2) *Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ* **НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.** Е. И. В. изображенъ на сѣромъ скакущемъ конѣ, въ парадной Лейбъ-Гусарской формѣ. Картина писана подъ наблюденіемъ проф. В. Виллевальде и отпечатана въ 23 краски (Размѣръ: выш. 30 дюйм., шир. 23 дюйма).

3) *Княжна Тараканова (во время наводненія).* Проф. К. Д. Флавицкаго. Отпечатана въ 20 красокъ (выш. 28 дюйм., шир. 17½ д.).

4 *Новый альбомъ—пятнадцать акварельныхъ картинъ къ сочиненіямъ Ѳ. М Достоевскаго.* Рисовалъ извѣстный художникъ Н. Каразинъ. Картины отпечатаны въ 17 красокъ, наклеены на цвѣтной картонъ и вложены въ изящную обертку.

Подписная цѣна на журналъ прежняя:

На годъ: безъ доставки въ Спб. 6 р. 60 к. Съ дост. и пересылкой по Имперіи 8 р. №—2. *Спб., Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ НА

Ежемѣсячное литературно-политическое изданіе

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Условія подписки на 1893 годъ.

(Четырнадцатый годъ изданія).

Съ доставкою и пересылк.	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
во всѣ мѣста Россіи . .	12 р.—к.	9 р. — к.	6 р.—к.	3 р. —к.	1 р. — к.
За границу.	14 „ — „	10 „ 50 „	7 „ —„	3 „ 50 „	1 „ 25 „

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 руб.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка 50 коп. съ годоваго экземпляра; кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногородныхъ въ городскіе, уплачивается по 50 к. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ

Подписка принимается:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала, Леонтьевскій, 21.

Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій просп., домъ Армянской церкви.

№—3. Редакторъ-издатель В. М. Лавровъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

Въ 1893 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ печатаются:

1) Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2) Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3) Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и посторонніхъ слушателей.

4) Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5) Программы, конспекты, и библіографическіе указатели для учащихся.

6) Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7) Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной административной и хозяйственной части Университета.

8) Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9) Годичные отчеты по Университету.

10) Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11) Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12) Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13) Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14) Ученые труды преподавателей и учащихся.

15) Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

„Университетскія Извѣстія“ въ 1893 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ „Извѣстій“ безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкой семь рублей. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики „Извѣстій“ при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета св. Владиміра платятъ за годовое изданіе „Университетскихъ Извѣстій“ 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; про даже отдѣльныхъ книжекъ не допускается. №—2.

ОКТРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. VI. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Сѣвернаго телеграфнаго агентства“. V. Послѣднія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края VIII. Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ). IX. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. X. Наука и искусство. XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Бѣллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библіографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты. XVIII. Сторонніе сообщенія. XIX. Объявленія.

Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногородн.	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей. Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

№—2.

ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ

67-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Газета политическая, литературная, экономическая и коммерческая.

Выходитъ ЕЖЕДНЕВНО, не исключая понедѣльниковъ, въ количествѣ не менѣе **330** номеровъ въ годъ.

Открыта подписка на 1893 годъ.

Въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ помѣщаются слѣдующіе отдѣлы:

1) Телеграммы общія.
2) Телеграммы коммерческія.
3) Передовыя статьи по внутренней и иностранной политикѣ.
4) Газетное обозрѣніе.
5) Маленькая хроника (фельетонныя замѣтки на злобы дня).
6) Внутреннія извѣстія.
7) Иностранныя извѣстія.
8) Мѣстная хроника (Одесская и Южно-русскаго края).
9) Корреспонденціи (русск. и загран).
10) Искусство и литература.
11) Судебная хроника (общихъ и военныхъ судовъ).
12) Отголоски (летучія замѣтки по разнымъ предметамъ).
13) Смѣсь и разныя извѣстія.
14) Фельетонъ (литературный, научный, беллетристическій и друг.).
15) Торговыя свѣдѣнія.
16) Справочный отдѣлъ.

Для иллюстраціи статей объ особо выдающихся лицахъ или фактахъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ печатаются ПОРТРЕТЫ и РИСУНКИ, относящіеся къ событіямъ дня.

Условія подписки.

Для иногородныхъ съ пересылкой и въ Одессѣ съ доставкою:		Въ Одессѣ безъ доставки:	
на 12 мѣсяцевъ	12 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ	10 р.
„ 6 „	7 „ — „	„ 6 „	6 „
„ 3 „	3 „ 75 „	„ 3 „	3 „

Кредитъ допускается: для частныхъ лицъ по соглашенію съ Главной Конторой, а для лицъ, служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, за поручительствомъ ихъ казначеевъ.

Разсрочка подписной платы допускается для годовыхъ подписчиковъ: 1) по полугодіямъ съ уплатою по 6 руб. не позже 1 января и 1 іюня; 2) по третямъ года по 4 руб.: не позже 1 января, 1 апрѣля и 1 августа и 3) по четвертямъ года по 3 руб.: не позже 1 января, 1 марта, 1 іюня и 1 сентября.

Адресъ Редакціи и Главной Конторы: Одесса, уголъ Пушкинской Полицейской, д. Кассо, № 14. №—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 Г. НА

ТЕХНИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

4-й годъ и ВѢСТНИКЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, Изданія.

Ежемѣсячный журналъ открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій по всѣмъ отраслямъ промышленности.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1. Правительственныя распоряженія и узаконенія, касающіяся фабрично-заводской промышленности, желѣзныхъ дорогъ и т. п. промышленныхъ предпріятій. 2. Машиностроеніе и механическое дѣло. 3. Механическія производства, ручная и машинная обработка металловъ, дерева, волокнистыхъ матеріаловъ и проч. 4. Химическія производства. 5. Желѣзнодорожный отдѣлъ. 6. Архитектура.—Инженерное и строительное искусства. 7. Электро-техническій отдѣлъ. 8. Санитарное дѣло. 9. Кустарный отдѣлъ. 10. Графическія искусства. 11. Техническое образованіе. 12. Обозрѣніе дѣятельности торгово-промышленныхъ учрежденій и техническихъ обществъ. Біографіи съ портретами выдающихся дѣятелей техники и промышленности. 13. Критика и библіографія. 14. Смѣсь: Техническія замѣтки о новостяхъ техники, рецепты совѣты, описанія различныхъ новыхъ составовъ и средствъ, патентованныя и секретныя средства и пр.—Для выполненія упомянутыхъ выше отдѣловъ программы Редакція обезпечила себя солиднымъ контингентомъ постоянныхъ сотрудниковъ изъ числа профессоровъ и преподавателей техническихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, а также практическихъ дѣятелей, занимающихся на русскихъ и заграничныхъ фабрикахъ, заводахъ и въ др. промышленныхъ учрежденіяхъ. 15. Справочный отдѣлъ: вопросы и отвѣты на запросы гг. подписчиковъ, относящіеся до ихъ спеціальности. Торговыя и статистическія свѣдѣнія; данныя о спросѣ и предложеніи. Свѣдѣнія о новыхъ привилегіяхъ. 16. Объявленія въ текстѣ и въ видѣ особыхъ приложеній.

Получая всѣ извѣстнѣйшія иностранныя изданія по различнымъ фабрично-заводскимъ производствамъ, Редакція располагаетъ лучшими изъ помѣщаемыхъ въ нихъ статей и даетъ возможность своимъ читателямъ пользоваться массою полезнаго необходимаго и дорогаго, многимъ недоступнаго матеріала.

Контора изданія (коммерческій отдѣлъ) оказываетъ всѣмъ гг. подписчикамъ возможное содѣйствіе по различнымъ справкамъ, по выпискѣ книгъ, образцовъ разныхъ издѣлій, машинъ, инструментовъ и пр.

Къ журналу прилагаются: чертежи, книги и брошюры спеціальнаго характера.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой—16 р.; на полгода 9 р. Учащіеся въ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ пользуются скидкой въ 25%.

Допускается разсрочка подписной платы по четвертямъ года.

Адресъ Редакціи: Москва, Долгоруковская ул., д. № 71.

№—3. Редакторъ-Издатель Ученый Инженеръ-Механикъ К. А. Казначеевъ.

ИЗДАНІЯ ГОДЪ ВТОРОЙ.

Открыта подписка на 1893 годъ на

„БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ".

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Изданіе Антикварной книжной торговли П. Шибанова въ Москвѣ.

По своей обширной программѣ „Библіографическія Записки" служатъ дѣлу правильной разработки отечественной библіографіи и представляютъ собою пособіе при изученіи русской и заграничной литературы и книжнаго дѣла. Въ нихъ помѣщаются статьи и изслѣдованія, посвященныя изученію жизни и дѣятельности писателей и лицъ, потрудившихся на пользу просвѣщенія, ихъ переписка, историческіе документы, касающіеся преимущественно печатнаго и книжнаго дѣла, обзоры и историческіе очерки извѣстныхъ книгохранилищъ, отзывы о новыхъ книгахъ, статьи о книжной торговлѣ русской и заграничной. Указатель новыхъ книгъ ведется въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, въ какихъ онъ не появлялся ни въ одномъ журналѣ; дается подробный указатель журнальныхъ статей, съ перечисленіемъ всѣхъ рецензій о выходящихъ вновь книгахъ

Въ каждомъ нумерѣ помѣщаются портреты, большею частію на особыхъ листахъ, снимки съ рукописей, копіи съ рѣдкихъ гравюръ и автографическія воспроизведенія.

Вслѣдствіе этого „Библіографическія Записки" являются журналомъ необходимымъ для всякаго образованнаго человѣка.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

За годъ съ доставкой и перес. 6 р. — к	Кромѣ того для любителей будетъ
За границу . . . . . 7 „ — „	печататься 50 нумерованныхъ
На другіе сроки подписка не принимается	экземпляровъ на лучшей бумагѣ.
Цѣна нумера въ отдѣльн. прод. —„ 75 „	Цѣна такому годовому изданію
Съ доставкою и пересылкою . 1 „ — „	съ дост. и перес. . . . . 12 р.

Подписка и объявленія принимаются въ главной конторѣ редакціи (Москва, Петровскія линіи, Антикварная книжная торговля П. Шибанова) и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно въ Москву въ главную контору редакціи. №—2.

Открыта подписка на 1993 г. (4-й годъ изданія)

На ежемѣсячный общепедагогическій журналъ для школы и семьи:

„РУССКАЯ ШКОЛА",

издаваемый подъ редакціею Я. Г. ГУРЕВИЧА.

Въ вышедшихъ въ текущемъ 1892 году книжкахъ помѣщены, между прочимъ слѣдующія статьи: 1) Теорія воспитанія въ классическомъ мірѣ. Проф. А. С. Тра-

чевскаго. 2) Янъ Амосъ Каменскій. 3) Какъ я сдѣлался писателемъ? (Нѣчто въ родѣ исповѣди). Проф. Н. П. Вагнера; 4) Изъ пережитаго (въ Маріинской женской гимназіи). Д. Д. Семенова; 5) Объ отношеніяхъ умственнаго труда къ физическому. В. В. Гориневскаго; 6) Объ общественныхъ задачахъ образованія. П. Ѳ. Каптерева; 7) Вопросъ объ обремененіи учениковъ нашихъ гимназій въ зависимости отъ ихъ положенія въ семьѣ и домашней обстановки. Я. Г. Мора; 8) Къ вопросу о задачахъ воспитанія въ области явленій, связанныхъ съ половою жизнью человѣческаго организма. А. М. Калмыковой; 9) Причины половыхъ аномалій въ дѣтскомъ возрастѣ и мѣры къ предупрежденію ихъ и устраненію въ семьѣ и въ школѣ. Д-ра А. С. Виреніуса; 10) Голосъ врача-профессора по вопросу о вліяніи экзаменовъ на здоровье испытуемыхъ. Проф. Н. И. Быстрова; 11) Къ вопросу о физическихъ упражненіяхъ учащихся. А. Я. Чернышевой; 12) О задачахъ русской педагогики. М. И. Демкова; 13) Наблюденія надъ развитіемъ нравственнаго уровня дѣтей въ одной изъ начальныхъ городскихъ школъ. О. Х. Павловичъ; 14) Общественное воспитаніе дѣтей въ Парижѣ. А. С. Симоновичъ; 15) О безпризорныхъ дѣтяхъ и дѣтскихъ садахъ для нихъ. Е. М. Гаршина; 16) Педагогическое значеніе занятія фотографіей. Проф. Д. Н. Кайгородова; 17) Къ вопросу о преподаваніи естественныхъ наукъ въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Проф. П. Ф. Лесгафта; 18) Желательная постановка преподаванія физики въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ. М. Ю. Гольдштейна; 19) Къ вопросу о внѣклассномъ чтеніи въ связи съ вопросомъ объ ученическихъ сочиненіяхъ. Ю. А. Галабутскаго; 20) О грамматическомъ матеріалѣ въ русскихъ учебникахъ. А. И. Анастасіева; 21) О постановкѣ преподаванія математики въ среднеучебныхъ заведеніяхъ Франціи. В. Б. Струве; 22) О составленіи учениками историческихъ альбомовъ. К. А. Иванова; 23) Народное образованіе во Франціи. А. С. Симоновичъ; 24) Новый прусскій законопроектъ относительно народныхъ училищъ 1892 г. К. Н. Модзалевскаго; 25) О санитарномъ состояніи школъ въ Московской губерніи. В. А. Крандіевскаго; 26) О требованіяхъ, предъявленныхъ къ народнымъ училищамъ на съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому профессіональному образованію. А. А. Ильина; 27) Въ чемъ нуждаются городскія училища и начальныя школы. А. Г—ина; 28) Городскія училища по положенію 31 мая 1872 года. К. К. Сентъ-Илера; 19) Общественное и юридическое положеніе сельскаго учителя. А. М. Тютрюмова.

Кромѣ того, въ вышедшихъ книжкахъ за текущій 1892 годъ заключается цѣлый рядъ критическихъ статей и рецензій слѣдующихъ постоянныхъ сотрудниковъ „Русской Школы“ проф. Д. Ѳ. Бѣляева, проф. Ю. А. Кулаковскаго, проф. П. Ф. Лесгафта, А. С. Виреніуса, В. В. Гориневскаго, П. Г. Мижуева, А. Ѳ. Соколова, А. Г. Шалыгина и многихъ другихъ (всего болѣе 60 рецензій); обзоръ нѣсколькихъ педагогическихъ журналовъ, иностранныхъ и русскихъ, а также цѣлый рядъ статей по хроникѣ народнаго образованія Я. В. Абрамова; Отчеты о засѣданіяхъ С.-Петербургскаго и Московскаго Комитетовъ грамотности; отчеты о засѣданіяхъ общепедагогическаго отдѣла Педагогическаго музея; цѣлый рядъ замѣтокъ по статистикѣ народнаго образованія въ Западной Европѣ и въ Россіи и т. п.

Журналъ „Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе восьми печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—ШЕСТЬ рублей въ годъ; съ доставкою 6 р. 50 к.; для иногородныхъ съ доставкою СЕМЬ рублей; съ пересылкой за границу—ДЕВЯТЬ рублей въ годъ. Гг. сельскимъ

учителямъ и учительницамъ дѣлается съ подписной цѣны одинъ рубль уступки и, кромѣ того, допускается разсрочка платы въ два срока.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (уголъ Лиговки и Бассейной, гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова, „Новаго Времени“ и Калмыковой.

Подписка на 1890 г., за израсходованіемъ всѣхъ экземпляровъ, прекращена.

За 1891 и 1892 годы имѣется еще въ конторѣ редакціи небольшое число экземпляровъ по вышеозначенной цѣнѣ.

№ 3. Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ.*

ВЪ 1893 ГОДУ

При Кіевской Духовной Академіи будутъ издаваться

ПО ПРЕЖДЕ УТВЕРЖДЕННОЙ ПРОГРАММѢ:

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ“,

журналъ научнаго содержанія и характера.

Въ немъ будутъ помѣщаться научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ преподаваемыхъ въ духовной Академіи; по предметамъ общезанимательныя, по изложенію доступныя большинству читателей.

При журналѣ будутъ помѣщаться переводы твореній блаженнаго Іеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія, подъ общимъ названіемъ: „Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ“.

Указомъ Св. Синода отъ 3—19 февраля 1883 г. подписка какъ на журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи“, такъ и на „Библіотеку твореній св. отцовъ и учителей ц. западныхъ“ рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

„Труды Кіевской Духовной Академіи“ будутъ выходить ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 листовъ.

Цѣна за годъ съ пересылкою „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи“—7 р.

Адресъ: въ Редакцію Трудовъ, при Кіевской Духовной Академіи, въ Кіевѣ

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ 1) Н. Я. Оглоблина въ Кіевѣ, на Крещатикѣ,—2) Игн. Л. Тузова, въ С.-Петербургѣ.

„Труды Кіевской Духовной Академіи“ продаются по уменьшенной цѣнѣ: 1860—1866, 1868 гг. по 3 р.; за 1869—1873 гг. по 4 р.; за 1874—1878 гг. по 5 р съ пересылкою, за 1879—1882 гг. по 6 р.. за 1883—1892 гг. по 7 р. съ пересылкою Экземпляры „Трудовъ“ за 1884 г. всѣ распроданы.

Мѣсячныя книжки „Трудовъ“ 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 65 коп., съ пересылкою 80 коп.; 1874—1893 гг. по 1 руб.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ
въ 1893 году.

Въ 1893 г. „Извѣстія“ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (въ первыхъ числахъ январг, марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Въ содержаніе каждой книжки входятъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сербіи).

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи.

4) Хроника извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи.

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи.

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ первыхъ книжкахъ „Извѣстій“ за 1893 г. будутъ напечатанф между прочимъ, слѣдующія статьи: „Данныя о городахъ Волжскгй Булгаріи“ П. А. Пономарева; „Матеріалы для характеристики бронзовой эпохи въ Волжско-Камскомъ краѣ“ Его же, „Древнія мѣдныя орудія въ Кавк. губ.“ А. А. Штукенберга, „Древности Костром. губ.“ Его же, „Тяглыя земли на Вяткѣ въ XVII в.“ А. А. Спицына „Формы жилищъ и селеній у народовъ В. Россіи“ (сводъ извѣстій путешественниковъ и этнографовъ, въ составленіи котораго примутъ участіе К. И. Воронцовъ, Н. Я. Кириловъ, А. К. Кулагинъ, М. Н. Пинегинъ, П. В. Траубенбергъ), „Мордва. Историко-этнографическій очеркъ“ И. Н. Смирнова (отдѣлъ этнографическій), „Черемисы Арбанской волости“ Н. Троцкій, „Замѣтки о Мордвѣ Нижегородскй губерніи“ А. Д. Смирнова, „Остатки языческихъ вѣрованій и обрядовъ у Зырянъ“ А. В. Красова, „Кара-Якубовская волостл Белеб. у. Уф. г. б.“ И. А. Износкова и др.

Въ видѣ приложеній къ „Извѣстіями“ будутъ печататься двѣ серіи изданій:

1) Матеріалы для этнографіи Поволжья. I. „Черемиско-русскій словарь“ В. П. Троицкаго, II, „Мордовско-русскій словарь“ М. Е. Евсевьева.

2) Археологическая библіотека Извѣстій“. I. Мѣдный вѣкъ въ Европѣ. М. Мухъ. II р. съ нѣм.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

№ 3. Члены Редакціоннаго Комитета И. Смирновъ и А. Соколовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1893 г.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе быть русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., д. № 20, у Полицейскаго моста, книжный магазинъ А. Ѳ. Цинзерлинга (бывшій Мелье и К°). Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магазин. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подьяческую, близь Екатерининскаго канала, д. № 7.

№ 3. Издательница *Е. М. Семевская.* Ректоръ *Н. К. Шильдеръ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ

на ежемѣсячный литературно-научный и политическій журналъ

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ,

выходящій 1-го числа каждаго мѣсяца.

Условія подписки:	На годъ.	По полугодіямъ.		По четвертямъ года.			
		Январь.	іюль.	Январь.	Апрѣль.	Іюль.	Окт.
Безъ доставки въ конторѣ журнала. . .	12 р. — к.	6 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р.
Съ доставкой въ Спб.	12 „ 50 „	6 „ 50 „	6 „ — „	3 „ 50 „	3 „ — „	3 „ — „	3 „
Съ пересылкой въ предѣлахъ Имперіи. .	13 „ 50 „	7 „ — „	6 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „
За границей	15 „ — „	8 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	3 „

Вмѣсто разсрочки годовой цѣны на журналъ, подписка по полугодіямъ и по четвертямъ года принимается безъ повышенія годовой цѣны подписки. Книгопродавамъ уступка въ 50 к. съ годового экземпляра.

Подписка принимается:

Въ С.-Петербургѣ: Въ Главной Конторѣ журнала, Троицкая ул., д. 9, и въ отдѣленіяхъ Конторы; въ Москвѣ въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, въ книжныхъ магазинахъ Новаго Времени и Н. П. Карбасникова.

Въ теченіе 1892 г. въ „Сѣв. Вѣстн“ было, между прочимъ, напечатано:

„Золото“, ром. Д. Мамина-Сибиряка. Жена, пов. А. Чехова. Севилья, миражи, впечатлѣнія, легенды В. Немировича-Данченко. Законныя жены, очерки Ольги Шапиръ. Трупъ, разск. П. Боборыкина. Vae victis, отрывокъ неоконч. романа Софьи Ковалевской. Петербургскій случай, пов. К. Баранцевича. Грани жизни, ром. А Лугового. Общество грамотности, посмертный разск. Каронина. Передъ чѣмъ-то, П. Боборыкина. Обида, пов. А. Шеллера (Михайлова). Дневникъ Маріи Башкирцевой, пер. съ франц. Алія, ром. Леффлеръ ди-Кайянелло, перев. со шведскаго. Софья Ковалевская (Что я пережила съ нею и что она разсказывала мнѣ о себѣ), Леффлеръ ди-Кайянелло. перев. со шведской рукописи, М. Лучицкой. Статьи: Неурожаи въ Россіи и ихъ причины, Л. Весина. Открытое письмо Генри Джорджа къ Папѣ Льву XIII, проф. И. Янжула. Право и справедливость, проф. С. Муромцева. Голодовки въ Россіи до конца прошлаго вѣка, проф. Ѳ. Леонтовича; Криминальная антропологія; проф. В. Чижа. Наканунѣ новаго столѣтія, проф. Алексѣя Веселовскаго. Объ усталости, М. Манасеиной; Двадцатипятилѣтіе передвижниковъ, Вѣнская музыкально-театральная выставка и др. В. Стасова. Кавалеры и круглоголовые, проф. Максима Ковалевскаго. Врагъ съ Востока, Влад. Соловьева. Борьба растеній съ засухой, проф. К, Тимирязева. Генрихъ Ибсенъ и его пьесы, Н. Минскаго. Судебная фотографія, И. Щегловитова, и друг. Стихотворенія: А. Жемчужникова, Н. Минскаго, Влад. Соловьева и друг.

Ежемѣсячные отдѣлы въ журналѣ: 1) Областной отдѣлъ. 2) Земскій отдѣлъ И. Бѣлоконскаго. 3) Провинціальная печать, 4) Новыя книги, 5) Письма изъ Аме-

рики, В. Макъ-Гаханъ. Письма изъ Парижа, Роберъ де Серизи, Письма изъ Италіи, Л. Рускина. 6) Внутреннее обозрѣніе. 7) Политическая лѣтопись проф. А. Трачевскаго и 8) Литературныя замѣтки А. Волынскаго.

Ближайшее участіе въ журналѣ принимаютъ слѣдующія лица:

М. Н. Альбовъ, А. Л. Волынскій, Л. Я. Гуревичъ, Л. А. Полонскій, А. П. Субботинъ и А. С. Трачевскій.

Издательница Л. Я. Гуревичъ Редакторъ М. Н. Альбовъ. №—3.

БИБЛІОГРАФЪ

ГОДЪ IX. — 1893. —

Журналъ историко-литературный и библіографическій.

Съ портретами, снимками съ книгъ, гравюръ, рукописей и т. п.

Отдѣлъ 1. Лѣтопись литературы и книговѣдѣнія: 1. Исторія литературы и просвѣщенія, по преимуществу въ Россіи: а) изслѣдованія и статьи по исторіи литературы, просвѣщенію и народной словесности, какъ общаго характера, такъ и монографіи по отдѣльнымъ вопросамъ; біографіи литературныхъ дѣятелей, ученыхъ и ревнителей просвѣщенія, и б) матеріалы для исторіи литературы, просвѣщенія и народной словесности. 2. Книговѣдѣніе: а) описаніе рукописей, рѣдкихъ изданій и т. п.; б) книжное дѣло въ старину и въ настоящее время: книгопечатаніе и графическія искусства, библіотековѣдѣніе, книжная торговля, книгоиздательство, литературная и художественная собственность; в) статистика книгопечатанія и книжнаго дѣла; г) біографіи дѣятелей по книжному дѣлу. 3. Критика и библіографія: обзоры книгъ и періодическихъ изданій, а также дѣятельности литературныхъ обществъ и учрежденій. 4. Разныя извѣстія и замѣтки: а) хроника литературная и книговѣдѣнія; б) судебныя извѣстія по дѣламъ литературы и книжнаго дѣла; в) некрологи; г) вопросы и отвѣты; д) смѣсь.

Отдѣлъ 2 (справочный). Лѣтопись книгопечатанія: 1. Каталогъ новыхъ книгъ. 2. Указатель статей въ періодическихъ изданіяхъ. 3. Rossica. 4. Правительственныя распоряженія по дѣламъ печати. 5. Замѣтки о новыхъ изданіяхъ. 6. Объявленія.

Въ приложеніяхъ: 1) Отдѣльныя работы по исторіи русской литературы книговѣдѣнію и прочимъ предметамъ входящимъ въ программу журнала. 2) Портреты, снимки съ книгъ, гравюръ, рукописей и т. п.— на особыхъ листахъ и въ текстѣ журнала.

Редакція имѣетъ основаніе надѣяться, что всѣ эти лица будутъ сотрудниками „Библіографа“ и на будущее время, причемъ предполагаетъ особенно развить отдѣлы журнала, касающіеся исторіи литературы и книговѣдѣнія.

Подписная цѣна въ годъ 5 руб. съ пересылкою. За границу 6 руб.

(12 №№ въ годъ).

Подписка у А. С. Суворина (С.-Петербургъ, Невскій просп., д. 38) и въ другихъ извѣстныхъ книжн. магазинахъ; для иногородныхъ въ редакціи (С.-Петербургъ, Забалканскій просп., д. 7, кв. 13).

№—2. Редакторъ Н. М. Лисовскій.

ВЫШЛИ И РАЗОСЛАНЫ ПОДПИСЧИКАМЪ

53-й и 54-й ВЫПУСКИ

(КУКОЛИ — ЛАНГГАНСЪ)

НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ,

изданіе бывш. т-ва А. Гарбель и К° въ Москвѣ (Больш. Никитская Долгоруковскій пер., д. 8).

Въ текстѣ помѣщены: 2 рисунка и 13 портретовъ (Н. В. Кукольниковъ, Дж Кукъ. Дж. Ф. Куперъ, П. П. Куріаръ, Э. Курціусъ, Ж. Кювье, И А. Лаверецкій, Н. А. Лаверецкій, Е. А. Лавровская, А. Лавуазье, Л. Ф. Лагоріо, М. П. Лазаревъ, А. Ламартинъ).

Цѣна выпуску (съ перес.) 30 коп. на обыкн. бумагѣ и 40 коп. на лучш. бумагѣ; цѣна тому (14 вып.) въ перепл. 4 р. 50 к. на об. б. и 6 р. на лучш. бумагѣ.

Подробные проспекты для ознакомленія съ изданіемъ высылаются по требованію безплатно.

28. Вовторокъ. Сего дня передъ свѣтомъ коммендировано донскихъ, яитскихъ и колмикъ зъ капитаномъ Павловимъ подъ деревенку, неподалеце Тарковъ будучую, для взяття язика, а корпусъ увесь рушившись зъ становиска, увойшли верстъ зъ 15 и стали подля рѣчечки малой; посиланний зась капитанъ Павловъ зъ комендою, повернувшись до лагера, обявилъ, что имѣли они бой зъ татарами при оной помянутой деревнѣ, и ранено нашихъ 8 человѣка, а татаръ убито 10 и ранено нѣсколко; зъ тихъ же убитихъ татарина едного голову привюзъ колмикъ.

29. Середа. Сегодня рушивши 6 часа по полночи зъ ночлѣга вовторкового, обходили озера вправо и, недоходя горъ, при Кумтаркалахъ будучихъ, увидѣли татаръ отъ Тарку маширующихъ на суккурсъ Кумтаркалцамъ по пудъ горами, противъ которихъ ординовано нерекгулярнихъ войскъ вслкихъ довольное число, и когда наши перейшли яръ, въ которомъ вода по каменню течетъ, начался у нашихъ зъ татарами бой и стали татаре конніе тилъ подавати и утѣкати до горъ, за якими угнавшись наши нерекгулярніе войска, набѣгли на пѣхоту татарскую (которихъ, якъ самовидци сказуютъ, неболшъ било отъ 300 чловѣка) тайно засаженнгю, тогда устрашившись наши оной, стали назадъ черезъ яръ, где рекгулярніе фрунтомъ стояли, утѣкать, которихъ оборотясь конніи татаре нагоняючи разили и стреляли, и тутъ нѣсколко чловѣкъ забили, между которими и полковнику донскому тат(ар?)инъ, набѣгши, шию утялъ; а отъ корпуса зъ такой причини коммендировано туда, на тотъ бокъ яру, где билъ непріятель, 2 роти инфантеріи и 4 роти драгунъ зъ 2-ма пушками; а по сей сторонѣ яру палено на нихъ зъ 3 пушекъ, толко имъ некакового вреда неучинено. Перебравшимся черезъ яръ рекулярнимъ 6 ротамъ, рота одна драгунская, пошла фрунтомъ къ нимъ, якую заразъ 2 другіе драгунскіе жъ суккурсовали, и когда увидѣли татаре, что прамикомъ къ нимъ идутъ, то стали по малу до горъ братись, стреляючи отводомъ по ротахъ и по малу утѣкати, за которими подъ саміе гори подогнались; татаре зась, зайшовши за каменне и въ ущелля въ горахъ, стали по нашихъ палить, и бувъ бой зъ обоихъ сторонъ до заходу слонца.

и вибили наши рекгулярніе и некгулярніе татаръ зъ ущелліовъ и немало число онихъ поранено и побыто. При томъ полковникъ Аракчѣевъ отъ корпуса коммендированъ зъ 2-ма ротами дракгунъ, для спаленія городка Кумтаркаловъ, и якъ смеркло запалили городокъ. Того жъ вечора живцемъ двохъ чловѣка татаръ привезено. Городокъ Кумтаркали зъ приходу отъ крѣпости ст. Креста сидитъ надъ крутою горою, тако жъ и отъ горъ раздѣленіемъ яра, зъ другой сторони зъизду до его немашъ, отъ Тарку ровнина, где и бой билъ; валъ въ немъ каменний вишиною въ чловѣка, жилцѣ татаре, жилля мазанки, толко велми чисто дѣланніе; въ которомъ городку шафкалского зятя дворъ былъ; подъ онимъ городкомъ течетъ рѣчечка по каменню въ яру, по обоихъ сторонахъ рѣчки сади виноградніе и другихъ деревъ израдніе, поузъ сади починени канали, которими вода течетъ мѣстами и въ гору. Лагеромъ стояли по сей сторонѣ отъ Сулаку рѣчечки надъ горою, которій въ разстояніи былъ отъ вовторкового ночлѣга около 20 верстъ.

30. Четверъ. Сегодня днювали на томъ же мѣстѣ и помянутого допалювали городка.

Мѣсяця Октовр. 1. Пятокъ. Сегодня рушивши отъ Кумтаркаловъ 8-го числа зъ полночи, пришли на ночлѣгъ 5 часа по полуднѣ, подъ деревенку невеликую, отъ Тарковъ въ 5 верстахъ отстоящую, въ которихъ никого зъ жилцевъ тамошнихъ не было, бо разбѣжались, а помянутая деревенка сидитъ подъ горою шафкалскою, по которой многіе татаре на коняхъ ездили и ходили тогда. Увойшли сегодня верстъ около 15 отъ Кумтаркаловъ.

2. Субота. Отъ ночлѣга вчорайшного рушивши 7-го часа по полночи, ишли два часа и приишли 9 часа по полночи подъ городокъ Тарки, и стали лагеромъ на лугу, видомъ къ городку, куда отъ ночлѣга вчорайщого будетъ верстъ 5, а въ городку жителей никого не було, для чего безъ опасенія многіе зъ рекгулярнихъ и нерекгулярнихъ ездили въ городъ и забирали покиданніе татарами рѣчи, именно: коберцѣ, килими, пашню, ячмень, пшеницю и иншіе мелкіе рѣчи. Тарки городокъ сидитъ подъ самою крутою горою, пріездъ до оного зъ одной сторони отъ моста, отъ

которого проспектъ веселий до самаго моря, въ 3-хъ верстахъ въ разстоянiи будучого, жилля въ немъ 1000 дворовъ, а двори строенiемъ израдно мазанками, где и самаго шафкала домъ былъ каменний, въ якомъ самъ онъ живалъ; а въ ономъ дому 2 фонтани чистой води натурално текутъ. Надъ вечоръ, призапасившись въ фуражъ, запалили городокъ Тарки и 5 малихъ деревенiокъ, около Тарку по близу будучихъ, двѣ отъ пріезду Кумътаркалского, а 3 отъ Дербенскаго, такъ же по подъ горами имѣючіе свою осѣдлость. Тогда жъ поймали колмики татарина близъ Тарковъ, которій въ допросѣ своемъ сказалъ, что шафкалъ вчорайшого дня о полуднѣ зъ Тарковъ зъ пріездившимъ въ Сулакъ посланникомъ турецкимъ отехалъ, толко невѣдаетъ куда; да и тое обявилъ, что шафкалъ писалъ до владѣлцовъ горскихъ другихъ, просячи себѣ въ людехъ помоществованія, въ чемъ оніе владѣлци ему отказали, а его шафкалскихъ людей до бою болшъ 3000 мѣтъ, и тіе не барзо имъ доволни.

3. Неделя. Сегодня рано коммендировано 300 чловѣкъ, зъ рознихъ комендъ, Тарковъ допалювать и разбивать доми въ ономъ мѣстечку и впомянутіе 5 деревнѣ близъ Тарковъ сидячіе, которіе, спаливши и разоривши, возвратились надъ вечоръ въ лагеръ, где дневали. Казанскихъ татаръ чловѣка 2, въ полону бившихъ въ горахъ, вийшли зъ горъ и прийшли въ лагеръ.

4. Понеделокъ. Сегодня 7-го часа по полночи, рушивши отъ лагера, ишли все по дирбенской дорозѣ по пудъ горами, которіи были намъ у право, а въ лѣво Каспѣйское море, и отийшовши отъ Тарковъ впередъ верстъ около 15, повернули вправо, внутръ горъ и ишли ущеллемъ между високими горами, сажень на килкадесятъ протягшимъся, безъ трудности, а после вийшли на ровное мѣсто, а пройшовши оттуду, где повернули вправо, верстъ 5, прийшли подъ городокъ, зовемій Карантаки и стали недоходя помянутого городка лагеромъ на горѣ високой, а въ городокъ коммендировано 5 ротъ драгунскихъ и перекгулярнихъ число особливое, и когда оніи спустились съ гори и начали приходить подъ городокъ близко, то тамъ татаръ чловѣка зъ 10, вистреливши зъ пѣщалей своихъ., побѣгли

въ гори и оставили приречоний городокъ безлюденъ, въ которій войшовши наши брали що могли застать зъ всякихъ вещей. А колмики, передомъ и по сторонамъ бѣгаючи, спалили много число кутановъ, между горами построеннихъ, то есть дворовъ загороднихъ. Городокъ Карапtаки сидитъ на горѣ, на мѣстцу веселомъ, вкругъ оного сади израдніе виноградніе и другихъ деревъ, а именно: кедровіе. сливяніе, дулевіе и волоскихъ орѣховъ, которіе такъ суть великіе, же заледво 2 чловѣка могутъ обнять дерево; фруктовъ всякихъ доволно всему войску было, а найбарзѣй дуль дивной величины. Дворовъ въ ономъ 790, строеніемъ тожъ чисти противъ кумтаркалского жилцѣ татаре владѣнія мафкалского, води чистіе вокругъ оного текутъ, чистіе и холодніе по камѣнню, где многіе были устроенни мелници и канали починени, которими оная вода имѣетъ свое въ гору теченіе. По обѣдѣ запалили городокъ и сади порубали, и татаръ 3 чловѣка поймали.

5. Вовтор. Сегодня рано, спустившись зъ високой гори, где лагеромъ стояли, на низъ маршировали по пудъ самими Карапtаками и, отойшовши отъ оного за версту впередъ къ Казанишамъ, стали лагеромъ и тутъ начовали.

6. Середа. Сегодня 7-го часа по полночи рушивши отъ лагера, маршировали поузъ двѣ деревнѣ большіе, зоземіе Гиле и Перавль, въ которихъ зъ жителей никого небыло, а що наши застали тамъ, тое забирали, а именно: посуди мѣдніе, коберцѣ и другіе дробязки, тако жъ много ячменю и пшеницѣ и набравши доволно фуражу, обѣ деревнѣ помянутіе запалили и, отийшовши отъ деревнѣ Перавль въ глибъ въ гори верстъ у 5, стали на ночлѣгъ лагеромъ. Увойшли тогда отъ Карапtаковъ до ночлѣга верстъ около 15, въ дорозѣ по полю и по подъ деревнями просовъ въ копахъ стоячихъ, сѣна много попалили Обѣ деревнѣ Гиле и Перавль шафкалского владѣнія, сидятъ оніе на хорошихъ мѣстахъ противъ другихъ, при всякомъ доволствѣ; дворовъ въ деревнѣ Гиле 400. Якъ стали лагеромъ рекгулярніе войска, тогда перекгулярніе побѣгли впередъ подъ городокъ, прозиваемій Чумгуте, въ 5 верстахъ отъ лагера въ глибъ отстоящій, где татаре бывшіе имѣли зъ нашими баталѣю пе-

редъ городкомъ, а после, немогучи татаре устояти, уступили за помянутій городокъ и, роздѣлившись на 3 части, былися до заходу слонца, противъ которихъ коммендированніе 4 роти, когда прийшли, заразъ татаре уступили и розбѣглись въ ущелля, за которими, же позно уже было, нелзя было гнати, але взяли наши немало пожитковъ, въ гарбахъ зложеннихъ, коберціовъ, килимовъ и проч. Городка сего не палили для того, что оній не шафкалского владѣнія, але тавлинского, толко фуражу доволно набрали. Подъ часъ бою нашихъ донскихъ козаковъ 3 чловѣка ранено, а татаръ немало побито. Городокъ сей сидитъ подъ самими горбами лезкгійскими, при всякомъ доволствѣ противъ другихъ.

7. Четвер. Сегодня рано зъ ночлѣга вчорайшого рушившись, ишли назадъ поузъ село Перавль, для того, что минули були дорогу, до Казанишъ лежачую отъ села Перавль въ лѣво, и маршировали тогда часовъ около 6 и, увойшовши верстъ зъ 13, стали лагеромъ, не доходя Казанишъ въ 2 верстахъ тамъ тревога учинилась, едно отъ того, что поехавшихъ по фуражъ нашихъ въ деревню Будленъ, которая вълево лежитъ, едучи до Казанишъ, за горою, напали татаре, которіе, за прибуттемъ нашего суккурса, прогнани, другое, что отъ Казанишъ показался булъ непріятель.

8. Пятокъ. Сегодня поутру рушившись, перейшли гору, недоходя Казанишъ будучую, и прийшли подъ село Казаниши, къ которимъ коммендировано заразъ пѣхоти 200, драгунъ 300, козаковъ всѣхъ командъ 2000 конно, и когда оніе спустились зъ гори и подійшли подъ помянутіе Казаниши близко, то начали татаре около онихъ Казанишъ и въ нѣсколко будучіе кричати и шапками махати, до которихъ посилани били наши сами первей толмачи, и зъехавшись они зъ татарами сажень якобы 10, розговоръ чинили и, повернувшись толмачѣ нами до генераловъ обявили, что просятъ татаре, жебы деревень не палили, тако жъ пашень и другихъ вещей не пустошили, чего ради посланъ Соймоновъ подполковникъ для розговору, которій въ такой силѣ предлагалъ имъ, что дается татарамъ на 2 часа времени и чтобъ оніе между тимъ въ аманати 2 чловѣка знатнихъ прислали, а после самъ шафкалъ приехалъ бы

къ генераламъ, албо синовъ своихъ или зъ первѣйшихъ татаръ для переговору прислалъ; а по вистю 2-хъ часовъ, ежели не являтся аманати, то повелено будетъ войскамъ вступить въ Казаниши и и разорять оніе. По окончению такового розговору, повернулся Соймоновъ и сказалъ, что просятъ, мовитъ, татаре милости немножко подождать, поколь о томъ увѣдомлятъ шафкала, который будто тогда былъ у Вишнихъ Казанишахъ; и данъ былъ онимъ срокъ, которіе первей бѣгали то взадъ, то впередъ черезъ Казаниши и по за Казанишами, а потомъ, по прошествію 4-хъ часовъ, не явилися, а такъ комендированимъ нашимъ войскамъ, которіе подъ Казанишами стояли, повелено, перейшовши черезъ Казаниши, на той сторонѣ стати, а протчіе, въехавши въ Казаниши, брали що могли найти, коберцѣ, килими и протчіе мелкіе рѣчи. Оніе татаре, что розговоръ чинили, знатно, что обманували нашихъ тимъ своимъ розговоромъ, а то для того, чтобъ имъ пожитки свои, которихъ прежде зъ Вишнихъ Казанишъ не успѣли вивезти въ гори, теперъ убрать било можна, якожъ и учинилось; а до Вишнихъ Казанишъ отъ сихъ будетъ 2 версти. Казаниши село болшое, сидитъ болшая часть оного на ровнинѣ, а другая на горѣ и въ яру, строеніе противъ другихъ городковъ; подъ онимъ текутъ рѣчечки по камѣнню чистой води и на онихъ много мелницъ; оное село шафкалъ вмѣсто приданого за женою взялъ. Тогда віішолъ рускій пензовскій житель зъ женою и зъ синомъ, въ Казанишахъ прижитимъ, который кубанцями взятъ былъ въ неволю и проданъ жителю казанишскому, где черезъ 7 годъ жилъ, толко сказовалъ, что нужди и бѣди жадной не имѣлъ. Лагеромъ стояли зъ приходу нашего, не доходя большихъ Казанишъ у полъ версти.

9. Субота. Сегодня комендировано зъ лагера 200 човѣка пѣхоти и 200 драгунъ зъ 2-ма пушками до Вишнихъ Казанишъ, для спаленія оной деревнѣ; тако жъ велено охотникамъ нерекгулярнимъ, по вѣдомостямъ виходніовъ, вдарить на пожитки татарскіе, которіе влѣво отъ Казанишъ въ лѣсу на гарбахъ були, и недоходячимъ нашимъ нерекгулярнимъ, которихъ около 4000 было до Вишнихъ Казанишъ, стрѣтили онихъ татаре конніе и пѣшіе, и

стали зъ нашими давать бой, куда въ скоромъ времени и висше-реченніе рекгулярніе прибули, и начался въ нашихъ такъ рекгулярнихъ, яко и нерекгулярнихъ зъ татарами великій огонь и битва, и була палба отъ 9-го часа до 12-го, безъ перерівки, и випалено зъ пушокъ по нихъ 64 раза, и такъ прогнавши татаръ въ саміе лезгійскіе гори и ущелля, пожитки ихъ, на гарбахъ въ лѣсу лежачіе, отбили. Зверхъ вишъпоказанного числа рекгулярнихъ коммендировано еще 200 пѣхоти и 200 дракгунъ на суккурсъ нашимъ, противъ непріятеля зъ едною пушкою, которій по окончаніи уже акцѣи и по прогнаттю въ гори непріятеля, туда приспѣли и, совокупившись зъ протчіими, пошли до Казанишъ Вишнихъ, где брали всякіе пожитки, якіе тамъ були и передъ вечоромъ, запаливши оніе, возвратились паки до лагера. На оной акцѣи убито нерекгулярнихъ 3-хъ чловѣка, а ранено 31, дракгунъ 6 чловѣка ранено; а зъ непріятелской сторони по даннимъ вѣдомостямъ отъ комендъ да и по сказкамъ, взятихъ въ полонъ, посля 2-хъ татаръ, убито болшъ 300 и ранено немало число. Якіе полоняники и тое сказивали, что на ономъ бою были и инихъ опрочъ шафкала владѣлцовъ люде, а именно: усмойци, суркайци, тавлинци, а въ якомъ числѣ невѣдомо. Толко усмойцовъ побито и ранено на ономъ бою болше всѣхъ; да и самъ шафкалъ издалека, изъ дачи, будто смотрѣлъ на то, а синъ шафкалскій, якобы убитъ тамъ зосталъ. Бой у нашихъ зъ помянутими татарами бувъ подъ самими почитать горами болшими, прозиваемими лезгійскими, отъ Казанишъ Вишнихъ въ 3-хъ верстахъ влѣво, между ярами и пригорбками, окритими густо дубовими кущами. Вишніе Казаниши отъ Нижнихъ въ 3-хъ верстахъ сидятъ, владѣнія шафкалского, сидятъ оніе надъ ярами, подъ самими горами Лезгійскими при всякомъ противъ протчіихъ деревень угодіи. Сегодня надъ вечеръ, вивезли наши що лутшое зъ Нижнихъ Казанишъ и запалено оніе, которіе черезъ всю ночъ горѣли, чего для на едномъ семъ мѣстцу сей день простояли.

10. Неделя. Сегодня 7-го часа зъ полночи, рушивши зъ подъ Казанишъ Нижнихъ, пошли круто направо и прийшли до села, зовемого Кумики, которое въ владѣніи сина шафкалского обрѣтается.

Отъ Казанишъ около 7-ми верстъ до оного села есть; въ ономъ селѣ на скалѣ построенъ дворъ помянутого сина шафкалского високій; и пройшовши отъ оной деревнѣ около 8 верстъ, стали лагеромъ подля деревнѣ, Капчудай призиваемой, которая сидитъ при самомъ ущеллю, якимъ до Сулаку виходили. Въ дорозѣ, идучи еще до предреченого села Кумикъ, спалили по лѣвой сторонѣ 2 села великіе, прозиваеміе Мизулмавъ и Шура зъ двома деревенками со всѣми угодіями въ нихъ бывшими, а перебравшись черезъ село Кумики, и оное такъже спалили, и еще одно село черезъ рѣчечку, якоби у полъ версти отъ Кумикъ лежачое, именуемое Холѣбѣкчавъ, спалили жъ зъ сѣнами и зъ кутанами, при ономъ бывшими, да еще жъ зверхъ показаннихъ, деревенки 3 маленкіе, въ сторонѣ бывшіе, тогда жъ разорени. Оніе села и деревнѣ шафкалского были владѣнія, осаженни при водахъ живихъ и при всякомъ угодіи, строеніе такъ якъ и въ другихъ селахъ.

11. Понеделокъ. Сегодня, рушивши 7-го часа зъ полночи, ишли поузъ деревню Капчудай, якая сидитъ подъ самимъ ущеллемъ, и пройшовши запалили оную и вступили въ самое ущелле, которимъ (нѣмъ и йшли до Кумтаркаловъ, где перший зъ татарами бой былъ) ишли верстъ болшъ 7, и війшовши, стали на прежнемъ мѣстцу лагеромъ, неподалеку нѣщанихъ горъ. Оное мѣсто узкое, называючоеся ущелле, мѣстами такъ узко, что толко чотиромъ чловѣкомъ можна проехать верхи, и внутръ оного вода, отъ деревнѣ Капчудай начавшись, течетъ по дорозѣ до самихъ Кумътаркаловъ, глубиною у полъ колѣна; по обоихъ сторонахъ оной дороги, превисокіе каменніе гори, а мѣстцами есть и широко, тако жъ и полянки, да тамъ же и черезъ гору переездъ есть и до проходу оное мѣсто весма есть трудное противъ того, которимъ входили внутръ горъ, где еслиби непріятель засѣлъ на версѣ горъ, то би не толко моглъ стрелбою вредить внизу, но и камѣннемъ побилъ би, а супротивъ наши ниякого вреда онимъ не могли бъ учинити, однакожъ безъ всякой перепони перейшли черезъ тое мѣсто.

12. Вовтор. Сегодня, 6-го часа зъ полночи рушивши зъ подъ Кумтаркаловъ, пришли 4-го часа по полуднѣ до лѣса, зовемого

Дурважъ, и пройшовши лѣсъ, не доходя крѣпости ст. Креста, лагеромъ стали, куда отъ Михайла Афанасіевича Матюшкина до генераловъ присланъ зъ поздравленіемъ Ушаковъ, атютантъ его.

13. Середа. Сегодня рано генералъ Кропотовъ, передомъ другихъ, при ему и бунчуковое товариство, въ крѣпость приехали ст. Креста, а потимъ и увесь корпусъ. А сколко деревень разорено и якіе именно, и сколко въ нихъ дворовъ, также кутановъ, то есть загородних дворовъ, и мелницъ разорено, и сколко чего добуто зъ виднѣйшихъ рѣчій, о томъ слѣдующій реестръ приложенъ: села: 1) Кумътаркали, а въ нихъ дворовъ 200, 2) Сиса, двор. 200, 3) Туркали, двор. 90, 4) Амерхалникъ, двор. 60, 5) Тарки, двор. 1000, 6) Вилдиръ, двор. 60, 7) Канадуръ, двор. 200, 8) Агаксулъ, двор. 100, 9) Карантаки, двор. 790, 10) Гиле, двор. 400, 11) Барикентъ, 400, 12) Двургели, двор. 200, 13) Губленъ, двор. 200, 14) Болшіе Казаниши, двор. 1000, 15) Маліе Казаниши, двор. 300, 16) Мамликъ, двор. 100; 17) Шура, двор. 100, 18) Капиркумикъ, двор. 100, 19) Халимъбекъ, двор. 60, 20) Капчегай, двор. 50, summ. 6420 дворовъ. Спалено жъ и разорено кутановъ 1000, мелницъ 400, судовъ морскихъ полбусковъ—2, лодокъ 5, пушокъ взято 5, ядеръ пушечнихъ 34, гранату 1, цепъ желѣзнихъ 2, ядеръ судовихъ 2.

Конецъ первой части.

ДНЕВНИКЪ

ГЕНЕРАЛЬНАГО ПОДСКАРБІЯ

ЯКОВА МАРКОВИЧА.

(1717 — 1767 гг.).

Изданіе „Кіевской Старины“,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Ал. ЛАЗАРЕВСКАГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(1717 — 1725 гг.).

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4.
1893.

Предисловіе.

Болѣе тридцати лѣтъ назадъ были изданы „Дневныя Записки“ генеральнаго подскарбія Якова Марковича (М. 1859. 2 ч., въ 8 д. л.), который будучи однимъ изъ образованнѣйшихъ малороссіянъ перв. полов. XVIII в. (р. 1696 † 1770), оставилъ намъ въ своемъ дневникѣ цѣнный матеріалъ для изученія внутренней жизни Малороссіи XVIII в.—Дневникъ веденъ, безъ перерыва, въ теченіе того полувѣка (1717—1767), который былъ временемъ постепеннаго сокращенія автономной жизни старой Малороссіи и перехода къ общегражданскимъ формамъ государства. Начавъ свой дневникъ при гетманѣ Скоропадскомъ, Марковичъ пересталъ его писать только при президентѣ малороссійской коллегіи Румянцевѣ... Издателемъ и редакторомъ перваго изданія „Дневныхъ Записокъ“ былъ родной внукъ ихъ автора, Ал—ндръ Мих—чъ Марковичъ (р. 1790 † 1865), принадлежавшій также, въ свою очередь, къ образованнѣйшимъ малороссіянамъ первой половины настоящаго вѣка. Оцѣнивъ по достоинству значеніе дневника, какъ историческаго памятника, Ал. Мих—чъ издалъ его однако съ значительными сокращеніи и, главное, съ весьма частыми поновленіями языка... Насколько сокращенъ дневникъ въ изданія 1859 г. видно изъ того, что первая часть нашего изданія, вмѣщающая въ себѣ болѣе 20-ти листовъ и оканчивающаяся 1725-мъ годомъ, по изданію А. М. Марковича занимаетъ всего только *девять листовъ* (собственно 142 стр.) разгонистой печати; можно сказать, что дневникъ Марковича по изданію 1859 г. сокращенъ не менѣе какъ наполовину. А какъ значительны измѣненія въ

языкѣ, допущенныя редакторомъ перваго изданія съ цѣлію поновить языкъ, читатель можетъ самъ усмотрѣть, сравнивъ навыборъ страницу-другую прежняго изданія съ настоящимъ, причемъ можно иногда замѣтить замѣну однихъ словъ другими даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда этого вовсе нетребуетъ принятое первымъ изданіемъ поновленіе языка [1]).

Отсюда видно почему дневникъ Марковича требуетъ новаго изданія,—полнаго и во всемъ точнаго съ подлинникомъ.—Такое изданіе мы и желаемъ представить, воспроизводя въ немъ подлинникъ памятника безъ какихъ либо сокращеній и измѣненій собственно самого дневника.

Для оцѣнки дневника Марковича, какъ историческаго памятника, считаемъ необходимымъ привести здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія о личности его автора.

Марковичи заняли видное мѣсто въ рядахъ козацкой старшины по вліянію гетманши Настасьи Марковны Скоропадской. Родоначальникъ Марковичей—Маркъ Аврамовичъ, по преданію, былъ выкрещенный еврей, поселившійся въ шестидесятыхъ годахъ XVII в. въ Прилукѣ [2]). Здѣсь онъ женился на до-

---

[1]) Для примѣра измѣненій въ языкѣ и замѣны однихъ словъ другими, приводимъ однакоже и здѣсь нѣсколько строкъ.

Подлинникъ. У тіотки немоществующей былемъ, а у вечеру къ себѣ пріехалемъ пообѣдать, а потимъ знову, у вечеру, поехалемъ и допозна пробавилемъ. (1729 г, дек. 14).

Изданіе 1859 г. У тетки немоществующей былъ и ввечеру пріѣхалъ къ себѣ пообѣдать, а потомъ снова къ ней поѣхалъ и допоздна пробылъ.

Подлинникъ. Тіотка моя Анастасія Скоропадская, гетманова, сего ранку, год. сполночи 7, мѣнутъ 40, временное сіе окончила житіе. Болѣзнь была горячка. Толко при христіанской доброй рефлексѣи, ибо, при кончинѣ, Господа Бога отъ сердца своего призывала и наконецъ сказала: о проклятая временная жизнь, о вѣчная тамъ радость. (Дек. 19).

Изданіе 1859 г. Тетка моя, Анастасія Скоропадская, гетманова, сего утра годины съ полночи 7, минутъ 40, временное сіе окончила житіе, при христіонской доброй рефлекціи; ибо, передъ кончиною, Господа Бога отъ сердца призывала и наконецъ сказала: „о тяжкая временная жизнь, о вѣчная будущей радость“!

[2]) Архіепископъ Филаретъ ошибается (Опис. Черниг. епарх., VII, 300) называя родоначальникомъ Марковичей—Марка Кимбару, владѣльца с. Березы, глуховскаго уѣзда. Кимбара умеръ въ 1659 г., оставивъ вдову Агафью Ефимовну, ко-

чери богатаго мѣщанина Григорія Корнѣенка [1]) и скоро сталъ отцомъ значительнаго семейства. Средства къ жизни Маркъ Аврамовичъ добывалъ себѣ разными промыслами; но главнымъ изъ нихъ былъ промыселъ „арендарскій“, заключавшійся въ торговлѣ водкою, право продажи которой до начала XVIII в. въ Малороссіи отдавалось на откупъ. „Арендарскій“ промыселъ считался очень выгоднымъ и имъ не брезгала и козацкая старшина меньшихъ ранговъ. Вѣроятно, этимъ промысломъ Маркъ Аврамовичъ и нажилъ тѣ достатки, которые дали ему возможность повыдавать дочерей въ замужество за людей большею частью очень замѣтныхъ въ тогдашнемъ малороссійскомъ обществѣ. Славившаяся красотою дочь Настасья [2]) выдана была за генеральнаго бунчучнаго Константина Голуба, шурина гетмана Самойловича; другая, Ирина—за Степана Миклашевскаго, сына стародубскаго полковника; Марина—за лохвицкаго протопопа Павла Имшенецкаго, Прасковья—за журавскаго сотника Демьяна Якубовича и только пятая дочь Марка Аврамовича выдана была за бѣдняка Андрея Кондзеровскаго, котораго впослѣдствіи Скоропадскій устроилъ „маршалкомъ двору гетманскаго“. Браками своихъ дочерей Маркъ Аврамовичъ сталъ извѣстнымъ въ Малороссіи человѣкомъ.—Окончательно измѣнилась судьба этой семьи, когда Настасья Марковна, овдовѣвъ и выйдя во второй разъ замужъ за Скоропадскаго, стала, въ ноябрѣ 1708 г., гетманшей. Зять-гетманъ немедленно надѣлилъ тестя маетностями, давъ ему въ прилуцкомъ полку два села: Великую и Малую Дѣвицы, въ которыхъ и дожилъ свой вѣкъ Маркъ Аврамовичъ. Умеръ онъ въ 1712 г., какъ видно изъ сохранившагося письма Скоропадскаго, въ которомъ послѣдній извѣщаетъ шурина своего Андрея М—ча, что ни онъ, ни „Настуся“ на похороны пріѣхать не могутъ [3]). Кромѣ пяти дочерей, у Марка Ав-

торая, постригшись въ монахини, въ 1671 г. устроила глуховскій преображенскій дѣвичій монастырь. Родоначальникъ Марковичей, Маркъ Аврамовичъ умеръ въ 1712 г.

[1]) Отъ него пошли настоящіе полтавскіе дворяне Огроновичи.

[2]) Портретъ ея приложенъ къ изданію 1859 г. Подлинникъ этого портрета находился въ Гамалѣевскомъ монастырѣ (глуховск. уѣзда), но недавно мы его видѣли далеко уже отъ монастыря...

[3]) Украинскій Журналъ 1824 г. № 2, стр. 130—132.

рамовича было столько же и сыновей. Межъ ними самимъ замѣтнымъ былъ старшій—Андрей, который пользуясь положеніемъ близкаго человѣка къ гетману и полковничьимъ урядомъ, нажилъ такія маетности, что родъ его уже въ полов. XVIII в. сталъ однимъ изъ богатѣйшихъ въ Малороссіи.

Изъ дѣтей и внуковъ Андрея Марковича выдѣлился лишь одинъ сынъ его—авторъ дневника Яковъ. Яковъ М—чъ учился въ кіевской академіи и за свои способности былъ однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ Феофана Прокоповича, который повидимому возлагалъ на него большія надежды въ будущемъ. Какъ смотрѣлъ на Марковича бывшій его ректоръ, видно изъ письма послѣдняго, которое онъ писалъ къ своему въ то время двадцатилѣтнему ученику. Вызванный Петромъ Великимъ, въ 1716 г., въ Петербургъ, Феофанъ ѣхалъ черезъ Глуховъ и хотѣлъ здѣсь повидаться съ любимымъ своимъ ученикомъ, но, не заставши его дома, написалъ къ нему письмо, съ первой станціи отъ Глухова (Есмани). „Во время твоего отсутствія, я былъ у тебя въ гостяхъ и пользовался твоимъ гостепріимствомъ. Это было для меня очень пріятно; непріятно и досадно только то, что я не засталъ тебя дома и потерялъ случай побесѣдовать съ тобою о многомъ, о чемъ хотѣлось поговорить съ пользою. Впрочемъ всякій ущербъ легко можетъ вознаградить Богъ. Живой примѣръ этого—ты самъ, который при помощи Божіей въ короткое время оказалъ такіе успѣхи въ богословіи, *о каких и помышлять не могут украшенныя митрами головы*; а между тѣмъ прежде никто и ожидать не могъ отъ тебя подобныхъ занятій. Продолжай-же счастливо идти тѣмъ-же путемъ“ [1]). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Прокоповичъ опять писалъ Марковичу, изъ Петербурга, очень длинное письмо, въ которомъ дѣлится съ нимъ тамошними своими впечатлѣніями. Жалуясь между прочимъ на схоластическое направленіе современныхъ ему теологовъ, Прокоповичъ говоритъ: „о если-бы, по твоему прекрас-

[1]) „Труды кіевск. дух. акад., 1865 г., январь 141—142.

ному примѣру, во всѣхъ возбудилась жажда знанія и изученія вопреки тиранству предвзятаго мнѣнія. Тогда была-бы надежда что изъ тьмы возсіяетъ истина! Но иное, какъ мы видимъ, совершается на дѣлѣ: всѣ стремятся учить и почти никто не хочетъ учиться... Ты, clarissime, по своему ревностному обычаю, учись и не позволяй себѣ ни мало ослабѣвать. Правда, у тебя нѣтъ собесѣдника и, конечно, я съ своей стороны всего болѣе желалъ-бы жить, обращаться и бесѣдовать съ тобою и съ подобными тебѣ; но если Промыслъ рѣшилъ иначе, то нужно будетъ покориться. У тебя есть мудрые собесѣдники и учителя лучше насъ скудныхъ; съ ними бесѣдуй [1]).

Нельзя видѣть въ этихъ письмахъ лести, а слѣдуетъ заключить, что Яковъ Марковичъ имѣлъ всѣ задатки, чтобы сдѣлаться ученымъ кіевскимъ монахомъ и „украситься митрою“, но его манила къ себѣ жизнь мірская съ ея матеріальными благами. Кіевскіе академисты оканчивали свое ученіе лѣтъ въ семнадцать, восемнадцать; въ такомъ же возрастѣ оставилъ академію и Марковичъ. Въ это время тетка его—Настасья Марковна была уже гетманшей. Не имѣя сыновей, Настасья Марковна нуждалась въ близкомъ человѣкѣ, который помогалъ-бы ей въ веденіи письменной части ея хозяйственныхъ дѣлъ, которыя она вела, частью, отдѣльно отъ мужа. Такого человѣка она нашла себѣ въ старшемъ сынѣ любимаго брата Андрея, почему и взяла этого племяника подъ свое особое покровительство, какъ только онъ покончилъ свое кіевское ученіе. Прежде всего тетка позаботилась женить Якова М—ча, чтобы онъ, ставъ семьяниномъ, могъ начать устройство особаго своего „господарства“. Выборъ жены при этомъ гетманша взяла на себя и прежде всего позаботилась, разумѣется, о богатствѣ и знатности того рода, изъ котораго любимый племянникъ будетъ брать себѣ жену. Первымъ богачемъ, въ это время, въ Малороссіи былъ черниговскій полковникъ Полуботокъ, а у него оставалась еще невыданная замужъ третья дочь—Елена. Хотя Яковъ Мар-

[1]) Тамъ-же, 141—150. См. также „Интимную переписку Ѳеофана Прокоповича съ Як. Марковичемъ“. „Кіевск. Стар.“ 1882 г., II, 498 и слѣд.

ковичъ самъ по себѣ, и собственно по своему происхожденію, не представлялъ завиднаго жениха, но сватала гетманша любимаго своего племяника и—бракъ состоялся. Восемнадцати лѣтъ отъ роду Яковъ Марковичъ женился на дочери Полуботка. Скупой тесть надѣлилъ свою дочъ впрочемъ лишь одними „фантами“ и „клейнодами“, а маетности не далъ и самой малой, не смотря на то, что ихъ было у него—десятки. Отецъ Якова Марковича въ это время еще не успѣлъ нажиться, такъ какъ полковничій урядъ онъ получилъ въ годъ женитьбы сына. Ждать маетности отъ гетмана Якову М—чу было еще рано, такъ какъ маетности давались за „службы“, а ихъ за молодымъ академистомъ и быть не могло.—Спустя четыре года послѣ женитьбы племяника, гетманша нашла однако-же, что право на маетность онъ уже заслужилъ: въ январѣ 1718 г. Скоропадскій, „усмотрѣвши знатного войскового товарища Якова Марковича до услугъ войсковыхъ способность и впредь къ онымъ его заохочивая“, далъ ему хорошее село Сварковъ, къ тому же находившееся около Глухова, тогдашней гетманской резиденціи. Въ томъ-же году, будучи въ Москвѣ, гетманъ выхлопоталъ Марковичу на Сварковъ и царскую грамоту. Въ началѣ 1721 г. отецъ Якова Марковича назначенъ былъ въ ладожскій походъ; на время отсутствія полковника назначался, по войсковымъ обычаемъ, наказный полковникъ, выбиравшійся обыкновенно изъ старшихъ полковыхъ чиновъ; но когда Андрей Марковичъ ушелъ въ походъ, наказнымъ въ лубенскій полкъ гетманъ назначилъ, неожиданно для всѣхъ полчанъ, старшаго полковничьяго сына—Якова Марковича, двадцатипятилѣтняго войсковаго товарища, который до того ни въ какихъ „акціяхъ“ не бывалъ. Назначеніе это конечно возбудило неудовольствіе полковой старшины, которая въ этомъ назначеніи должна была увидѣть кромѣ личной обиды еще и попраніе старыхъ войсковыхъ обычаевъ родства ради... Около полугода правилъ Яковъ Марковичъ лубенскимъ полкомъ и, вѣроятно, за эту службу гетманъ нашелъ возможнымъ дать ему, въ слѣдующемъ году, еще одну маетность—село Сухоносовку. Но въ томъ-же году Скоропадскій и умеръ, а со смертью его тетка-гетманша теряла прежнее свое

значеніе. Но судьба Марковичу повидимому благопріятствовала: послѣ Скоропадскаго, наказнымъ гетманомъ сталъ тесть Марковича—Павелъ Полуботокъ. Послѣдній, какъ извѣстно, началъ борьбу съ президентомъ только что устроенной тогда въ Глуховѣ малороссійской коллегіи, стараясь защитить старшинскія маетности отъ налоговыхъ посягательствъ Вельяминова. Но та старшина, интересы которой Полуботокъ отстаивалъ, уклонялась отъ помощи своему предстателю, боясь навлечь на себя подозрѣніе правительства въ оппозиціи.—Зять Полуботка дѣйдѣйствовалъ, какъ и остальная старшина, избѣгая при этомъ даже встрѣчъ съ тестемъ... А когда въ 1723 г. пріѣхалъ въ Малороссію Румянцевъ, присланный Петромъ Великимъ для разслѣдованія объ участіи старшины и народа въ жалобахъ Полуботка на Вельяминова, то Марковичъ такъ ловко повелъ себя въ отношеніи къ царскому слѣдователю, что заслужилъ полное расположеніе послѣдняго [1]). Такимъ своимъ поведеніемъ Марковичъ прежде всего заслужилъ себѣ репутацію человѣка „неподозрительнаго“, а съ такою репутаціею можно было разсчитывать на полученіе всякихъ житейскихъ благъ. А ихъ то Марковичъ главнымъ образомъ и искалъ. Житейскія блага, по міросозерцанію тогдашняго малорусскаго чиновнаго человѣка, заключались въ полученіи вліятельнаго уряда, на которомъ можно было бы наживать всякія движимыя и недвижимыя имѣнія.

Въ годъ смерти Скоропадскаго, отецъ Марковича былъ отправленъ командиромъ отдѣльнаго козачьяго „корпуса“ въ дербентскій походъ, при чемъ исправленіе должности лубенскаго полковника поручено было снова Якову Марковичу. И на этотъ разъ порученіе исходило отъ близкаго человѣка,—отъ тестя, который при этомъ прислалъ зятю и наставленіе—какъ вести себя, въ виду конечно, того-же неудовольствія полковой старшины, которое должно было снова при этомъ проявиться противъ ужъ слишкомъ молодаго „наказнаго“ полковника. Около двухъ лѣтъ правилъ М—чъ на этотъ разъ лубенскимъ

[1]) См. подробности въ Кіевск. Старинѣ 1884 г., № 1, „Марковичи“.

полкомъ и не смотря на открытую непріязнь къ нему старыхъ полковниковъ, громко называвшихъ Марковича „новокрещеннымъ жидомъ“ [1]), устроилъ наилучшія отношенія съ тѣми царскими совѣтниками, которымъ тогда было ввѣренно главенство надъ Малороссіей (А. И. Румянцевъ и кн. М. М. Голицынъ). Въ другое время М—чъ конечно съумѣлъ бы извечь плодотворные результаты изъ своихъ отношеній съ такими людьми, но это время для Малороссіи было слишкомъ тревожно, что-бы можно было дѣйствовать по обычному порядку вещей. Въ началѣ 1725 г. отецъ Марковича вернулся изъ похода и принялъ отъ сына полкъ, а вслѣдъ затѣмъ, весною начались сборы въ такъ называемый сулацкій походъ отряда малороссійскихъ козаковъ, съ которымъ вмѣстѣ должны были идти въ походъ и— почти всѣ тогдашніе бунчуковые товарищи; высылая въ походъ поголовно этотъ цвѣтъ молодой старшины, стоявшей неудѣлъ и носившей почетное званіе бунч. товарищей, правительство точно боялось этихъ давно уже облѣнившихся полувоиновъ... Въ число отправленныхъ къ Сулаку бунч. товарищей попалъ и Яковъ М—чъ. Почти два года пробылъ онъ въ сулацкомъ походѣ, записавъ за это время въ своемъ дневникѣ интересныя свѣдѣнія, какъ бунчуковые товарищи, которые были побогаче, разнаго рода подарками улучшали свое положеніе... Очень умѣло въ этомъ отношеніи велъ свои дѣла и М—чъ, чрезъ что и получилъ возможность вернуться изъ похода въ числѣ тѣхъ, которые были „аттестованы больными“. Вернулся М—чъ домой весною 1727 г. и не успѣлъ отдохнуть, какъ снова долженъ былъ испытать разнаго рода треволненія, когда новопоставленный гетманъ Апостолъ обрушился съ своимъ гнѣвомъ на семью Марковичей. Марковичъ-отецъ лишенъ былъ полковничества и на него было подано, отъ обиженныхъ полчанъ, множество всяческихъ жалобъ. Защищаться отъ этихъ обвиненій М—чи поѣхали въ Москву и пробыли тамъ полтора года, отыскивая покровителей и заискивая у нихъ. Всѣ эти искательства велъ главнымъ образомъ Яковъ М—чъ и велъ съ обычнымъ

[1]) См. Русск. Арх. 1880 г., I, 190.

своимъ умѣньемъ—добиваться у сильныхъ людей благопріятныхъ результатовъ въ исканіяхъ... Уладивъ не только отцовскіе, но и дѣла тетки Скоропадской—объ оставленіи въ ея владѣніи части мужниныхъ имѣній,—Яковъ М—чъ вернулся въ Глуховъ и зажилъ тутъ мирною жизнью „пана“, на рукахъ котораго лежало распоряженіе значительнымъ хозяйствомъ въ нѣсколькихъ маетностяхъ. Изъ обыденнаго его житья, за время гетманства Апостола, можно отмѣтить два факта: попытка М—ча взять на откупъ „индукту“ (сборъ ввозной пошлины), платежъ за которую простирался до 20 тысячъ, и исканіе одного изъ генеральныхъ урядовъ. Попытка съ индуктой не удалась потому что она осталась за прежнимъ откупщикомъ, съ ловковстью котораго трудно было бороться, но эта попытка указываетъ, что М—чъ не боялся браться за такое большое по тогдашнему дѣло, требовавшее и капитала, и умѣнія. Не удалась и другая его попытка—получить урядъ генер. бунчучнаго, кандидатомъ на который онъ былъ „опредѣленъ“ лѣтомъ 1732 г.—Въ январѣ 1734 г. умеръ Апостолъ и правителями Малороссіи стали назначаться генералы. Для Марковича настала забота искательства пріязни у этихъ генераловъ. Пріязнь послѣднихъ онъ пріобрѣталъ, повидимому, безъ труда, благодаря своему умѣнію вовремя поклониться, вовремя поднести подарокъ, но результатовъ, въ смыслѣ служебнаго движенія впередъ, М—чъ ни какъ не могъ добиться. Въ 1739 г. производились выборы кандидатовъ на урядъ генер. судьи, при чемъ въ число трехъ кандидатовъ былъ выбранъ и М—чъ, но при наилучшихъ отношеніяхъ къ тогдашнимъ правителямъ, М—чъ и на этотъ разъ былъ обойденъ. Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1740 г., отставленъ былъ Марковичъ-отецъ отъ уряда генер. подскарбія, за старостью; выбраны были три кандидата и на этотъ урядъ, при чемъ въ число ихъ опять попалъ М—чъ. Малороссіей въ это время временно правилъ Шиповъ, настолько благорасположеный къ М—чу, что поручилъ послѣднему временное исправленіе уряда генер. подскарбія, „до указа“. А когда вслѣдъ засимъ пріѣхалъ въ Глуховъ новый правитель Малороссіи генералъ Кейтъ, то и благорасположеніе этого замѣчательнаго по честности и образован-

ности шотландца-масона М—чъ съумѣлъ сразу же пріобрѣсти. М—чъ умѣлъ угодить Кейту—историческими своими знаніями и своего библіотекою; образованный Кейтъ пріѣхавъ въ Малороссію, захотѣлъ познакомиться съ исторіею послѣдней и источники для этого знакомства, повидимому, могъ найти у одного М—ча. Черезъ три недѣли послѣ пріѣзда Кейта въ Глуховъ, М—чъ везетъ уже ему Пасторія—„De bello scytico-cosacico“ и еще двѣ книги, въ которыхъ, повидимому, тоже заключались историческія свѣдѣнія о Малороссіи. Снабжая Кейта книгами, М—чъ нерѣдко и „подпивалъ“ съ нимъ, повидимому заслуживъ расположеніе и этого правителя; но и изъ этихъ отношеній ничего существеннаго М—чъ не получилъ. Весною 1741 г. Кейтъ замѣненъ былъ Неплюевымъ, а вслѣдъ за отъѣздомъ Кейта изъ Малороссіи, полученъ былъ изъ Спб. указъ о назначеніи генер. подскарбіемъ Мих. Скоропадскаго, а не Марковича. На этотъ раза М—чъ кажется совсѣмъ оскорбился и находя, что оставаться ему, 45-тилѣтнему человѣку, въ подчиненномъ положеніи бунчуковаго товарища, уже не приличествовало, обратился къ тогдашнему правителю Леонтьеву съ просьбою выхлопотать ему по краней мѣрѣ чинъ „вакансоваго“ полковника; такъ какъ это былъ чинъ, а не должность, то Леотьевъ и не затруднился послать въ Спб. представленіе о „награжденіи“ М—ча этимъ чиномъ.—Затѣмъ, тогда же, М—чъ „подалъ генералу челобитье—о бытіи ему подъ особливою дирекціею войсковой генеральной канцеляріи“. Видимо, М—чъ находилъ неловкимъ оставаться въ средѣ той молодой по лѣтамъ старшины, которая, нося почетное званіе бунчуковыхъ товарищей состояла на посылкахъ у „генераловъ“ и генер. канцеляріи. Отличенъ былъ М—чъ въ концѣ 1741 г., когда онъ былъ выбранъ, въ числѣ трехъ, депутатомъ для посылки въ Спб., для поздравленія императрицы Елисаветы Петровны съ восшествіемъ на престолъ. Цѣлый годъ пробылъ М—чъ въ Петербургѣ и сохранилъ въ своемъ дневникѣ интересныя подробности о начальномъ времени возвышенія Разумовскаго. Никакихъ повышеній въ служебной лѣсницѣ М—чъ не добился и во время своеко пребыванія въ Петербургѣ; не сдѣлали его тамъ даже и

„вакансовымъ“ полковникомъ, чѣмъ М—чъ думалъ хотя нѣсколько успокоить свое честолюбіе. Вернулся М—чъ въ Глуховъ тѣмъ же бунчук. товарищемъ, и—потянулась для него тутъ прежняя однообразная жизнь, неизмѣнившая своего характера и съ возстановленіемъ гетманства. Въ Глуховѣ вмѣсто велико русскихъ „генераловъ“, явились свои—въ лицѣ Теплова, Семена Кочубея... Теперь пришлось годить имъ. Но скоро М—чъ убѣдился, что ни на какія служебныя повышенія ему за старостью разсчитывать нечего и—успокоился. Въ пятидесятыхъ годахъ стали умирать его друзья и „кондисципулы“ (М. Скоропадскій, Петръ Валькевичъ, Н. Ханенко); увидѣлъ и Марковичъ свою старость, и сталъ проситься у гетмана въ отставку, которую, въ мартѣ 1762 г., и получилъ, при чемъ „награжденъ“ былъ *чиномъ* генеральнаго подскарбія. Въ слѣдующемъ году окончилось въ Малороссіи и гетманство, на смѣну которому явился президентъ малороссійской коллегіи, сынъ стараго благопріятеля Марковича, Александра Ив—ча Румянцова. Пріязненныя отношенія установились у М—ча и съ этимъ президентомъ коллегіи тѣмъ болѣе, что президентъ, не располагая капиталами, принужденъ былъ обращаться за ссудою ихъ къ М—чу.—Въ апрѣлѣ 1767 г. посѣтилъ М—ча и предвѣстникъ конца жизни—параличъ, лишившій его возможности быть лично въ „собраніи шляхетства глуховскаго повѣта“, выбиравшаго депутата въ коммисію о сочиненіи уложенія. Впрочемъ черезъ два мѣсяца послѣ паралича М—чъ, будучи въ это время семидесятилѣтнимъ старикомъ, пробовалъ—„верхомъ поѣздить“... Но старость брала свое: въ декабрѣ 1767 г. М—чъ прекратилъ даже писаніе своего дневника, потому что потерялъ отъ старости зрѣніе. Проживъ слѣпцомъ почти три года, М—чъ умеръ 9 ноября 1770 г.—Къ этому бѣглому очерку жизни М—ча прибавимъ нѣсколько словъ о его семьѣ. Мы видѣли уже, что М—чъ 18-ти лѣтнимъ юношею женился на дочери Павла Полуботка. Отъ этой жены онъ имѣлъ нѣсколько дѣтей, изъ которыхъ выросли только двѣ дочери, Анна и Пелагея; обѣ онѣ были выданы замужъ за людей малозамѣтныхъ (старшая—за Степана Есимонтовскаго, а младшая—за Степана Пиковца); М—чъ не нашелъ „знатныхъ“ зя-

тей, соотвѣтствовавшихъ его достаткамъ [1]), или потому что дочери его были некрасивы или вслѣдствіе его скупости... Обѣихъ этихъ дочерей М—чъ пережилъ. Умерла въ 1745 г. и первая жена Марковича, долго передъ тѣмъ болѣвшая. Три года оставался М—чъ вдовцомъ и скучая полнымъ одиночествомъ, женился во второй разъ, имѣя отъ роду уже болѣе пятидесяти лѣтъ. Въ старой Малороссіи соблюдался обычай, что вдовецъ можетъ жениться только на вдовѣ. Такую невѣсту М—чъ подыскалъ себѣ сначала въ лицѣ вдовы кіевскаго полковника Танскаго; но посватавшись на ней (въ февралѣ 1748 г.) М—чъ черезъ два дня почему то отъ этой невѣсты „политично“ отказался, а женился (въ маѣ того же года) на вдовѣ бунч. товарища Яворскаго. Отъ этой жены родился у М—ча, въ 1752 г., сынъ Михаилъ, который и былъ продолжателемъ рода своего отца. О воспитаніи этого сына М—чъ очень заботился, какъ заботился, онъ впрочемъ и о воспитаніи всѣхъ дѣтей. Сначала „Миша“ учился дома, а четырнадцати лѣтъ онъ былъ отвезенъ въ Глуховъ, къ какому то Верту, „учителю латинскаго языка“. Но ученіе у этого Верта отца не удовлетворило и онъ, лѣтомъ 1767 г., отправилъ своего Мишу въ Москву, „для наученія, съ Иваномъ Осинскимъ и камердинеровъ при немъ два“... Отъ этого сына родилось нѣсколько сыновей, межъ которыми было два такихъ же книжныхъ человѣка, какимъ былъ и дѣдъ ихъ: одинъ Яковъ, начавшій было печатаніемъ свои „Записки о Малороссіи“ (первая и единственная книжка (98 стр.) которыхъ напечатана въ 1798 г.), но кончившій жизнь рано, самоубійствомъ (1804 г.), а другой—Александръ, издавшій въ 1859 г. дневникъ своего дѣда и вообще занимавшійся мѣстною стариною.—Происхожденіе этого дневника объясняется тѣмъ, что Яковъ М—чъ по природѣ своей былъ человѣкъ что называется книжный. Любилъ онъ книгу отъ младыхъ ногтей и за эту любовь къ ней былъ отличенъ знаменитымъ своимъ учителемъ Феофаномъ Прокоповичемъ.—Ближайшимъ поводомъ

[1]) У Марковича, въ 1744 г., было сто дворовъ крестьянъ, а изъ дневника видно, что немалый имѣлся у него и капиталъ, которымъ онъ не отказывался ссужать пріятелей, обыкновенно, обезпечивая себя при этомъ залогомъ.

къ началу дневника послужила коротенькая малороссійская „кроничка“, записанная Павломъ Полуботкомъ въ одномъ его рукописномъ сборникѣ, который потомъ попалъ къ Якову М—чу; встрѣтивъ эту „кроничку“, на ряду съ рецептами разныхъ водокъ, М—чъ сначала дополнилъ ее нѣсколькими событіями, потомъ, продолжилъ нѣсколькими годами, а затѣмъ—войдя во вкусъ—сталъ изо дня въ день вести свой „домашній протоколъ“, какъ называлъ сначала онъ свой дневникъ [1]). Такіе дневники велись нерѣдко людьми книжнаго характера. Въ польской литературѣ напр. извѣстенъ „diaryusz priwatny“ витебскаго воеводы Храповицкаго, веденный во второй половинѣ XVII в. [2]). Въ Малороссіи такой дневникъ велъ, какъ извѣстно, „кондисципулъ“ М—ча по кіевской академіи—генер.-хоружій Ханенко. Историческое значеніе этого рода памятниковъ заключается въ томъ, что въ нихъ мы находимъ достовѣрное изображеніе домашняго быта со всѣми мелочами ежедневной житейской суетолоки. Въ этомъ, главнымъ образомъ, заключается значеніе и дневника М—ча, при чемъ важность собственно этого дневника значительно увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ обнимаетъ собою цѣлое полустолѣтіе. — Слабая сторона дневника М—ча заключается въ незначительности въ немъ политическаго матеріала. М—чъ по характеру былъ человѣкъ мелочной и скопидомъ. Эти главныя черты его характера всецѣло отразились и въ его дневникѣ. Всѣ мелочи жизни М—чъ старательно и неуклонно записывалъ въ своемъ дневникѣ отъ молодости и до глубокой старости. Мелочность записей доходитъ до того, что М—чъ съ точностью означаетъ напр. результаты принятія „порошку пургующаго“... Будучи скопидомомъ, авторъ

---

[1]) Мы нашли нелишнимъ внести въ текстъ дневника и „кроничку“ Полуботка, напечатавъ ее мелкимъ шрифтомъ, для отличія отъ прибавокъ Марковича.

[2]) Dyaryusz wojewody Witepskiego J. A. Chrapowickiego, wyiany z autentyku przez J. Rusieckiego z Trojanki. Odział pierwszy. Варшава. 1845. 8°. Изъ этого дневника, издатель ограничился напечатаніемъ только четырехъ лѣтъ (1668—672), обѣщавъ остальную часть его напечатать послѣ, но обѣщаніе это, сколько мы знаемъ, осталось неисполненнымъ. Въ дневникѣ Храповицкаго, между прочимъ, можно найти нѣкоторые нелишенные значенія факты для исторіи заднѣпровскаго козачества времени Дорошенка и Мих. Ханенка.

дневника неуклонно записывалъ мелочи своихъ хозяйскихъ дѣлъ и въ этихъ запискахъ сохранилъ для насъ частью—цѣнныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ „пана“ къ его „подданнымъ“, а главнымъ образомъ—обильныя свѣдѣнія о тогдашней сельско-хозяйственной промышленности. Въ этомъ отношеніи дневникъ М—ча навсегда останется драгоцѣннымъ источникомъ при изученіи экономической жизни старой Малороссіи. Политическій элементъ въ дневникѣ М—ча, какъ уже сказано, незначителенъ, быть можетъ по причинѣ особой осторожности автора, усвоенной имъ, кажется, послѣ тревожныхъ годовъ Полуботковой исторіи. Изъ дневника мы видимъ, что ко времени проѣзда А. И. Румянцева, въ 1723 г., на слѣдствіе въ Малороссію, М—чъ вырываетъ изъ этого дневника нѣсколько листовъ, боясь конечно, что царскій слѣдователь можетъ и до дневника добраться... Насколько справедливы были такія опасенія, мы не знаемъ, но эта боязнь М—ча могла отразиться и во всемъ послѣдующемъ содержаніи дневника. М—чъ, записывая факты изъ общественной жизни своей родины, ограничивается тѣми изъ нихъ, которые большею частью сохранились и въ другихъ письменныхъ памятникахъ. Въ этомъ отношеніи составляютъ исключеніе только описанія походовъ—сулацкаго, въ 1725—727, и—хотинскаго,—въ 1739 гг. Въ обоихъ описаніяхъ найдется немало любопытныхъ чертъ изъ военнаго быта „гетманскихъ козаковъ“, которые, какъ воины, въ это время, повидимому, потеряли уже совсѣмъ прежнюю свою славу и заслужили отъ Миниха сравненіе ихъ—въ походѣ—съ „мышами, которыя напрасно только хлѣбъ ѣдятъ“... Незначительны свѣдѣнія дневника и объ отдѣльныхъ лицахъ. Въ этомъ отношеніи дневникъ даетъ впрочемъ нѣсколько любопытныхъ чертъ для знакомства съ личностью гетмана Апостола, этого героическаго еще козака, принужденнаго дѣйствовать подъ ферулою глуховскихъ „министровъ“. Но чѣмъ дальше, тѣмъ подобныхъ свѣдѣній въ дневникѣ меньше и меньше.—Такимъ образомъ главное значеніе дневника М—ча заключается въ томъ, что онъ рисуетъ намъ ежедневную, будничную жизнь малорусскаго пана прошлаго столѣтія, который будучи вовсе не обремененъ общественными обязан-

ностями, проводилъ трудовую жизнь—въ заботахъ объ увеличеніи своихъ достатковъ, а отдыхъ—въ „подпиваніи“, соединенномъ съ игрою въ карты. Умственная жизнь въ этомъ обществѣ была развита мало, не смотря на то, что большинство средняго по достаткамъ малорусскаго панства получало образованіе въ кіевской академіи. Такія личности, какъ Яковъ Марковичъ и товарищъ его по академіи Николай Ханенко, въ этомъ обществѣ были исключеніями. И вотъ благодаря образованію и литературнымъ наклонностямъ этихъ двухъ „кондисципуловъ“, оба они и оставили намъ по дневнику. Дневникъ Ханенка уже напечатанъ. Дневникъ Марковича,—въ полномъ объемѣ,—начатъ печатаніемъ въ настоящей книгѣ. Остается пожелать, чтобы печатаніе его было доведено до конца... Дѣло это нелегкое по недостатку матерьяльныхъ средствъ—въ виду весьма значительнаго объема памятника, рукопись котораго состоитъ изъ *десяти* книгъ въ листъ. Объемъ и содержаніе ихъ слѣдующее:

1) Въ сборникѣ Полуботка находится начало дневника, обнимающее собою 1717—1722 гг. и начало 1723-го года, оканчивающееся записью 20-го февраля (стр. 12-я настоящаго изданія). Всего дневникъ здѣсь занимаетъ, съ „кроничкою“ Полуботка, 7 лл.

2) Заключаетъ въ себѣ записи, начиная съ 7-го марта 1723 г. и оканчивая 31-мъ декабря 1724 г. Начало рукописи утрачено. Въ настоящее время въ ней 75 лл. (См. стр. 178 настоящаго изданія).

3) Четыре года, 1725—1728.—300 лл., изъ которыхъ 21 листъ—чистые.

4) Два года, 1729—1730.—106 лл.

5) Шесть лѣтъ, 1731—1736.—271 лл.

6) Четыре года, 1737—1740.—188 лл.

7) Три года, 1741—1743.—164 лл.

8) Четыре года, 1744—1747.—204 лл.

9) Семь лѣтъ, 1748—1754.—212 лл. (Первые четыре листа заняты рецептами).

10) Восемь лѣтъ, 1755—1762 и 28 дней января 1763 г., при чемъ эта запись 1763 г.—переписана, чужою рукою, и въ слѣдующемъ томѣ.—210 лл.

11) Пять лѣтъ, 1763—1767 (13-го декабря).—160 лл.

Подлинникъ рукописи писанъ мелкимъ почеркомъ, который очень нерѣдко, особенно при выцвѣтшихъ чернилахъ, читается съ трудомъ. Нѣкоторыя слова остались нами неразобранны; они обозначены точками съ знакомъ вопроса въ скобкахъ. Во всемъ остальномъ—дневникъ печатается полностью, за исключеніемъ нѣкоторыхъ внесенныхъ въ дневникъ актовъ и выписокъ изъ книгъ и газетъ, которые если опускаются, то объ этомъ дѣлается оговорка. Поясненія въ подстрочныхъ выноскахъ, къ отдѣльнымъ мѣстамъ дневника, принадлежатъ намъ.

Подлинная рукопись дневника принадлежитъ нынѣ внуку его автора, Пармену Андреевичу Марковичу, и сохраняется въ той усадьбѣ села Сваркова, которую когда то съ такою заботливостью устраивалъ Яковъ Марковичъ.

24 ноября, 1892 г. **Ал. Лазаревскій.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

„**Кіевская Старина**“ выходитъ въ 1892 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „**Кіевская Старина**“, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—91 г. по **1 р.**

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го декабря 1891 года.